

©

5

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

5

Сентябрь — Октябрь

1985

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1926 ГОДУ • ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

Д. М. Дробижева (Москва). Национальное самосознание: база формирования и социально-культурные стимулы развития	3
Н. Г. Волкова (Москва). Этническая история: содержание понятия	16
С. В. Соколовский (Кемерово). Роль данных ономастики в историко-антропологических исследованиях	25
Н. Н. Кулакова (Москва). Гайтийский креоль в XVII—XVIII веках: язык как этнообразующий фактор	35
Лекса Мануш (Москва). К проблеме музыкального фольклора цыган (История цыганской музыки в Европе)	46

Дискуссии и обсуждения

Обсуждение статей М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований (В. Р. Арсеньев, Ч. М. Таксами, Г. А. Сергеева, Л. Н. Чижилова, И. П. Березовский, В. Ф. Горленко)	57
--	----

Из истории науки

В. В. Лукина, О. М. Рындина (Томск). Этнографический архив В. Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого)	70
---	----

Сообщения

А. С. Кочкунов (Фрунзе). Традиции и инновации в современной киргизской сельской семье	75
Г. П. Васильева (Москва). Этнические процессы у западных туркмен в эпоху позднего феодализма (XVI—XVIII вв.)	83
Е. А. Алексеенко (Ленинград). На медвежьем празднике у кетов	92
З. А. Ментешашвили (Тбилиси). Старое и новое в обществе мозабитов Алжира	98
Ю. Н. Зотова (Москва). «Туземные» суды и традиционные правители йоруба в колониальный период	105

Поиски, факты, гипотезы

Н. Н. Соломоник (Москва). Традиционный театр перчаточной куклы в Китае	113
--	-----

Ваши юбилары

Список основных работ доктора исторических наук, профессора Е. П. Бусыгина (К 70-летию со дня рождения)	126
---	-----

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Научная жизнь

- М. Н. Губогло (Москва). VII Международный конгресс по прикладной лингвистике
К. В. Чистов (Ленинград). Симпозиум «Традиция как феномен культурной деятельности человечества»
А. И. Мишин (Петрозаводск). Научная конференция «„Калевала“ — выдающийся памятник мировой культуры»
Коротко об экспедициях

Критика и библиография

Общая этнография

- Г. Е. Марков (Москва). Пути развития зарубежной этнологии/Под ред. Ю. В. Бромлея, И. Р. Григулевича, Э. А. Рикмана
В. Л. Махлин (Москва). Л. А. Абрамян. Первобытный праздник и мифология

Народы СССР

- А. К. Байбурин (Ленинград). Б. Х. Бгажноков. Очерки этнографии общения адыгов
В. К. Гарданов (Москва), А. М. Решетов (Ленинград). Х. И. Хутуев. Становление и развитие социалистической культуры Советской Кабардино-Балкарии
Ю. Б. Симченко (Москва). В. В. Карлов. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура)

Народы Зарубежной Европы

- Н. Н. Велецкая (Москва). Д. Антониев. Обряды и обычаи балканских сточара

Народы Америки

- Л. А. Файнберг (Москва). H. Schindler. Die Reiterstämme des Gran Chaco. T. II mann. Bibliografia Critica da Etnologia Brasileira. V. III

Письма в редакцию

- А. Х. Халиков (Казань). К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII — начале X в.
Г. Е. Афанасьев (Москва). Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А. Х. Халикову)

Редакционная коллегия:

К. В. Чистов — член-корр. АН СССР (главный редактор),
В. П. Алексеев — член-корр. АН СССР, И. Л. Андреев, С. А. Арутюнов,
С. И. Брук, Н. Г. Волкова (зам. главн. редактора), Л. М. Дробижева,
Т. А. Жданко, А. А. Зубов, Р. Н. Исмагилова, Р. Ф. Итс, Л. Е. Куббель
(зам. главн. редактора), А. А. Леонтьев, Б.-Р. Логашова, Г. Е. Марков,
А. И. Першиц, Н. С. Полищук (зам. главн. редактора),
П. И. Пучков, Ю. И. Семенов, В. К. Соколова,
Д. Д. Тумаркин

Ответственный секретарь редакции Н. С. Соболев

Адрес редакции: 117036, Москва, В-36, ул. Д. Ульянова, 19.

телефоны: 126-94-91, 123-90-97

Зав. редакцией Е. А. Эшлиман

Л. М. Дробижева

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ: БАЗА ФОРМИРОВАНИЯ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ

К изучению национального самосознания в последнее время привлекается внимание этнографов, социологов, историков, философов¹. Научное и практическое значение его исследования в нашей многонациональной стране очевидно. Как отмечалось в документах Коммунистической партии, рост национального самосознания у народов СССР — закономерный, объективный процесс. Вместе с тем общество заинтересовано в том, чтобы не допускать его гиперболизации². Для того важно знать базу и механизм его формирования, возможные стимулы роста и те реальные ситуации, которые, способствуя естественно-развитию национального самосознания, не препятствуют дружественным межнациональным отношениям, или же те, которые, наоборот, разрушают эту гармонию.

Рассмотреть все эти вопросы в рамках статьи, конечно, невозможно. Мы видим свою цель в том, чтобы, сочетая теоретическую разработку проблем с материалами этносоциологических исследований, попытаться ответить на вопрос, почему при тенденции к сокращению этнической специфики в культуре национальное самосознание не теряет своей почвы³, представить, как меняется его база, основание для его формирования, какие социально-культурные факторы могут в современных условиях стимулировать его развитие.

В литературе высказывалось мнение о том, что национальное самосознание имеет две стороны — идеологическую и психологическую — и функционирует как на уровне общности в целом, так и на уровне личности⁴. Конечно, полностью разделять изучение этих двух уровней национального самосознания, как справедливо подчеркивают исследователи, нельзя. Самосознание этнической общности «как функционирующая реальность» проявляется, лишь будучи актуализированной мышлением реальных людей. Одним словом, было бы недостаточно корректно не только полностью отождествлять самосознание этнической общности и личностное самосознание личности, но и абсолютизировать их разли-

Весьма подробный историографический обзор работ по этой проблеме содержится: *Хабибуллин К. Н.* Самосознание и интернациональная ответственность социальных наций. Учебное пособие. Пермь, 1974; *Куличенко М. И.* Расцвет и сближение наций в СССР. Проблемы теории и методологии. М.: Мысль, 1981, с. 86—101; *Мей Ю. В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 173—179.

XVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1981, с. 74, 75; *Андропов Ю. В.* Шестьдесят лет образования СССР. — Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1983, с. 11; Материалы Плентрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г. М.: Политиздат, 1983, с. 17.

Мы употребляем термин «национальное самосознание» не только потому, что эмпирические исследования велись в среде наций Советского Союза, но и потому, что, как отмечалось в литературе, прилагательное «национальное» может рассматриваться как производное и от слова «нация» (широкое значение), и от слова «национальность» (узкое значение, однопорядковое с этническим) (см. *Бромлей Ю. В.* Указ. раб., с. 175). *Дашдамиров А. Ф.* Нация и личность. Баку: Элм, 1976, с. 137 и др.; *Бромлей Ю. В.* Указ. раб., с. 176; *Зиманас Г. О.* Пролетарский интернационализм и мировой революционный процесс. — Коммунист. Вильнюс, 1970, № 8, с. 26—27.

ция»⁵. Конкретное изучение национального самосознания на личности имеет объектом человека — представителя национальной общности или, еще точнее, личность в группе.

Национальное самосознание личности — это осознание субъектом совокупности своих национальных (этнических) связей и своего отношения к ним⁶. Оно является составным элементом, частью структуры самосознания личности в целом. Психологи выделяют три компонента самосознания: познавательный (самопознание), эмоционально-ценностный (самоотношение) и регулятивный (саморегуляция поведения личности)⁷. Но исследований, учитывающих все эти компоненты на выделенных, достаточно репрезентативных для межнациональных сравнений, насколько нам известно, в отечественной социальной психологии не было.

Для решения задач, поставленных в данной статье, важна содержательная характеристика национального самосознания, содержания и структура тех представлений и знаний, которые осознаются людьми в своих связях с этносом, а также отношение к ним. Поэтому при выделении структурных элементов национального самосознания мы исходим из определений, сложившихся в этнографической и исторической литературе.

Вычленение таких его элементов зависит от понимания национального самосознания в узком значении как национального самоопределения — идентификации или в широком, к которому склоняются те исследователи, высказавшиеся по этому вопросу⁸. Набор элементов в последнем случае различается: у одних авторов дается в более обобщенном, у других — в конкретном варианте. Для эмпирического изучения, естественно, целесообразнее последний. Наиболее полное представление о национальном самосознании, пригодное для поисковых и операционного определения и индикаторов, отражающих элементы структуры, дано Ю. В. Бромлеем в «Очерках теории этноса». В структуре национального самосознания выделяются такие элементы: «национальная идентификация»⁹, «представление о типичных чертах „своей“ общности, ее свойствах как целого», и об общности исторического прошлого народа. Если речь идет об этносоциальных образах наций, — а нации являются таковыми, — то они обладают территориальной общностью, и представление «о родной земле» также входит в самосознание. То же можно сказать и о государственной общности. В зависимости от конкретно-исторической политической ситуации, в которой живут люди той или другой национальности, можно говорить о том, что осознание государственной общности либо включено в национальное самосознание, либо взаимодействует с ним. Представления о своем этносе не просто суммируют те или иные черты, они предполагают и «ценностное отношение к ним»¹⁰. Учитывая это, можно

⁵ Бромлей Ю. В. Указ. раб., с. 177.

⁶ Дашдамиров А. Ф. Национальные моменты индивидуального самосознания: на соискание уч. степени канд. философ. наук. М., Ин-т философии АН СССР, 1981, с. 17—18; Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1981, с. 128—129; Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания: на соискание уч. степени канд. ист. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1981, с. 11—12.

⁷ Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977, с. 142; Кон И. С. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984, с. 29—30; Столин В. В. Сознание личности. М.: Изд-во МГУ, 1983, с. 104—105.

⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 97; его же. Очерки этноса, с. 76; Дашдамиров А. Ф. Указ. раб., с. 137 и др.; Калтахчян С. Т. Этносизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. 1969; Куличенко М. И. Указ. раб., с. 95; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л.: Наука, 1977, с. 202 и др.

⁹ В. И. Козлов рассматривает этническую принадлежность не только как главно и практически как всеобъемлющий признак этнического самосознания. См.: Козлов В. И. Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. — Социальная этнография, 1974, № 2.

¹⁰ См. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 176, 182, 183, 189.

ь как о самостоятельном элементе об осознанном отношении к материальным и духовным ценностям нации¹¹, ее достижениям, ориентациям на них. Наконец, существенным элементом национального самосознания является осознание национальных интересов¹². Как отмечает С. Кон, «самосознание предполагает фактическое единство, преемственность и последовательность установок и ценностных ориентаций, знаваемых как личные интересы и склонности»¹³. Практически все моменты в той или иной мере связаны с чувствами, настроениями, восприятием, установками, ориентациями. Мы попытаемся рассмотреть все перечисленные элементы на материалах этносоциологических исследований, исходя из главных аспектов теории самосознания¹⁴: осознание людьми своей национальной принадлежности, их представление о характерных для своего этноса чертах, наконец, то ценностное значение, идеологическая нагрузка, которую несет национальное самосознание. Конкретное изучение национального самосознания сложно прежде всего потому, что трудно подыскать индикаторы, адекватные каждому его элементу. Даже у одного народа оно может проявляться то в личности своими историческими деятелями и героями войны, то аккумулироваться вокруг юбилея крупного исторического события или же сосредоточиться на празднике песни или имени спортсмена, выигрывающего мировое первенство. У разных народов в один и тот же период фокусируется вокруг разных символов. Например, вокруг языка у инко-канадцев, вокруг религии у североирландцев, вокруг завоевания государственности у народов, борющихся против колониальной зависимости, и т. д. И на уровне личности национальное самосознание является не только в связи с возрастными особенностями, но и с разными ситуациями, в которых оказывается человек. Все эти нюансы приходится учитывать и при изучении, и при интерпретации явлений национального самосознания. И все же исследователи делали попытки искать некоторые более или менее стабильные проявления интересующего нас феномена. При этом они исходили из представления, что в процессе отражения явлений внешнего мира в сознании происходит и деление их значения для человека, его отношения к ним¹⁵. Это выражается в формировании соответствующих установок, ценностных ориентаций, интересов, стремлений и чувств. Следовательно, фиксация их, же как и поступков, в которых они находят выражение, может быть использована для изучения самосознания личности, в том числе ее национального самосознания. Полностью отдавая себе отчет в относительности, с которой удастся «уловить» национальное самосознание или как ограниченности введенных в исследование индикаторов, так и столь широкого поля исследований), попытаемся все же обобщить данные о функционировании и реальной базе, объективной основе каждого из элементов национального самосознания.

Мы располагаем представительными данными по нациям и основным группам некоренных национальностей в союзных республиках — СР, Узбекской, Грузинской, Молдавской, Эстонской ССР, которые были в ходе Всесоюзного этносоциологического исследования, про-

М. И. Куличенко включает этот элемент в структуру национального сознания. И одновременно он считает, что национальное самосознание — это осознание общими людьми «самих себя» (Куличенко М. И. Указ. раб., с. 85), следовательно, этот элемент входит в структуру и «национального самосознания».

М. И. Куличенко выделяет как компонент осознания нацией необходимости своего существования для осуществления национальных интересов. См. Куличенко М. И. Указ. раб., с. 92.

Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967, с. 56.

В разработке этой теории большую роль сыграли работы И. С. Кона. См.: К. С. К проблеме национального характера. — В кн.: История и психология. М.: 1971; его же. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978; его же. В поисках себя. См. Чеснокова И. И. Указ. раб.

См. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 244.

веденного в 1971—1982 гг. сектором конкретно-социологических исследований Института этнографии АН СССР¹⁶. Национальная идентичность изучалась у удмуртов¹⁷, а также карел и вепсов в Карелии АССР¹⁸. Хотя полной сопоставимости объектов, на которых изучались отдельные элементы национального самосознания, не было (более того во взаимосвязи элементы национального самосознания были представлены во время повторных исследований сектора социологических исследований Института этнографии АН СССР в 1979—1982 гг. в структурах союзных республик), все же собранный материал дает основания для некоторых выводов.

Еще до того как теоретически были выделены все элементы национального самосознания, внимание исследователей концентрировалось вокруг национальной идентификации, по которой и судили о разном самосознании людей той или другой национальности. Осознание своей этнической принадлежности, действительно, одно из самых очевидных проявлений национального самосознания. Однако для оценки значимости этого индикатора методологически важно иметь в виду следующие существенные обстоятельства. В процессе развития человека во взаимодействии со средой у него складывается представление об окружающей его действительности, как говорят психологи, «образ мира» и выделяется образ «Я» как часть образа мира¹⁹. При этом представление о своей этнической принадлежности тоже лишь часть образа «Я». Значимость этой части для человека определяется в сравнении с другими аспектами его идентичности: осознанной принадлежности к классу, профессиональному слою, локальной общности и т. д. В сравнении с социальной группой — классом, социально-профессиональным слоем — этническая общность не всегда выполняет существенно значимые социальные функции. Если социальные и национальное деление совпадают, если нет соперничающих социальных групп, различающихся по национальному признаку, нет межнациональных конфликтов и притязаний, принадлежность к этнической общности становится для личности если не формальным, то, во всяком случае, несравнимо менее существенным признаком, чем принадлежность к социальной, политической группе, коллективу. Именно особенность социально-политической ситуации, в которой оказывается этническая общность, определяет отчетливость осознания людьми своей национальной принадлежности.

В обычных условиях, а точнее, без напряжений и «внешнего давления» для национальной идентификации большее значение приобретают культурные различия, которые осознаются в процессе межэтнических сопоставлений. Это представляет особый интерес для этнографов с точки зрения выяснения взаимодействия реально бытующей этнической идентификации в культуре и отражения ее в национальном самосознании. Анализируя материалы конкретных исследований, мы сначала останавливаемся на отчетливости национальной идентификации, так как именно по этому индикатору чаще всего судят о базе национального самосознания, а затем и дают оценки устойчивости этнических характеристик этноса.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что степень отчетливости национальной идентификации у народов заметно различается, и это связано с сохранением этнокультурной специфики, тенденций изменений которой отнюдь не столь однозначны, как это иногда

¹⁶ Руководитель исследования и автор программы «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР» — Ю. В. Арутюнян. В наиболее широких, массовых исследованиях проблемы национального самосознания не являются главным предметом исследования. Специально им были посвящены следующие работы: Кожанов А. А. Указ. раб.; Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание. Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., Ин-т этнографии АН СССР, 1975; Снежкова И. А. К проблеме изучения этнического самосознания у индейского племени. — Сов. этнография, 1982, № 1.

¹⁷ Пименов В. В. Указ. раб.

¹⁸ Клементьев Е. И. Указ. раб.; Кожанов А. А. Указ. раб.

¹⁹ Кон И. С. Открытие «Я»; Раусте фон Висхт М. Л. Образ «Я» — как построение личности. — В кн.: Проблемы психологии личности. М.: Наука, 1982, с. 104.

ставляется. Этот вывод совершенно очевиден, если сравнить материалы по грузинам Тбилиси (т. е. той части грузинского населения, которая позволяет прогнозировать тенденции развития нации с устойчивой этничностью), по городским удмуртам (представителям нации, у которой, по оценке специалистов, в целом происходит постепенное сокращение чувства этнического, но в ближайшем будущем едва ли можно ожидать резкого спада этничности народа в целом)²⁰, карелам и вепсам в Карельской АССР (интеграционные процессы в культуре которых, как считают этнографы, наиболее выражены). Если у карел, вепсов, в известной мере у удмуртов значения признаков, по которым люди этих национальностей идентифицируют себя со своим народом, невелико (32—35% ответили, что их сближает со своим народом родной язык, 9—12% считают, что их сближают обычаи, обряды, 6—18% — психологические характеристики)²¹, а среди опрошенных в Карелии 80% вообще не задумывались о том, что их сближает со своим народом²², то у грузин совсем иная картина. Свыше 80% из них ответили, что их роднит со своим народом язык, свыше 70% назвали обычаи и обряды, до 50% и более считали, что их связывает духовная культура, особенности характера, место проживания. Доля затруднявшихся при ответах на такие вопросы у грузин не превышала 10%. Естественно, надо учитывать, кто отвечает на вопросы. Люди более образованные, чаще общающиеся с лицами других национальностей, естественно, дают более полный и осознанный набор признаков своей идентификации. Но совершенно очевидно, что в данном случае различия связаны отнюдь не только с социальными характеристиками опрошенных. Среди удмуртов лишь около трети населения ориентированы на соблюдение традиционных свадебных обычаев и отдают предпочтение народным танцам и песням, около 40% выразили интерес к профессиональной музыке и 30% читают книги удмуртских авторов. Удмуртский язык считают родным в городе 69,5%, а говорят на нем на производстве 5,3%, в семье — 15%²³. У грузин иная база идентификации. По данным этносоциологических исследований, не менее половины грузин даже в городах предпочитают придерживаться национальных свадебных обычаев, 73% — традиций во взаимоотношениях супругов в семье, 61% — в нормах общения родителей и детей²⁴, 99% грузин считают родным грузинский язык²⁵, свыше 90% употребляют его дома и свыше 80% — на работе. И хотя в группах людей более молодого возраста и высокой квалификации наблюдается тенденция к демократизации в отношениях между членами семьи, широко распространено двуязычие, тем не менее и здесь функционирование родного языка и национальной культуры, в том числе на бытовом уровне, вполне устойчиво. Так что, хотя и наблюдается тенденция к сокращению этнокультурной специфики как базы национальной идентификации, переоценивать этот процесс нет оснований. А язык практически у всех народов остается стабильной основой национальной идентификации.

Как уже говорилось, мы исходим из того, что национальное самосознание шире, чем осознание этнической принадлежности. В него входят также элементы, признаки, по которым человек ассоциирует себя с той или иной этнической общностью. К ним относятся представления о характерных чертах своего народа, так называемые автостереотипы, характерные для обыденного сознания схематизированные, упрощенные представления, приписываемые всем членам общности без достаточного осознания возможных различий между ними сходные характеристики. Они формируются в сопоставлении с представлениями о других народах (национальные стереотипы, или гетеростереотипы). К признакам, по ко-

²⁰ Пименов В. В. Указ. раб., с. 220.

²¹ Кожанов А. А. Указ. раб., с. 89; Пименов В. В. Указ. раб., с. 99.

²² Кожанов А. А. Указ. раб., с. 88.

²³ Пименов В. В. Указ. раб., с. 96, 97, 124, 174, 180, 191, 198.

²⁴ Арутюнян Ю. В. О некоторых тенденциях культурного сближения народов СССР на этапе развитого социализма. — История СССР, 1978, № 4, с. 102, 103.

²⁵ Численность и состав населения СССР. М.: Статистика, 1984, с. 124.

торым человек ассоциирует себя с этносом, относятся также представления о родной земле, об общности исторической судьбы.

Представление о типичных чертах своего этноса является основой для ассоциации себя с ним. Естественно, такое представление людей меняется, оно зависит прежде всего от реально функционирующих типических черт, присущих не только этносу, но и социальному типу личности, характерному для общества и для каждого этапа его исторического развития. Личность как индивидуальный носитель общественных свойств представляет сложное единство индивидуального, особенного и общего. От индивидуального при исследовании массовых явлений и процессов мы вынуждены отвлечься, а особенное (в данном случае этнически специфическое) должно находиться в центре внимания. Содержание и интенсивность обыденных представлений о чертах своего и других этносов, т. е. то, какие характеристики и причины поведения приписываются группе (это явление в социальной психологии характеризуется как каузальная атрибуция в процессе межличностного восприятия)²⁶, существенно образом зависит от социальной, политической обстановки в обществе, в какой-то мере от исторических традиций. Это убедительно показал И. С. Кон в своей статье «Национальный характер: миф или реальность?»²⁷. Формирование же автостереотипов и национальных стереотипов основано на обыденной психологической интерпретации межкультурных различий в поведении людей.

В современных условиях при высокой многообразии индивидуальных особенностей первостепенное значение у советских людей приобретают общие для всех граждан страны социальные характеристики²⁸, а не национальные. Это находит отражение и в представлениях людей о чертах своего этноса (автостереотипах). В Молдавии, например, при интервьюировании лиц некоренных национальностей в 1976 г. 20% опрошенных вообще не ответили на вопрос, какие качества присущи людям их национальности (вопрос формулировался так: «Всем народам свойственны общие черты, но есть и какие-то особенности, связанные с историческим прошлым, со спецификой культуры, характера. А как Вы считаете, какие черты присущи людям Вашей национальности?»). Около 50% интервьюируемых, отвечая, тоже, видимо, испытывали затруднения, так как дали однотипные ответы, назвав качества, поставленные в закрытом вопросе, т. е. в вопросе «с подсказкой». (Вопрос формулировался следующим образом: «Ниже перечислены качества, присущие людям всех национальностей. Выберите, пожалуйста, те, которые, по Вашему мнению, особенно характерны для людей Вашей национальности». И далее давался набор наиболее часто называемых характеристик, черт. Например, доброта, гостеприимство, чистоплотность, трудолюбие и т. д.) 20% опрошенных назвали всего одну-две черты, характерные для своего этноса. Даже у грузин Тбилиси, у которых зафиксирован по сравнению с другими коренными национальностями в столицах союзных республик более полный набор качеств в автостереотипе, половина назвала всего три-четыре черты. Мы не будем останавливаться на содержании автостереотипов и национальных стереотипов (т. е. представлениях о других народах), так как это предмет специального анализа. Для нас сейчас важно отметить то обстоятельство, что представление об особенных, типичных для представителей этноса чертах в национальном самосознании выражено относительно слабо. Это в следствие интернационализации образа жизни людей, норм поведения, ценностей, и отражение благоприятных межнациональных отношений в стране.

²⁶ См. Андреева Г. М. Межличностное восприятие в условиях совместной деятельности. — В кн.: Проблемы психологии личности, с. 68, 71, 72.

²⁷ Иностранная литература, 1968, № 9.

²⁸ О характерных чертах социалистического типа личности см. Г. Смирнов. К. Маркс о личности, условиях ее освобождения и развития. — Коммунист, 1984, № 13, с. 38.

Известно, что с помощью психологических методик удастся выявить более полные и выраженные автостереотипы и национальные стереотипы представителей этнических групп, находящихся в непосредственном контакте²⁹. Однако эти методики недостаточно компактны и вряд применимы для массовых исследований. Кроме того, в них трудно учитывать все этнокультурные особенности каждого из этносов, и это редко снижает возможности для достоверных сравнительных исследований. Примененный же при массовом интервьюировании инструмент, как уже говорилось, давал основание для сравнимых выводов о несомненной в целом актуализации представлений о специфических психологических чертах этноса. Это может, видимо, свидетельствовать и об угасании и меньшей значимости для людей в сравнении с другими этнокультурными характеристиками. «Угасание» национальных автостереотипов не означает адекватного стирания характерных для культуры того или иного народа представлений о человеке и его предметном мире, системы значений. Изучение таких представлений нам кажется перспективным. Но это уже иной, научный ракурс осмысления специфических свойств этноса.

Что же касается таких элементов национального самосознания, как представление о территориальной общности, государственной общности, знание связи с жизнью предшествующих поколений своего народа (то в социально-психологической литературе определяется как элемент психологического времени личности³⁰), то, они конечно, тоже не остаются неизменными, но стабильности в объективном основании для каждого из этих элементов несомненно больше, чем для «национальных стереотипов». Даже лица, живущие вне территории основного расселения своего народа, обычно сохраняют представление о ней как о признаке своей общности. Так, практически треть русских, проживающих в Тбилиси, считали (по результатам опросов начала 80-х годов) родиной СССР. Конечно, представление о родине значительно шире, чем представление о территории проживания своего народа. И, естественно, поэтому большинство тех же русских в Тбилиси (свыше 55%) считают своей родиной Советский Союз в целом. Тем не менее среди тех, у кого представление конкретнее, локальнее, большая часть (30% из 100%) назвали родиной республику основного проживания народа.

У наций с относительно более устойчивым сохранением этноспецифических черт в культуре, например у грузин, общность территории среди признаков идентификации стоит в ряду не самой первой значимости (так упоминалось, в Тбилиси только 50% опрошенных грузин назвали место проживания как основание для идентификации). Но у тех национальностей, у которых особенно интенсивно протекают межэтнические миграционные процессы и этнокультурные признаки теряют консолидирующее значение (например, у карел и вепсов, особенно занятых промышленным трудом), признак «родная земля» оказался в числе индикаторов первой значимости³¹. В принципе может меняться значимость признаков — общности территорий, государственной общности, но сама база для представления о них в условиях Союза Советских Социалистических Республик остается.

Что касается представлений об общности исторического прошлого, то база для них, естественно, сохраняется. Среди грузин Тбилиси примерно две трети ответивших на вопрос «Что Вас роднит со своим народом?» назвали общность исторического прошлого. Индикатором, отражающим этот элемент национального самосознания, в известной мере

²⁹ Интересное исследование авто- и гетеростереотипов осуществлено на материале национально-смешанного коллектива в Чечено-Ингушской АССР аспиранткой Института психологии АН СССР Г. У. Кцоевой. См. *Кцоева Г. У. Методы изучения этнических стереотипов*. — В кн.: *Социальная психология и общественная практика*. М.: Наука, 1985.

³⁰ См. *Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности*. — *Знание — сила*, 1983, № 9, с. 25—27.

³¹ *Кожанов А. А. Указ. раб.*, с. 83.

может служить и интерес к литературе о прошлом своего народа, который по результатам этносоциологических опросов 70-х годов был велик. Среди произведений, сгруппированных по семи темам (книги общенационально-политического содержания, по специальности, о психологии человеческих отношений, о любви и дружбе, приключенческо-фантастической тематики, о войне, литература о прошлом своего народа), по степени проявленного к ней интереса у грузин была на первом месте, у узбеков — на втором, у эстонцев — на третьем, у русских — на четвертом (но у них интерес к литературе о войне, которая является тоже частью истории, — на первом месте)³².

Об интересе к истории своего народа свидетельствует и желание слышать по радио или увидеть по телевидению передачи на эту тему. Среди молдаван, например, такое пожелание высказали 70%.

Прошлое, естественно, чаще всего актуализируется для людей, когда они осмысливают настоящее. Психологи Е. И. Головаха и А. А. Кроник обращают внимание на высказывание М. Шагинян: «Сколько раз в жизни насканивало у меня прошлое на сегодняшний и даже завтрашний день!»³³.

Обратим внимание на то, что при интерпретации этносоциологических данных о живом интересе к прошлому мы, видимо, должны иметь в виду особенности обстановки, в которой функционирует этот элемент национального самосознания. Если национальные автостереотипы, гетеростереотипы с научной точки зрения квалифицируются как приращивание определенных характеристик всем членам этноса без достаточного осознания возможных различий, а с политической точки зрения — понимание опасности того, что они могут служить противопоставлению народов — и поэтому на них не акцентирует внимание пропаганда, то отношение общества к историческому прошлому иное. Исторические события оцениваются с классовых позиций, и при таком подходе они служат основой патриотического воспитания и широко используются пропагандой. Так что этот элемент национального самосознания постоянно расширяет свою базу, имея более выраженный идеологический аспект, так же, впрочем, как и отношение к культурным ценностям, достижениям своего народа. Как уже отмечалось в литературе³⁴, этносоциологическими исследованиями зафиксировано довольно заметное разнообразие в отношении к национальной духовной культуре. Среди наций, изучавшихся по проекту «Оптимизация социально-культурных условий развития и сближения наций в СССР», предпочтение национальной народной музыки и танцам выразили чуть больше трети опрошенных среди эстонцев, до 60—70% у грузин и молдаван, свыше 80% у узбеков (данные приведены по городскому населению, в среде которого процессы интернационализации идут активнее). Отношение к национальной музыке и танцам, как и к обычаям и обрядам, естественно, адекватно реальному их бытованию. Оно отражает скорее ориентацию на этнически-специфические элементы духовной культуры того или иного этноса. Сравнительные материалы по городу и селу, по возрастным группам, а также по нациям с разной степенью включенности в урбанизационные процессы свидетельствуют о том, что база для данного элемента национального самосознания по параметрам традиционной культуры сужается (хотя пока она еще довольно значима, особенно у горных народов Средней Азии, Закавказья, Молдавии), а по параметрам профессиональной культуры, наоборот, расширяется.

Конечно, мы вполне отдаем себе отчет в том, что предпочтение национальной, особенно народной музыки или танцев, — довольно устойчивый индикатор национального самосознания. Можно любить нац

³² Анализ материалов опросов по данному признаку осуществлен С. С. Скулом.

³³ Головаха Е. И., Кроник А. А. Указ. раб., с. 26.

³⁴ Арутюнян Ю. В. Указ. раб.; Дробизева Л. М. Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981, и др.

нальную музыку, танцы, исполнять их, но не осознавать их как существенные для себя ценности и, наоборот, не слушая такую музыку и не исполняя танцев, быть заинтересованным в их сохранении. Чтобы выделить группы с такой заинтересованностью, можно попытаться включить в них тех людей, у которых зафиксированы совпадающие установки на национальное в различных сферах (духовной, материальной) и видах культуры (например, музыка, танцы, литература, соционормативная культура). Число людей с такими выраженными национальными культурными ориентациями заметно уменьшается даже если в набор показателей включаются реально значимые с точки зрения национального самосознания индикаторы. Склонность же включения именно наибольшего числа индикаторов всегда велика. Ведь визуально мы наблюдаем, как даже отдельные элементы материальной культуры (сванки, тубетейки и т. д.) приобретают этносимволизирующее значение. Но как только мы начинаем изучать данное явление на массовом материале, оказывается, что круг людей, скажем, использующих элементы национальной одежды (за исключением среднеазиатских народов), очень невелик, и введение только одного этого индикатора сразу снижает долю людей с полным набором установок на национальные формы культуры (до 8—10% у грузин, молдаван и того меньше у эстонцев, и русских). Это заставляет прежде всего отбирать те признаки отношения к национальной культуре, которые в широких массах населения могут быть тесно связаны с выражением национального самосознания. Среди использованных в этносоциологических исследованиях признаков таким, на наш взгляд, был выбор респондентами выдающихся деятелей культуры, которым они отдают предпочтение. Естественно, среди выдающихся писателей, ученых, композиторов, художников, артистов опрашиваемых во всех республиках называли деятелей не только своей национальности, но и других, внесших вклад в общесоюзную и мировую культуру. Если выделить долю лиц, в том или ином сочетании упомянувших хоть одного из выдающихся деятелей своей национальности, то среди узбеков, грузин, эстонцев она составит около 80%, среди молдаван — половину. Если же выделить группу ориентированных преимущественно на деятелей национальной культуры, что может служить более веским индикатором выражения национального самосознания, то среди эстонцев, русских, грузин, узбеков в нее войдет от 65 до 70%, среди молдаван — 22%. Ориентация на национальную профессиональную культуру, отношение к ней, очевидно, связаны в современных условиях с уровнем ее развития у каждого народа и, кроме того, с общим культурным кругозором людей. Нет оснований полагать, что база для отношения к достижениям народов меняется в сторону сужения; наоборот, не только выдающиеся художественные произведения прошлого становятся достоянием все более широких масс, но и современная национальная художественная культура получает всеобщее признание и становится предметом гордости. К тому же к ценностям и достижениям народов относятся отнюдь не только художественная культура, но и успехи в экономическом развитии, разработка ценных природных ресурсов, научные открытия и т. п.

С экономическим и культурным прогрессом тесно связана база и для другого, видимо, социально наиболее значимого элемента в структуре национального самосознания — национальных интересов. С развитием самого предметного мира, в который деятельно включаются люди той или иной этнической общности, расширяется поле возможной концентрации национальных интересов. Если исторический подход необходим при анализе возникновения и развития самосознания в целом³⁵, то в отношении национальных интересов он особенно актуален.

Национальные интересы — одно из самых сложных социально-психологических образований в системе национального самосознания. В формировании их, превращении потребностей в осознанные интересы решаю-

³⁵ См.: Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974; Спиркин А. Г. Происхождение сознания. М.: Госполитиздат, 1960, и др.

щую роль играют коллективные формы деятельности, в которые оказывается включенной личность. В основе национальных интересов лежат интересы социальные, различающиеся направленностью — политической, экономической, духовной и др. Не случайно, на XXVI съезде КПСС, когда речь шла об удовлетворении интересов населения многих национальных советских республик, ЦК КПСС обратил внимание на то, что «все нации имеют право на должное представительство в их партийных и государственных органах», на необходимость «глубже вникать» в специфические запросы граждан некоренных национальностей в области языка, культуры и быта³⁶. Совершенно очевидно, что национальные интересы могут проявляться в самых различных областях жизни, т. е. поле для них отнюдь не исчерпывается зоной этнокультурных явлений, оно неизмеримо шире, и о каком-либо сужении его в связи с относительным уменьшением этнической специфики в культурно-бытовой жизни говорить не приходится. Другой вопрос, что сами зоны актуализации национальных интересов подвижны, исторически относительно быстро могут меняться, ибо всегда обусловлены социальными интересами. Даже у одного народа вчера — это борьба за государственную независимость, сегодня — обеспечение экономических интересов, заинтересованность в развитии культуры, языка и т. д. На наш взгляд, именно с национальными интересами связано то явление, которое характеризуется С. А. Арутюновым, М. В. Крюковым, К. В. Чистовым как способность этнического самосознания возрождать этническое, особенно в духовной жизни народа³⁷. В фольклорных ансамблях, призванных возрождать, пропагандировать народные песни и танцы, в распространении каких-то элементов материальной культуры, будь то головной убор или восстановленные в традиционном стиле старые районы городов, в сохранении прежних географических названий как этнических символов заинтересованы, естественно, прежде всего деятели культуры. Но популярность их объясняется, на наш взгляд, отнюдь не только потребностью людей в разнообразии впечатлений, в стремлении уйти от стандартизации современной жизни. Все эти явления, если они находят действительно массовое распространение, выполняют консолидирующую функцию, и за ними стоят национальные интересы, основой которых являются те или иные социальные потребности. Не случайно в одних местах оформленные в национальном стиле кафе становятся просто местом отдыха и приема пищи, расшитые косоворотки лежат в магазинах для туристов, а в других — районы восстановленного старого города — место массовых праздников типа Тбилисобо. Надо сказать, что и на историческом, и на конкретно-социологическом материале применительно к нациям и народностям национальные интересы очень мало изучены, хотя это одна из самых актуальных не только социально-психологических, но и политических тем.

Расширение и обогащение самих сфер жизнедеятельности людей в современном обществе служит основанием для возможного выражения в них национальных интересов. Это, конечно, не значит, что в реальной жизни национальные интересы, как осознаваемые широкими массами населения потребности, все чаще проявляются или будут давать о себе знать — все зависит от социальной ситуации в самом широком понимании. Очень часто в СССР национальные интересы совпадают с интересами республик и всего советского общества.

Итак, объективная база национального самосознания трансформировалась (как мог убедиться читатель, база эта рассматривалась нами

³⁶ XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенограф. отчет, Т. I. М., 1981, с. 75.

³⁷ См.: Чистов К. В. Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры. — Сов. этнография, 1972, № 3, с. 78; Арутюнов С. А. Этнографическая наука и изучение культурной динамики. — В кн.: Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979, с. 39, 46, 50; Крюков М. В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза. — Расы и народы, 1976, с. 58; *его же*. Китайские учения о проблемах теории этноса. — Сов. этнография, 1984, № 6, с. 148.

са сама по себе, а по возможности во взаимосвязи с отражением ее в познании людей). Действительно, ряд объективных оснований для субъективно осознаваемой этничности исчезнет. Прежде всего это касается представлений о чертах, свойствах своего народа. Автостереотипы, как мы видели, вызывают большие трудности с ответами и чаще всего ограничиваются малым набором характеристик, что отражает доминирование общих, а не особенных (национальных, социально значимых) характеристик у советских людей. Размывается этническая специфика в ряде сфер культурно-бытовой жизни народов (именно это служит основанием для выводов об этническом парадоксе: объективная этничность исчезает, субъективная растет). Но обратим внимание — сокращение этнически-специфического в культурно-бытовой жизни отражается главным образом лишь в одном из элементов национального самосознания — национальной идентификации. Даже для такого элемента, как отношение к материальным и духовным ценностям, достижениям своего народа, это не имеет существенного значения. В ориентациях людей место этнически окрашенной традиционной культуры занимает профессиональная, в том числе во вторичных формах, символизирующих традиционную культуру.

Как мы видели, нет оснований считать, что исчезают объективные факторы, обуславливающие существование таких элементов национального самосознания, как представление об общности исторического прошлого, территориальной общности и тем более национальные интересы, базой для которых является вся общественная жизнь народа.

Мы вполне отдаем себе отчет и в том, что к меняющимся условиям жизнедеятельности людей в обществе, влияющим на самосознание, относится очень широкий круг явлений от экономики до политики и идеологии, а совсем не только их компоненты, способные иметь национальные формы проявления. Они выделены постольку, поскольку национальное самосознание порождается и формируется как психологический механизм включения индивидуального бытия в жизнь общества, имеющую национальные формы. При этом, сосредотачивая внимание на личностном уровне функционирования национального самосознания, мы непременно учитываем, что сознание личности формируется и развивается в неразрывной связи с сознанием общественным³⁸. Как пишет Б. Ф. Ломов: «Различные виды (формы) общественного сознания так или иначе включаются в систему детерминации психического развития индивида, существенно влияя на формирование его мировоззрения, социальных установок, субъективно-личностных отношений, его сознания в целом, регулируя поведение индивида в обществе»³⁹. Изменение сознания и самосознания, в том числе национального, находится в непосредственной зависимости не только от меняющихся условий жизнедеятельности личности, но и от ее собственной социальной активности.

Если объективную реальность, отражаемую национальным самосознанием, или его базу, условно говоря, можно сравнить с почвой, из которой «прорастает» это «растение», то явления, связанные с повышением социальной активности личности, будут для него «влагой», стимулирующей его рост. Поэтому повышение уровня образования, квалификации, знаний людей, включение их во все новые сферы деятельности, их культурная активность, характерные для современного этапа жизни народов, ведут к росту национального самосознания.

На индивидуальном уровне связь социальной активности человека с развитием отдельных компонентов его национального самосознания специально не изучалась. Но на массовом материале конкретно-социологических исследований в известной мере мы можем судить о влиянии включенности людей в социальный и культурный прогресс на рост их

³⁸ Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973, с. 288; Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.

³⁹ Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984, с. 180.

в том, что в более образованных и квалифицированных группах набор признаков, по которым люди идентифицируют себя с этносом, заметнее полнее и разнообразнее. По данным М. Н. Губогло, специально изучавшего на небольшой выборке молдаван значимость этнических признаков при национальной идентификации, у работников умственного труда шире набор признаков духовной культуры, по которым они себя ассоциируют с этносом⁴⁰. По данным А. А. Кожанова, среди карел и вепсов работники умственного труда в два раза чаще этнически идентифицировали себя по этим признакам, чем работники физического труда⁴¹.

В. В. Пименов, анализируя результаты исследований среди удмуртов, пришел к выводу о том, что в группе интеллигенции не только выражено более интенсивно выявленных этнических связей, но и обнаруживается профессионально ориентированное сочетание факторов этничности⁴².

О значении образования и вообще знаний для национальной идентификации говорит и тот факт, что лица с невысоким уровнем образования определяют индивидуальные, личностные позиции («я молдаванин, потому что...») попыткой объяснения групповых особенностей («мы молдаване... такие» — дается набор черт). У людей с более высоким уровнем образования таких определений не бывает (наши наблюдения в этом отношении совпали с результатами исследования А. А. Кожанова)⁴³. Национальное самосознание стимулируют такие факторы, как образование, которое дает представление об истории своего и других народов, их языке, культуре; приобщение к литературе, информации, передаваемой средствами массовой коммуникации, помогающей усвоению индивидом общественного опыта; наконец, расширяющиеся непосредственные контакты людей разных национальностей, способствующие межнациональным сравнениям.

Знания как результат отражения общественно-исторической практики, воспринятые нормы, ценности, оценки определяют не только такой элемент национального самосознания, как национальная самоидентификация, о чем речь шла выше, но и другие элементы его: представления об общности происхождения, исторической судьбы, территории, которые тоже обогащаются с повышением уровня образования и активности личности. Не случайно общность исторической судьбы чаще упоминается как признак того, что роднит человека со своим народом, именно лицами из среды более образованных слоев населения. И наконец, национальные интересы, осознаваемые личностью (на наш взгляд, один из самых существенных элементов, характеризующих развитость национального самосознания), также детерминируются ростом социальной заинтересованности людей, расширением сфер их деятельности. Не случайно этносоциологические исследования, проведенные под руководством Ю. В. Арутюняна, показали, что из проблем первостепенной общественной значимости развитие национальной культуры, экономический прогресс наций, борьбу с элементами шовинизма и национализма чаще всего называли люди наиболее квалифицированные, городская интеллигенция, особенно представители научно-гуманитарной интеллигенции. Если из сельских молдаван выделили эти проблемы всего около 2%, то в городе — 13%, в том числе среди интеллигенции — более 20%, а научно-гуманитарной прослойки ее — 30%. Причем эти оценки в Молдавской ССР практически совпадали в среде как молдавской, так и русской интеллигенции. В других республиках прослеживалась та же закономерность. И чем больше у исследуемого народа образованных, квалифицированных групп, тем чаще встречались такие выборы. Все это не исключает того, что в целом преобладали общие для всех наро-

⁴⁰ Губогло М. Н. Интегрирующая функция языка. — В кн.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975.

⁴¹ Кожанов А. А. Указ. раб., с. 96.

⁴² Пименов В. В. Указ. раб., с. 102, 205.

⁴³ Кожанов А. А. Указ. раб., с. 85.

в интересы, такие, как укрепление мира, обороноспособность государства, укрепление дисциплины, идейное воспитание молодежи и т. д. Общесоветское самосознание и интересы сочетаются с национальными. Итак, тенденция к размыванию этнической специфики в культурно-бытовой жизни, формирование общечеловеческих, общесоветских черт людей ощущается в наборе признаков национальной идентификации, слабой наполненности автостереотипов народов и национальных стереотипов других групп. Действительно, «почва» для идентификации имеется, но идентифицировать себя люди в отношении национальной принадлежности не перестают, а с расширением общей компетентности, знаний они это делают даже свободнее. К тому же для национального самосознания в целом «почва» отнюдь не исчерпывается национальной спецификой в повседневной культурно-бытовой жизни народов, особенностями их психологических черт. База эта, как мы видели, намного шире. Не может исчезнуть историческое прошлое народов. Активно развивается профессиональная культура наций, имеющая национальную форму. Достижения наций в производстве, науке, культуре приумножаются, и это составляет основу для того, чтобы представления о национальных ценностях не размывались. Приведенные данные говорят о выраженной ориентации на национальные ценности, совмещающиеся с ориентациями на общесоветские и общечеловеческие достижения, а это свидетельствует о том, что идет процесс взаимодополнения ориентаций. Национальные интересы имеют основанием все сферы общественной жизни, и здесь о каком-либо размывании «почвы» говорить тоже не приходится. Наоборот, она способна укрепляться. Это не исключает того, что национальные интересы чаще всего совпадают с общесоветскими.

Таким образом, объективная база национального самосознания не исчезает, она просто меняется. Оснований же для роста его становится больше. Как отмечалось в документах Коммунистической партии, «жизнь показывает, что экономический и культурный прогресс всех наций и народностей неизбежно сопровождается ростом их национального самосознания. Это закономерный, объективный процесс. Важно, однако, чтобы естественная гордость за достигнутые успехи не превращалась в национальную кичливость или зазнайство, не порождала тенденции к обособленности, неуважительного отношения к другим нациям и народностям»⁴⁴. Материал конкретных исследований, как мы видели, дает основание для выводов о расширении факторов, стимулирующих рост национального самосознания.

Данная статья не может претендовать, естественно, на полное раскрытие всех факторов, способных стимулировать развитие национального самосознания. Она является лишь попыткой рассмотреть имеющиеся материалы этносоциологических исследований в первом приближении. Формирование и развитие национального самосознания следует рассматривать более полно и конкретно в ракурсе социологических, этнографических и психологических концепций. В частности, признавая значение этнопсихологического подхода к изучению данного феномена, мы должны сказать, что пока еще нет ни необходимых концепций для изучения механизма его функционирования, ни достаточных эмпирических материалов. Вместе с тем накопленные этносоциологические и этнографические факты уже требуют социально-психологического объяснения.

Что касается взаимосвязи роста национального самосознания и развития межнациональных отношений, то это вопрос специальный, нам уже приходилось его касаться⁴⁵. Вывод сводился к тому, что в нашей стране при благоприятных социальных и политических условиях рост национального самосознания не препятствует развитию дружественных

⁴⁴ Андропов Ю. В. Указ. раб., с. 11.

⁴⁵ См. Арутюнян Ю. В., Дробизжева Л. М., Кондратьев В. С., Сусоколов А. А. Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования. М.: Наука, 1984, с. 217—219.

межнациональных отношений. Он может стать основой для укрепления советского патриотизма, как национального, так и общегосударственного. Задача общества состоит в том, чтобы не допускать неблагоприятных социальных ситуаций, способных порождать гиперболизацию национального самосознания и разобщать народы. Изучение способов предотвращения таких ситуаций, а также идеологических факторов психологических механизмов формирования национального и общественного сознания людей, направление их в сторону позитивного межнационального взаимодействия — задача предстоящих исследований.

Н. Г. Волкова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Интерес к этнической истории (ЭИ) народов мира всегда был характерен для отечественной этнографической науки, хотя в историографии проблемы явственно прослеживаются периоды, когда интенсивность ее изучения несколько снижалась. После последнего по времени спада интереса к вопросам ЭИ, наблюдавшегося во второй половине 1960-х годов, мы вновь стали свидетелями возросшего внимания специалистов к данной проблеме. Импульсом для этого послужила разработка общей теории этноса, поднявшей на новый качественный уровень изучение различных аспектов этнографической науки. Оживлению этноисторических исследований в немалой степени способствовали и дальнейшее накопление обширной научной информации по соответствующим разделам региональной и общей этнографии, а также успехи, достигнутые в последние годы смежными дисциплинами — археологией, этнолингвистикой, этнической ономастикой, этнопсихологией и др.

Безусловно, есть все основания полагать, что интенсивность изучения ЭИ народов мира в дальнейшем еще более возрастет, и это, несомненно, следует рассматривать как положительное явление. Приводить какую-либо аргументацию в пользу этого вряд ли имеет смысл, ибо актуальность и научная значимость изучения этой проблемы очевидна. Однако хочется указать на еще одно немаловажное обстоятельство, делающее интенсификацию работ по ЭИ весьма желательной. В современном мире повсеместно наблюдается рост этнического самосознания, сопровождающийся повышением интереса к историческому прошлому своего народа к его этнографии, этноспецифическим реалиям быта. Для представителя современного урбанизированного общества стало духовной потребностью найти корни своего этнического существования, познать многие образные процессы, приведшие к формированию той этнокультурной среды, сквозь призму которой он воспринимает окружающий мир. Именно вследствие этого вопросы этногенеза и ЭИ вызывают неизменный интерес у самых широких слоев общественности. Этнографы не вправе заметить этого интереса и обязаны ответить на него более углубленным и планомерным изучением ЭИ народов мира.

Однако исследования ЭИ в этом направлении в значительной мере тормозятся рядом объективных причин. Важнейшие из них, на наш взгляд, следующие: 1) отсутствие общепринятой дефиниции «этнической история»; 2) связанное с этим нечеткое представление о границах предметной области ЭИ, о комплексе входящих в нее вопросов; 3) неразработанность основ для периодизации ЭИ; 4) неразработанность источниковой базы этноисторических исследований и 5) неразработанность методических приемов для совмещения и корреляции разных видов источников. Совершенно очевидно, что первоочередной задачей специалистов по ЭИ является устранение этих причин, т. е. решение перечис-

общих вопросов. Это поможет сконцентрировать исследовательский поиск, подчинить его четко сформулированным программам, не утратить в обилии материала.

Цель настоящей статьи — обратить внимание специалистов на некоторые из основных задач изучения ЭИ. Объем статьи позволяет рассмотреть лишь одну группу вопросов: понятие ЭИ, ее предметная область и методика. В дальнейшем автор надеется проанализировать вторую группу вопросов, имеющих методико-источниковедческий характер.

Интерес к ЭИ в отечественной историографии зародился давно. И хохоло-этнографическая литература XVIII — первой половины XIX в. была еще достаточно далека от подлинно научного осмысления проблемы, в ряде работ были высказаны оригинальные идеи. Некоторые из них стали общепризнанными и в современной исторической науке. Однако лишь на один, однако достаточно яркий, на мой взгляд, пример. Идея Я. Потоцкого (1802 г.) об этногенетической связи осетин с кавказцами, более подробно обоснованная Ю. Клапротом (1812—1822 гг.), в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения.

С середины XIX в. наблюдается общий подъем отечественной исторической науки, благотворно сказавшийся и на изучении этногенетической проблемы. Особенно значительные успехи были достигнуты в 1930-е годы, когда исследованием этой проблемы занялись не только историки, но и этнографы, археологи, антропологи, лингвисты. В этот период существенно возрос объем конкретных материалов, был сформулирован также ряд общих положений¹, сыгравших важную роль в разработке вопросов этногенеза и ЭИ. Новый подход к ЭИ как к исследовательской проблеме отмечен с конца 1930-х годов, когда в отечественной науке появился самый термин «этническая история».

Как мне известно, этот термин впервые употребил А. М. Золотарев в статье «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии» (1938 г.)². Впоследствии он повторил его в своем докладе на заседании по этногенезу народов Сибири (Москва, 1940 г.), в котором принимали участие крупные советские ученые, внесшие позднее большой вклад в исследование проблемы, — С. А. Токарев, Н. Н. Чебоксаров, Г. Ф. Дебец, А. П. Окладников, Т. А. Трофимова, В. Н. Чернецов, А. И. Прокофьев и др. «Передвижения народов и их отдельных групп», — писал А. М. Золотарев, — сыграли существенную роль в этнической истории (курсив мой. — Н. В.) Сибири»³. Новый термин первое время употреблялся как будто незамеченным специалистами⁴. Лишь с начала 1940-х годов он постепенно входит в широкий научный оборот⁵ и все чаще появляется на страницах специальных работ, причем не только этнографических, но и археологических, лингвистических, исторических. Именно это было связано с наблюдавшимся в те годы усилением исследований по ЭИ, что в свою очередь вызывало настоятельную необходимость в упорядочении понятийно-терминологического аппарата проблемы.

Однако складывалась парадоксальная ситуация. За термином, который, казалось бы, показал свою плодотворность и операциональность, отсутствовала четкая дефиниция, его границы трактовались произвольно, независимо от взглядов того или иного исследователя на изучаемую

Подробнее см. Корольков В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и других романцев. — В сб.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и других романцев. Методология и историография. М.: Наука, 1976, с. 7.

Изв. Воронежского педагогического ин-та. Т. IV. 1938, с. 83.

3. Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (далее — МЖ). IX. М.-Л., 1941, т. VI — Информации, с. 132.

4. Едва ли не единственный пример употребления этого термина в исторической литературе 1940-х годов можно встретить в статье М. И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии» (КСИИМК. XXIX. М.-Л., 1949, с. 18).

5. См., например, Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языка. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1951, № 4, с. 19.

проблеме, вследствие чего содержание термина «этническая история» становилось крайне расплывчатым. К чему приводила подобная неясность, можно проследить по этнографическим работам 1950—1980-х годов. Так, в 1950-х годах в трудах по ЭИ в разных сочетаниях исследовались следующие вопросы: этнонимы, этнические территории, характер расселения этносов, этнографических и локальных групп, их численность, миграции, этнический состав населения изучаемых регионов, этнокультурные контакты, историко-этнографические области, этногенетические процессы⁶. Некоторые авторы в область исследования ЭИ включали также характеристику различных компонентов традиционной культуры: жилища, одежды, транспорта и др.⁷

В 1960-х годах к ЭИ специалисты относили этнонимы, этнические территории, расселение этнических общностей, миграции, этнический состав населения изучаемых регионов, этнические процессы⁸.

В трудах по ЭИ, опубликованных в 1970-х годах, рассматривались следующие вопросы: этнонимы, этнические территории, особенности расселения этносов, этнографических и локальных групп, их численность, этнический и родо-племенной состав изучаемых регионов, миграции, этнические процессы, этнокультурные связи, вопросы формирования народностей как типа этнической общности⁹. В ряде работ содержатся

⁶ Отмечу, что здесь и далее в качестве примеров приводятся те работы из общего перечня трудов по ЭИ, в которых ее изучение декларируется либо названием, либо текстовым указанием автора, либо названием того сборника, в который включена данная работа. См., например: *Гурвич И. С.* К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР.— СЭ, 1950, № 4; *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпачей. Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX в. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1950; *Толстов С. П.* Огузы, печенеги, море и кара (Заметки по исторической этнонимике Восточного Приаралья).— СЭ, 1950, № 1; *Долгих Б. О.* Расселение народов Сибири в XVII веке.— СЭ, 1952, № 3; *Лавров Л. И.* Абазины (Историко-этнографический очерк).— Кавказский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *его же.* Происхождение кабардинцев и заселение нынешней территории.— СЭ, 1956, № 1; *Марков Г. Е.* Из этнической истории туркменского народа.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСЭ), 1958, в. 29; *Кушнер (Кнышев) П. И.* Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951; *Лашук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958; *Андрианов Б. В.* Этническая территория каракалпачей в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.).— Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958; *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН СССР, 1959; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI—XVI вв.). Сухуми: Абхазск. гос. изд-во, 1959; *Вопросы этнической истории народов Прибалтики*. По данным археологии, этнографии и антропологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁷ См., например, *Вопросы этнической истории народов Прибалтики*; *Вопросы этнической истории эстонского народа*. Таллин, 1956.

⁸ См., например: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Козлов В. И.* Расселение мордвы (исторический очерк).— Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 63. 1960; *Вопросы этнической истории мордовского народа*. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Арутюнов С. А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры.— ТИЭ. Т. 73. 1961; *Вильгельмский О. Л.* Курды. Введение в этническую историю. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961; *Арутюнов Н. А.* Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи.— ТИЭ. Т. 80. 1962; *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964; *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.— Кавказский этнографический сборник. IV. М.: Наука, 1969; *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969.

⁹ См., например: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971; *Калоев Б. А.* Осетины. М.: Наука, 1971; *Файнберг Л. А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М.: Наука, 1971; *Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972; *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М.: Наука, 1971; *Этническая история народов Азии*. М.: Наука, 1972; *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973; *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М.: Наука, 1974; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974; *Этногенез и этническая история народов Севера*. М.: Наука, 1975; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974; *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975; *Анчабадзе З. В.* Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми: Алашара, 1976; *Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев*. М.: Наука, 1977; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбе-

понятия ЭИ еще более расширилось. В него включали вопросы социальной истории и возникновения государства¹⁰, материальную культуру, современные обряды, межнациональные браки, народные верования и т. п.¹¹

В этнографической литературе 1980-х годов круг изучаемых в связи с ЭИ вопросов в основном повторял названные выше. Это этнонимы, расселение и численность этносов и их подразделений, этнические территории, миграционные и этнические процессы, этнокультурные связи и взаимовлияния, процессы формирования этнических общностей¹². Некоторые авторы в ЭИ включали также вопросы традиционной бытовой культуры: хозяйство, семейные обряды, народные игры и др.¹³

Вероятно, даже этого краткого обзора достаточно, чтобы показать, к какому разнообразию исследовательских тем, включаемых в ЭИ, приводит отсутствие четкого содержания понятия «этническая история». Между тем попытки определить его конкретное содержание предпринимались уже давно и неоднократно.

Видимо, первой по времени формулировкой следует считать предложенную в 1956 г. Л. П. Лашуком. «Проблема этнической истории любого народа, — писал он, — включает довольно широкий круг вопросов, касающихся происхождения и развития этого народа от древних родо-племенных групп до современного этнического состояния, формирования этнической территории, этнических взаимоотношений с соседними народами на протяжении веков»¹⁴. В 1973 г. Ю. В. Бромлей определил свое понимание ЭИ. «Главная задача разработки проблем этнической истории, — подчеркивал он, — исследование всех видов этнических процессов, в том числе этносоциальных»¹⁵. В. Ф. Генинг (1974 г.) относил к ЭИ этногенез и этнические процессы. В частности, сферой «изучения этногенеза» он считал «проблемы развития отдельных народов, состав, происхождение групп, из которых они формировались, степень их этнической консолидации». Общие же закономерности «развития народов (этносов) и характер этнических образований на разных этапах исторического процесса» составляли, как он полагал, сферу исследования этнического процесса¹⁶. В том же году Л. В. Хомич писала, что «этническая история включает такие процессы, как изменение традиционной культуры под влиянием развития производительных сил, дальнейшее приспособление к экологическим условиям, взаимодействие с другими этническими общностями»¹⁷. В 1976 г. З. В. Анчабадзе высказал свою точку зрения по этому вопросу. «Изучение этнической истории... — утверждал он, — предполагает исследование основных этапов

кистана. М.: Наука, 1976; Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976; Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979; Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев. М.: Наука, 1979.

¹⁰ См., например: Сердобов Н. А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. — СЭ, 1970, № 4.

¹¹ См., например, Этническая история народов Урала и Поволжья. Уфа, 1976.

¹² См., например: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980; Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980; Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981; Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982; Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982; Дмитриева С. И. Народное искусство русских Мезени (В связи с этнической историей края). — СЭ, 1983, № 5; Красновская Н. А. Проблемы этнической истории о. Сардиния в I тысячелетии до н. э. — СЭ, 1983, № 6.

¹³ См., например: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. [Черкесск], 1980.

¹⁴ Лайчук Л. П. Этническая история Печорского края. — КСИЭ, 1956, в. 25, с. 82.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 237.

¹⁶ Генинг В. Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра истор. наук. М., Ин-т археологии АН СССР, 1974, с. 3.

¹⁷ Хомич Л. В. Соотношение понятий «этногенез» и «этническая история» (на примере формирования ненецкой народности). — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972—1973 гг. Л.: Наука, 1974, с. 63.

развития народа как этнической общности». По его мнению, ЭИ — это развитие этноса «от низших форм этнической общности к высшим»¹⁸. В 1979 г. В. И. Васильев предложил свое понимание ЭИ. Он представляет ее как «процесс исторического развития определенного сформировавшегося этноса»¹⁹. Наконец, последнее по времени на сегодняшний день определение ЭИ принадлежит Н. А. Томилову. «Этническая история, — пишет он, — изучает динамику систем историко-культурных общностей, т. е. формирование компонентов этих систем и их этнических свойств»²⁰.

Каждое из приведенных определений понятия «этническая история» заслуживает внимания специалистов. Можно спорить, какое из них удачнее, строже, логичнее и т. п. Однако все они представляют интерес хотя бы уже потому, что свидетельствуют о постоянном стремлении научной мысли к постижению истины, которое в конце концов приведет к наиболее адекватному отражению в дефиниции соответствующего исследовательского объекта. Начало этому уже положено. Мы видим, что в приведенных определениях есть немало общего, а во многом они дополняют друг друга. Так, все исследователи считают, что, изучая ЭИ, надо непременно учитывать динамику исторического развития этноса от его раннего до современного этнического состояния; ряд авторов признают необходимой частью исследования ЭИ анализ разнообразных изменений этнических признаков объекта, различных видов этнических процессов, а также формирования типов этнических общностей. В основном это, безусловно, те отправные точки, которые должны учитываться при дальнейших попытках разработки понятия «этническая история». Наиболее близко, на мой взгляд, сущность ЭИ отразила формулировка Ю. В. Бромлея. Действительно, главная задача этноисторических исследований видится в изучении динамики всех видов этнических процессов происходящих в уже сформировавшемся этносе с древнейших эпох до настоящего времени. Однако этнические процессы — это, видимо, лишь одна из задач исследования ЭИ. Другой задачей, органически связанной с первой, следует считать, вероятно, анализ результатов этнических процессов, т. е. изменений характеристик этноса, происходящих под воздействием названных процессов.

Таким образом, в самом общем виде понятие «этническая история» можно сформулировать следующим образом: *ЭИ — это развитие в диахронии всех видов этнических процессов, протекающих в уже сформировавшемся этносе, и изменение под их влиянием основных характеристик этноса.*

Выделение предметной области ЭИ еще не означает, что мы полностью приблизились к ее адекватному пониманию. Этнические процессы проявляются очень широко в самых разных сферах бытовой культуры. Фиксируемые изменения материальной и духовной культуры могут быть в конце концов отражением этнических процессов. Все это подводит к мысли о весьма широком поле работ при изучении ЭИ.

Уже определив предметную зону ЭИ, стоит вернуться к тем исследовательским темам, которые изучались в рамках ЭИ. Мы увидим, что при отмеченной широте ЭИ они все в какой-то мере правомерны. Однако нетрудно заметить, что некоторые темы органичнее укладываются в наше определение ЭИ, ибо наиболее полно и точно отражают сами этнические процессы и характеристики этноса, меняющиеся под их воздействием. Таковы, например, этнонимия, этнические территории, численность и характер расселения этноса, его этнокультурные контакты, этнические процессы (в узком понимании, т. е. консолидация, ассимиляция, интеграция). Данный перечень тем следует, видимо, дополнить

¹⁸ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 3, 6.

¹⁹ Васильев В. И. Проблемы формирования самодийских народностей. М.: Наука, 1979, с. 4.

²⁰ Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Омск, 1983, с. 16.

еще двумя. Первая из них, до настоящего времени почти не изучавшаяся в этнографической литературе, — это этническое самосознание и этническое самоназвание. Вторая — язык этноса (имеется в виду этнографический аспект его изучения, например многоязычие, роль языка-посредника и межнационального общения и т. п.).

Исследование же в рамках ЭИ таких тем, как традиционная и современная бытовая культура, социально-экономические процессы, формирование государственности, складывание типов этнических общностей и т. д., отражает, с одной стороны, нечеткое понимание границ предметной области ЭИ, а с другой — теснейшую связь этнических процессов с самыми различными сферами культуры и быта этноса. Эти темы не входят в предметную область ЭИ, но в определенных аспектах они также должны исследоваться специалистами по ЭИ. Например, традиционная и современная культура, не будучи объектом изучения ЭИ, представляет один из важнейших источников для ее исследования. Кроме того, культура — это своего рода зеркало, в котором отражаются происходящие в этносе процессы, а результаты последних фиксируются в различных реалиях и явлениях. И в этом аспекте культуру несомненно надо исследовать специалистам по ЭИ. Если какой-нибудь элемент материальной культуры, будь это жилище, транспорт или женские украшения, отражает происходящие этнические процессы, то он должен быть в центре внимания исследователя ЭИ, но только именно с этой точки зрения, а не ради простого описания жилища, транспорта или женских украшений. Видимо, не должны быть предметом специальных исследований в рамках ЭИ также вопросы социально-экономического развития народа, формирования государственности, однако их обязательно надо изучать как важнейшие условия и факторы ЭИ. Естественно, что наряду с ними следует учитывать воздействие других, например природно-географических, условий и факторов. И наконец, вопрос о типах этнических общностей — вопрос, бывший, как известно, в исторической и философской литературе предметом длительных дискуссий, но так и не получивший пока достаточно четкого разрешения. В связи с этим напомним, что задачей изучения ЭИ является рассмотрение в динамике этнических процессов и тех характеристик этноса, которые меняются под их воздействием. Надо, правда, иметь в виду, что этнический процесс в каждый данный момент предстает перед исследователем в виде своего, так сказать, объективированного результата, т. е. этнической общности определенного типа. В таком смысле — и только в таком — в содержание понятия ЭИ могут быть включены и типы этнических общностей.

Один из коренных вопросов, который должен решаться исследователями ЭИ, — это соотношение последней с этногенезом. Вопрос дискуссионный. Ряд авторов трактуют понятие ЭИ весьма широко, включают в него и процессы формирования этнических общностей (этногенез). Вспомним определение, предложенное Л. П. Лашуком. Широкое понимание ЭИ предлагают П. Н. Третьяков, В. В. Пименов, Н. А. Красновская, Б. О. Долгих, В. П. Алексеев, З. В. Анчабадзе, Я. А. Федоров и Г. С. Федоров, Н. А. Томилов и многие другие²¹.

В историко-этнографических трудах имеет место и точка зрения на ЭИ как на часть этногенеза, представляющего, по мысли некоторых исследователей, огромный по временной протяженности период разви-

²¹ См.: Третьяков П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен. — СЭ, 1961, № 2; Пименов В. В. Велсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.-Л.: Наука, 1965; Красновская Н. А. Основные этапы раннего периода этнической истории фрулов. — СЭ, 1969, № 6; Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970; Берзина С. Я. Материалы к этнической истории фульбе. — СЭ, 1971, № 4; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974; Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние турки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978; Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М.: Наука, 1979; Томилов Н. А. Указ. раб., с. 18; Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов.

тия этноса. Такой взгляд отразился в работах соответствующей тематики в период до 1950-х годов, когда термин ЭИ только начинал входить в научный оборот. С. А. Токарев, например, рассматривал этногенез «как перманентный процесс, в ходе которого происходит хотя бы медленное и незаметное, но непрерывное изменение этнического облика данной группы»²². А. Н. Бернштам определял этногенез на примере некоторых тюркских народов Средней Азии как процесс, длившийся с начала III тыс. до н. э. до XIV в.²³ Представление об ЭИ как составной части этногенеза встречается и в публикациях последних лет²⁴.

И наконец, по мнению ряда авторов (Ю. В. Бромлей, Л. В. Хомич, В. И. Васильев)²⁵, ЭИ не включает период этногенеза, следовательно начальный ее этап наступает лишь с завершением процесса сложения этноса. Думаю, что такой подход более оправдан. Действительно, можно ли говорить об ЭИ конкретного народа, когда самого народа еще нет, а его этническая индивидуальность только формируется? Ведь этногенез — это сложный процесс, в ходе которого в пределах определенной территории в определенных экологических условиях из данной совокупности людей формируется общность, обладающая «не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований»²⁶. Процесс формирования этноса предполагает активное и длительное взаимодействие этнических компонентов, характеризующихся, как правило, разными этнокультурными традициями. Сформировавшийся новый этнос (конечный результат этногенеза) никогда не воспроизводит полностью этнокультурную традицию ни одного из исходных компонентов, принимавших участие в этногенетическом процессе, но являет собой в известном смысле совершенно новое этническое качество. Поэтому можно считать, что только с завершением процесса этногенеза начинается ЭИ народа²⁷.

Отмеченное разделение стадий этногенеза и ЭИ выдвигает вопрос о критериях, которыми должен руководствоваться специалист в практической исследовательской работе при определении соответствующей границы. Но, видимо, следует признать, что точно указать ее едва ли возможно. Переход от еще формирующегося этноса к уже сформировавшемуся лежит в пределах достаточно плавных и постепенных этнических изменений, которые не позволяют со всей очевидностью зафиксировать момент качественного преобразования объекта.

²² Токарев С. А. К постановке проблемы этногенеза. — СЭ, 1949, № 3.

²³ Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. — СЭ, 1947, VI—VII, с. 158.

²⁴ Именно так в монографии Л. Л. Викторовой, посвященной этногенезу монголов, построен раздел «Этническая история» (см. *Викторова Л. Л.* Указ. раб.).

²⁵ Этой же точки зрения придерживался Л. И. Лавров. «Под этногенезом, — писал он, — имеется в виду не весь длительный процесс постепенного складывания современных народов, а лишь первоначальная его стадия, когда происходило выделение их в самостоятельные этносы» (см. *Лавров Л. И.* Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, с. 33).

²⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 57—58.

²⁷ Очень важен вопрос о времени возникновения этнических общностей человека. В. П. Алексеев отодвигает это событие к эпохе нижнего палеолита (см. его статью «О самом раннем этапе расообразования и этногенеза». — В кн.: *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М.: Наука, 1982, с. 38). Ю. В. Бромлей, учитывая новейшие археологические данные, более убедительным считает мнение того же автора, высказанное им ранее в работе «Возникновение человека и общества» (в кн.: «Первобытное общество». М.: Наука, 1975, с. 26—35), о весьма неопределенных культурных различиях между соседними стадами архантропов (см. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса, с. 245). С. А. Арутюнов относит процесс возникновения этносов к рубежу верхнего палеолита и мезолита (см. его статью «Этнические общности доклассовой эпохи». — *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*, с. 56, 58). В. А. Шнирельман, исследуя этническую ситуацию в донеолитическое время, предполагает, что существовавшие тогда племена еще не обладали в достаточной мере четко выраженными этническими признаками, однако представляли своеобразную этническую категорию, которую он предлагает назвать «протоэтнос». См. его статью «Протоэтнос охотников и собирателей (По австралийским материалам)». — Там же, с. 99, 104).

Тем не менее попытки найти его предпринимаются. Недавно фортной точкой отсчета было предложено считать возникновение у этнической общности отчетливого самосознания, которое находит выражение в общем самоназвании²⁸. Предложение, безусловно, заслуживающее внимания. Действительно, появление указанных категорий тесно свидетельствует о том, что данная совокупность людей ощущает свою этнокультурную индивидуальность, отделяет себя от других подобных образований. Однако здесь есть определенная трудность. Дело в том, что этнонимов гораздо больше, чем этносов. Собственным этнонимом и даже самосознанием могут обладать этнические общности разных иерархических ступеней, стоящие как выше (метаэтнические общности), так и ниже этноса (субэтнические общности, этнографические группы). Для этнической группы русских — донских казаков, например, — было характерно особое самосознание и самоназвание (казаки, донец и т. д.), что позволяло им этнически отделять себя от русского этноса, хотя от этого они не переставали быть его частью. Поэтому явление у общности людей самосознания и самоназвания не всегда может означать, что данная общность начинает функционировать в качестве этноса. И все же критерий, предложенный авторами труда по этноистории китайцев, на мой взгляд, может быть использован для разделения стадий этногенеза и ЭИ. Последняя продолжается до тех пор, пока существует этнос. Исчезновение же по тем или иным причинам физических носителей определенной этнокультурной традиции знаменует и завершение ЭИ данного народа.

Как говорилось выше, одна из важнейших задач, стоящих перед исследователями, — создание обоснованной периодизации ЭИ. Представляется, что эта периодизация должна быть как общей, так и частной. Общая периодизация ЭИ народов мира, по сути дела, уже создана. Она выводится на учении классиков марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях и исторических типах общности людей, связанных с различными формационными уровнями. Другое дело, что триада племя — народность — нация не во всем учитывает многообразие исторических типов этнических общностей и дальнейшими исследованиями будет, видимо, дополнена. Но это не поколеблет положение, что социально-экономические условия придают определенную специфику всем без исключения этническим параметрам (интенсивность характера этнических процессов, особенности этнического самосознания и т. д.). Следовательно, формационный критерий можно использовать в качестве схемы для общей периодизации ЭИ народов мира.

Однако ЭИ каждого народа индивидуальна, как индивидуален его этнос, особенности культуры, черты психического склада. Необходима частная периодизация ЭИ каждого этноса. Причем априори можно сказать, что она будет учитывать основные вехи, намеченные общей периодизацией, но внутреннее ее членение будет более дробным в зависимости от специфики исторического развития того или иного народа.

Имеющиеся к настоящему времени примеры частных периодизаций ЭИ можно признать вполне удачными. Как правило, их авторы механически используют общую периодизацию исторического процесса, укладывая в нее подчас формально, исключительно по хронологии, факты ЭИ. Последняя в результате оказывается с теми или иными вариациями члененной на периоды: древнейший (эпоха камня, меди, бронзы), античный (VII в. до н. э. — IV в. н. э.), раннее (V—XII вв.) и позднее (XIII—XV вв.) средневековье, новое (XVI—XVIII вв.) и новейшее (XIX—XX вв.)²⁹.

Однако есть более плодотворные подходы к созданию частных периодизаций ЭИ. Так, авторы труда по ЭИ китайцев (М. В. Крюков,

²⁸ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 291.

²⁹ См., например, Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаевской Республики. М.: Наука, 1971.

В. В. Малявин, М. В. Софронов) высказывают правильное и очень важное, на мой взгляд, положение: «Ни выделение больших чисто хронологических эпох мировой истории, ни периодизация социально-экономического развития Китая не могут дать ответ на вопрос о том, через какие качественно отличные друг от друга этапы прошла в процессе своей трансформации этническая общность китайцев. Периодизация этнической истории должна основываться на *специфических критериях, отражающих качественные изменения основных характеристик этноса*» (курсив мой. — Н. В.)³⁰. Они предложили выделить в этническом развитии китайцев своего рода «критические точки», важнейшей из которых следует, видимо, считать завершение в основном формирования этнического самосознания, что накладывает качественно новый отпечаток на всю дальнейшую динамику этнических процессов. Такие «критические точки», по их мнению, и должны служить основой для периодизации ЭИ китайцев. Высказанное положение, безусловно, заслуживает внимания и может быть учтено специалистами при исследовании ЭИ конкретного народа.

Кстати, необходимость нового подхода к периодизации ЭИ осознавалась уже давно. Предпринимались и удачные попытки в этом направлении. Так, Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов, В. А. Иванов, Н. Н. Моисеев выделили в ЭИ населения Волго-Уральской историко-этнографической области пять крупных этапов: 1) IV—III тыс. до н. э.; 2) II тыс. до н. э.—середина I тыс. н. э.; 3) вторая половина I тыс. н. э.—XIII в. (до начала монгольского нашествия); 4) XIII—XVI вв.; 5) XVI—XIX вв. В основу подобного деления были положены в основном факторы этнокультурного порядка (этнические и миграционные процессы, исторические контакты и т. д.), рассматриваемые в тесной связи и на фоне социально-экономических и политических условий жизни населения Волго-Уральской историко-этнографической области³¹.

Действительно, при разработке периодизации ЭИ конкретного народа мы должны исходить из особенностей его этнического развития, представляющего, как и вся его история, сложный и не прямолинейный процесс, в котором под влиянием различных условий и факторов сменяются периоды подъема, спада, застоя и даже регресса. В такие периоды происходят наиболее активные изменения этнических характеристик этноса.

* * *

Предпринятый обзор показал немалые сдвиги в изучении ЭИ — одной из сложнейшей этнографической проблемы. На протяжении длительного времени исследователями формировался, подчас интуитивно, комплекс тем, составивших к настоящему времени предметную область ЭИ. Осознание этих исследовательских тем как составных частей единой проблемы происходило, думаю, не случайно, ибо изучение в динамике именно такого их комплекса наиболее полно характеризует особенности этнического развития народа. Однако в данной статье рассмотрено далеко не полный перечень связанных с ЭИ вопросов. Многие оставшиеся рамки этой работы и требует изучения как в общетеоретическом так и в конкретно-региональном плане. По-прежнему одна из главных задач видится в расширении источниковедческой базы исследований ЭИ в дальнейшем накоплении в разных областях исторической науки необходимых материалов и их критического осмысления. И ныне столь же актуальным остается призыв к кооперации в этноисторических исследованиях специалистов разного профиля — историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, археологов, антропологов, — призыв, ненократно повторяемый, но далеко не всегда осуществляемый на пр

³⁰ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII). М.: Наука, 1984, с. 6.

³¹ Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М., Иванов В. А., Моисеев Н. Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье. — Вопросы этнической истории Урала. Уфа, 1982, с. 5.

же. Видимо, все более назревает необходимость четкой координации работ по ЭИ, возможной лишь с созданием научно-организационного центра, который объединил бы творческие усилия исследователей этой проблемы.

С. В. Соколовский

РОЛЬ ДАННЫХ ОНОМАСТИКИ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Антропологи, археологи и этнографы при решении ряда конкретных проблем этногенеза и этнического состава территорий в древности неоднократно обращались к материалам ономастики (М. А. Кастрен, I. В. Радлов, А. П. Окладников, П. Н. Третьяков, Л. Згуста, С. А. Тодарев, Г. А. Капанцян и др.). При этом они опирались на такие хорошо известные специалистам свойства ономастикона, как устойчивость, традиционность, способность отражать особенности географической среды, воздействия, отношений с другими народами. Свойство же онимов отражать «биологическую природу человека, его антропологические особенности»¹, в том числе не только «пигментацию кожи, глаз, волос»², но и целый ряд характеристик исторических популяций, пока не привлекло внимания антропологов в той мере, в какой оно того заслуживает. Между тем развитие в антропологии системных представлений, выразившихся в популяционной концепции расы и хранящаяся в ономастике информация о структурах и ареалах исторических популяций делают обращение антропологов к результатам ономастических исследований не только полезным, но и необходимым.

В исторической ономастике разработан целый комплекс методов, фиксирующих известную степень надежности этноисторических реконструкций. В их числе метод формантов³, разработка теории топонимической системы и топонимического ландшафта⁴, метод картографирования⁵, методика анализа субстратных топонимов и проблемы их стратиграфии⁶. Эти строго научные методы, основанные на анализе массового топонимического и антропонимического материалов, однако, не ориентированы на решение собственно антропологических проблем например, на исследование межэтнических отношений в зоне формирования так называемых контактных рас, где вопрос о характере этнических границ может быть принципиальным). Подобные специальные объекты ускользают от внимания лингвистов и географов, что заставляет представителей других наук обращаться к самостоятельному анализу ономастикона изучаемого народа. Вторжение на «чужое поле», где гос-

¹ Суперанская А. В. Имя и эпоха (К постановке проблемы). — В кн.: Историческая ономастика. М.: Наука, 1977, с. 7.

² Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973, с. 38—39.

³ Ср. многочисленные работы В. А. Никонова для территорий Поволжья и Украины, А. К. Матвеева для европейского и сибирского Севера, А. П. Дульзона для Западной Сибири и др., а также сб. «Развитие методов топонимических исследований» М.: Наука, 1970).

⁴ Ср.: Никонов В. А. Закон ряда в географических названиях. — *Onomastica*, 1958, т. 6, с. 57—73; Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии при историко-географических разысканиях. — В кн.: Питания сучасної ономастики. Київ: Наук. думка, 1976, с. 59—63; Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980, с. 48—57; его же. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы. — In: Beiträge zur Theorie und Geschichte der Eigennamen (Linguistische Studien, 30). B, 1976, S. 83—93.

⁵ Любимова Е. Л. Картографический метод в топонимике. — В кн.: Топонимика. Вып. 4. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1970, с. 8—9; Топонимика и историческая география. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1976.

⁶ Rospond S. Stratygrafia slowianskich nazw miejscowych. Wrocław, 1974 — t. 1; 1976 — t. 2.

подствуют специфические приемы и методы исследования, при современном уровне специализации всегда сопряжено с большими трудностями. На наш взгляд, выход можно найти путем выделения ограниченного числа значимых для антропологии сюжетов, где материалы ономастики могут дать необходимую информацию.

В данной статье ставится задача выяснить возможности использования ономастических данных в решении ряда конкретных антропологических проблем. При этом особое внимание обращается на интенсивно формирующуюся сегодня в ономастике систему индикаторов, позволяющую локализовать и датировать изучаемое явление. Конкретные случаи использования топонимии и антропонимии взяты из знакомого автору истории алтайских меннонитов — потомков нидерландских переселенцев, сложившихся в XVI—XVII вв. на территории Привисленского Поморья в этноконфессиональную общность и мигрировавших позднее в Новороссию (1789—1870 гг.), а затем на Алтай (1909—1911 гг.).

Прежде чем перейти к рассмотрению упомянутой системы индикаторов, перечислим те группы задач, при решении которых привлечение данных ономастики может дать ценную информацию для антрополога.

1. Изучение структуры исторических популяций: их размеров, границ, степени изоляции, времени возникновения, брачной структуры, миграции генов, системы расселения и т. п.

2. Реконструкция ареалов расселения племен и народов; проблемы границ расселения этноса; определение этнического состава территории в отдаленное время, интенсивности и характера межэтнических контактов на новых территориях, в том числе и процесса метисации.

3. Уточнение маршрутов древних миграций, истории заселения территорий; реконструкция процессов расселения этносов.

4. Установление хронологических рамок процессов и явлений (возраста поселений, миграций, процессов этнического смешения и т. д.).

5. Реконструкция экологических условий; флоры, фауны, физико-географического и культурного ландшафтов, населенных исследуемым этносом или группой популяций.

Поскольку на практике автор сталкивался главным образом с задачами первой и третьей групп, ономастические методы, способствующие выяснению остальных проблем, охарактеризованы менее подробно в доступной литературе. Предложение некоторых новых теоретических возможных индикаторов носит по этой же причине предварительный характер и нуждается в проверке.

1. **Индикаторы популяционной структуры.** Представление о популяциях как об элементарных единицах эволюции рас сделало насущными исследования их фундаментальных свойств: структуры, размеров, динамики. Положение, однако, усложняется тем, что антрополог может исследовать лишь современные популяции; прямых методов изучения структур и размеров исторических популяций (в генетическом, а не в палеоантропологическом значении термина) не существует⁷. В такой ситуации подключение любых дополнительных источников информации может существенно обогатить наши представления об эволюции популяционных структур. С этих позиций легко объясним интерес антропологов, антропогенетиков и демографов к такому классу ономастического пространства, как патронимы. Фамилии, в силу наследуемости и связанной с этим свойством способности «отличать членов родственной группы от неродственных лиц»⁸, наиболее часто использовались в антропологических исследованиях. В статье техасских антропологов перечислены следующие причины интереса к патронимам: «1) Фамилии ведут себя как гены. Многие генетики и антропологи использовали патронимы для оценки степени родства, размера популяции, гетерогенности вос-

⁷ Ср.: Алексеев В. П. Популяционная структура человечества и историческая антропология. — Сов. археология, 1970, № 3, с. 21; его же. Историческая антропология. М.: Высш. школа, 1979, с. 106—127.

⁸ Blandar V. Personennamen und Sprachgemeinschaft. — In: Recueil linguistique. Bratislava. V. 5. Bratislava, 1978, p. 224.

водства, аккумуляции идентичности генов и вероятностей элиминации гена; 2) фамилии можно использовать для идентификации родителей, и, таким образом, они являются индикаторами фертильности; 3) фамилии можно использовать для оценки роста популяции; 4) для исследования миграций, особенно миграции в популяцию; для выявления связей между популяциями, если есть предположение об их происхождении...»⁹ Кроме этого, американские исследователи стали роль часто употребляющихся личных имен, а также сменяющихся орфографических традиций в определении времени рождения индивидов. Частоты личных имен, по их мнению, можно использовать при составленном составлении генеалогий и сопоставлении различных банков данных: рождений, браков, смертей¹⁰.

Восстанавливаясь на таких хорошо известных методах оценки структуры популяций, как различные варианты расчета коэффициентов инбридинга по изонимии (добрачной однофамильности супругов)¹¹, мы приходим к антропологически еще не освоенным сферам ономастики, позволяющим с разными степенями приближения оценивать параметры исторических популяций. Вопрос об отражении системы биологических связей внутри- и межпопуляционного характера не только в лингвистической системе, как патронимы, но и в других сферах исторического пространства имеет глубокое философское основание — социальную социально-биологическую природу эволюции популяций. В языке как одной из социальных систем отражаются не только «верхние этажи» популяционной иерархии (этнонимы, научные и народные названия рас), но и общности более низких рангов. При этом язык может отражать их как непосредственно, располагая именем собственным для обозначения конкретной общности, так и опосредованно — через вариации элементов лингвистических структур, ареал которых может совпадать с границами биологической системы.

Рассмотрим этот тезис на конкретных примерах из эволюции структурной подразделенности меннонитов. В истории этой этноконфессиональной общности обращает на себя внимание целый ряд расколов, сопровождавшихся острой борьбой размежевавшихся группировок, взаимного отлучениями от церкви и т. п. Каждая из таких групп получала свои прозвища от своих противников. Таковы *ламисты* и *зоннисты*, *фламминги*, *ватерландцы* и *фризы* в Нидерландах XVI в., расколовшиеся позднее на данцигских и гронингенских фламмингов и *строгих* *жестких* фризских в Западной Пруссии XVII в. В России и фризские, *амандские* общины подверглись дальнейшим расколам. Так образовались *гонферы*, *альянсовцы*, *братские* и *церковные* меннониты, *Магдебургская община*, *община Петерса* и др. С точки зрения эволюции популяционной структуры важен тот факт, что члены отклонившихся общин не вступали в брачные отношения с бывшими единоверцами¹², часто мигрировали за пределы меннонитских округов. Эндогамные барьеры, возникшие в результате конфессионального размежевания, оказались весьма устойчивыми и были перенесены позднее на территорию США и Канаду, куда в 1870-е годы эмигрировала значительная часть новороссийских общин. Таким образом, конфессионимы надежно фиксируют сложения популяционной структуры, выделяя группы популяций. Оттопонимические названия приходов (конгрегаций), относящиеся

⁹ Weiss K. M. et al. Where Art Thou, Romio? Name Frequency Patterns and Their Automated Genealogy Assembly. — In: Genealogical Demography. N. Y., 1980, 1—61.

¹⁰ Ibid., p. 58.

¹¹ Их обзор см. в материалах американской конференции (г. Юджин, март — апрель 1982 г.), опубликованных в тематическом выпуске журнала «Human Biology» (1983, v. 55, № 2) и «American Journal of Physical Anthropology» (1982, v. 57, № 2). См. также: Cavalli-Sforza L. L., Bodmer W. F. The Genetics of Human Populations. San Francisco, 1971, p. 475—478; Grow J. F. The Estimation of Inbreeding from Pedigree. — Human Biology, 1980, v. 52, p. 1—14.

¹² Бондарь С. Д. Секта меннонитов в России. Пг., 1916, с. 130.

ся, как правило, к группе меннонитских сел¹³, также отражали из уровней популяционной структуры. Конкретизация этого уровня в материалах брачных связей меннонитских сел Хабаровского района (тайский край) показала, что меннонитский приход преимущественно догамен (от 73 до 97% браков) и совпадает с границами популяций. Следовательно, названия приходов (Блуменфельдский, Ойский, Розенхофский и т. д.) также несут информацию о популяционной структуре.

До сих пор не исследованной остается проблема топологического отношения популяционно-генетической и топонимической систем.падают ли границы топонимической (микротопонимической) системы с границами какого-либо уровня в иерархии популяций? С другой стороны, является ли топонимия уже выделенной по брачным связям популяционной популяцией по сравнению с топонимией родственных популяций? Так как модус локальной изменчивости присущ всем системам, не следует сразу отвергать возможность параллелизма изменений в них. Иное дело, что сама постановка этой проблемы, быть может, несколько преждевременна в связи с малой разработанностью терминов границ топонимических систем. В уже упомянутой статье Ю. А. Карпенко назван ряд условий, при которых эти системы могут считаться различными. Главными, по его мнению, являются различия в наборе действующих словообразовательных моделей, в этимологической языковой принадлежности топонимов данной территории, в лексике местных географических терминов, обслуживающих топонимическую систему. Выделены еще три дополнительных области различия в лексической базе топонимов (например, в удельном весе антропонимии в составе этой базы); в насыщенности системы, измеряемой числом топонимов на км²; в степени устойчивости географических названий разных классов¹⁴.

В поисках ответа на вопрос о специфичности топонимии родственных популяций мы проанализировали немецкоязычную топонимию западных популяций меннонитов Западной Пруссии, Новороссии; до них колоний в Крыму, на Украине и Кавказе, в Омской губернии на Алтае; в Парагвае. Топонимические материалы (ойконимы) Западной Пруссии охватывают территорию основной зоны расселения меннонитов — дельты Вислы (Данцигский, Большой и Малый Мариенбург, вердеры и земли г. Эльбинга на 1772 г.) и низменностей в долине Вислы (Сартовицко-Нейенбургской и Кульмской на 1750 г.)¹⁵. Для территории Новороссии рубежа XVIII—XIX вв. использованы 76 ойконимов «местных» Хортицкого и Молочанского округов. Ойконимы меннонитских колоний, возникших в процессе расселения безземельных меннонитов двух названных округов (1840—1914 гг.), были учтены отдельно, в этом для дополнительного сравнения выделена группа из 27 ойконимов алтайских меннонитских поселений. Отдельно оценивался и топонимический материал кон парагвайских колоний Менно (основана в 1927—1932 гг. переселенцами из Канады) и Фернхайд (основана в 1913—1934 гг.)¹⁶.

¹³ Например, в колониях Молочанского меннонитского округа в 1905 г. 61 приход, объединявших 22 453 прихожанина, включая детей (Mennonite Encyclopedia, Scottdale (Pa), 1959, v. 4, p. 736); на Алтае в 1913 г. девять приходов объединяли 10 416 душ (Mennonitisches Lexikon, Frankfurt/Main, 1913, Bd. I, S. 126), т. е. в среднем приход объединял около 1200 человек.

¹⁴ Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы, с. 50.

¹⁵ Ludwig K.-H. Zur Besiedlung des Weichseldeltas durch die Mennoniten. Marburg, 1961; Gornowicz H. Toponimia Powiśla Gdańskiego. Gdansk, 1980; Leidung-Mielecki S. Słownik nazw miejscowych okregu masurskiego. Cz. I. Olsztyn, 1947; Röspond S. La baptisation des noms de lieux dans les territoires recouverts en Pologne. — In: Les contacts de lieux et le contact des langues. Québec, 1972, p. 97—112; Zabrocki L. Kilka uwag o nazwach pomorskich. — Slavia Occidentalis, 1948, t. 19, s. 398—402; Lorentz F. Ortsnamen und Appellative in Namen in Raum der unteren Weichsel. — Zt. für Slavistik, 1966, Bd. II, № 2, S. 243—250; Siciński B. Patronimiczne nazwy miejscowe na Pomorzu. — Onomastica slavogermanica, 1973, № 8, S. 43—84; Treder J. Toponimia powiatu puckiego. Gdańsk, 1977.

¹⁶ Quiring W. Deutsche Erschliessen den Chako. Karlsruhe, 1937.

Формант	Регионы					Без ойко- нимов-ми- грантов	Ойконимов по всем регионам
	Западная Пруссия	Новороссия	дочерние колонии	Парагвай	Алтай		
	.1967	.1842	.1013	.0556	.0370	.1723	.1639
	—	.0263	—	—	—	.0062	.0047
(e)	.0335	.0395	.0127	—	—	.0338	.0281
(in)	.0126	—	.0127	—	—	.0123	.0094
	.0084	.0132	.0127	—	—	.123	.0094
(i)	.1172	.0526	.0506	—	.0370	.0954	.0843
	.0042	—	.0127	—	—	.0062	.0047
(e)	.0628	.1184	.2658	.3056	.4074	.1231	.1311
	.0126	.0132	—	.0278	—	.0154	.0117
er:	.0084	—	—	—	—	.0062	.0047
ap:	.0167	.0263	—	.0278	—	.0154	.0164
m	.0042	.0526	.0380	.1111	.0740	.0277	.0281
(if)	.0460	—	.0380	—	.0370	.0400	.0328
st	.0377	.0263	—	—	—	.0277	.0258
lep	.0167	—	—	—	—	.0123	.0094
pre	.0126	—	—	—	—	.0092	.0070
ne	—	.0263	.0253	—	.0370	.0062	.0094
d	.0084	—	—	.0278	—	.0062	.0070
	.0209	.0263	.0380	.0556	.0370	.0154	.0281
	—	.0132	.0127	.0833	—	.0092	.0117
	.0126	—	—	—	—	.0092	.0070
	.0167	.0132	.0127	—	.0370	.0062	.0141
(e)dt	.0042	.0263	.0253	.0278	.0740	.0092	.0141
al	.0126	.0921	.2025	.0833	.0740	.0492	.0679
(e)	.0669	.0132	.0127	—	.0370	.0554	.0422
de	.0126	.0526	.0127	—	—	.0215	.0187
se	—	.0132	.0127	.0278	.0370	.0062	.0070
in	—	.0263	—	—	—	.0062	.0047
Число ойко- нимов в ре- гионе:	239	76	79	36	27	325	427

Сравнение проводилось по 28 наиболее распространенным формантам с помощью известного статистического критерия «хи-квадрат» (χ^2), позволяющего оценить близость двух распределений путем сравнения теоретических и эмпирических частот при данном количестве степеней свободы (η) и с определенным уровнем вероятности (P). Статистическая значимость различий определялась по таблицам математической статистики.

Различия между частотами этих формантов в прусском и новороссийском топонимиконах (таблица, графы 2 и 3) оказались высоко достоверными: $\chi^2=298$ ($\eta=27$, $P=0,02$); между маточными и дочерними топонимиями (графы 3 и 4) — невысокими, но статистически значимыми: $\chi^2=41,8$ ($\eta=27$, $P=0,05$). Анализ алтайских ойконимов на фоне ойконимии маточных колоний (графы 3 и 6) дал относительно низкий уровень значимости: $\chi^2=35,2$ ($\eta=27$, $P=0,2$), однако дополнительное сравнение частот 20 формантов, величины которых очевидно отклонялись от теоретически ожидаемых, обнаружило достоверные различия: $\chi^2=35,2$ ($\eta=19$, $P=0,05$). Достоверно различаются и топонимические топонимии Парагвая и Новороссии (графы 3 и 5): $\chi^2=42$ ($\eta=27$, $P=0,05$). Таким образом, топонимия родственных, но заведомо различных популяций оказалась достоверно различной, что позволяет использовать частоты формантов для анализа популяционных структур в прошлом.

Еще одним неисследованным аспектом отражения в топонимии популяционно-генетических структур является проблема определения границ так называемого «топонимического сгущения». Возникновение таких «сгущений» (в терминологии В. Н. Топорова) представляет собой одно из проявлений топонимического закона ряда¹⁷. Антрополога,

исследующего структуры исторических популяций, скорее, одним интересует не топонимический ряд, способный охватывать тысячи нивосов и огромные территории (например, ряд славянских топонимов с формантом *-ск*), а именно топонимическое сгущение типа: Нойтайх Нойтайхсдорф — Нойтайхервальд — Нойтайхерхинтерфельд — Нойтайхерштадтфельд (пример из топонимии Большого Мариенбургского уезда XVIII в.). Такое сгущение указывает на особый характер деятельности топонимического поля¹⁸, с одной стороны, а с другой — представляет собой микросистему, отражающую определенный социальный процесс (распространение одной из форм землевладения, экспансия популяции и т. п.). Очевидно, соотношение границ таких микросистем с границами биологических систем разного иерархического уровня будет различным в разные исторические эпохи и у разных народов. Уже теперь можно предполагать, что связи населения внутри микросистемы (в том числе и биологические) будут теснее, чем пределами, в слабоорганизованном топонимическом поле.

Большая информация о структурах популяций содержится и в топонимии, хотя антропологи используют лишь ее часть — патронимы. Системы личных имен (именники) способны отражать разделение больших популяций на ряд подгрупп, так как социальные группы разных степеней проницаемости, коль скоро они возникли в популяции, автоматически приводят не только к генетической, но и микросоциальной дифференциации. В генетике широко используются модели подразделенных популяций с учетом действия различных факторов (географического, конфессионального и т. п.) и величин их проницаемости (миграции в популяцию). Данные социологии также говорят о процессах социальной дифференциации в структурированных обществах. Например, при изучении конфессиональной структуры меннонитов США бросается в глаза своеобразная «диффузия» их культовой практики, варьирующей от общины к общине, — результат их последовательного конгрегационализма, полной автономии общин в делах веры. То же образцом возникают и накапливаются различия в именниках общин. Параллелизм дифференциации антропонимических и биологических систем также может стать достаточно надежным основанием для суждений о родстве популяций, расстоянии между ними и т. д.

2. Индикаторы этнических ареалов. Реконструкция ареалов расселения этноса представлена в ономастической литературе наиболее широко и является традиционной задачей топонимических исследований. Несмотря на многочисленные ошибки²⁰ при попытках совмещения топонимических ареалов и этнических территорий, эта проблематика продолжает привлекать исследователей, преодолевающих существующие трудности. Ниже мы подробнее рассмотрим категорию так называемых топонимов-мигрантов, маркирующих процессы расселения этноса. Сейчас же остановимся на отражении в топонимах некоторых этнических явлений и процессов. Особого внимания заслуживает проблема этнических границ. Исследователями неоднократно отмечался тот факт, что топонимы, имеющие в своем составе этноним (этнотопонимы), маркируют, как правило, не центр, а периферию, т. е. границы расселения этноса²¹. Это явление отчетливо прослеживается и в западнопрусской топонимии (ср. Польское и Немецкое Вангергау; Немецкий Вестфале-Сартовицко-Нейенбургской низменности).

¹⁸ Топоров В. Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической ономастики. — В кн.: Принципы топонимики. М.: Наука, 1964, с. 20.

¹⁹ Ср. поставленную в статье Б. А. Серебренникова (О методах изучения топонимических названий. — Вopr. языкознания, 1959, № 6, с. 50) проблему соответствия топонимических ареалов и ярусов археологических культур.

²⁰ О них см.: Соболевский А. И. Как исследовать местные названия. — Изв. об-ва русского языка и словесности АН, 1919, вып. 23, с. 183—186; Попов А. И. К вопросу об использовании данных экономики и топонимики в историческом исследовании. Вестник ЛГУ, 1948, вып. 3, с. 153—156; Никонов В. А. Топонимика в историко-географической этнографии. М.: Наука, 1964.

²¹ См.: Никонов В. А. Топонимика в историко-географической этнографии.

В числе индикаторов этнических границ отмечено также явление топонимности географических объектов в зоне лингвоэтнического взаимодействия²². Возникновение топонимов-дублетов и топонимических калек свидетельствует о наличии двуязычного населения, а в свою очередь часто говорит о размывании эндогамного барьера этноса.

Топонимия может хранить информацию о характере межэтнических контактов, их глубине и интенсивности. Такую информацию могут дать не только субстратные топонимы, но и топонимический диапазон пришлого населения, т. е. соотношение географических объектов, поименованных на языке пришельцев, и объектов, сохранивших названия автохтонного населения. Чаще всего иммигранты приносят с собой ойконимию (это демонстрирует и история расселения меннонитов), гораздо реже — топонимы тех классов, которые именуют естественные географические объекты (гидронимы, оронимы и т. д.).

По мнению одного из исследователей, на взаимодействие топонимического и лингвистического влияют такие факторы, как степень общей и топонимической освоенности территории, с которыми связаны этнические процессы, и последовательность освоения этих территорий различными лингвоэтническими группами населения. В числе других факторов он называет количественное соотношение взаимодействующих групп, срок пребывания мигрантов на данной территории, ландшафтное разнообразие местности, особенности языковых систем и др.²³ Он же отмечает интересное явление при складывании новой лингвоэтнической общности, которое можно обозначить как сужение топонимического диапазона: «Микрообъекты, выделенные в свое время местным населением, могут оказаться вне поля зрения»²⁴ вновь сложившейся общности. Таким образом, не только наличная топонимическая система, но и исчезновение ряда прежде зафиксированных на этой территории топонимов нередко говорит о процессе этнического смешения.

3. Индикаторы этнических миграций. В современной топонимике разрабатываются классификации топоформантов (аффиксов и основ географических названий), в которых большинство формантов получают не только этническую привязку, но и собственные хронологические и пространственные рамки: поскольку «ареал форманта всегда отпечаток истории — он связан с определенной общностью населения определенной территории в определенное время»²⁵. Особого внимания при исследовании этнических миграций в прошлом заслуживает проблема перенесенных названий, или топонимов-мигрантов. Существуют первые попытки типологизации имен этого рода. Так, еще в 1945 г. Б. Веселовский отметил, что следует различать миграцию названий, свидетельствующую о культурных влияниях и заимствованиях, и «колониационные передвижения». Последние он подразделял на массовую народную колонизацию и переселение отдельных лиц²⁶. Исходя из этого он выделял четыре группы перенесенных топонимов: словесные, массово-колониационные, лично-переселенческие и сомнительные. В качестве существенных признаков массово-колониационных топонимов названы несвязанность их этимологий с именами и прозвищами лиц, также ареальность топоформантов, входящих в их состав. Последний признак наиболее существен, поскольку свидетельствует о перенесении изолированного названия, а топонимической системы. В дальнейшем

²² Simunović P. Mehrnamigkeit geographischer Objekte und Sprachgrenzen. — Zts. slavistische Philologie, 1978, Bd. 15, S. 64—75; Spal J. Die Doppelnamigkeit in der Toponymie Böhmens und Mährens. — Onomastica slavogermanica, 1976, Bd. II, S. 105—107.

²³ Барашков В. Ф. Топонимия в условиях лингвоэтнической трансформации обособленных групп населения. — В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 1. Ульяновск, 1969, с. 197.

²⁴ Там же.

²⁵ Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965, с. 77.

²⁶ Веселовский С. Б. Топонимика на службе у истории. — Исторические записки, 1955, т. 17, с. 36.

эти наблюдения были развиты во многих работах советских топонимистов, что привело к выработке критериев выделения топонимов-мигрантов²⁷. В частности, было указано, что одноименность в топонимии соседних территорий может возникать не только в результате миграции, но и при существовании единого типа номинации²⁸, что, по нашему мнению, свидетельствует, с одной стороны, о тесном культурном единстве создателей топонима, а с другой — указывает на размеры микро- и мезотопонимических систем (одноименность в рамках одной системы исключается). Последнее свойство ценно и как критерий независимости (или носительной изоляции) родственных групп населения; принадлежащих к разным популяциям. Например, в группе ойконимов меннонитских сел на Алтае в период заселения существовало две пары одноименных сел (Лихтфельде и Эбенфельд в славгородской и гляденской группах сел), что позволило выдвинуть гипотезу независимого заселения групп Глядни, лежащих в стороне от основного массива меннонитских сел Славгородской волости. В дальнейшем при сборе полевых материалов в этих селах гипотеза подтвердилась, что позволило рассматривать гляденскую группу в качестве самостоятельной популяции.

Исследователями отмечены такие характерные признаки имен-мигрантов, как их несвязанность с ландшафтом (лексическая немотивированность)²⁹, появление у них новых по сравнению с исходным топонимом суффиксов и определителей (ср. *Новоминское*).

Насколько надежными индикаторами массовых миграций могут являться топонимы-мигранты, свидетельствует топонимикон меннонитов СССР: из 79 ойконимов маточных новороссийских округов (Хортицкого и Молочанского) 50 перенесены из топонимикона Западной Пруссии, причем для большинства из них можно определить округ выхода, поскольку одноименность в прусской ойконимии невелика. Среди ойконимов меннонитов Алтая перенесены 22 названия из 59, причем часть из них фиксирует промежуточный этап миграции — украинские колонии (названия типа Хортица, Гнаденфельд, Фриденсфельд). Из 40 ойконимов парагвайских меннонитов 22 являются топонимами-мигрантами, отражающими и промежуточные этапы расселения: Западную Пруссию (12 ойконимов), Новороссию (девять), Алтай (один). Но этот же пример показывает, насколько осторожным должен быть исследователь, обращающийся к топонимике как средству реконструкции этнических миграций. Ведь появление прусского топонимикона в Новороссии вовсе не свидетельствует о массовом переселении пруссаков на эти земли. Меннониты не принадлежали к прусско-немецкой общности; более того, являясь потомками так называемых «новых» колонистов, они долгое время были «закрыты» для межэтнических заимствований. Прусский топонимикон был заимствован по целому ряду причин. Одной из них является топонимическая освоенность Западной Пруссии ко времени заселения меннонитами вердеров Вислы в XVI в. Заимствованию способствовало и языковое родство: нидерландские провинции представляли в то время крайнюю западную зону распространения нижненемецких диалектов. В Привисленском Поморье меннониты столкнулись с носителями восточнонижнемецких диалектов (нижнепрусского и восточ-

²⁷ Никонов В. А. География формантов в топонимии Белоруссии. — В кн.: Питання беларуской тапанімікі. Минск: Вышэйш. школа, 1970, с. 37—48; его же. Платформа в топонимии Горьковской области. — В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971, с. 168—173; Трубе Л. Л. Перенесенные топонимы Горьковской области и формирование ее населения. — Там же, с. 187—189; Карягин Ф. А. Перенесенные географические названия и их связь с историей заселения Чувашской АССР. — Там же, с. 190—193; Шарипов Р. Топонимия как источник для изучения миграции населения. В кн.: Тез. докл. научн. студенч. конф. по топонимике. Свердловск, 1983, с. 47; Стрижак О. С. Топонімія міграції на Україні. — В сб.: Питання сучасної ономастики. Киев: Наук. думка, 1976, с. 3—11, и др.

²⁸ Сулина Т. В. Одноименность в топонимии Горьковской и соседних областей. В кн.: Теория и практика топонимических исследований. М.: Моск. фил. Геогр. ин-та АН СССР, 1975, с. 53—54.

²⁹ Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии..., с. 61.

померанского) ³⁰, что говорит о практическом отсутствии серьезных языковых барьеров. Топонимические заимствования закрепились и юридически: в договорах на долгосрочную аренду земель, заключаемых меннонитами с местными магистратами и нобилитетом, значились прусские ойконимы. Все это объясняет и сам факт заимствования, и причина того, что именно эти, а не нидерландские ойконимы были перенесены меннонитами в Новороссию и на Алтай.

4. **Хроноиндикаторы.** Одним из надежных источников хронологизации широкого спектра этнических явлений и процессов является уже упомянутый формантный анализ. Как верно отмечает В. А. Жучкевич, анализ формантов географических названий является источником информации о времени и условиях возникновения поселения, так как в названии фиксируется период апеллятивной активности основ топонимов ³¹. Традиции именования людей и географических объектов имеют собственное время бытования, что позволяет по характеристике номинации датировать исследуемый объект. В случае с бесписьменными народами эта информация является зачастую уникальной, но у народов с длительной письменной традицией смена типов номинации, распространение новых, прежде редких формантов всегда маркирует социальные процессы, иначе ускользающие от внимания исследователей. Например, топонимикон прусских меннонитов на рубеже XVIII—XIX вв. характеризуется резким ростом частоты форманта *-фельд*, указывающего на массовое возникновение выселок и хуторов на осушаемых землях Большого и Малого вердеров в дельте Вислы. Распространившаяся топонимическая модель, определяющая не только время основания поселения, но и место выхода первопоселенцев (ср. Лихтенау — Лихтенауэр-фальд), была затем перенесена на территорию России, где стала одной из наиболее продуктивных.

Потенциальным источником датирования явлений по состоянию топонимии может служить известная разница в устойчивости (в другом аспекте — в хронологических границах бытования) топонимов разных классов: например, факт более быстрой смены ойконимов по сравнению с гидронимами. Есть уже первые попытки классификации топонимов по степени их устойчивости в связи с шириной их известности, ареальностью и т. д. ³²

К числу хроноиндикаторов относятся субстратные топонимы, поскольку степень и характер адаптации иноязычного названия иногда позволяет судить о времени поселения пришельцев, усвоивших часть топонимикона аборигенов ³³. Основанием относительного датирования может служить и вся топонимическая система в целом: Ю. А. Карпенко, перечисляя признаки молодой системы, называет ее периферийное положение по отношению к целому ряду топонимических ареалов; множественность словообразовательных моделей, из которых ни одна не имеет решающего перевеса; усиленный темп изменения этой системы, показателем которого может быть многоименность населенных пунктов, а на этапе возникновения системы — высокий удельный вес описательных названий ³⁴. Проверка этих признаков на такой молодой системе, как топонимикон парагвайских меннонитов, — случае, во многом противоположном тем материалам, которые анализировал Ю. А. Карпенко (для немецкоязычных топонимов не характерны описательные конструкции; вариативность словообразовательных типов в небольшой по численности общности сужается), подтвердила их универсальность: система, как отмечалось выше, является периферийной по отношению к западнопрусской и украинской; среди ойконимов встречаются и описа-

³⁰ Sanders W. *Sachsensprache, Hansesprache, Plattdeutsch*. Göttingen. 1982.

³¹ Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии..., с. 61.

³² Карпенко Ю. А. Об устойчивости в топонимии, с. 61.

³³ См.: Русинов Н. Д. Роль русских топонимов в датировании этногенеза и в изучении исчезнувших языков. — В кн.: Ономастика Поволжья. Вып. 4. Саранск, 1976, с. 188—192; классификацию форм лингвистической адаптации см. Серебренников Б. А. О методах изучения топонимических названий..., с. 36—50.

³⁴ Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы..., с. 54.

тельные (ферма И. Функа, Форт-ин-Треволь). Однако вследствие малочисленности меннонитского топонимикона обнаружить его гетерогенность удалось лишь с применением статистического анализа (табл. 1).

Аналогичные методы хронологизации разрабатываются и в антропонимике. Именник точно так же, как и топонимическая система, подвержен влияниям традиций именования, хронологические границы которых нетрудно определить. Это свойство антропонимикона используется при машинном конструировании родословных³⁵.

5. Индикаторы экологических условий. Экология является важным аспектом исследования исторических популяций, поскольку наряду с уровнем хозяйства находится в числе важнейших детерминантов популяционной структуры. В силу этого информация о культурных и физико-географических ландшафтах, фауне и флоре исследуемого региона в отдаленном прошлом, содержащаяся в топонимии (а также, вероятно, в зоо-, фито-, и этнонимии многих народов), широко используется в палеонтологических и палинологических работах и дает весьма обнадеживающие результаты³⁶. Здесь уместно отметить, что за пределами ономастики в таких областях лингвистического знания, как, например, индоевропеистика, накоплен богатый опыт палеоэкологических реконструкций, где на основе сравнительно-исторического анализа лексики этой языковой семьи, начиная с исследований Боппа, делались многочисленные попытки реконструкции прародины индоевропейских племен³⁷.

Опасности, подстерегающие топонимиста при реконструкции этого рода (например, отнесение основ с разными этимологиями — от антропонимической до географо-терминологической в одну группу: Дубровка — Дубки), анализировались многими, и мы не будем здесь на них останавливаться. Важнее отметить, что сам тезис об отражении в топонимии ландшафтного облика территории в древности должен приниматься с известной осторожностью, учитывая выдвинутый В. А. Никоновым принцип относительной негативности топонимии³⁸, суть которого выражается в том, что частотность физико-географических объектов и соответствующих им географических терминов в составе топонимов находятся в отношении обратной пропорциональности, так как в процессе номинации выделяется не типичное, а особенное (ср. пример В. А. Никонова: термин «колодец» в составе топонимов чаще встречается не там, где много колодцев, а в наиболее засушливых районах). Однако уже сегодня видно, что степень проявления этого принципа различна на разных территориях, что поднимает вопрос о географии самого принципа относительной негативности, тесно связанный с проблемами психологических особенностей номинации у разных народов, представителей различных культурно-хозяйственных типов и т. д. Сказанное не означает, что топонимия мало пригодна для реконструкции древних форм хозяйственной деятельности, транспортных путей, географических условий территорий в прошлом, но лишь очерчивает границы применимости индикаторов этого класса.

* * *

Завершая этот по необходимости краткий обзор, автор хотел бы отметить, что, хотя для целей антропологических реконструкций пригодны

³⁵ Weiss K. M. et al. Op. cit., 56—58.

³⁶ Этой проблематике посвящены сборник Московского филиала Географического общества СССР «Топонимика и историческая география» (М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1976) и сборник «Географическая среда и географические названия» (Л., 1974); см. также работы Е. Л. Любимовой по реконструкции ареалов древесных пород, выводы которых хорошо согласуются с данными пылецевого анализа.

³⁷ Краткий обзор гипотез и их оценку см. в работе С. П. Толстова «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии» (Советская этнография, 1950, № 4, с. 3—23).

³⁸ Никонов В. А. Введение в топонимику... и другие работы; Матвеев А. К. Тезисы о топонимике. — Вопросы ономастики, в. 7. Свердловск: Уральск. ун-т, 1974, с. 5—18.

все ономастическое пространство, а лишь отдельные его секторы, особенности антропонимия и топонимия, обладающие широким спектром категорий онимов, для решения целого ряда специальных задач могут быть использованы онимы других сфер — этнонимии, а также малоисследованные возможности мифонимии, астронимии, зоо- и фитонимии. Сложившиеся к настоящему времени связи между ономастикой и антропологией пока не соответствуют уровню знаний в этих науках. «Внелингвистичность» использования антропологами ономастических материалов (например, преимущественно иллюстративное использование топонимии в этногенетических работах; игнорирование некоторых лингвистических аспектов антропонимии в популяционно-генетических исследованиях) бедняет их возможности в качестве источника зачастую уникальной информации. Знакомство с современной методологией ономастических исследований должно стать одной из граней научного кругозора антрополога.

Н. Н. Кулакова

ГАИТИЙСКИЙ КРЕОЛЬ

В XVII—XVIII ВЕКАХ: ЯЗЫК

КАК ЭТНООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР

Республика Гаити с первой трети XVII в. до 1804 г. была французской колонией, куда из Африки ввозились во все возрастающих количествах негры для рабского труда на плантациях сахарного тростника. В 1789 г. — началу событий революционной войны в Сан-Доминго (название колонии), результатом которой было создание первой в мире негритянской республики, там жило больше 450 тыс. негров, около 30 тыс. белых и 27 тыс. мулатов. Хотя на протяжении всего колониального периода негритянское население не оставалось стабильным, а постоянно пополнялось вновь прибывавшими рабами, за полтора века в процессе адаптации к жизни в Америке в негритянской среде сложились предпосылки возникновения нового этноса. Специфика этнокультурного развития здесь, как и в других регионах плантационного рабства в Америке, проявилась именно в создании выходцами из Африки своеобразной культуры, качественно отличавшейся от питавших ее африканских и европейских традиций.

Борьба за свободу от рабства, а затем и за политическую независимость, в которой в конце XVIII в. участвовали все рабы Сан-Доминго, дала толчок развитию не только расового и классового, но, по-видимому, и этнического самосознания негров; дальнейшее же самостоятельное существование в рамках собственной государственности укрепило это самосознание, консолидировав тем самым новый этнос.

Огромная роль во всех этих процессах принадлежала языку как одной из важнейших предпосылок и одному из важнейших условий сложения и существования этнических общностей, так как «механизм объективных процессов, которые ведут от предпосылок к реализации их результатов — это комплекс различных и прежде всего языковых коммуникаций»¹.

Формированию гаитийского языка — креоля, ставшего в колониальный период средством общения не только белых и негров, но и общим языком этнически пестрой массы рабов, и посвящена эта статья, причем основное внимание уделяется в данном случае взаимодействию африканских языков и французского языка.

¹ Арутюнов С. А., Чебоксаров Н. Н. Языковые коммуникации и этническая консолидация. — В кн.: Социолингвистические проблемы развивающихся стран. М.: Наука, 1975, с. 16.

Специфика социальной истории европейских колоний в Карибском бассейне обусловила действие там одного из интереснейших языковых процессов — образования языков межэтнического общения — пиджинов, а в дальнейшем превращения их в родные языки новых поколений людей, так называемой креолизации языка.

Изучение этих процессов началось в конце XIX в. как раздел лингвистического языкознания и лишь недавно стало полноправной лингвистической дисциплиной, чему способствовало, с одной стороны, преодоление учеными многих предрассудков в отношении к креольским языкам их носителям, а с другой — углубление самих лингвистических теорий, позволивших перейти от простого описания к научному изучению закономерностей развития этих языков.

В XIX в. распространенный взгляд на креольские языки как на вполне полноценные формировался под влиянием расизма, характерного для того времени. Вавшего отношение большинства белых к черным рабам. «Ясно, что для людей, привыкшим выражать себя с помощью довольно простого языка, нелегко возвыситься свой интеллект до понимания гения какого-либо европейского языка. При контакте с португальцами, вынужденные говорить на их языке, эти полудикие люди не усвоили его выработанные веками цивилизации совершенства, приспособив язык к выражению варварской форме своих примитивных идей»². Автор этого высказывания, французский лингвист XIX в. М. Бертран-Боканде, пытался, однако, увидеть в образовании креолов некие универсальные закономерности. В частности, соответствие их грамматики «минимальной» системе коммуникативной, в которой выражаются лишь основные семантические связи.

Делались попытки сравнить креолы с исходными контактирующими языками. Так, француз Л. Адам (1882 г.) первым нашел некоторые явные параллели между креолями и африканскими языками. Пытаясь понять природу «гибридных» языков, как их часто называли, португальский языковед А. Козльо (1880 г.) выдвинул мысль о том, что они представляют первую стадию овладения иностранным языком. Процесс образования креолов подчиняется, по его мнению, универсальным законам психики, а не влиянию языков-источников и протекает в ситуации острой необходимости языкового общения.

Эти взгляды близки к теориям, выдвинутым в конце XIX — начале XX в. основоположниками современной креолистики — немцем Хуго Шухардом и голландцем Дерком Кристианом Хесселингом, изучавшим языки европейских колоний в Африке и бывших регионов плантационного рабства в Америке.

В процессе контакта групп людей, говорящих на неродственных языках, считает Х. Шухардт, возникает основанный на одном из них упрощенный язык общения, причем выбор языка-основы диктуется его свойствами, а внешними обстоятельствами, социальными условиями контакта. В дальнейшем этот «редуцированный» язык развивается в полнокровный, «нормальный» язык, выполняющий все необходимые функции по языковому обслуживанию данной общности³.

Следующей стадией «жизненного цикла» креоля в том случае, когда он сосуществует со стандартным языком, европейским или иным, является, по Шухардту, его постепенное исчезновение с переходом сначала небольшой группы, а затем все большего числа говорящих на этот стандартный язык⁴.

Подчеркивая зависимость развития креолов от социальных условий, Шухардт указывал, что изменения значений слов языка-источника при создании креольской лексики обусловлены новым физическим окружением и иной культурой⁵.

² *Bertrand-Bocandé M.* De la langue créole de la Guinée portugaise. — *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, 3e série, v. 12 (1849), p. 73.

³ *Schuchardt H.* Die Lingua Franca. — *Zeitschrift für Romanische Philologie*, 19er № 33, S. 442—47.

⁴ *Schuchardt H.* The Ethnography of Variation. Selected Writings on Pidgins and Creoles. Ann Arbor, 1979, p. 83.

⁵ *Schuchardt H.* Kreolische Studien. IX. Wien, 1891, S. 185.

Х. Шухардт выделил в креолях ряд особенностей, возникших под влиянием африканских языков. Это влияние сказывается, например, в образовании «серийных» глаголов: *go teki kom* — приносить (креоль суринама)⁶, в употреблении глагола там, где в европейском языке значение выражается предлогом⁷, и в частоте постпозитивных элементов в тех случаях, когда в европейских эквивалентах употребляются препозитивные⁸, в изобилии в речи поговорок, пословиц, образных оборотов.

Характерными чертами креолей Шухардт считал также следующие: замену в некоторых случаях грамматических морфем лексическими, например передачу множественного числа не с помощью окончания, и повторением слова: *pierre+s > pierre pierre*⁹, вытеснение инфинитивами прочих глагольных форм¹⁰, употребление ударных сильных форм вместо слабых безударных, например, указательного местоимения вместо артикля¹¹, нечеткое разграничение существительных и прилагательных в функции именной части сказуемого: *hunger=hungry*¹² и ряд других.

Д. К. Хесселинг на примере западноафриканского португальского креоля изучал процесс упрощения языковых форм. В отличие от Шухардта он полагал, что толчок этому процессу дает социально низшая группа говорящих¹³. Хесселинг подчеркивал роль детей в закреплении лингвистических форм, возникающих в результате контакта нескольких языков.

Даже эти краткие указания на основные положения работ ранних креолистов показывают, как тесно связаны в креолях лингвистическая и социальная стороны функционирования языков. Изучение креолей позволяет ученым, с одной стороны, исследовать взаимодействие языков на уровне структур, присущих им как лингвистическим кодам, изучать историю их развития, познавать психологические механизмы языкового мышления, а с другой — делать немаловажные выводы о социальной жизни общности людей, пользующихся данным языком.

Именно такие проблемы ставят перед собой современные исследователи креолей, причем в креолистике четче, чем прежде, выделяются лингвистическая и историко-социологическая области. К креолям как объекту языковедения применяются теперь не только методы дескриптивного или структурного анализа, но и выдвинутая американским лингвистом Н. Хомским в 50-х годах нашего столетия психолингвистическая теория, позволяющая судить именно об основах языкового мышления.

Для завершения экскурса в историю креолистики кратко обобщим современный взгляд на креоли, основываясь на работах 1960—1980 годов таких известных лингвистов, как А. Вальдман, Д. Бикертон, Д. Хаймс и др.

Первой стадией «жизненного цикла» креолей (термин Х. Шухардта, принятый современными учеными) является, как уже говорилось, некий простой язык, быстро возникающий в ситуации контакта групп людей, говорящих на неродственных языках (в историческом плане это торговля, колонизация или, как в нашем случае, плантационное рабство). Для названия такого средства общения принято английское слово *pidgin*. По поводу происхождения его существуют разные мнения. Американский креолист Р. Холл полагает, что восходит оно к названию индейцев, живших в устье р. Ойапок, на границе нынешних Гайаны и

⁶ Schuchardt H. The Ethnography of Variation, p. 74.

⁷ Ibid., p. 75.

⁸ Schuchardt H. Kreolische Studien. VII. Wien, 1888, S. 22.

⁹ Schuchardt H. The Ethnography of Variation, p. 74.

¹⁰ Schuchardt H. Die Lingua Franca, S. 445.

¹¹ Schuchardt H. Kreolische Studien. I. Wien, 1880, S. 142.

¹² Schuchardt H. Kreolische Studien. IX. S. 203.

¹³ Hesseling D. Ch. On the Origin and Formation of Creoles: a Miscellany of Articles. Ann Arbor, 1979, p. 69.

Бразилии. Англичане, пытавшиеся в 1605—1606 гг. колонизовать эту область, называли местных индейцев *pidian* — возможно, по самоназванию. Произносившееся как *pidgin*, это слово стало обозначать аборигена, с которым можно торговать, и язык, на котором он говорил с европейцами¹⁴. Традиционная же этимология возводит значение слова *pidgin* к английскому *business*; выражение «That's my pigeon», означающее «это мое личное дело», до сих пор бытует в китайско-английском языке, который чаще всего называется *pidgin english*¹⁵.

Обычно в пиджине на первых стадиях его существования узнается «упрощенный» вариант языка социально и культурно доминирующей группы. Под «упрощенностью» понимается в данном случае ограниченность словаря, утрата многих грамматических категорий, например числа и рода, и резкое уменьшение характерной для «нормальных» языков избыточности, т. е. свойства неоднократной передачи одного и того же грамматического значения в пределах одного высказывания (например, «это зеленое дерево»: местоимение «это» уже говорит о роде прилагательного, тем самым делая его окончание -ое избыточным).

Но пиджинизация языков — это не произвольное упрощение и не механическое смешение элементов, но процесс адаптации, избирательного изменения языков, подчиненный конкретным целям¹⁶. Пиджин не для кого не является родным языком, он создается взрослыми говорящими и не обладает устойчивостью языков, усвоенных в раннем детстве. Пиджинизация — это происходящее в процессе речевой деятельности одного поколения создание нового языка, и до тех пор, пока его не освоит «третья сторона», т. е. группа людей, либо не владеющая исходными языками, либо не имеющая возможности ими пользоваться (например, вновь прибывающие рабы), его форма будет лабильна из-за постоянно идущих речевых экспериментов. Обычно ограниченный словесный язык дополняется языком жестов, в котором также вырабатываются какие-то элементы и их последовательности. Не исключено, что и этот «синтаксис жестов» оказывает свое влияние на структуру формирующегося пиджина¹⁷.

Фонологическая система пиджина также поначалу нестабильна, прежде всего из-за многочисленности фонетических вариантов при воспроизведении чужой речи. Кроме того, подчеркнутая артикуляция, лишенная естественного ритма говорение, характерные для этой стадии искажают действие фонетических законов.

По мере развития контакта культур, а главное, с появлением поколения людей, овладевающих вновь возникшим языком как родным, пиджин вступает в качественно новую стадию своего «жизненного цикла» — по принятой терминологии, он становится креолем, языком креолов. Прежде всего расширяется и охватывает практически всю общественную жизнь сфера его функционирования. Это сопровождается стабилизацией и обогащением структуры языка, для которого пиджин служит источником основных грамматических и лексических средств и некоторых аналогий для языковых преобразований. Лингвистическая система перестает быть связанной контекстом и ситуацией, а становится все более автономной; речь все менее зависит от внеязыковых средств передачи значения; ее собственный грамматический аппарат все более совершенствуется¹⁸.

Все креольские языки объединяет замечательная особенность, позволяющая выделить их в особый тип, — сходство структуры, существу-

¹⁴ Hall R. *Pidgin and Creole Languages*. Ithaca, 1966, p. 7.

¹⁵ *Pidginization and Creolization of Languages*. — Proceedings of a Conference Held at the University of the West Indies/Ed. Hymes D. Cambridge, 1971, p. 15. Этимология слова «pidgin» изучается также в: Kleinecke D. An Etymology for «Pidgin». — *International Journal of American Linguistics*, 1959, № 25.

¹⁶ *Pidginization and Creolization of Languages*, p. 66.

¹⁷ Le Page R. Process of Pidginization and Creolization. — In: *Pidgin and Creole Linguistics*/Ed. Valdman A. Bloomington, 1977, p. 229.

¹⁸ *Ibid.*, p. 231; Valdman A. Elaboration in the Development of Creole French Dialects. — In: *Pidgin and Creole Linguistics*, p. 157.

не независимо от географической удаленности языков друг от друга от свойств исходных языков. В поисках объяснения этого феномена возникли две основные гипотезы происхождения креольских языков. Первая, более ранняя, возводит все эти языки к одному исходному, разовавшемуся на основе португальского и некоторых языков Западной Африки в XV—XVI вв. и распространившемуся впоследствии по всему миру. Вторая гипотеза, построенная на данных психолингвистики, стоит в том, что креольские языки возникают на основе некоего ложденного психологического механизма, универсального для всего человечества, благодаря которому происходит овладение первым языком. Креольский язык как бы воплощает эту универсальную структуру, которая первоначально формируется у ребенка, но в окружении людей, говорящих на развитом языке, корректируется в соответствии с правилами данного языка. При отсутствии же такого корректирующего влияния, — если кругом говорят на пиджине, не подчиненном устоявшимся правилам, — эта структура становится основой нового языка — креоля¹⁹. Первые носители его — именно дети родителей, говорящих на пиджине. Как видим, нынешние теории сопоставимы с гипотезами ранних креолистов, но опираются на лингвистику, обогащенную данными психологической науки.

В настоящее время существует четыре группы креолей, основанных на французском языке: гаитийский (наибольшее число говорящих), креоль Малых Антильских островов, креоль Французской Гвианы и Луизианы и креоль Маврикия, Родригеса, Сейшелл и Реюньона — последняя группа значительно отличается от остальных. Интересующий нас креоль бывших французских колоний в Карибском бассейне относится к «экзогенным», т. е. возникшим в среде людей, переселенных на новые территории, где их родные языки не могли сохраниться в условиях плантационного рабства²⁰.

Первые и очень немногочисленные описания французского креоля на Антилах, сделанные, как и многие иные наблюдения, христианическими миссионерами, относятся к XVII в. Это не только их рассказы о языке общения между белыми и неграми (или индейцами), но и записи образцов речи того времени, представляющие собой источник для изучения креолей.

Самых ранних свидетельств формирования креоля, по-видимому, не наберется и десятка. Кроме того, это не звучащая речь — основной объект изучения лингвиста — а тексты, записанные на слух людьми, далекими от проблем языкознания, без применения какой-либо системы транскрипции. Вот почему историческое изучение креоля очень затруднено, и основная работа креолистов ведется на современном материале. Тем не менее и эти крохи дают возможность увидеть изменение языка на протяжении всего периода его формирования. Речь идет об отрывках и отдельных примерах, приведенных в книгах миссионеров Ж. Бутона (1640 г.), А. Шевийяра (1659 г.), П. Пеллепра (1655 г.), Ж.-Б. Лаба (1701 г.).

В XVIII и XIX вв. появляются более обширные тексты, сочиняются оригинальные произведения на креоле и записывается фольклор. Приведенные в книгах М. Моро де Сен-Мери (1789 г.), С. Ж. Дюкержоли (1802 г.) и др. образцы иллюстрируют уже сложившийся креоль, близкий к современному. Ранними памятниками литературы на креоле являются: выпущенная в Сан-Доминго в 1801 г. прокламация о сохранении в колонии завоеваний Великой французской революции, подписанная Бонапартом; изданный в 1811 г. сборник песен и стихов Сан-Доминго; вышедшие в последней трети XIX в. сборник пословиц, собранных в Луизиане, Гаити и на Тринидаде, поэма гаитийского поэта О. Дюрана «Шукун» и другие произведения.

¹⁹ См. Бикертон Д. Креольские языки. — В мире науки (Scientific American — издание на рус. яз.), 1983, № 9, с. 86.

²⁰ Bickerton D. Pidginization and Creolization. Language Acquisition and Language Universals. — In: Pidgin and Creole Linguistics, p. 57.

В XIX в. появляются и первые описания французского креоля, сопровождающие издание текстов, либо включающие тексты в качестве примеров. В 1842 г. аббат Гу, французский священник на Мартинике, опубликовал катехизис на креоле, предварив его 14 страницами креольской грамматики. Еще один краткий очерк содержится в «Путеводителе по Гаити», 1861 г. В 1869 г. издается первое детальное описание креоля — работа тринидадского учителя Дж. Томаса, сына бывшего раба, который хотел разрушить представление о том, что креоль — «всего лишь искаженный французский, форма речи, пригодная только для неграмотных крестьян»²¹. Сравнительное изучение креольских языков начал А. Ван Наме, опубликовав в 1870 г. книгу «Вклад в изучение грамматики креольских языков».

Уже в XX в. выходят работы, специально посвященные гаитийскому креолу: книги С. Сильван (1936 г.), Ж. Фэна (1937 г.), М. Ипполита (1949 г.), Р. Холла (1953 г.). Из новейших книг укажем коллективную монографию «Синтаксис гаитийского языка», вышедшую в США в 1982 г.

После экскурса в историографию вернемся к вопросу формирования креоля на плантационных колониях. Простейшие гибридные языки общения начали, по-видимому, складываться еще в поселках и факториях европейских торговых компаний в Африке. При тех масштабах, какие приняла работорговля, особенно в XVIII в., рядовые африканцы не могли не знать о европейцах, об угрозе порабощения; среди них распространялись и какие-то элементы европейских торговых жаргонов и возникших пиджинов. В невольничьих «депо», на кораблях во время двухмесячного «среднего перехода», рабы делали первые шаги в изучении языка хозяев. Многие африканцы вообще знали не один язык: выработали приемы овладения вторым, третьим и даже *n*-м языком, что по-видимому, было необходимо для общения разноязычных племен между собой. Хотя языков в Западной Африке в районах европейской работорговли было несколько сотен (264 суданских, 182 банту, 47 камитских²³), многие из них были структурно и лексически близки, а те, которые имели, вероятно, большие ареалы. На этот счет можно привести свидетельство африканца Эквиано, жившего в XVIII в., который попал к англичанам, прожил в их среде многие годы, получил образование и самостоятельно написал автобиографию. О своем путешествии в Африке до английского плена он пишет: «Хотя я был в нескольких днях пути от дома моего отца, эти люди (в чей дом он попал — Н. К.) говорили на точно таком же языке, как мы. С того времени, когда я покинул свое племя, я всегда встречал кого-нибудь, кто понимал меня... Языки разных племен похожи, и они не столь богаты, как языки европейцев, особенно англичан»²⁴. В дальнейшем, в Америке, это структурное сходство оказало свое влияние при переосмыслении европейских языковых конструкций и создании креольских.

На наш взгляд, в формировании креоля можно выделить три этапа: 1) пассивное овладение рабами основами европейского языка и попытка говорить именно на этом языке; 2) распространение и в среде белых форм «ломаной» французской речи, т. е. появление общего для всех средства общения — пиджина; 3) креолизация пиджина, т. е. закрепление и развитие той его формы, которую находило при своем появлении новое поколение населения. Разумеется, это разграничение условно, поскольку все три процесса происходили одновременно: во-первых, постоянно прибывали новые рабы, для которых вновь и вновь, хотя и в меньшей степени (по мере развития пиджина), повторялась необх-

²¹ Thomas J. J. The Theory and Practice of Creole Grammar. London and Portland, Spain, 1969 (первое издание — 1869), p. IV.

²² Bickerton D. Pidginization and Creolization: Language Acquisition and Language Universals. — In: Pidgin and Creole Linguistics, p. 51.

²³ Mannix D. P. Black Cargoes. A History of the Atlantic Slave Trade. 1518—1866. N. Y., 1963, p. 12.

²⁴ Equiano's Travels. His Autobiography. The Interesting Narrative of the Life of Olaudah Equiano or Gustavus Vassa the African (1789). L., 1967, p. 20.

сть овладевать языком хозяев; во-вторых, пиджинизированные языки появлялись уже в первые часы общения белых и негров; третьих, креолизация хотя бы некоторых языковых форм происходила практически с самого начала в масштабах каждой отдельной плантации и всей колонии в целом. Указанные процессы протекали одновременно, но их интенсивность и масштабы постепенно менялись.

Так, для самого первого периода существования колонии при общей развитости общественной жизни (на этом этапе) скорее всего было характерно именно стремление рабов овладеть языком, на котором к обращались хозяева. Второй этап соответствует периоду, когда в жизни колонии более или менее сложился, определились и формы участия рабов в общественной жизни. Имеется в виду их собственная юридическая деятельность, их собственные институты и религиозная практика, которые требовали уже более развитого языка. На этом этапе, более длительном, чем первый, пиджин распространился во всех слоях общества. На третьем же этапе своего развития этот язык стал основным для значительной части населения. Если начало ввоза негров в Эспаньолу, а с ним и начало формирования креоля приходится на 20—30-е годы XVII в., а образцы речи, близкой к современной, зафиксированы уже в конце XVII в., то можно считать, что креоль в Сан-тинго развился менее чем за столетие.

Оговоримся, что название «французский креоль» отражает не фундаментальное структурное сходство креоля и французского языка, главным образом общность многих слоев лексики (термин «креольский диалект французского языка» в применении к креолю просто неуместен; он скорее может относиться к местному диалекту французского языка).

Можно представить себе, как начиналось усвоение французских языков еще в Африке или на невольничьих кораблях, а затем в колонии: например, инфинитивов или повелительного наклонения глаголов, названий частей тела, одежды, лексики, относящейся к работе, быту²⁵. Тем стали формироваться те лексические слои, которые обслуживали жизнь коллективов рабов, куда европейцы не допускались: из фонда африканских языков отбиралась и закреплялась лексика, связанная с верой, религией, магией, — те слова, которые, по выражению мартиникской исследовательницы Э. Журдэн, «никто не мог перевести рабам французский язык»²⁶.

Торговые и иные отношения с другими европейскими странами обусловили появление в креольском словаре ряда слов из соответствующих языков. В креоль вошел и ряд индейских слов, благодаря контактам с большим индейским населением.

Принятие в основном французского словаря объяснялось, с одной стороны, отсутствием общего языка у этнически пестрой массы рабов на плантациях, а с другой — доминированием французов в рабовладельческом обществе.

Что касается морфологии, грамматики, синтаксиса, т. е. своеобразной внутренней системы языка, то их формирование было значительно более сложным процессом, с одной стороны, интегрирующим влияние африканских языков и французского (который также был представлен одним диалектом), а с другой — уводящим от исходных языков к созданию уникальных структур и элементов, не свойственных ни одному языку-источнику.

Имея в виду вышесказанное, попробуем взглянуть на несколько отрывков, приведенных в источниках и литературе по колониальному периоду Гаити.

В 1659 г. миссионер отец Шевийяр сделал следующее замечание: негры речисты и умны: внимательные наблюдатели, они быстро осваивают язык европейцев, язык, специально искаженный для облегчения

²⁵ Jourdain E. Du français aux parlers créoles. P., 1956, p. XXII.

²⁶ Ibid., p. XXI.

его понимания»²⁷. Он приводит пример священника, обращенного к рабу: «*Tou sçavoir qu'il y a un Dieu: Luy grand Capitou, luy sça tout faire sans autre l'aider. Or Dieu mouche manigat, luy dit en esprit, moy vouloir homme*»²⁸.

По-русски, для наглядности, это можно передать примерно так: знать, что есть бог: он большой хозяин, он уметь все делать без вся помощи. Бог сильно могучий, он говорит через своего духа: я хочу человека».

Современник Шевийяра П. Пеллепра говорит, что негры изъяснялись инфинитивами глаголов. Чтобы обозначить будущее и прошедшее время, они добавляли слова «завтра» или «вчера»: «*demain moi manhier moi prier Dieu*» («завтра я есть, вчера я молиться Бог»). То же: «*Seigneur, toi bien savé que mon frère lui... point lui méchant. Pour toi le voulué faire mourir...*»²⁹.

По-видимому, перед нами как раз образцы пиджинизированной французской речи, которой пользовались и рабы, и хозяева. Не исключено, что французы в общении с неграми иногда прибегали к «детскому языку» или к «языку для иностранцев», т. е. к тем вариантам литературного языка, которые характеризует медленный темп, подчеркнутая артикуляция, замена слабых редуцированных форм сильными, использование описательных лексических средств вместо сложных морфологических образований, ограниченный нейтральный словарь, короткие предложения и т. п. В то же время очевидно, что негры слышали правильную французскую речь, но отсутствие обучения языку вело к тому, что в процессе коммуникации обе стороны воспроизводили и тем самым закрепляли реальные «искаженные» попытки друг друга говорить на одном языке. Л. Блумфильд, крупный американский лингвист, описал возникающий таким образом язык как «компромисс между речью иностранца, говорящего на данном языке, и попыткой воспринять эту речь человеком, для которого данный язык является родным. Постоянно идет процесс, в ходе которого каждая сторона неточно воспроизводит речь другой стороны»³⁰.

Как бы то ни было, ни один из отрывков не приближается в целом к современному креолу и даже к его варианту, сложившемуся к концу колониального периода, но показывает ход его становления. В первом тексте мы видим заимствованные, по-видимому, из португальского слова «*miche*» — очень много, «*manigat*» — могущественный, «*capitou*» — хозяин, капитан, вышедшие из употребления к настоящему времени (скорее всего они ассоциировались со сферой и эпохой работорговли). Отрицание образуется с помощью «*pon*» и «*point*», которые в дальнейшем уступили место частице «*ra*». Здесь еще употребляются обороты «*ie y a*», инфинитивы «*vouloir*» и «*sçavoir*» (чередующиеся с формами «*voulé*» и «*savé*», принятыми в креоле), притяжательные местоимения находятся перед существительными.

В то же время в этих образцах присутствуют и черты креоля, усваившиеся к тому времени и сохранившиеся в дальнейшем: употребление не спрягаемой и не изменяемой по временам формы глагола; употребление местоимений в косвенном падеже (*moi, lui*) в качестве подлежащих и отсутствие выраженной формы глагола-связки (*lui méchant*).

К концу XVII в. креоль приобретает уже большее сходство со своим современным вариантом, о чем свидетельствует даже краткая фраза, записанная Ж.-Б. Лаба. Женщина обращается к мужчине и называет

²⁷ Chevillard A. Les desseins de son éminence de Richelieu pour l'Amérique. *Annales*, 1659, p. 20.

²⁸ Ibid., p. 21.

²⁹ Цит. по: Goodman M. A Comparative Study of Creole French Dialects. The Hague, 1964, p. 105.

³⁰ D'Ans A.-M. Le Créole Français d'Haiti. — Études des unités, d'articulation, d'expansion et de communication. The Hague, 1968, p. 20—21.

³¹ Goodman M. A Comparative Study, p. 105.

³² Ibid., p. 196.

своего ребенка: «toi papa li»³³. Здесь запечатлено очень характерное для креоля выражение родительного падежа местоимения помещением его непосредственно за относящимся к нему существительным. Система постпозиционных определителей существует во многих языках Африки, и это, несомненно, сыграло свою роль в утверждении такой конструкции в креоле. Однако и во французском языке возможны обороты подобного типа: «c'est son fils à lui», которые также могли служить моделью для креоля³⁴.

Вообще вопрос о роли субстратов, об объеме их влияния на креоль в процессе его складывания представляется весьма спорным. В отношении гаитийского креоля на этот счет существовали даже абсолютно противоположные мнения. Так, Сильвен Комэр, известный гаитийский историк, считала, что креоль — это язык эве с французским словарем³⁵. Через год после выхода ее книги, т. е. в 1937 г., Жюль Фэн, не будучи, правда, профессионалом, а лишь большим энтузиастом изучения креольских языков, утверждал, что «нигде в Америке, ни в каких антильских диалектах, ни в языке негров южных штатов США не наблюдается никакого влияния африканских языков»³⁶.

Современные исследователи не стремятся утвердить приоритет какой-либо стороны, но находят лингвистические соответствия между креолем, французским языком и африканскими языками в разных аспектах их структуры и там, где возможно, определяют источник. Мы уже говорили о постпозиционном употреблении определителей. Кроме родительного падежа местоимений, так же употребляется в креоле определенный артикль *la* (единственное число) и *jo* (множественное число). Причем последний может не следовать непосредственно за существительным, а находиться в самом конце всей части предложения, относясь к существительному: *twe pè sulje nwa papa-m te-ašte-m Pot-o-tes ajo* — «три пары черных ботинок, которые отец купил мне в Порт-Пренсе». Такое явление есть в языках эве, волоф и др.³⁷ Еще один пример соответствия с африканскими языками — деление значения глагола «быть» на «быть» как связку, «быть» с обозначением качества и «быть» в локативном употреблении³⁸.

Исследователи отмечают и ряд фонетических соответствий³⁹. Но особенно заметно влияние африканских языков на глагольную систему креоля. Заключается оно, во-первых (в плане содержания), в предпочтении вида, а не времени глагола, т. е. обозначения характера протекающего действия в его отношении к результату, длительности, повторяемости; а во-вторых, в плане выражения, в употреблении свободных морфем (частиц), предшествующих неизменяемой основе глагола, а не суффиксов или внутренних флексий (чередований звуков). Но частицы эти исходят от французских вспомогательных или модальных глаголов из предлогов. Так, определитель длительности действия *re/ar/ape/ape* исходит от предлога *après*. Частица со значением законченности *fek* исходит от французского *ne fait que* — «делает только, только, только что»: *m-fek-rivé* — «Я только что приехал». Эмфатический (усиленный) вариант этой частицы — *fek-rek* — фр. *ne fait rien que*⁴⁰. Для обозначения прошедшего времени используется частица *te/t* фр. *été*: *li qabwe* — «я пил», *li mēin te-petit* — «он сам был маленьким». Частица, выражающая будущее время, *ava/va/a*, имеет своим источником параболу настоящего времени глагола *aller*. Чтобы выразить, например,

³³ Labat J.-B. *Nouveau voyage aux Isles d'Amérique*. P., 1722, v. I, p. 217.

³⁴ Veldman A. *Creolization: Elaboration in the Development of Creole French Dialects*. — *Pidgin and Creole Linguistics*, p. 175.

³⁵ Comhaire S. *Le créole Haïtien*. Port-au-Prince, 1936, p. 178.

³⁶ Fain J. *Philologie Créole*. Port-au-Prince, 1937, p. 3.

³⁷ Hall R. *Pidgin and Creole Languages*. Ithaca, 1966, p. 75.

³⁸ Alleyne M. *Acculturation and the Cultural Matrix of Creolization*. — In: *Pidginization and Creolization of Languages*, p. 173.

³⁹ Hall R. *Pidgin and Creole Languages*, p. 30.

⁴⁰ Ibid., p. 59.

длительность действия в будущем, частица *te* предшествует частице *do*. Условное наклонение, т. е. аспект нереальности действия выражается помощью *te/t*, за которой следует *va/a*: *li t-a-karab* — «он мог бы». А. Вальдман, один из крупных авторитетов в креолистике, привел таблицу, демонстрирующую структурное сходство глагольной системы гаитийского креоля и языка фон. Каждый из языков имеет три поменя вида/времени со сходным семантическим диапазоном, которые во всех случаях находятся в аналогичных синтаксических положениях⁴² (см. табл.).

Наклонение	Вид				Время
	однократный		длительный		
Реальное	Нулевая форма	Нулевая форма	ap	do	Без обозначения претерита
	te	ko	t ap	ko do	С обозначением претерита
Нереальное	a	na	av ap	na do	Без обозначения претерита
	ta	na ko	t av ap	na ko do	С обозначением претерита
	Гаитийский креоль	Фон	Гаитийский креоль	Фон	

М. Гудман, автор сравнительного исследования диалектов французского креоля, считает, что такая же система выражения категорий времени свойственна языку мандинго⁴³. Некоторые ученые основное африканское влияние приписывают языку народов акан и эве⁴⁴.

Но и некоторым вариантам французского литературного языка XVII—XVIII вв. не была чужда тенденция к аналитичности, и в частности к употреблению глаголов без окончаний лица и числа⁴⁵, что, может быть, также способствовало закреплению аналитической глагольной системы креоля.

Вообще формирование аналитической морфологии креоля было обусловлено не только тем, что для африканских языков синтетичность характерна, но отчасти было следствием трудности постижения специального обучения, системы изменения слов французского языка. Так, фонологическая неразличимость многих французских глагольных форм: *aller* и *allé*; *finis*, *finit*, *fini* — была, вероятно, тем фактором, который способствовал появлению неизменяемого креольского глагола. Парадигмы существительных и прилагательных во французском языке являются простым набором окончаний, различимых в любом высказывании. Напротив, они представляют собой совокупность весьма сложной фономорфологических образований, для которых характерна омофония (одинаковое звучание), порождающая неверное восприятие границ слов, а тем самым ошибочное определение словоизменительных элементов. Например, формы мужского и женского рода существительных и прилагательных обычно не различаются в превокальном положении (например, гласным *grand* (м.) и *grande* (ж.) произносятся одинаково), в то время как формы единственного и множественного числа различаются только в превокальной позиции. Границы между служебными и смысловыми словами по тем же фонологическим причинам интерпретируются неверно. Отсюда нередкое восприятие форм числа и рода существительных или прилагательных как отдельных лексем и закреплений.

⁴¹ Ibid., p. 60.

⁴² Valdman A. Creolization..., p. 180.

⁴³ Goodman M. A Comparative Study..., p. 81.

⁴⁴ Alleyne M. Acculturation..., p. 176.

⁴⁵ Valdman A. Creolization..., p. 181.

⁴⁶ Goodman M. A Comparative Study..., p. 72, 123.

кой из них своего круга значений. Например, происходящее от французского *plein* (мужской род) креольское прилагательное означает «полный», *pleine* — от женского рода того же прилагательного, значит «полная»⁴⁷.

Та же сложность восприятия границ слов привела и к агглютинации французского артикля и образованию таких существительных, как *laž l'age* — возраст, *dlo* (фр. *de l'eau*) — вода, *zozo* (фр. *les oiseaux*) — птицы.

Приведенные материалы, как нам кажется, дают некоторое представление о процессе и закономерностях формирования креоля. Остается изучить стилистических особенностей креоля, специфических способов давать речи выразительность, на что в источниках также есть указания. Моро де Сен-Мери, автор одного из важнейших источников по истории Сан-Доминго, например, пишет, что негры любят усиливать впечатление от рассказа звукоподражанием: «Говоря о пушечном выстреле, прибавляют „бум“, о ружейном выстреле — „пум“, о свистке — „п“, об ударе ногой или палкой „бим“ ...а чтобы указать на дальность расстояния, они повторяют несколько раз „далеко, далеко, далеко“»⁴⁸. Моро де Сен-Мери отмечает и любовь негров к сентенциям. Он приводит созданную ими поговорку для выражения сожаления о содеянном: «*Si mon te sonnè; Pas jamais douvan, li toujòurs de grièrè*»⁴⁹ — еще один образец креольской речи, примерно переводимый как «задним ум крепок».

Уже в колониальный период в Сан-Доминго выделялись три территориальных диалекта креоля: северный, западный (диалект Порт-о-Пенса) и южный. Но кроме такого «горизонтального» деления было и еще одно «вертикальное» деление креоля — его социальные диалекты или разновидности. Прежде всего несколько различались креоль белых и креоль негров-рабов, хотя бы тем, что, как уже говорилось, лексикон креоль негров включал в себя значительное число слов африканского происхождения, которыми белые пользовались ограниченно; выразительные средства, описанные Моро де Сен-Мери, также характеризуют язык негров. Социальная стратификация в среде рабов, определявшаяся степенью близости к хозяевам, свою параллель в языковой области находила в том, что язык каждой из групп приобретал некоторые социально значительные (т. е. указывающие на социальное положение) особенности и близились дальше отходил от французского языка, превращаясь в «креолизованый французский», «офранцузженный креоль» или «грубый креоль». Домашние слуги, ремесленники и вольноотпущенники нередко давали выучивали французский язык. В то же время полевые рабы сохраняли в своей среде «более пиджинизированные» формы, для того чтобы не дать белым узнать о своем поведении и своих обычаях больше, чем было минимально необходимо»⁵⁰. Это естественное следствие низкого социального положения и большой степени изоляции полевых рабов. Какие-то специфические черты языка культивировались и в общинах маронов, имевших ограниченные связи с остальным обществом.

Характеризуя креоль в целом, Моро де Сен-Мери говорит: «У него свой гений... европеец, сколько бы он ни прожил на островах, никогда не усвоит креоль во всех тонкостях». Французский и креоль дополняют друг друга: «Есть тысяча мелких вещей, которые человек не сумеет сказать по-французски, тысяча сладострастных образов, которые не удастся выразить на французском языке и которые креоль передает с бесконечным изяществом»⁵¹. При этом, употребляя слово «ге-

⁴⁷ Weinreich U. *Languages in Contact*. The Hague, 1963, p. 34.

⁴⁸ Moreau de Saint-Méry M. *Description topographique, physique, civile, politique et topique de la partie française de l'île Saint-Domingue*. V. 1—3. P., 1958 (первое издание 1798).

⁴⁹ Ibid., p. 57.

⁵⁰ Smith M. C. *Some Aspects of the Social Structure in the British Caribbean about 1800* — *Social and Economic Studies*, 1953, № 1 (4), p. 60.

⁵¹ Moreau de Saint-Méry. *Description...*, v. I, p. 81.

ний» по отношению к креолу, автор делает характерную оговорку, тем самым слово это не унижает.

Итак, приведя в некоторую систему сведения о креоле, суммируемые в ходе изложения выводы. Нам представляется, что этот язык начал развиваться в колониальный период именно с попыток членом колонии низшей группы говорить с представителями доминирующей группы на ее языке. Вероятно, французы старались упростить свою речь при общении с рабами, но едва ли эти усилия были систематическими повсеместными. Анализ тех образцов пиджинизированной французской речи, которые содержат лингвистические свидетельства ранних стадий развития креоля, говорит скорее о том, что негры усвоили немало в структуре французского языка, выделили многие структурные элементы и устойчивые взаимоотношения. Однако несовершенное знание французского, а также влияние родных языков, на которых говорили привезенные из Африки рабы, были причинами первоначальной вариативности форм и повели к своеобразному развитию местного языка. Большую роль в закреплении определенного состояния языка сыграли родившиеся в колонии дети, для которых он стал родным. С течением времени с появлением новых поколений креолов язык стабилизировался и все меньше и меньше менялся под влиянием демографических и иных социальных факторов. Вместе с тем росла степень «идентификации» населения с креолом, т. е., с одной стороны, осознание им языка как признака своей общности и отличия от населения, говорящего на других языках, а с другой, — рост его значения в формировании особенностей мышления и своеобразных (этнических) черт психики, т. е. того, что делает язык этнообразующим фактором⁵².

⁵² См. Брутян Г. А. Гипотеза Сепира — Уорфа. Ереван, 1968. См. также главу об этнических особенностях психики в кн.: Бромлей Ю. В. «Очерки теории этноса». М.: Наука, 1983, с. 143—172.

Лекса Мануш

К ПРОБЛЕМЕ МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА ЦЫГАН

[Истоки цыганской музыки в Европе]

Одной из наиболее ярких черт цыганского народа является, по-видимому, присущая ему исключительная врожденная музыкальность. Профессия музыкантов, певцов и танцоров издавна считалась у цыган ведущей¹. Цыганская музыка, песня и пляска не однажды оказывали огромное влияние на творчество различных композиторов, писателей и поэтов тех стран, в которых обосновались цыгане, а на русскую поэзию, пожалуй, в особенности. Об этом наглядно свидетельствуют сами названия стихотворений русских поэтов прошлого века: «Цыганская пляска» (1805 г.) Г. Р. Державина, «Цыганская песня» и «Цыганская пляска» (1828 г.) С. П. Шевырева, «Цыганские песни» (1840-е годы) А. К. Толстого, «Песня цыганки» (1853 г.) Я. П. Полонского, «Цыганская венгерка» (1857 г.) А. А. Григорьева, «Цыганская песня» (1870-е годы) А. Н. Апухтина и др. Тем не менее, несмотря на свою давнюю популярность, цыганская песня до сих пор остается, по выражению

¹ См.: Баранников А. П. Цыганы СССР. Краткий историко-этнографический очерк. М., 1931, с. 43—45; Григорьев А. А. Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны. — Собрание сочинений Аполлона Григорьева/Под ред. Саводника В. Ф. Вып. 14. М., 1915, с. 44—48; Popp Serboianu C. J. Les Tsiganes. P., 1930, p. 62—63; Ficowski J. Cyganie na polskich drogach. Kraków, 1965, s. 174—178.

Велеховой, одной из великолепных загадок искусства². Причина ее загаданности прежде всего в том, что музыкальный фольклор до недавнего времени совершенно не исследовался. Первой публикацией, посвященной цыганской музыке, очевидно, следует считать восторженную книгу Ф. Листа «Цыгане и их музыка в Венгрии»³. Однако единственным материалом, которым располагал композитор при работе над книгой, были его личные впечатления от встреч с цыганскими музыкантами в Венгрии. Его работа породила проблему цыганской и венгерской музыки, вызвав бурную и длительную дискуссию на страницах венгерской печати⁴. Лишь в 20—30-х годах прошлого столетия Б. Бартоку и З. Кодай в результате предварительной работы по собиранию народных песен удалось решить проблему цыганской народной венгерской музыки. Был вскрыт древнейший пласт цыганской музыки, основанный на ангемитонной пентатонике и обнаруживший близость к музыке народов Поволжья⁵. Во время своих фольклорных экспедиций накануне первой мировой войны Б. Барток и З. Кодай писали на фонограф и 38 цыганских песен, лишь недавно опубликованных их учеником Р. Вигом⁶. Однако научное исследование цыганского музыкального фольклора не входило в задачу Б. Бартока и З. Кодая. Поэтому даже в книге «Народная музыка Венгрии и соседних народов» (1934 г.)⁷ Б. Барток только частично касается исполняемой цыганами инструментальной музыки, отрицая ее определение как цыганской». 22 года спустя З. Кодай в своей работе «Венгерская народная музыка» (1956 г.) отмечает, что в отличие от исполняемой гомофонными цыганами музыки существует другая, настоящая «цыганская» музыка⁸. Далее он указывает также на то, что «в исполнении цыган-рыкантов (особенно в Трансильвании) можно услышать многочисленное танцевальное пьесы неизвестного происхождения», под которые народ имеет обыкновение танцевать, хотя сам никогда этих мелодий не поет и не играет, а следовательно, единственным их источником являются цыгане⁹.

Заслуга в исследовании этой «настоящей цыганской музыки» всецело принадлежит братьям Имре и Шандору Ченки, которые, следуя примеру Б. Бартока и З. Кодая, приступили в 40-х годах к систематическому сбору музыкального фольклора венгерских цыган. В итоге было написано около 1000 цыганских песен, 99 из которых вошли в изданный в 1955 г. сборник¹⁰. Работу братьев Ченки продолжил А. Хайду, давший в своих статьях музыкальный анализ народных песен цыган Венгрии¹¹, продолженный позднее и в книге другого венгерского музыковеда Б. Шаши¹². Наконец, крупным вкладом в дальнейшее изучение музыкального фольклора венгерских цыган явился выпуск в свет монументальной

² Велехова Н. Тайны цыганской песни.— Театр, 1972, № 4, с. 84.

³ Liszt F. Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie. P., 1859. См. также Ф. О музыке цыган.— В кн.: Герман А. В. Библиография о цыганах. Указатель статей с 1780 по 1930 г. М., 1930, с. 40—43.

⁴ См. об этом подробно в кн.: Sárosi B. Cigányzene... Budapest, 1971, 127—135. old. ⁵ См., например: Барток Б. Венгерская народная музыка. [Три лекции Б. Бартока (Липции).— Информационный материал Венгеро-Советского общества, вып. 18 (статья журнала «Уй зенен семле», 1954, № 7—8, с. 1—20). Будапешт, б. д.; Кодай З. Венгерская народная музыка. Будапешт, 1961.

⁶ Vig R. Gypsy folk songs from the Béla Bartók and Zoltán Kodály collections.— Acta musicologica. Budapest, 1974, t. 16, fasc. 1—4, p. 89—131.

⁷ Барток Б. Народная музыка Венгрии и соседних народов. М.: Музыка, 1966.

⁸ Кодай З. Указ. раб., с. 8.

⁹ Там же, с. 122—123.

¹⁰ Csenki I., Csenki S. Bázsarózsa. 99 cigány népdal. Budapest, 1955. 4. kiadás. Budapest, 1969, 151 l. См. также новый сборник братьев Ченки: Csenki I., Csenki S. Cigány népdalok és táncok. Budapest, 1977 и рецензию И. Бекерди в «Études Tsiganes», 1978, № 3, p. 33).

¹¹ Hajdu A. Les Tsiganes de Hongrie et leur musique.— Études Tsiganes, 1958, № 1, 4—28; Idem. Le folklore tsigane.— Études Tsiganes, 1962, № 1—2, p. 1—32; Idem. La légende des Tsiganes kalderás.— Arts et traditions populaires. P., 1964, a. 12, № 2, 129—177.

¹² Sárosi B. Op. cit., 21—25. old.

работы уже упомянутого Р. Вига — «Цыганские народные песни грии»¹³. Она представляет собой прекрасно оформленный альбом, состоящий из двух грампластинок, текстов цыганских песен с переводом и очерком особенностей народной цыганской песни в Венгрии на герском, английском, немецком и русском языках.

Таким образом, венгерские этномузыкологи достигли значительных результатов в области исследования музыкального фольклора своей страны. Что же касается цыганской музыки в других регионах, то, как отмечает Б. Шароши, о ней известно еще очень мало из-за отсутствия соответствующих исследований в этом направлении¹⁴. Несмотря на это обстоятельство, автор выделяет некоторые наиболее интересные особенности музыкального фольклора балканских, русских, испанских, а также владарских цыган¹⁵. В целом с выводами автора можно согласиться. В большинстве цыганологических исследований анализ музыкального творчества цыган, как правило, отсутствует, если не считать общих рассуждений об их музыкальной одаренности и роли, которую они обычно играют во время празднеств и торжественных обрядов или иного народа. В лучшем случае в таких работах приводятся характерные для цыганской музыки лады, и в первую очередь хроматический лад с двумя увеличенными секундами (так называемая «цыганская гамма»)¹⁶.

Исключение составляет только музыка испанских (андалусских) цыган. Еще в 1922 г. композитором М. де Фальей был написан предельно лаконичный и в то же время содержащий глубокий музыкальный анализ очерк о вокальном стиле цыган Андалусии — *канте хондо*¹⁷. К настоящему времени уже существует весьма обширная литература по музыкальному фольклору цыган Южной Испании (*канте хондо* и различные жанры более позднего стиля *фламенко*)¹⁸.

В 60-е годы большую работу по изучению цыганского песенного творчества проделали финские исследователи. Ее результаты можно видеть в обстоятельной статье П. Ялканена¹⁹ и в выпуске в свет большого сборника песен цыган Финляндии, подготовленного К. Хуттуненом, П. Ялканеном и П. Лааксоненом²⁰.

В нашей стране наиболее ранней публикацией по музыкальному фольклору русских цыган, по-видимому, следует считать ис-

¹³ Vig R. Magyarországi cigány népdalok. Budapest, 1976. См.: «Венгерские песни». Будапешт, 1977, № 5, с. 24; № 8, с. 25. См. также рецензию в журнале «Tsiganes» (1977, № 3, p. 55—57).

¹⁴ Sárosi B. Op. cit., 20. old.

¹⁵ Ibid., 20—30. 38—39. old.

¹⁶ Папазян В. М. Армянские боша (цыгане). Этнографический очерк. — Этнографическое обозрение. М., 1901, г. 13, кн. 49, № 2, с. 103, 135—136; Dincser O. A cigány hangsor. — Ethnographia népélet. Budapest, 1937, 48. évf., № 1, 468—471. old.; Wells Zingari. Musica. — In: Enciclopedia italiana. T. 35. Roma, 1937, p. 957; Ficovacci G. cit., s. 224—225.

¹⁷ Фалье М. де. Статьи о музыке и музыкантах. М.: Музыка, 1971, с. 49—60; также: Мартынов И. И. Музыка Испании. М.: Сов. композитор, 1977, с. 21—34.

¹⁸ См., например: Caba P., Caba C. Andalucía, su comunismo y su cante jondo. Madrid, 1933; Triana F. el de. Arte y artistas flamencos. Madrid, 1935; Lafuente R. Los flamencos, el flamenco y los flamencos. Barcelona, 1955; García Matos M. Bosquejo histórico del cante flamenco. Madrid, 1958; Quévrenex L. Art flamenco. Bruxelles, 1959; Mañá Manuel de Falla y el «cante jondo». Granada, 1962; Pohren D. E. L'art flamenco. Sevilla, 1962; Idem. The art of flamenco. Sevilla, 1970; Molina R., Mairena A. Mundo y arte del cante flamenco. Madrid, 1963; Rossi H. Teoría del cante jondo. Barcelona, 1963; Hecht P. The wind cried. American's discovery of the world of flamenco. N. Y., 1963; также: Cantos flamencos. — Enciclopedia Universal Ilustrada europeo-americana. Madrid, 1925, t. 26, p. 229; Blas Vega J. Flamenco. — Encyclopaedia universalis. V. 7. Paris, 1966, p. 29—31; Ахундов П. Испания. XV. Музыка. — БСЭ, т. 10, 1972, стб. 1558—1561; Суриц Е. Я. Испания. XVI. Танец. — Там же, стб. 1561—1563.

¹⁹ Jalkanen P. Suomen mustalaisten musiikista. — Zirickli. Helsinki, 1971, № 1 (tuurinnumero), с. 39—50.

²⁰ Huittunen K., Jalkanen P., Laaksonen P. Kaale džambena. Suomen mustalaisten laulat. Finnish Gypsies sing. Original recordings from the Folklore Archives of the Finnish Literary Society. Love Records 2-LXLP-508/509. См. также рецензию на эту запись, написанную А. Вилкуной (A. Vilkuuna). — In: Ethnologia Scandinavica. Lund, 1972, p. 172—173.

известного этнографа В. Н. Добровольского «Киселевские цыгане» в приложении к которому дано пять песен в нотной записи Берга²¹. В 20-е годы проблема цыганской музыки частично затрагивалась в трудах К. В. Квитки, главным образом в связи с вопросом о происхождении интервала увеличенной секунды в южнославянской и русской музыке²². В опубликованной немногим позднее работе Штейнпресса об истории цыганского хорового пения в России отмечена необходимость большой предварительной работы по записи и анализу цыганских песен. Поэтому автор сознательно отказывался от анализа характерных черт музыкального фольклора русских цыган. В предисловии от издательства, а также в самой работе подчеркивается, что подлинно цыганская песня совершенно не изучена и что до сих пор нет ни одной исследовательской работы о песне цыган нашей страны²³. В послевоенный период в наших музыкальных издательствах только раз выходили в свет небольшие сборники песен русских цыган, а в 1971 г. был издан наиболее полный из них, составленный композитором С. М. Бугачевским²⁵. В сборник вошло 92 песни и плясовых танцев (с учетом вариантов — 97). В предисловии от издательства отмечается, что «традиционные цыганские народные песни, бытующие в различных европейских странах, не имеют между собой почти ничего общего», а также что «сохранившиеся и в Западной Европе, и в СССР различные стили цыганского песенного фольклора еще очень малы»²⁶.

Однако, как видно из нашего обзора, к настоящему времени фольклористы-музыкологи все же располагают уже некоторым материалом о народной музыке испанских, венгерских, финских и русских цыган²⁷. К сожалению ученые разных стран делают в этом направлении лишь первые шаги, то вполне естественно, что в их работах еще отсутствует комплексный подход. Характерным недостатком некоторых исследований является фактический отказ от использования данных других наук: лингвистики, этнографии и т. д., которые нередко способны оказать добрую услугу фольклористу-музыковеду. В частности, на наш взгляд, этим грешит представляющая в целом большой интерес статья русского музыколога Г. Чобану, который пренебрежительно относится к данным цыганологии, выражая недоверие даже относительно индийского происхождения цыган²⁸.

Добровольский В. Н. Киселевские цыгане. Вып. 1. Цыганские тексты. СПб., 1908. 87 с.

См. его статьи «О происхождении хроматизма в народной музыке славянских стран» и «К вопросу о тюркском влиянии». — В кн.: Квитка К. Избранные труды в трех томах. Т. 1. М.: Сов. композитор, 1971, с. 312—350.

Штейнпресс Б. К истории «цыганского пения» в России. М., 1934, с. 3 и 46.

См., например, Лихатов А. А. Цыганские песни в сопровождении семиструнной гитары. Л.: Музыка, 1967.

Бугачевский С. М. Цыганские народные песни и пляски. М.: Сов. композитор, 1976, с. 16.

Там же, с. 3.

Настоящая статья была написана в феврале 1979 г. За прошедшие 6 лет был издан один сборник братьев Ченки и опубликованы новые статьи по музыкальному фольклору венгерских цыган. См.: Csenki I., Csenki S. Cigány népballadák és keservei. Budapest, 1980. 137 old.; Olsvai I. A magyarországi cigányság zenei hagyománya. — Cigányok, honnét jöttek — merre tartanak? Budapest, 1983, 196—219. old.; Maróti A. Cigányság tánc kultúrája. — Ibid., 220—229. old.; Csenki I., Mészáros Gy. A magyarországi cigányok vokális népzeneje. — Forrás. Budapest, 1984, 16. évf., 6. sz., 102—109. old. В нашей стране появились публикации 36 мелодий баллад, песен и танцевальных цыган СССР (кэлдэрэров и ловаров) и весьма обстоятельное исследование Дербаквой. См.: Образцы фольклора цыган-кэлдэрэрей/Изд. подг. Деметер Р. С. и др. М.: Наука, 1981. 264 с.; Шербакова Т. Цыганское музыкальное исполнительство оркестром в России. М.: Музыка, 1984. 174 с. Из более ранних работ следует отметить статьи, посвященные женскому танцу балканских цыган и общей характеристике карпатских цыган Южной Польши. См.: Dunin E. Soček as a ritual dance of Gypsy women («Чочекот» как ритуальная игра на ромских танцах). — Макед. фолклор. Скопје, 1973, к. 6, бр. 12, с. 193—198; Kafel E. Ogólna charakterystyka pieśni Cygan z Czarnej Góry. — Ethnografia polska, t. 22, z. 2. Wrocław etc., 1978, s. 171—175.

²⁴ Ciobanu Gh. Despre așa numita gamă țigănească. — Revista de folclor. București, 1978, № 1—2, p. 123—146.

теперь, как нам кажется, на первый план выдвигается задача, заключающаяся в том, чтобы на основе анализа уже имеющихся материалов попытаться проследить развитие цыганского музыкального фольклора, выявить общие черты и различия в музыке цыган отдельных стран. Естественно, что в пределах одной статьи эту задачу полностью разрешить нельзя²⁹. Кроме того, нам представляется необходимым начать с вопроса об истоках цыганской музыки в Европе.

Несомненно, что корни исключительной музыкальности цыган следует искать в глубине веков в далекой Индии, в стране, где музыка, пение и танцу издавна придавалось магическое значение³⁰. Родословная временных цыган восходит к коренному населению северо-западных районов древней Индии, занимавшему уже в середине I тыс. до н. э. сложной сословно-кастовой системе древнеиндийского общества положение неприкасаемых. Упоминаемые в древнеиндийском историческом памятнике «Манавадхармашастра» («Законах Ману») *чандалы*, вероятно, возможно, некоторые другие касты неприкасаемых, получившие позднее общее название *дóмов*³¹, являются непосредственными предками современных цыган³². Самоназвание европейских (*ром*), армянских (*лом*) и переднеазиатских (*дом*) цыган восходит к древнеиндийскому названию члена касты неприкасаемых, профессиональных музыкантов, певцов и танцоров — *дóма*³³. Характерно, что и поныне наряду с профессией музыкантов *дóмы*, как и цыгане (*рóмы*), занимаются различными ремеслами. Так, например, *дóмы* Хунзы и Нагара — это профессиональные музыканты и кузнецы, а *дóмы* Химачалпрадеша помимо своей основной профессии музыкантов заняты также плетением корзин, что характерно и для некоторых групп закавказских, балканских, славянских, французских и белорусских цыган³⁴. Эта традиция имеет многовековую историю. Уже в «Манавадхармашастре» слово *вена* употребляется как для названия касты, членам которой предписывалось играть на музыкальных инструментах, так и для обозначения корзинщика³⁵.

Вероятно, уже в период Кушанского царства (начало нашей эры — IV в.) и империи Гуптов (IV—VI вв.) группы бродячих музыкантов-домов помимо Северо-Западной Индии обитали также на территории современных Пакистана, Афганистана³⁶ и, возможно, на востоке Ирана, поскольку уже в «Манавадхармашастре» *чандалам* предписывалось постоянно кочевать. Вообще же всякий член варны шудра, вынуждаемый искать средства к жизни, имел право жить в любой стране³⁷. По-видимому, следует согласиться с мнением В. М. Бескровного, считавшего

²⁹ В какой-то степени она уже решается в упомянутой выше работе Т. Щербатовой. Указ. раб., с. 89—98.

³⁰ Гусева Н. Р. Индуизм. М.: Наука, 1977, с. 234—235; Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан и Мальдивские острова/Под ред. Гусевой Н. Р., Дьякова А. М., Левина М. Г., Чебоксарова Н. Н. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 54 (далее — НЮА).

³¹ В Кашмире и поныне «неприкасаемые» касты объединяются под общим названием «*дом*» или «*дум*». См. НЮА, с. 362.

³² Hübschmannová M. What can sociology suggest about the origin of Roms. — Archiv orientální. Praha, 1972, № 1, p. 52; Бескровный В. М. О влиянии иноязычной среды на индоарийские языки (на материале цыганских числительных). — Народы Азии и Африки, 1974, № 4, с. 148.

³³ Monier-Williams M. A Sanskrit-English dictionary. Oxford, 1951, p. 431; Павлов К. П. Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карта. СПб., 1887, с. 110 и 129; Народы Передней Азии/Под ред. Кислякова Н. А. и Перца А. И. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 68 (далее — НПА).

³⁴ См., напр.: Lorimer D. L. R. The Dumáki language. Outlines of the speech of the Dóma, or Béricho, of Hunza. Nijmegen, 1939, p. 5; Hübschmannová M. Op. cit., p. 5; Баранников А. П. Указ. раб., с. 42; Horváthová E. Cigáni na Slovensku. Historicko-pografický náčrt. Bratislava, 1964, s. 204.

³⁵ Законы Ману (пер. С. Л. Эльмановича). М.: Изд-во АН СССР, 1960, IV. 211 X, 19, 49.

³⁶ Отметим, что в современном Афганистане сельские музыканты и певцы, известные под названием *дум*, занимаются различными ремеслами, и в частности выступают в роли цирюльников. Обычно *думы* — это афганизированные индийцы, т. е. потомки переселившихся сюда из Индии *дóмов*. См. НПА, с. 67—68.

³⁷ Законы Ману, X, 52; II, 24.

одной из важных причин миграции домов из Северо-Западной Индии было невыносимо тяжелое положение неприкасаемых, побуждавшее их переселяться в поисках более благоприятных условий для существования³⁸. Дальнейшей массовой миграции домов на запад, а также на восток в районы Бихара и Ассама способствовали опустошительные бегства на Северо-Западную Индию племен эфталитов и гурджаров (V—VI вв.). Как гласит предание, первые цыгане-музыканты появились в Иране во время правления шаха Бахрама Гура (421—439), которому, по преданию, индийский раджа Шанкал, прислал в подарок 10—12 тыс. исполнителей в игре на люте музыкантов. На этот факт ссылается писавший на арабском языке персидский историк Хамза аль-Исфахани (ок. 893—между 961 и 971 г.), у которого цыгане-музыканты фигурируют под арабским названием *зотт*, а полвека спустя это же событие упоминается в поэме «Шах-намэ» Абулькасима Фирдоуси (ок. 940—между 1020 и 1030 г.), в которой они выступают под названием *лури*³⁹. Отметим, что поныне среди различных арабских наименований цыган употребляется этноним *зотт* (или *зутт*), т. е. название живущих в западных районах Индии *джатов*. В западном Афганистане и в настоящее время проживающая к цыганам народность, называемая *джат*⁴⁰. Под названием *лури* или *люли* < *лури* цыгане, занимающиеся музыкой, пением и плясками, известны ныне на территории Ирана и Средней Азии⁴¹.

Кризис рабовладельческого общества в сасанидском Иране, волнения эксплуатируемого населения, вылившиеся в движение секты манихеев, завоевания Сасанидов в Закавказье, Месопотамии и Передней Азии, а также маздакитское движение, несомненно, способствовали быстрому расселению предков современных цыган по всему Ирану и соседним с ним странам. Именно в этот период предки цыган вошли в контакт с курдами и армянами, о чем ярко свидетельствуют вошедшие в цыганский язык персидские, ранние курдские и армянские заимствования. В VII в. уже отмечено присутствие цыган на севере Аравийского полуострова⁴². По-видимому, не случайно арабы употребляют термин «сасаниды» в переносном смысле применительно к цыганам⁴³. Тогда же в свидетельстве пресвитера Тимофея (конец VI—начало VII в.) впервые говорится о присутствии цыган и в восточных областях Византии. С этого момента вплоть до XIV в. цыгане все чаще упоминаются византийскими авторами под названием 'Αφύγγανοι или 'Ατσιγγανοι, т. е. «неприкасаемые»⁴⁴. В значении «цыган» оно сохранилось и в современном греческом (ατσιγγανος, τσιγγανος)⁴⁵, а также во многих европейских и восточных языках. Дальнейшее продвижение цыган на запад в глубь Византийской империи было связано с арабскими завоеваниями в Иране и Закавказье (VII—VIII вв.), а позднее с опустошительными нашествиями на Переднюю Азию тюрок-сельджуков (XI—XIII в.).

По пути на Запад часть индийских домов, естественно, осела на территории Передней Азии, где и поныне кочуют отдельные группы цыган,

³⁸ Бескровный В. М. «Roma», half-yearly journal on the life, language and culture of Roma. Chandigarh, India.—Народы Азии и Африки, 1976, № 4, с. 155.

³⁹ На этот факт, как правило ссылаются почти все цыганологи. См., например: Бескровный В. М. Указ. раб., 107; Horváthová E. Op. cit., s. 22—23; Ficowski J. Op. cit., s. 178; Mode H., Wölffling S. Zigeuner. Leipzig, 1968, S. 35; Clébert J.-P. Les Tziganes. Paris, 1961, p. 145; Hasler J. A. Los gitanos o «húngaros».—Boletín de antropología. Madrid, 1970, v. 3, № 12, p. 46.

⁴⁰ См.: Арабско-русский словарь/Сост. Баранов Х. К. М., 1962, с. 413; Афганско-русский словарь/Сост. Асланов М. Г. М., 1966, с. 289.

⁴¹ Персидско-русский словарь/Сост. Миллер Б. В. М., 1960, с. 442; Оранский И. М. «Словарь и язык гиссарских парья» (Средняя Азия). М.: Наука, 1977, с. 355; Узбекско-русский словарь. М., 1959, с. 243.

⁴² Hasler J. A. Op. cit., p. 46.

⁴³ Арабско-русский словарь, с. 428.

⁴⁴ Мищенко Х. Г. 'Αφύγγανοι не цигани — Юбилейний збірник на пошану акад. Д. П. Багалія. Київ, 1927, с. 183—189; Шейтанов Н. Принос към говора на Софийските цигани.—Известия на Етнографския музей. София, 1933, с. 2—5.

⁴⁵ Новогреческо-русский словарь/Сост. Иоанидис А. А. М., 1961, с. 22, 127 и 660.

известные у окружающих их народов под различными названиями. Большинство переднеазиатских цыган (Иран, Сирия, Палестина, Ливан) сохраняют свое самоназвание *дом* и славятся как искусные музыканты, певцы и танцоры. В качестве примера можно привести имя Матара Мхаммада, сирийского цыгана из Хомса, который славится своей виртуозной игрой на *бузук* (струнно-щипковый инструмент типа мандолины). Не случайно поэтому арабское слово *мутриб* — 'музыкант', 'певец', шедшее также в персидский и урду языки, у курдов (*мытрыб* или *мытыб*) приобрело значение «цыган», а другое распространенное в странах Передней Азии название цыгана *карачи* в курдском языке имеет в переносном смысле значение гадалыщика и музыканта⁴⁸. По свидетельству В. М. Папазьяна, в прошлом в Армении на свадьбах, как правило, присутствовали ашуги из армянских бошá (самоназвание *лом*), которые играли на скрипке или на пастушеской волынке⁴⁹. Наряду с профессиями музыкантов переднеазиатские и закавказские цыгане занимались различными ремеслами, а поэтому окружающее их население нередко давало им различные названия по профессиональному признаку: «ситодели», «лудильщики», «седельщики» и т. д. Поразительное сходство занятий существует между индийскими домами и цыганами, с одной стороны, бродячими певцами из арабского племени *сулайб* (или *слейб*) в Саудовской Аравии и Ираке — с другой. Последние являются не только музыкантами, но и кузнецами, а также играют роль табибов (врачи, выполняющие лудильные, цирюльные работы, гадают и совершают различные магические действия⁵⁰. Не исключено, что племя сулайб — это та же часть индийских домов, ассимилированных в ходе истории арабами.

О том, что представляла собою «цыганская» музыка во второй половине I тыс., можно судить, опираясь на наши представления о музыке Индии и тех переднеазиатских стран, через которые лежал путь передвижения цыган — домов на Запад. Для всего этого ареала характерна общность музыкальной культуры⁵¹, что, естественно, не исключает наличия и локальных особенностей. Прежде всего это тип так называемой «орнентальной» музыки, часто именуемой персо-арабо-турецкой. Из наиболее характерных для нее черт отметим следующие: преимущественно одnogолосое или хоровое пение в унисон или в октаву; преобладание нисходящего мелодического движения в пределах октавного диапазона; позитивное многообразие ладовых систем: распространенность различных по своей структуре пентатонических звукорядов, семиступенных диатонических ладов мажорного (ионийский, миксолидийский) и минорного (эолийский, дорийский, фригийский) наклонения, хроматических ладов, увеличенной секундой на разных ступенях лада и октав из 12, 17, 18, 24 ступеней; отсутствие темперации, а следовательно, наличие интервалов менее полутона и тона; полифония ритмов; импровизационность исполнения; двухчастность музыкальных форм; частое применение речитатива, рубато и вокального портамента (или глиссандо). У профессиональных музыкантов, очевидно, был популярен типологически общий вокально-инструментальный жанр речитативного склада типа индийской *раги* или персидского *дестгаха* или *макама*. Характерно также отсутствие нот при исполнении инструментальной музыки, что, естественно, создавало большие возможности для свободной импровизации, которая

⁴⁶ НПА, с. 24.

⁴⁷ В 1965 г. он успешно концертировал в Бейруте и Мадриде, а в 1969 г. — в Бельгии и Париже. См. *Chabrier J.-C. Music in the Fertile Crescent. Lebanon, Syria, Iraq*. Cultures. P., 1974, v. 1, № 3, p. 35—58.

⁴⁸ Курдско-русский словарь/Сост. Курдоев К. К. М., 1960, с. 469, 544 и 546.

⁴⁹ Папазьян В. М. Указ. раб., с. 135.

⁵⁰ НПА, с. 412—413 и 529.

⁵¹ Виноградов В. С. Индийская рага. М.: Сов. композитор, 1976, с. 3. См. также Синявер Л. С. Музыка Индии. М., 1958; Бабкина М. П. Индия. XVI. Музыка. — Б. т. 10. М., 1972, стб. 679—681; Григорьев Л. Г. Иран. XV. Музыка. — Там же, стб. 1212—1260; Гирс Г. Ф. Афганистан. XIV. Музыка. — Там же, т. 2. М., 1970, стб. 1274—1280; Беляев В. Очерки по истории музыки народов СССР. Вып. 2. Музыкальная культура Азербайджана, Армении и Грузии. М.: Музгиз, 1963.

Индии и донные обязательна как в вокальном, так и в инструментальном исполнении⁵².

Наиболее популярными из музыкальных инструментов у индийских народов, очевидно, были *лютня* (прообраз современного индийского струнно-щипкового инструмента *вины*), а также *цимбалы* (типа современного шмирского, афганского и армянского струнно-ударного *сантура*) и *таблы* (*нагара*), пользовавшиеся популярностью в Индии уже в IV в. н. э.⁵³ Кроме того, были в употреблении и другие струнно-щипковые *тамбура*, *рубаб*) и струнно-смычковые инструменты (типа индийского *ранги*, афганского и среднеазиатского *гиджака* или курдско-армянских *кяманчи* и *кямани*). Из духовых, по-видимому, наибольшее распространение получили язычковые инструменты гобойного типа (*сурнай*, *зурна*), же типа волынки и флейты. Из ударных наряду с *нагара* (литаврами) упоминались *барабаны* (типа индийских *мридангама*, *дхолака* или афганского *долкая*) и *бубен* (типа афганского *дарйала*, среднеазиатской *цыры* или курдского и армянского *дафа*). При отсутствии музыкальных инструментов, особенно у тех предков современных цыган, которые занимались преимущественно ремеслами, такт отбивался на любом подходящем предмете и всеобщими хлопками в ладоши, как это имеет место теперь у арабов племени сулайб в Саудовской Аравии⁵⁴. В это же время, вероятно, существовала и своеобразная манера вокальной имитации ритма музыкальных инструментов.

Длительное (с конца I тыс. н. э.) пребывание цыган на Балканском полуострове⁵⁵, оставившее след во всех европейских диалектах цыганского языка, в музыкальном отношении большого влияния на них не оказало. Это объясняется близостью между византийской музыкальной культурой и музыкой народов Передней Азии, а также некоторым расстоянием в музыкальном искусстве Византии, который наблюдался там начиная с IX в.⁵⁶ В этот период цыгане сохраняли вынесенный ими из Азии образ жизни и продолжали заниматься прежними ремеслами, из которых особую роль, по всей вероятности, играли кузнечество и вождение медведя. Не случайно греческое *уфто́с* означает и кузнеца, и цыгана, а, например, албанское *агхи́н*, образованное от слова *аг* — 'медведь', имеет значение 'кочевой цыган'⁵⁷. Цыгане играли заметную роль среди профессиональных бродячих музыкантов (лютнистов, цимбалистов, гусляров), популярных в те времена на Балканах⁵⁸. Во всяком случае данные более позднего времени подтверждают предположение, что профессия музыканта ('*башално́*' или '*чалгыджис*') среди балканских цыган была и прежде весьма распространена⁵⁹. В этом отношении интересно свидетельство французского путешественника Кикле о том, что в 1658 г. он часто наслаждался искусством цыган и цыганок, которые «пляшут и поют под аккомпанемент кяманчи, сантура и чигура» (разновидность пятиструнной гитары)⁶⁰. Большой интерес представляют сведения, сообщаемые македонскими исследователями, о том, что на территории Болгарии, Югославии, Албании и Греции на *зурне* играют исключительно цыгане, причем принципы устройства инструмента и звукоизвлечения всюду общие⁶¹.

⁵² История Индии в средние века / Отв. ред. Алаев Л. Б. и др. М.: Наука, 1968, с. 645.

⁵³ См. *Синявер Л. С.* Указ. раб., с. 15.

⁵⁴ НПА. с. 412.

⁵⁵ *Шейтанов Н.* Указ. раб., с. 2—5.

⁵⁶ *Розеншильд К. К.* Византия. Музыка. — БСЭ, т. 5. М., 1971. стб. 132—134.

⁵⁷ Новогреческо-русский словарь, с. 180; Краткий албанско-русский словарь / Сост. Коич Р. Д., Косталлари А., Скенди Д. И. М., 1951, с. 36.

⁵⁸ *Джурич-Клайн С.* Некоторые аспекты сербской светской музыки в эпоху феодализма. — В сб.: Из прошлого югославской музыки. Сб. статей югославских музыковедов. М.: Музыка, 1970. с. 13—28.

⁵⁹ *Генов Д., Таиров Т., Маринов В.* Циганското население в НР България по пътя на социализма. София, 1968, с. 11; *Шейтанов Н.* Указ. раб., с. 8; *Јовановић Ј. В.* Пуста Река. — Лесковачки зборник, 1975, № 15, с. 129—130.

⁶⁰ *Джурич-Клайн С.* Указ. раб., с. 27.

⁶¹ *Кичнов В.* Македония. Етнография и статистика. София, 1970, с. 41; *Голобоки С.* Потеклото на зурлата. — Македонски фолклор. Скопје, 1974, г. 7, бр. 13, с. 35—

По мнению И. Манолова, *зурна* и *барабан*, распространенные у балканских и анатолийских цыган⁶², по своему происхождению не турецкие инструменты⁶³. Кстати, большой барабан и родственный зурне суннай наиболее популярны у домов Хунзы и Нагара⁶⁴. Из других музыкальных инструментов балканских цыган нужно отметить струнно-щипковую *тамбуру* и различные ударные: *бубен* (*дайрэ/дайрэ/дойра тара(м)бўка* или *дарабўка* (разновидность барабана), однотипные индийскими *манджира* небольшие тарелки, известный под турецким названием *зиллимаш* (инструмент в виде щипцов с бубенчиками в концах) и *кастаньеты*⁶⁵. Кроме того, как сообщает болгарский этнограф В. Маринов, профессиональные музыканты из среды болгарских цыган играют также на смычковом инструменте *гадудка*, на свирели (*свирка* на *кавале* (длинная пастушья свирель) и на *гайде* (волынке), которые изготавливались цыганскими мастерами⁶⁶.

Вокально-инструментальная музыка балканских цыган сохраняет те черты ориентальной музыки, которая была известна им еще до прихода в Европу. Однако, на наш взгляд, это не следует объяснять влиянием турецкой музыки, как, например, склонен полагать М. Давид. Известно, что турки восприняли музыкальную культуру завоеванных ими народов Передней Азии и часто прибегали к услугам обращенным к рабство профессиональных музыкантов-цыган⁶⁸. Длительное (нако более позднее по сравнению с появлением цыган) пребывание тур на Балканах способствовало, очевидно, лишь консервации ранее высенной цыганами из Азии музыки. Здесь уместо вспомнить мнение авторитетного болгарского музыковеда С. Джуджева о важной роли, которую цыгане играли в прошлом в музыкальной жизни Болгарии, и огромном влиянии, которое они оказали на болгарскую народную музыку. Он отмечает, что и сейчас цыгане — главные носители восточной музыкальной культуры, того ориентального стиля, который они вынесли из Индии⁶⁹. О подобном воздействии цыганской музыки на развитие греческой народной песни говорит Т. Яннакопулос⁷⁰.

Завоевания сельджуков в Малой Азии (XIII в.) и экспансия турок-османов на Балканах (XIV—XVI вв.) внесли существенные изменения этническую карту Юго-Восточной Европы, вызвав массовую миграцию Балканского полуострова южнославянских народов, а также многочисленных групп цыган⁷¹. Уже в течение XV в. присутствие цыган отмечено почти во всех странах Европы. В 1489 г. в Венгрии впервые упоминается цыган, которого королева Беатриче велела наградить за исполнение народных песен⁷². К этому же времени относятся сведения о цыганах-музыкантах при дворах польских королей⁷³. В XIV—XVI вв.

37; Манолов И. Зурны, зурнская музыка у некоторых балканских народов и реликтные формы в ней. — Там же, с. 39—45.

⁶² Sárosi B. Op. cit., 32, old.

⁶³ Манолов И. Указ. раб., с. 44.

⁶⁴ Lorimer D. L. R. Op. cit., p. 11.

⁶⁵ См.: Sárosi B. Op. cit., 33, old; Христов Д. Теоретические основы болгарской народной музыки. М.: Музгиз, 1959 (1960), с. 15; Кауфман Н. Българска народна музика. София, 1970, с. 92—93.

⁶⁶ Маринов В. Наблюдения върху бита на цигани в България. — Известия на Етнографския институт и музей. София, 1962, кн. 5, с. 249.

⁶⁷ См. Etudes Tsiganes, 1978, № 1, p. 60—61.

⁶⁸ См., например, Sárosi B. Op. cit., 34, old.

⁶⁹ Джуджев С. Теория на българската народна музика. Т. 4. Общи въпроси на музикалната етнография. София, 1961, с. 103.

⁷⁰ Giannacopoulos T. Les Tsiganes et notre chanson populaire. Athènes, 1979.

⁷¹ См., например, Kučerová K. Vplyv osmanskej expanzie na etnické pramene a spoločný vývoj v strednej Európe. — In: Osmanská moc ve střední a jihovýchodní Evropě 16—17 století. Sv. 1. Praha, 1977, s. 96—113; Lůžek B. Cikáni na brandýském panství 16 století. — In: Středočeský sborník historický. Sv. 12. Praha, 1977, s. 243—246; Mátyás L. A hódoltsági latinok, görögök és cigányok történetéhez (16 századi oszmán török szörványadatok). — Századok. Budapest, 1976, 3. cz., 474—489. old.

⁷² Horváthová E. Op. cit., s. 98; Сабольчи Б. История венгерской музыки. Будапешт, 1964, с. 19.

⁷³ Ficowski J. Op. cit., s. 174—175.

ширной территории, включающей Венгрию, Словакию, Румынию, Польшу, Белоруссию, Украину, появляются такие музыкальные инструменты, как *лютня*, *кобза*, *скрипка* и *цимбалы*, зарождаются такие инструментально-вокальные жанры, как украинская *дума* и молдавская *дойла*. Именно с этого момента в Венгрии и Румынии все большую популярность приобретают *лаутары* (лютисты) и *скрипкари* (скрипачи). Позднее всех народных музыкантов стали называть лаутарами, примерно 95% из них в Румынии, как отмечает Г. Чобану, составляли цыгане⁷⁵. Таким образом, начиная уже с XV в. цыгане-музыканты играют значительную роль в музыкальной культуре Венгрии, Словакии, Румынии, Молдавии, Украины и некоторых районов Польши, Белоруссии и юго-запада России⁷⁶.

Весьма характерно, что наряду с профессией музыкантов, певцов и танцоров они сохранили в Европе и другие вынесенные из Азии профессии. Показательно, что в ходе переписи 1651 г. в Липтове (Словакия) цыгане-ремесленники (кузнецы, корзинщики, корытар и др.) назвали в качестве побочного ремесла игру на скрипке⁷⁷. Перепись 1768 г., проводившаяся в комитате Бач-Кишкун (Венгрия), показала, что 86,1% цыган — это кузнецы и музыканты⁷⁸. Интересны и сообщаемые З. Кодаданьи о том, что «в цыганских селах Буковины даже самый знаменитый музыкант, глава цыганской „капеллы“, собственноручно обрабатывает свое поле», а также сведения о цыгане-кузнеце, который в то же время был единственным музыкантом общины, насчитывавшей 10 тыс. жителей⁷⁹.

Исполнение танцев, песен и музыки продолжает оставаться одной из наиболее распространенных профессий цыган и в Испании, где, несмотря на их жестокие преследования, в XVI—XVII вв. наблюдалось всеобщее увлечение цыганскими танцами⁸⁰.

Новая страница в истории цыганской музыки в Европе открывается XVIII—XIX вв. С нею связаны имена таких прославленных музыкантов, как Михай Барна, Цинка Панна⁸¹, Янош Бихари (1764—1827), Ласло Лаутару (1780—1860) и многие другие⁸². Тогда же происходит рождение цыганских хоров в России, формирование музыкального жанра *фламенко* в Испании, возникновение нового инструментального жанра *вербункош* в Венгрии, а также жанра городской песни в ряде стран восточной Европы. Именно в это время в европейской народной и профессиональной музыке появляются ориентальные черты.

Как и на Востоке, цыгане-музыканты исполняли свои инструментальные произведения без нот. Поэтому образцы исполнявшейся ими музыки периода их появления в Европе до нас не дошли. Лишь в «Кайонском кодексе» (XVII в., Венгрия) сохранилась нотопись двух песен с цыганским текстом⁸³. Однако есть основания полагать, что в XV—XVII вв. цыганской музыке в Европе были присущи те черты ориентального стиля, которые мы отмечали, говоря о музыкальном фольклоре цыган до

⁷⁵ Сабольчи Б. Указ. раб., с. 19—21; Котляров Б. Я. Развитие скрипичного искусства в Молдавии: Автореф. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. М.: Мос. гос. консерватория им. П. И. Чайковского, 1955; его же. О некоторых особенностях исполнительского стиля молдавского народного скрипичного искусства. — В сб.: Проблемы музыкального фольклора народов СССР. М.: Музыка, 1973, с. 285—293; Вертков К. К вопросу об украинской кобзе. — Там же, с. 275—284.

⁷⁶ Ciobanu Gh. Op. cit., p. 141.

⁷⁷ См.: Кашка К. Указ. раб., с. 18; Баранников А. П. Указ. раб., с. 43—44; Popa Verboianu C. J. Op. cit., p. 62—66; Vaux de Foletier F. de, David M. Tsiganes musiciens de l'ancienne Roumanie. — Etudes Tsiganes, 1974, № 4, p. 1—8.

⁷⁸ Horváthová E. Op. cit., s. 104.

⁷⁹ Mészáros L. A XVIII századi cigányösszeírások Bács-Kiskun megyei adatai. — Statisztikai szemle, Budapest, 1978, 56. évf., 3. sz., 274—286. old.

⁸⁰ Kodály Z. Указ. раб., с. 123—124, 155.

⁸¹ Horváthová E. Op. cit., s. 53.

⁸² Отметим, что даже знаменитая Цинка Панна (ум. в 1772 г.) сочетала профессию первого скрипача в оркестре с работой в кузнице своего мужа, который также играл в оркестре на контрабасе. См. Sárosi B. Op. cit., 65. old.

⁸³ См. подробнее Sárosi B. Op. cit.

⁸⁴ Ciobanu Gh. Op. cit., p. 123; Sárosi B. Op. cit., 21. old.

их прихода в Европу. Это предположение подтверждается, с одной стороны, тем, что многие из этих черт обнаруживаются теперь в отдельных музыкальных жанрах у тех народов, с которыми цыгане находят контакты начиная с XV в., а с другой стороны, тем, что в той или мере эти черты сохраняются и в музыкальном фольклоре различных лингвистических групп европейских цыган. Вполне естественно, в ходе длительных этнокультурных контактов цыганская музыка в отдельных странах Европы приобрела ряд новых черт, испытав на себе влияние музыкальной культуры окружающих цыган народов. Как правило, цыгане двуязычны, а в полиэтнической среде владеют несколькими языками. Неудивительно, что они всегда легко и охотно усваивали музыкальную культуру тех народов, среди которых жили. Нередко именно цыгане оказывались единственными хранителями тех или иных жанров нецыганского музыкального фольклора⁸⁴.

В рамках настоящей статьи у нас нет возможности обратиться к анализу мелодических, ладовых и метrorитмических особенностей народной песни современных европейских цыган. Здесь мы ограничимся лишь констатацией тех изменений, которые претерпел в Европе музыкальный инструментарий цыган.

Как видно из вышеизложенных фактов, музыкальные инструменты, известные еще в Индии предкам цыган — домрам в середине I тыс. до н. э. — хранились у цыганских музыкантов и накануне расселения цыган в различные страны Европы. В XV—XVII вв. помимо лютни, скрипки, цимбала среди музыкальных инструментов, на которых играют цыгане, упоминаются также кобза, цитра, флейта Пана и варган. У венгров, словацких и румынских цыган до сих пор наиболее популярными остаются скрипка, цимбалы и кларнет (или тарогато), занявший место кларнета. У испанских цыган, по-видимому, уже с XVII в. получает распространение шестиструнная, а у русских цыган (с XVIII в.) семиструнная гитара. Среди польских и немецких цыган встречаются также исполнители игры на арфе. В настоящее время кроме гитары и скрипки среди европейских цыган-музыкантов повсеместно находят применение аккордеон, кларнет, виолончель, контрабас (в оркестрах) и другие современные музыкальные инструменты. Помимо инструментального сопровождения почти у всех европейских цыган сохраняется сопровождение песен без слов, т. е. вокальной имитацией звучания музыкальных инструментов, а также притопыванием, выстукиванием ритма ударами каблуков и носков, пощелкиванием пальцев рук и всеобщими хлопками в ладоши⁸⁵.

⁸⁴ См.: *Vekerdi J. The Gypsy's role in the preservation of non-Gypsy folklore.* — *The Gypsy Lore Society. Liverpool, 1976. ser. 4, v. 1, № 2, p. 79—86; Штейнпресс Л. Указ. раб., с. 14—15; Кодай З. Указ. раб., с. 23—24; Квитка К. Указ. раб., с. 18; Стов Д. Указ. раб., с. 15.*

⁸⁵ См.: *Sárosi B. Op. cit., 25—29. old; Ficowski J. Op. cit., s. 224—225; Horváth E. Op. cit., s. 229; Jalkanen P. Op. cit., s. 42; Сулиц Е. Я. Указ. раб., стр. 15—1563.*

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЕЙ М. Н. ШМЕЛЕВОЙ и С. И. ВАЙНШТЕЙНА ПО ПРОБЛЕМАМ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. Р. Арсеньев (Ленинград)

В статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна поднят давно назревший и, к сожалению, в последние годы несколько самотеком решавшийся вопрос об «этнографическом поле». Вопрос тем более важный, что полевая работа — не только источник формирования свода (корпуса) этнографических фактов, но и своего рода лаборатория, полигон проверки теорий и гипотез нашей науки.

В этих статьях (кстати, удачно дополняющих друг друга) затронуты ключевые аспекты полевых этнографических исследований, включая традиционное и современное в быту и социальной культуре этносов, архаичное и инновационное, материальную и духовную культуру (как определенную, так и непосредственно воспроизводящуюся в живой деятельности людей) и многое другое.

Обилие возникающих в связи с этим проблем вынуждает остановиться лишь на некоторых, на мой взгляд, наиболее важных из них, в разном порядке затронутых авторами.

Прежде всего, вопрос о необходимости разработки общих принципов и методов полевого этнографического исследования. Отечественная наука сделала несомненные успехи в развитии этнографической теории, в частности теории этноса и этнических процессов, в изучении архаических обществ и их институтов, сохранившихся в пережиточных формах у некоторых народов до наших дней. Особое внимание уделяется изучению трансформации этих институтов под воздействием крупных социальных и культурных преобразований, происходящих и в нашей стране, и в ряде зарубежных стран.

Разумеется, все это даст самую общую теоретическую базу для работы полевого этнографа, для создания их программ и вопросников, выбора тем и направлений исследований. Однако при разработке конкретных методических материалов, как правильно отмечает С. И. Вайнштейн, имеются и серьезные сложности, в частности несогласованность этнографов-полевиков относительно самих принципов такой разработки. Об этом свидетельствует и приведенная им цитата из статьи Н. И. и С. М. Толстых: «Практически вопросники, если они вообще используются, создаются самими собирателями совершенно стихийно и интуитивно».

Сам по себе «вопрос о вопросниках» требовал бы более подробного рассмотрения. Не подвергая сомнению их теоретическую и практическую пользу, думаю, что было бы опасно и «тотальное увлечение» этой методикой полевой работы (а такая тенденция усиливается с прогрессом точных наук и ростом их авторитета среди гуманитариев). Вопросник — это всегда более или менее жесткая схема, в которую зачастую сложно, иногда и невозможно включить внезапно выявляющиеся в процессе

* Статьи М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна см.: Сов. этнография, 1985, № 3; ссылки на эти статьи в тексте указываются лишь страницы. Начало обсуждения статьи см.: Сов. этнография, 1985, № 4.

опроса нюансы. А ведь именно в них нередко таится возможность новых направлений поиска! Вопросник при недостаточно умелом его использовании может стать своего рода барьером между исследователем и следуемыми: позволяя получить статистически сравнимое в компонентное множество, он обезличивает участников опроса. Поэтому, вне всякого сомнения, сохраняется необходимость применения и давно известных приемов наблюдения — как «включенного», так и «невключенного», фактическом использовании которых пишет М. Н. Шмелева.

Однако совершенствование методик и приемов полевых исследований, в частности их комплексного применения, не снимает вопроса о значении постоянной связи между общей теорией этнографической науки и методами полевого пополнения этой науки новыми фактами и проверке уже вошедших в ее основной фонд. Речь идет о необходимости совершенствования не только приемов, но и самих принципов полевых исследований. Эта работа должна идти одновременно как часть общего процесса совершенствования методологии и методики этнографии. Первое исследование, по сути дела, эксперимент нашей науки и основа для контроля за ее фактической базой. В частности, целесообразно было бы учитывать «субъективный» момент как полевого этнографического исследования, так и стоящего за ним процесса познавательной деятельности. Под «субъективным» в данном контексте понимается деятельность самих ученых и представляемой ими науки как субъекта исследовательского взаимодействия в поле.

Взаимодействие исследователя с исследуемым этносом представляет сложную и чрезвычайно интересную проблему, изучение которой важно для критического осмысления уже накопленных полевых материалов и для более осознанного сбора новых. Ибо исследователь сам «сформирован» в рамках определенных национальных и социальных культурных традиций, т. е. можно говорить об изначальной заданности его позиции в исследовании. Думается, в каждом конкретном случае эта заданность должна быть учтена.

В известной мере полевая работа тоже может рассматриваться как культурное взаимодействие, характер и особенности которого весьма существенны для результата исследования, для возможностей его интерпретации.

В связи с этим может встать вопрос о «культурном расстоянии» между субъектом и объектом, конкретнее, между исследователем и информатором. Чем архаичнее изучаемая культура, тем больше культурное расстояние между ними.

Именно поэтому возникает проблема коммуникации и взаимопонимания исследователя и респондента, соответствия их понятийных и ценностных систем. Чем выше степень несоответствия, тем, видимо, большую роль будет играть проблема «языка» интерпретации и взаимодействия. Причем речь, разумеется, идет и о реальном языке общения (языке респондента), и о «культурном» (всей системы ценностей изучаемого этноса).

Сколь бы ни была конкретна научная проблематика полевой работы, необходимо знание общего контекста жизни изучаемого этноса (начиная от экологических условий, способов хозяйственной деятельности, форм социальной жизни и т. д. и кончая сферой духовной жизни). Только так через соотнесение конкретного акта общения, выявленного предмета бытовой или ритуальной практики, других этнографических факторов с общей теоретической моделью данного общества (этноса), т. е. через идентификацию, мы, собственно, и получаем научные факты, а не совокупность курьезов.

Объектом исследования всегда остается этнос, а конкретная проблематика полевой работы меняет только предмет исследования. Сам объект, будучи явлением сложным, многоаспектным, многоуровневым, предстает в поле, как правило, в бытовых ситуациях. Обыденность и неординарность этих ситуаций в соответствии со стереотипами собственной культуры исследователя или его изначальной информированности

инном этносе заставляют его выделить новый этнографический факт
пройти мимо него.

В полевой работе, как известно, широко используют информаторов.
Нельзя забывать, что они по-своему отражают общественное
мнение, и осведомленность (компетентность) любого информатора
определяется, в частности, его социальным статусом, индивидуальными
особенностями и т. д. В процессе полевого опроса нередко возникают
проблемы вследствие неадекватно построенных взаимоотношений исследо-
вателя с информаторами (навязанная логика вопросов и ответов, или,
например, заинтересованность информатора в разъяснении именно
тех, а не иных фактов, в результате чего информация «упрощается» до
уровня понимания исследователя, незнакомого со всем комплексом
явлений). Надо помнить, что в любом обществе есть своя иерархия зна-
ния и сознания (от обыденного до идеологического) и каждый из этих
уровней достоин изучения, но у информаторов они могут быть выражены
нечетливо.

Взаимодействие исследователя и респондента порождает определен-
ную систему отношений, регулируемых стихийно или целенаправленно
действующими нормами. В связи с этим правомерно, видимо, поста-
вить вопрос об определенном «этическом кодексе исследователя».
Взаимодействие с исследуемым этносом, конкретными его пред-
ставителями одним из своих последствий имеет прямое воздействие на
общество, на конкретных людей. Воздействие это заведомо много-
гранно.

Не следует стремиться к «сенсационным» открытиям, особенно в об-
ласти духовной культуры (об этом, в частности, говорит и М. Н. Шмеле-
вой о социальном строе). Надо уважать и бережно относиться к эзотери-
ческим знаниям и институтам изучаемых этносов, помнить, что даже
один факт исследования может привести к разрушению отдельных сторон
исследуемого явления.

Подобные взгляды вполне согласуются с подходом к полевой работе
как к практическому эксперименту. Уместно напомнить, что в техниче-
ских науках давно поставлены вопросы о «чистоте» эксперимента, о
точности инструментария, о произвольном воздействии на иссле-
дуемые процессы. Практического решения этих вопросов должны, на
наш взгляд, добиваться и этнографы.

Если же говорить о задачах полевых этнографических исследований,
то, пользуясь лингвистической терминологией, позволю себе заметить,
что исследователю надо стремиться получать как можно больше «тек-
стов» по различным аспектам изучаемой этнографической реалии, чтобы
получить факты, добываемые, в частности, анкетированием или наблю-
дением, могли при обработке материалов находить свое закономерное
место в «контексте» этой реалии.

Мой почти пятилетний опыт пребывания в среде изучаемого этноса
(Мали — Республика Мали) показывает эффективность ограничения
числа респондентов (экспертов) и получения от них целостных и про-
сто «текстов» автобиографического, мировоззренческого и кон-
кретно-бытового содержания.

Хочется надеяться, что предпринятое журналом обсуждение проб-
лем полевых исследований — только начало возврата к этой важной
теме и что методика исследований займет в нем должное место.

Ч. М. Таксами (Ленинград)

В статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна подняты актуаль-
ные вопросы полевых этнографических исследований современности и
традиционно-бытовой культуры народов СССР. Особое внимание уделе-
но в них повышению результативности полевой работы. Основываясь

на своем многолетнем опыте полевого исследования народов Сибири позволю себе высказать ряд соображений.

Сибирь — многонациональный регион. Промышленное освоение этих регионов Сибири способствовало притоку сюда мигрантов из других районов страны. Особенно резко увеличилось население северных районов, где только за период с 1970 по 1981 г. оно возросло вдвое. Это обстоятельство привело к тому, что коренные жители северных районов оказались в инонациональной среде. И, естественно, в этой ситуации этнические и культурно-бытовые процессы достаточно сложны. Тем не менее многие устоявшиеся традиционные формы культуры только сохраняются у коренных жителей, но нередко входят в состав современного быта тех народов, которые живут с ними вместе. Интернационализация традиционной культуры наблюдается как в области мыслевой деятельности и оленеводства, так и в материальной и духовной культуре.

В полевых условиях мы наблюдали такое, казалось бы, парадоксное явление: отдельные элементы традиционной культуры малых народов Севера, воспринятые в свое время русскими, подчас возвращались к ним от русского населения (например, некоторые орудия морского зверобойного промысла, ловушки). Эти вторичные формы культуры рождаются в новых социально-экономических условиях большей частью людьми молодого поколения. Изучение процессов сохранения традиционных элементов традиции становится чрезвычайно серьезной проблемой, имеющей большое научное и практическое значение. Особенно важно сберечь информацию о производственной культуре, орудиях труда, методах их изготовления и применения. Задача сегодня состоит в том, чтобы не утратить ценные народные традиции, которые могут оказаться полезными в условиях социалистического общества.

М. Н. Шмелева справедливо, на наш взгляд, ставит вопрос о необходимости исследования механизма зарождения, сохранения, трансформации и отмирания традиционных форм культуры в современных условиях. Следует подчеркнуть важность проблемы изучения адаптации коренного населения к новой сложной социальной среде (в том числе в промышленно развитых районах Севера) и пришлого населения к условиям Севера. Включение многих районов Сибири в сферу интенсивного промышленного освоения несомненно отражается на традиционных культурах. Из жизни народов исчезают многие их компоненты, в том числе сформировавшиеся в течение длительного исторического периода в ответствующей экологической среде. В этой связи представляется своевременной постановка С. И. Вайнштейном вопроса о необходимости изучения исчезающих комплексов культуры и тех, что стали уже памятниками прошлого.

В Сибири действительно еще много «белых пятен», о которых говорит С. И. Вайнштейн, и при работе на местах надо собирать исчерпывающий материал о малоизученных или совсем неисследованных явлениях. Мне служит поддержкой и его предложение об организации специальной научной конференции по проблемам методики полевых исследований. Мне представляется, что было бы целесообразным обсудить на этой конференции задачи экспедиционных работ по сбору материалов, связанных с «белыми пятнами» и обобщить имеющиеся сведения по региону. Убежден, что выявились бы общие черты, характерные в данный момент для многих регионов.

Особо выделяется С. И. Вайнштейном проблема изучения этнографических памятников культуры. В наши дни во многих районах Сибири исчезают такие памятники, в том числе целые комплексы жилых и хозяйственных построек, причем некоторые уже трудно восстановить. Сохранению для истории ценнейших образцов народной культуры способствовало бы создание в ряде окружных и областных центров некоторых городов Сибири музеев под открытым небом. Для таких музеев желательно реставрировать, используя опыт людей старшего поколения.

старые строения, а в отдельных районах полностью воссоздать этнографы-сибиреведы должны всемерно содействовать этому, а не заботиться о пополнении этнографических фондов уже имеющихся музеев. Желательно, чтобы каждый этнограф при обсуждении плана своих работ получал конкретные задания по приобретению этнографических предметов и по выявлению их на местах. Уместно напомнить, что определенную работу по сбору коллекций проводят краеведческие музейные музеи. Но во многих из них не ведется правильная документация собранных вещей, вследствие чего утрачивается их научное значение.

Печально, когда ценные этнографические коллекции попадают в частные собрания, причем зачастую не энтузиастов-любителей, стремящихся помочь науке, а случайных лиц, легкомысленных туристов. Чрезвычайно большой урон наносят те частные коллекционеры, которые нередко, по свидетельству жителей Севера, увозят из районов, особенно старинных культовых мест, уникальные вещи. Пора пресечь подобные действия, причем действовать надо решительно, опираясь на «Закон об охране и использовании памятников истории и культуры». Памятники культуры — достояние всего советского народа, и их место в этнографических и краеведческих музеях.

С. И. Вайнштейн справедливо отмечает широкое развертывание этнографических экспедиций в нашей стране в советский период, что дает возможность исследователям наблюдать этнографические объекты повсеместно и в различные сезоны. Но всегда ли эти работы ведутся не только широко, но и глубже, чем, например, в 1920-е годы? Я в этом не уверен. Я уверен в том, что некоторые этнографы, занимающиеся сбором полевых материалов в различных районах нашей страны, слабо владеют языками изучаемых народов. Кроме того, теперь на полевые работы нередко выносятся на весьма небольшой (обычно до двух месяцев) срок. В этой связи хочется напомнить о деятельности этнографов-сибиреведов 1920—1930-х годов. Работая длительное время в северных районах, они овладели языками изучаемых народов, что позволяло им собирать уникальные бесценные материалы, которыми сегодня мы широко пользуемся. Считаю, что над этим стоит подумать современным исследователям-полевикам.

В настоящее время намного усложнились функции советской этнографической науки. Наряду с разработкой важных научных проблем этнографы нередко включаются в решение некоторых практических вопросов, связанных с дальнейшим совершенствованием быта и культуры коренного населения Сибири. Экспедиционная работа в районах Севера убеждает меня, например, в том, что до сих пор недооценивается богатейший материал жизнеобеспечения местного народа в суровых природных условиях. Игнорирование нередко приводит к утрате ценных культурных традиций, имеющих важное значение в современной жизни населения Сибири. Это требует от этнографов-полевиков более углубленного изучения здесь многовекового опыта народов и эффективной пропаганды эффективных форм их культуры.

Г. А. Сергеева (Москва)

Вопросы, поднятые в статьях М. Н. Шмелевой и С. И. Вайнштейна, волнуют каждого этнографа, занимающегося полевыми исследованиями в современности, так и традиционно-бытовой культуры. Уже давно стало очевидным, что методика и техника работы в поле (и в селе, и в городе) требуют дальнейшего совершенствования и унификации. Это касается и традиционных (личное наблюдение, собеседование, опрос, фиксация предметов материальной культуры и искусства с помощью рисун-

ков, чертежей, фото) и более современных методов (массовое анкетирование, применение опросных листов, информация экспертов, использование данных государственной и ведомственной статистики и др.).

В свое время советские этнографы разработали методику и принципы полевых исследований, которыми мы руководствуемся до сих пор. Однако многие наши программы и вопросники страдают узостью охвата и каальностью. Они не рассчитаны на сбор сопоставимых материалов даже в пределах одного региона, что значительно осложняет развертывание сравнительно-типологических исследований, создание обобщающих выводов по отдельным проблемам.

Опыт работы над Кавказским историко-этнографическим атласом показывает, что у исследователей нет единого подхода к отбору единиц наблюдения (и картографирования). В одних случаях (Дагестан) во внимание принимаются и этнос, и территория, в других (Грузия) — главным образом территория. Встает вопрос о необходимости выбора наиболее эффективных путей определения единиц наблюдения и при разработке этнографических тем. Не отрицая значения двух подходов — территориального и производственного, универсальность которых подчеркивается М. Н. Шмелевой, все же замечу, что при выборе подхода надо всегда учитывать этнический фактор, т. е. состав жителей (полиэтнический), с которыми предстоит работать. Ведь в задачу этнографа входит исследование различных явлений культуры, быта и их взаимосвязей прежде всего в пределах определенных этнических общностей с учетом различных характеристик — демографических, социальных, культурных. Самой важной микроединицей наблюдения, независимо от того, что я считаю семью, которая аккумулирует все стороны не только внутрисемейной жизни, но и общественного и производственного быта представителей определенных трудовых коллективов, является хранительный положительного опыта народа, его нравственных и эстетических представлений.

Особую важность приобретают вопросы подготовки и организации полевых исследований. Успеху последних способствуют не только профессионализм этнографа, но и его подготовленность к данному конкретному выезду. Известно, что в поле надо выезжать с четкой программой и хорошо отработанным инструментарием, со знанием состояния изучаемого объекта, быть достаточно информированным как о народе (этнической, территориальной, локальной группах), с которым придется общаться, так и о его ближайших соседях. Не менее важны при полевой работе психологический и эмоциональный настрой исследователя, его контактность, которые помогают создать благоприятную обстановку и порождают доброжелательность и доверие местного населения. Участие в этнографических экспедициях людей неподготовленных в этом плане наносит нашему общему делу только вред.

С каждым годом становится все труднее собирать в поле материалы по традиционной культуре, так как социалистические преобразования, индустриализация и урбанизация значительно нивелировали быт и культуру народов нашей страны. В связи с этим выезжающий в поле этнограф должен, на мой взгляд, не ограничиваться сбором материалов только по своей узкой теме, а фиксировать и наиболее интересные явления исчезающего быта, различные архаизмы, которые могут уйти в прошлое вместе с людьми старшего поколения, хранящими о них информацию для истории информации.

¹ См., например: Толстов С. П. Советская школа в этнографии. — Сов. этнограф (далее — СЭ), 1947, № 4, с. 9—28; Читай Г. С. Принципы и метод полевой этнографической работы. — СЭ, 1957, № 4, с. 24—30; Жданко Т. А., Крупянская В. Ю., Терентьева Л. Н. Об организации и методике полевых этнографических исследований (Из опыта работы Института этнографии АН СССР). — СЭ, 1956, № 3, с. 25—49; Терентьева Л. Н. Некоторые итоги работы Комплексной экспедиции Института этнографии в 1959 г. — СЭ, 1960, № 6, с. 158; Рождественская С. Б. Принцип и метод этнографических исследований в свете опыта использования счетных машин при обработке анкетных материалов. — Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, т. 4. М.: Наука, 1967.

еще один важный аспект деятельности этнографа в поле — это собирательская работа. Экспедиционному выезду, как правило, предшествует изучение литературных и музейных материалов, которые вводят исследователя в разрабатываемую тему. В частности, музейные экспонаты могут способствовать установлению достоверности уже собранных полевых данных, а иногда являться и единственным источником. Поэтому этнограф должен постоянно заботиться о пополнении фондов как местных краеведческих, народных), так и центральных музеев, особенно Музея этнографии и этнографии АН СССР и Государственного музея этнографии народов СССР. Примером этому может служить большая собирательская работа известных кавказоведов — Е. М. Шиллинга, В. К. Гарюкова, А. А. Миллера, Е. Н. Студенечкой. Благодаря их усилиям наука получила уникальные предметы быта, одежды, искусства, орудия труда многих народов Кавказа².

Экспедиционная деятельность этнографов всегда привлекала и продолжает привлекать внимание местного населения и таким образом способствует более бережному отношению к памятникам культуры прошлого, созданию школьных, а затем на их базе и народных музеев, как это было, в частности, в Адыгее после нашей поездки туда³.

Весьма ответственным для каждого этнографа-полевого является процесс обработки собранных материалов, их осмысления и систематизации. Именно тогда, как бы мы тщательно ни собирали и ни записывали данные, возникают вопросы, требующие проверки и уточнения. Многие из нас эти вопросы снимают при повторных выездах, которые, к сожалению, в силу разных причин осуществляются не всегда так быстро, как нам этого хотелось. И здесь на помощь приходит давний способ — переписка этнографа со своими информаторами (корреспондентами), т. е., разумеется, с ними при первичном полевом выезде был установлен хороший деловой контакт. Такой метод получения информации с целью уточнения считаю достаточно действенным. Я использовала его при написании монографии «Арчинцы» (М.: Наука, 1967) и при сборе сведений для Дагестанского историко-этнографического атласа. Убеждена, что долготерпеливое наследие этнографа и его корреспондентов могло бы составить отдельный фонд в научном архиве и стать важным источником для изучения истории этнографических полевых исследований.

И еще один важный момент. Эффективность наших исследований во многом зависит от координации деятельности научных учреждений близкого профиля, организующих экспедиционные выезды. Вряд ли целесообразно одновременное ведение работы в том или ином районе этнографов и специалистов смежных дисциплин (историков досоветского и советского периодов, социологов, искусствоведов). Это очень мешает сбору материалов и вызывает иногда у местных руководителей негативную реакцию. Может быть, наступило время поставить вопрос о выдаче «открытого листа» не только археологам, но и другим специалистам, в том числе и этнографам? Необходимо возобновить и практику проведения всесоюзных и региональных совещаний по координации научных исследований, по совершенствованию методики полевых работ.

² См.: Народы Кавказа. Каталог-указатель этнографических коллекций Гос. музея этнографии народов СССР. Л., 1981.

³ См.: Сергеева Г. А. Школьный краеведческий музей в Адыгее. — СЭ, 1961, № 4, 171—176.

Л. Н. Чижикова [Москва]

Полевые материалы — один из важнейших источников этнографической науки. Между тем, вплоть до последнего времени, издается сравнительно мало работ, посвященных методике полевых исследований, ее применению для развития современной этнографии. Поэтому публикация

статей С. И. Вайнштейна и М. Н. Шмелевой представляется актуальной.

Сложность и многообразие задач, стоящих перед исследователями временной бытовой культуры сельского и городского населения, хорошо показаны в статье М. Н. Шмелевой. Глубокий анализ действительно с ее сложным широким спектром причинных связей и зависимостей, ряду с всесторонним изучением проблем культурной преемственности возможен только при использовании комплекса методов полевой работы. М. Н. Шмелева правильно ставит вопрос о необходимости совершенствования методики полевой работы путем привлечения статистических материалов, проведения массовых обследований населения с помощью опросных листов и анкет. Вместе с тем она справедливо полагает, что массовое анкетирование необходимо сочетать с углубленным опросом населения и непосредственными наблюдениями исследователя.

Заслуживает особого внимания обсуждение одного из важнейших методов полевой работы — опроса изучаемого населения. В настоящее время используются два вида опроса: формализованный, стандартизованный интервью с помощью анкеты и вопросника и интервью в форме свободной и более углубленной беседы с информатором (респондентом). Второй вид интервью также проводится в рамках ранее составленной программы, опросного листа, но эта программа известна только этнографу (интервьюеру), для информатора же она остается как бы за кадром.

Применение того или иного вида опроса зависит от задач и проблематики исследования. При изучении многих компонентов материальной культуры, семьи, обрядов, этнического состава населения и др. самым продуктивным является сочетание массового анкетирования с углубленным опросом информаторов. Такая методика применялась при стационарном изучении колхозного крестьянства уже в 1950—1960-е годы и дала хорошие результаты. Однако, в последнее время, когда этнографическим обследованием обычно охватывается население крупных территориальных массивов, чаще используется только один из двух указанных видов опроса. Это происходит, по-видимому, не столько из-за недооценки того или иного вида опроса, сколько вследствие трудоемкости одновременного использования обоих способов. Обследование больших массовых населения требует длительной стационарной полевой этнографической работы, что, к сожалению, не всегда учитывается при планировании научных исследований.

Хочется еще раз подчеркнуть значение углубленных бесед с информаторами, без которых невозможно получить ценные сведения при изучении многих компонентов бытовой культуры. Этот вид интервью особенно сложен, он требует от исследователя серьезной подготовки, больших знаний, опыта, творческой инициативы, и в то же время выдержки, такта, доброжелательности, личного обаяния. Именно благодаря исследователям, обладающим этими качествами, были получены действительно ценные материалы, вошедшие в золотой фонд нашей науки. Такая затрата усилий должна быть направлена прежде всего на удачные беседы с информаторами, отличающихся природным умом, отличной памятью, наблюдательностью, понимающих поставленные исследовательские вопросы. При изучении той или иной темы важно найти лиц (экспертов), которые разбираются в изучаемом вопросе (ими могут быть, например, строители при изучении жилища, организаторы свадьбы при фиксации свадебного обряда и т. д.). В качестве экспертов полезно привлечь местную интеллигенцию, работников советских и партийных учреждений. Хороший информатор — это большая удача собирателя, с ним целесообразно проводить беседы длительные и неоднократные. Для проверки полученных сведений по той или иной теме следует опрашивать нескольких информаторов — чем шире круг привлекаемых к опросу лиц, тем достовернее полученные сведения.

В статье С. И. Вайнштейна затрагиваются важные вопросы полевого изучения традиционных культур народов СССР. Автор обращает внимание исследователей на существующие еще пробелы в изучении отде-

компонентов традиционной культуры, многие из которых уже исчезают в наше время. Можно лишь добавить, что «белые пятна» имеются не только в архаических, но и в более поздних слоях традиционной культуры.

И. Вайнштейн правильно указывает на целесообразность быстрейшего изучения и охраны этнографических объектов, находящихся в зоне строек. В сохранении памятников народного зодчества и старинных типов быта огромна роль этнографических музеев под открытым небом (республиканских и областных), организованных в последние десятилетия. Этнографам надо усилить помощь этим музеям (пополнение коллекций, консультации и т. д.). С сожалением приходится констатировать, пока еще не удалось создать центральный этнографический музей народного зодчества под Москвой, организации которого много жизни посвятил известный исследователь русской архитектуры В. Маковецкий.

В полевой работе, на наш взгляд, наиболее продуктивно комплексное изучение этнографических явлений в самом широком его понимании. Всесторонне поддерживая обращение С. И. Вайнштейна о необходимости внимательного отношения к реликтам прошлого, считаем, однако, нецелесообразным снаряжать специальные экспедиции, «основной задачей которых было бы изучение исчезающих компонентов культуры» (с. 54). Исследователи, особенно выезжающие в отдаленные районы, должны стараться фиксировать компоненты культуры, сложившиеся и развившиеся в разные хронологические периоды. Это тем более целесообразно, что реликтовые явления порой трудно вычленить в такой сложной теме как культура. В ней, как известно, в ходе исторического процесса постоянно происходят изменения: исчезают одни элементы, развиваются другие, возникают новации и т. д. Многие компоненты современной культуры исторически многослойны. Ярким примером может служить сложный комплекс современного свадебного ритуала, бытующий во многих русских селах. В нем наряду с возникшими в конце XIX — начале XX в. и в советское время компонентами, многие из которых в свою очередь стали традиционными, наблюдаются и пережитки архаичных форм обычаев, верований, семейно-брачных отношений, отразившие социальные, правовые, религиозные представления народных масс разных исторических эпох. Элементы, возникшие в разные исторические периоды, можно наблюдать и в современном жилище, пище, народных играх и др. Поэтому в полевых условиях целесообразнее комплексное изучение как бытующих, так и уходящих из жизни явлений культуры во всем их многообразии и историческом развитии. Это подчеркивается в статье М. Н. Шмелевой.

Учитывая отмеченную историческую многослойность ряда явлений современной бытовой культуры, слишком условным выглядит, на наш взгляд, предложенный С. И. Вайнштейном термин «старотрадиционная» культура, сложившаяся «в условиях очень длительного докапиталистического развития...» (с. 53). Остается неясным, к какому же времени автор относит формирование «традиционной» культуры?

Хочется поддержать предложение авторов обсуждаемых статей о необходимости более широкой публикации как самих материалов полевых исследований, так и разработок по методике их проведения. У исследователей, десятки лет выезжающих в экспедиции в различные районы и изучающих разнообразные аспекты этнографической науки, накоплен огромный опыт полевой работы. Это было продемонстрировано, например, на семинаре «Методика полевой работы», созданном в 1982 году для аспирантов, стажеров и молодых специалистов Института этнографии АН СССР. В течение четырех лет на семинаре было прочитано более 10 лекций, в которых научные сотрудники Института, исследующие различные этнографические и этносоциологические проблемы, делились своим опытом своей полевой работы. Эти лекции показали, что наряду с общепринятыми методами, каждый исследователь использует и свои специфические приемы выбора информаторов, их опроса, способы

проведения массового анкетирования, фиксации полевых материалов и т. д. Публикация работ, в которых был бы обобщен подобный полевых исследований, несомненно способствовала бы повышению результативности.

И. П. Березовский [Ж]

Статья М. Н. Шмелевой «Полевая работа и изучение современности» представляется весьма интересной и актуальной. Рассматривая, казалось бы, лишь одну проблему (о характере и методике полевой работы этнографа, исследующего современность), она затронула довольно широкий круг важных теоретических вопросов и конкретных задач изучения традиционно-бытовой культуры народа на современном этапе условиях развитого социализма.

Последовательно соблюдая принцип конкретно-исторического подхода к самому разному в генетическом и функциональном отношении фактическому материалу, освещающему современный быт широких слоев трудящихся, рассматривая его в свете основных задач советской этнографической науки, М. Н. Шмелева акцентирует внимание на более важных и перспективных аспектах этнографического изучения современности.

Органическое сочетание вопросов чисто методического плана, возникающих в процессе полевой работы, и вопросов теории самой этнографической науки, встающих в ходе осмысления происходящих в быту народа на современном этапе глубинных процессов, составляет одну из характерных особенностей статьи М. Н. Шмелевой. Методика полевой работы этнографа, изучающего современность, наряду с чисто практическим значением предстает, таким образом, и как весьма важная методическая проблема советской этнографии.

Задачи углубленного изучения современного быта и совершенствования методики полевой работы его исследователей представляют большой интерес и для украинских этнографов. Ведь этнографическое изучение передовых колхозов на Украине начало разворачиваться уже первое послевоенное десятилетие (работы Г. Е. Стельмаха, Д. М. Корика и др.). Тогда же были предприняты попытки подобного изучения отдельных заводов (А. С. Куницкий и др.). В дальнейшем (в 1960-е гг.) активизируется исследование культуры и быта рабочих (В. Т. Зин, Н. П. Приходько, Ю. Г. Гошко, С. А. Макаруч и др.). В связи с этим разумеется, не могли не вставать и проблемы разработки методики этнографического изучения современности (в частности, быта рабочих).

Обстоятельная, опирающаяся на огромный фактический материал, впитавшая как большой личный опыт автора, так и наблюдения многих других ученых, аналитическая по своему характеру статья М. Н. Шмелевой дает убедительные ответы на многие первостепенно важные вопросы методики работы этнографа-полевого, изучающего современность.

Исходя из установившихся в советской этнографии несколько расширенного и более узкого толкования содержания самого понятия «современность», М. Н. Шмелева вполне резонно утверждает, что в зависимости от конкретных задач, стоящих перед исследователем, уже на этапе полевой работы возможно применение разных приемов выявления и освещения фактического материала. С целью более полного постижения сущности процессов, протекающих в сфере современного быта, этнограф с успехом может использовать различные методы — синхронный и диахронный, генетический и функциональный, сравнительный (нередко предусматривающий сопоставление «старого» и «нового»), метод поэтапного освещения развития определенного явления в его социальной и исторической обусловленности, перманентных и гетерогенных связях, сам

азных культурных и межнациональных взаимодействиях, простое описание непосредственно наблюдаемого явления, установление на основе проса очевидцев и свидетелей характера и тенденций трансформации, особенностей «угасания» уже исчезнувших из живой бытовой практики бычаев, метод широкого анкетирования и т. д.

Конечно же, и в условиях полевой работы при отборе и фиксации материала этнограф должен постоянно помнить о весьма сложном и порой довольно противоречивом характере многих явлений традиционной культуры, составляющих главную предметную область этнографии (скажем, как непосредственный — от поколения к поколению, так нередко дискретный путь передачи традиций; учитывать полифункциональность некоторых элементов быта; различные адаптационные возможности разных национальных и социальных групп в условиях новой среды; особенности воздействия на традиционные формы быта нового комплекса нивелирующих факторов, стандартизирующих начал на каждом конкретном этапе развития общества и пр.).

На наш взгляд, традиционный для этнографической науки метод непосредственного наблюдения применительно к современной практике полевой работы надо рассматривать в более широком плане. Ведь, в частности, и «метод получения сведений от населения путем опроса» (с. 49), и «опрос, фотографирование, звукозапись» (с. 50) являются органическими составными того же метода непосредственного наблюдения.

Думается, что при постановке вопроса о методике этнографического изучения современности следовало бы несколько четче определить место этносоциологических исследований, получивших в последнее десятилетие особое развитие. Несомненно, это также важная линия исследований, которая, как нам представляется, имеет сугубо свои, более узкие задачи. Между тем в последнее время исследование этнографами современного мира несколько, кажется, сместилось в сравнении с первоначальными мыслями. Оно в ряде случаев как бы подменяется этносоциологическими исследованиями отдельных компонентов быта, культуры и образа жизни городского населения. Поэтому сейчас следовало бы, по-видимому, ставить вопрос о необходимости развертывания широкого поэтапного, как писал в 1950-е годы П. И. Кушнер (с. 45), изучения современности.

Этнографы Украины в настоящее время продолжают исследование вопросов современной культуры и быта, современных этнических процессов, новой обрядности социалистического города (этим, в частности, занимаются молодые ученые Г. Б. Бондаренко, В. Д. Конвай, А. А. Шевченко, А. И. Климко и др.). Но зачастую оно продвигается с трудом в связи с недостаточной разработанностью методики изучения современности. Статья М. Н. Шмелевой, в которой рассматриваются интересные результативные методы и приемы исследования современности в полевых условиях, думается, должна во многом помочь нашим этнографам.

Хочется надеяться, что статьей М. Н. Шмелевой положено начало систематическому углубленному освещению на страницах журнала «Советская этнография» весьма важного вопроса — о предмете советской этнографии и ее методике.

В. Ф. Горленко (Киев)

В статье С. И. Вайнштейна подняты два важных взаимосвязанных вопроса, касающихся развития этнографической науки: 1) о необходимости активизации изучения традиционной-бытовой культуры, которая катастрофически быстро исчезает; 2) о важности дальнейшего развертывания, совершенствования и достижения более высокой результативности полевой собирательской работы. Тезис автора о «повышении эффективности» экспедиционных исследований заслуживает, на наш

взгляд, всяческой поддержки. Обеспечивая этнографическую науку необходимым для нее животворным первичным материалом, полевая экспедиционная работа является непреложным условием ее существования.

В советской этнографической науке вопросам методики полевых этнографических исследований (в том числе и традиционно-бытовой культуры) уделялось и уделяется немалое внимание. Можно сослаться на опубликованные в журнале «Советская этнография» в 1950-е годы статьи Г. С. Читая «Принципы и метод полевой этнографической работы» (1957, № 4), Т. А. Жданко, В. Ю. Крупянской и Л. Н. Терентьевой «Организации и методике полевых этнографических исследований» (1957, № 3), а также на специально посвященную этим вопросам книгу Г. Г. Громова «Методика полевых экспедиций» (М., 1966). В современных условиях, когда в этнографию пришло немало молодых исследователей (в частности, в связи с созданием музеев под открытым небом нередко не имеющих специальной этнографической подготовки, это явно недостаточно. К тому же и книга Г. Г. Громова, и названные в мера журнала «Советская этнография» стали библиографической редкостью. Изданные же в последние полтора десятилетия, в частности Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая, методические пособия, программы и анкеты предназначены преимущественно для проведения этносоциологических исследований. На Украине в последние годы не издано ни одного методического пособия по этнографии, если не считать нескольких анкет, имеющих узкопрактическое значение.

В этих условиях нельзя не заметить нарастания у части исследователей дилетантизма в полевой собирательской работе, тенденции собирать материал «наскоками», обращая внимание лишь на самое необходимое для разрабатываемой ими темы, относясь недостаточно критически к получаемым сведениям. Забыты или предаются забвению многие, представляющиеся на первый взгляд второстепенными, не существенными, но в действительности очень важные требования полевой собирательской работы.

В связи с этим своевременным и актуальным, на наш взгляд, является предложение С. И. Вайнштейна о подготовке и «созыве научной конференции, посвященной методике полевых исследований», которая способствовала бы популяризации лучших традиций экспедиционной работы, ее углублению и совершенствованию.

Заслуживает в целом поддержки и постановка С. И. Вайнштейна вопроса о необходимости сосредоточения внимания на «полевом изучении традиционных культур народов СССР». Так, он совершенно правильно предлагая наладить «регулярную публикацию итогов полевых работ». До настоящего времени эту проблему не удалось решить и украинским этнографам, хотя они, действительно, находятся в лучшем положении в сравнении со своими коллегами из других республик, поскольку в УССР издается свой журнал «Народна творчість та етнографія».

Достойным внимания представляется предложение С. И. Вайнштейна о подготовке и издании «многотомного труда» по «исторической этнографии народов СССР», сосредоточении внимания на ликвидации так называемых «белых пятен» в изучении традиционно-бытовой культуры, в частности народных знаний. Действительно, утрачиваются ценнейший народный опыт ведения сельского хозяйства, знания в области технологии многих промыслов и ремесел, забываются народные трудовые традиции и навыки. Современное молодое поколение не имеет представления, например, о том, как получить из картофеля крахмал, тогда как в прошлом это было известно каждому крестьянину.

Вместе с тем относительно выдвигаемых С. И. Вайнштейном предложений о развертывании изучения традиционной культуры мне хотелось бы высказать некоторые соображения. Прежде всего о путях выявления «белых пятен» (с. 56). Конечно, публикация предлагаемого труда по исторической этнографии поможет обнаружить пробелы в нашей науке, но подготовка многотомных изданий растягивается обычно не на оди-

десяток лет. Многое из того, что еще не поздно сейчас зафиксировать, будет за это время утрачено.

Если попытаться перевести предложения автора в русло, так сказать, конкретных шагов по выявлению имеющихся «белых пятен», то, думаясь, хороший и относительно скорый результат (а в этом деле нужно спешить) можно получить, запланировав работу историографического профиля с определенной тематической направленностью: изучение народных знаний, ремесел и промыслов, трудового опыта и пр. Причем такая работа должна быть заранее спроецирована на выявление пробелов в изученности каждой из этих тем. Подобные исследования, естественно, должны осуществлять специалисты, обладающие большой эрудицией. Пробелы в изученности конкретных разделов традиционно-бытовой культуры тех или иных народов нашей страны в немалой мере вызваны определенной недооценкой исследований в области историографии этнографии. Известно, что планирование научной работы в этнографических учреждениях, как правило, спроецировано в основном на ликвидацию «белых пятен». Даже при определении тем дипломных и кандидатских работ, где элемент стихийности обычно выше, преобладает плановое начало, а желание подавляющего большинства молодых исследователей идти «непроторенными тропами» также приводит к стремлению ликвидировать эти пятна. Беда заключается в плохом знании начинающими исследователями состояния изученности конкретных разделов культуры тех или иных народов. Поэтому одним из важнейших путей проведения специальной предварительной работы по выявлению имеющихся пробелов в фиксации отдельных компонентов традиционной культуры» (с. 55) должно стать, на наш взгляд, развертывание историографических исследований.

Попытка С. И. Вайнштейна разделить, хотя и «условно», традиционнo-бытовую культуру на «старотрадиционную» и просто «традиционную» пуждается в более обстоятельном обосновании. Предложенные критерии такой дифференциации («докапиталистическая» и «сложившаяся в более позднее время») представляются недостаточными. Ведь принадлежность конкретных элементов культуры к тому или иному историческому периоду можно определить только в ходе ее обстоятельного описания и анализа. Выборочный (по принципу «старотрадиционная» — просто «традиционная») подход к изучению культуры народов нашей страны вряд ли возможен. И что дает в научном и методическом отношении подобная дифференциация традиционнo-бытовой культуры? С. И. Вайнштейн считает особенно важным исследование «старотрадиционной» культуры. Правоммерно, однако, поставить вопрос: где, в каких пластах культуры — древних или сравнительно новых — больше положительного народного опыта, который нужно сберечь? Скажем, приобретение упомянутых навыков получения из картофеля крахмала относится, надо полагать, к периоду капитализма, так как культивирование картофеля в Европе началось уже в новое время. Следует ли этнографу в таком случае обходить их, как сравнительно поздние и не представляющие поэтому для науки интереса?

Высказанные нами соображения не снижают, конечно, значения поставленных в статье С. И. Вайнштейна вопросов. В последние десятилетия советская этнографическая наука достигла больших успехов в разработке теоретических проблем. Думается, что обсуждение и практическая реализация предложений С. И. Вайнштейна будут способствовать повышению уровня и полевой работы, направленной на ликвидацию пробелов в изучении традиционной культуры.

Н. В. Лукина, О. М. Рындина

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ АРХИВ В. Н. ЧЕРНЕЦОВА (К 80-летию со дня рождения ученого)

В Музее археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета хранится архив Валерия Николаевича Чернецова (1906—1970) — выдающегося исследователя этнографии, археологии и фольклора народов Западной Сибири, крупнейшего советского угроведа, работа которого широко известна не только в СССР, но и за рубежом¹.

В научной деятельности В. Н. Чернецова огромное место принадлежит полевым исследованиям. В течение 24 лет (1925—1948) он занимался изучением обских угров, главным образом манси, а также ненцев и селькупов. Еще в довоенные годы В. Н. Чернецов совершил 10 научных экспедиций и командировок (сроком от 3 месяцев до 2 лет)²; подолгу жил у манси, овладел в совершенстве их языком и собрал богатейший фольклорный и этнографический материал. Исследователь настолько вжился в мансийскую среду, что манси нередко принимали за представителя своего народа. В 1927—1928 гг. ученый участвовал в этнографо-археологической экспедиции на Урал, в 1928—1929 гг. — север Ямала, в 1930-е годы — на Сосьву, Конду и Среднюю Обь. Большой интерес специалистов вызвала открытая им в 1929 г. на побережье Карского моря арктическая культура, а также его этнографические материалы о медвежьем празднике у обских угров.

В 1930-е годы вышли в свет первые работы В. Н. Чернецова, основные в значительной степени на собранных им полевых материалах. Тематика этих работ необычайно широка. Он рассматривает фольклорный язык манси³ (ученый внес крупный вклад в разработку мансийского письменности), материальную культуру народов северо-западной Сибири⁴, их общественный строй, религиозные верования, искусство⁵ и т. В. Н. Чернецову принадлежит открытие фратриальной организации обских угров⁶.

¹ См. некрологи, посвященные В. Н. Чернецову: Советская этнография (далее СЭ), 1970, № 4; Сов. археология, 1971, № 1; Acta ethnographica, 1971, t. 20 (1—2). Памяти В. Н. Чернецова посвящен сборник «Проблемы археологии Урала и Сибири». М.: Наука, 1973 (см. Предисловие, с. 1—4; Список работ ученого, с. 5—8); журналист А. Омельчук написал о нем очерк «Лозум-хум» (см. Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск: Среднеуральск. кн. изд-во, 1982, с. 129—186).

² См. СЭ, 1970, № 4, с. 195.

³ Чернецов В. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). 1935, 141 с., илл.; Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. Краткий мансийско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. М.—Л., 1936, 116 с.; Чернецов В. Мансийский (вогульский) язык.— В кн.: Языки и письменность народов Севера, ч. М.—Л., 1937.

⁴ Чернецов В. Н. Чум.— СЭ, 1936, № 6, с. 85—92; его же. Термины средств передвижения в мансийском языке.— Сборник статей памяти В. Г. Богораза. М.—Л., 1937, с. 349—365.

⁵ Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров.— СЭ, 1948, № 1, с. 139—152; его же. Исчезнувшее искусство (узоры, выдавленные зубами на бересте у обских угров).— СЭ, 1964, № 3.

⁶ Чернецов В. Н. Фратриальное устройство югорского общества.— СЭ, 1939, № 1, с. 20—42; его же. К истории родового строя обских угров.— СЭ, 1947, № 6—7, с. 155—183 (перепечатано: Csernecov V. N. Adalékok az obi-ugorok nemzetségi szervezetének történetéhez. Budapest, 1949, 24 p.).

Исследования В. Н. Чернецова по религиозным воззрениям обских об⁷ вызвали широкий резонанс среди не только отечественных, но и убежных специалистов. На II Международном конгрессе финно-угров (1965) он выступил с докладом об обрядах, связанных с медведем; после смерти В. Н. Чернецова в ВНР была издана его статья о медведем празднике у обских угров⁸.

В. Н. Чернецов был известен как ученый, прекрасно владеющий ме- жкой этногенетических исследований с использованием различных ви- исторических источников. При анализе археологических данных археология постепенно стала его основным занятием) он широко при- казал этнографические, лингвистические и фольклорные материалы. Нашло отражение в публикациях, посвященных этногенезу обских об и самодийцев и выявлению этнокультурных ареалов Сибири⁹.

В последнее десятилетие своей жизни В. Н. Чернецов продолжал латое им ранее изучение наскальных изображений Урала, а также ка- ного века Зауралья и Западной Сибири, причем при разработке этих ругих проблем он неизменно обращался к своим полевым археологи- ким, этнографическим и фольклорным материалам. Обобщающая юта по древней истории Западной Сибири, подготовленная совместно И. Мошинской, была издана в США уже после смерти В. Н. Черне- за¹⁰.

Разумеется, опубликовать все свои полевые материалы, издать все готовленные и находящиеся в процессе подготовки работы, передать музеи все пригодные для экспонирования рисунки и фотографии уче- й не смог. В 1920—1930-е годы В. Н. Чернецов, правда, сдал в Музей тропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде несколько этно- фических коллекций (МАЭ, № 3233, 4086, 5531, 5533, 5745, 6546, 57), собранных среди манси и ненцев, и фотоколлекции (МАЭ, И-786). Большинство же полевых записей, рисунков, кино- и фотома- риалов, рукописных и машинописных работ хранилось в домашней киве В. Н. Чернецова.

После смерти ученого его жена и соратник, археолог В. И. Мошин- я разобрала архив и в 1979—1980 гг. передала безвозмездно в Музей еологии и этнографии Сибири Томского университета. Этот Музей одит в Проблемную научно-исследовательскую лабораторию, зани- ющуюся разработкой тематики, которой посвятили свою деятельность Н. Чернецов и В. И. Мошинская¹¹.

Состояние полученных архивных материалов в целом было удовлет- рительным. Рукописные и машинописные работы, надписанные рукой Н. Чернецова, лежали в папках, многие были в тетрадах и блокнотах. лнако фотографии и негативы оказались в основном без подписей. До ментального оформления всех материалов В. Н. Чернецова в Музее, щоры настоящей статьи занимались их разбором и описанием, пред-

⁷ См. например, *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров.— Тр. Ин- этнографии АН СССР, т. 51. М.— Л., 1959, с. 114—156.

⁸ *Чернецов В.* Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с мед- дем.— Congressus Secundus Internationalis Fennougristarum. Helsinki 23— VIII.1965. Budapest, 1965, pars II, p. 102—111; *Tschernetzow V. N.* Bärenfest bei den Bugriern.— Acta ethnographica, 1974, т. 23 (2—4), S. 285—319.

⁹ *Чернецов В. Н.* Древняя дриморская культура на полуострове Ямал.— СЭ, 1935, 4—5, с. 109—133; *его же.* Очерки этногенеза обских угров.— Краткие сообщения Ин- истории материальной культуры. В. 9. М.— Л., 1935, с. 18—28; *его же.* К вопросу о жикновении восточного серебра в Приобье.— Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 1. Л., 1947, с. 113—134; *его же.* Усть-полуйское время в Приобье.— Материалы и ис- зования по археологии СССР. М.— Л., 1953, № 35, с. 221—241; *его же.* К вопросу еместе и времени формирования уральской (финно-угро-самодийской) общности.— ngressus Internationalis Fennougristarum Budapestini habitus (20—24.9.1960). Buda- n, 1963, s. 405—415; *Chernetsov V. N.* On the Problem of Ancient Substratum in the itures of the Circumpolar Region.— Тр. VII Международного конгресса антропологи- х и этнографических наук. Москва, 1964, т. 10. М.: Наука, 1970, с. 260—267, и др.

¹⁰ *Chernetsov V. N., Moszynska W. I.* Prehistory of Western Siberia.— Montreal and don, 1974, 377 p.

¹¹ После смерти В. И. Мошинской (1980) ее сестра — Я. И. Мошинская и муж се- ра — Б. А. Чайковский подарили Томскому университету библиотеку ученых.

варительно получив консультацию о правилах описания личных на архивов в Государственном архиве Томской области. После завершения этой работы все материалы были сданы по приемо-сдаточному ак архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского университета. Фонд В. Н. Чернецова имеет здесь № 869, в нем насчитывается 157 ниц хранения (дел).

Весь имеющийся материал описан и систематизирован с учетом боров, сделанных В. Н. Чернецовым, а также исходя из общепринятой рубрикации разделов материальной и духовной культуры. Наиболее важную часть архива составляют полевые записи, сделанные ученым во время экспедиций к ненцам, хантам и манси — около 1,5 тыс. рукописных листов разного формата с этнографическими записями и столько листов с фольклорными текстами на мансийском языке.

Свои этнографические материалы В. Н. Чернецов подразделяет на «дневники» и «реальные записи». Различие этих видов источников в степени обобщения самим исследователем собираемых сведений, сделанных им акцентах при описании хода полевой работы. В «реальных записях» зафиксированы конкретные этнографические сведения о явлениях, которые наблюдал он сам или о которых ему рассказали информаторы. «Реальные записи» не систематизированы тематически, не снабжены комментарием ученого. В дневниках изложен собственно ход экспедиций, условия работы и сбора материала, что подчас не менее важно, чем сам материал. Здесь же имеются оценочные суждения В. Н. Чернецова о собранной информации, есть и попытки предварительного анализа и обобщений. Дневники и «реальные записи» составили 26 тетрадей и блокнотов разного формата. Это результат экспедиций к хантам и манси в бассейны рек Сосьвы, Лозьвы, Тагила (1925—1927 гг.), Оби, Сосьвы, Конды и в Ивдельский район Свердловской области (1931—1938 гг.). Этнографические сведения, собранные у ненцев Ямала относятся к 1928—1929 гг., а у тазовских селькупов — к 1946 г.

О значении архивных материалов В. Н. Чернецова позволяет судить уже их перечень. Поражает прежде всего разнообразие тематики в материалах. Пытливый и внимательный взгляд исследователя обращен к занятиям народа, одежде, типам жилищ, средствам и способам передвижения, орудиям труда. Равным образом его интересовали хозяйственная организация, сведения о сверхъестественных существах, культовые места и жертвоприношения, шаманство, изобразительное искусство, фольклор. В дневниках встречаются грамматические упражнения по мансийскому и ненецкому языкам. Уделяя большое внимание материалам о культуре хантов, В. Н. Чернецов в полевых записях выделяет три типа жилищ: зимние юрты, летние берестяные чумы и временные односкатные балаганы. Он записывает представления о духах очага и дома, жертвоприношениях для них, запреты мужчинам и женщинам на определенные действия внутри жилища. Собирателем останавливается на средствах передвижения и половозрастных ограничениях при езде на нартах, описывает состав, способы приготовления и хранения пищи, правила поведения за столом, характеризует бюджет семьи. У манси он отмечает петлю для ловли чаек, рыболовный снаряд и музыкальный инструмент. Описывает зимнюю и летнюю одежду. Его интересуют представления об обитателях трех небесных сфер, земли и подземного мира, виды присяг, нормы обычного права и брачных отношений, различные запреты и действия оберегающего характера.

Для примера остановимся несколько подробнее на материалах о культуре Ямала. Здесь содержатся ценные сведения о морском промысле (чем, когда и как охотились на моржей, как снимали шкуры с животных и что делали с различными частями туши), об оленеводстве (зафиксированы маршруты кочевков, процедура разделения оленьего стада и представления о религиозных воззрениях (записи о священных местах, посмертных изобретениях шамана и отношении к ним, о добрых и злых сверхъестественных существах). Молодой исследователь не только фиксирует, но и анализирует полученную информацию. Так, он записывает в дневник

ое предположение о том, что ямальские самоеды (ненцы) — не давнишние насельники современной тундры, а пришельцы из лесной зоны. По мнению, существует две экзогамные группы, одна из которых возникла путем слияния «авангардной ветви самоедского движения» с легендарными местными сиртя.

Дневниковые записи чрезвычайно интересны еще и потому, что позволяют приблизиться к разгадке феномена В. Н. Чернецова: ему повезло то, что обыкновенно скрывали даже от многих сородичей. Первые страницы дневников заполнены описанием маршрута, встреч с новыми людьми, погодных условий и содержат немного этнографических наблюдений. Эти страницы отражают период установления «нормальных», по словам исследователя, отношений, исключаящих какое-либо недоверие обеих сторон. Сближение ускорялось увлеченностью В. Н. Чернецова своей работой, а также его искренней доброжелательностью, стремлением овладеть языком местных жителей и научиться делать все то, что могли они: управлять нартой, ставить чум, охотиться и т. д. Вот как описан эпизод охоты вместе с ненцем: «Теперь мы уже совершенно не азбировали дороги, перескакивая временами через неширокие трещины... лед гнулся так, что казалось, мы бежим по пружинному матрасу. Но страха не чувствовалось... Звери были шагах в 500. Упираю винтовку в лыдину и начинаю стрелять. Подбежавший Сахэди открывает альбу из своей берданки... Наконец, после моего выстрела один из медведей ревет и валится в воду...».

Тесное слияние с жизнью изучаемого народа вызывало расположение исследователю, что позволяло ему до мельчайших подробностей познаться с бытом и нравами ямальских ненцев. Он удачно выбирал время для беседы — обычно вечером после совместной работы, при свете костра, когда сама обстановка располагала к откровенному разговору. В. Н. Чернецов умел направить беседу в нужное русло, проявляя при этом находчивость и юмор. Например, ненец уклонился от ответа на вопрос, почему чайка считается священной птицей. Собиратель подзабыл его ссылок на хантов, у которых-де есть и изображения птицы легенды о ней. В результате «старика, наверно, задело за живое, и он сказал, что чайка оттого священна, что в ней живет дух, который летает ее облике». Подобные ситуации описаны и в других местах дневника Чернецова.

В. Н. Чернецов хорошо рисовал, и его полевые записи нередко сопровождаются зарисовками (впоследствии он сам готовил по ним иллюстрации к публикуемым работам) в карандаше, акварелями. Во время экспедиций постоянно велись и фотосъемки. Часть архивных иллюстраций — это зарисовки музейных экспонатов либо копии рисунков из опубликованных работ. Всего в архиве 481 рисунок, 761 фотоснимок, более 60 негативов и позитивов на стекле и фотоплёнке. Негативы и фотографии совпадают лишь частично: большое число негативов не имеет печатков, и далеко не ко всем фотографиям имеются негативы. При обработке архива фотографии и рисунки (кроме зарисовок в тетрадях) были распределены по темам и в соответствии с этим разложены в папки (дела). Им даны названия, например: «Изобразительное искусство», «Хозяйственная деятельность», «Постройки» и т. д.

Уникальными являются поступившие в Музей киноматериалы В. Н. Чернецова (22 единицы хранения). В 1948 г. он и В. И. Мошинская сняли два фильма: об археологических раскопках в Сузгуне и о медвежьем празднике. В тот год в поселке Вежагоры на р. Обь происходили завершающие празднества семилетнего обрядового цикла, связанного культом медведя у обских угров. В. Н. Чернецов планировал снять этот кинофильм, но из-за распутицы попасть на празднества не удалось. Популярность же ученого среди манси была такова, что старики решили повторить обряды для киносъемки. Основной фильм о медвежьем празднике со временем был В. Н. Чернецовым утерян, и в архиве остался второй вариант, созданный по кадрам, не вошедшим в первый фильм. Имеются и другие киноматериалы: о поездке на р. Казым, архео-

логических раскопках и пр. После смерти ученого большую заботу в сохранении его киноматериалов проявил Б. А. Чайковский. Сейчас многие киноленты требуют реставрации.

Самостоятельное значение имеют фольклорные тексты, записанные В. Н. Чернецовым на мансийском языке. В архиве они составляют 16 дел. Для первичного ознакомления с содержанием текстов была приглашена владеющая родным языком мансийка Н. В. Сайнахова (сотрудница Ханты-Мансийского окружного научно-методического центра народного творчества и культпросветработы). С ее помощью были определены названия или сюжеты произведений устного народного творчества, указаны места их фиксации. Выяснилось, что в архиве представлены героические песни, исторические предания, сказки, бытовые рассказы и другие жанры. Многие из этих произведений ныне забыты, и значение записей В. Н. Чернецова трудно переоценить. В архиве есть также папка ученого с переводами фольклорных мансийских текстов на русский язык; судя по всему, В. Н. Чернецов готовил их к публикации.

В архив Музея поступили, как уже отмечалось, подготовительные материалы к публикациям и выступлениям: отпечатанные стенограммы лекций, тезисы докладов, выписки из литературы, описание музейных коллекций, варианты изданных статей. За основу выделения и оглавления дел в данном случае были приняты тематические подборки В. Н. Чернецова: «Вопросы формирования уральской общности», «Медвежий праздник», «Общественный строй обских угров» и др. (всего 9 дел). Документы ученого, личные письма и записи биографического характера вошли в «Личное дело». Имеются также образцы литературного творчества В. Н. Чернецова.

Из богатейшего этнографического наследия В. Н. Чернецова опубликована лишь часть, подготовленная, в основном, по полевым работам 1931—1938 гг. Почти весь материал по культуре обско-угорского населения бассейнов Лозьвы, Сосьвы, Тагила и ненцев Ямала (1925—1929 гг.) хранится до сих пор на страницах тетрадей и блокнотов ученого. Вскоре после поступления и обработки архива В. Н. Чернецова было принято решение о публикации этнографических дневников в издательстве Томского университета. Сейчас авторы данной статьи ведут непосредственную подготовку рукописей к публикации. С выходом в свет полевые материалы В. Н. Чернецова несомненно будут использоваться специалистами как один из ценнейших источников по этнографии народов Западной Сибири.

А. С. Кочкунов

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КИРГИЗСКОЙ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬЕ

Одно из важных направлений советской этнографической науки — изучение семьи (ее типов, функций, структуры внутрисемейных отношений и т. д.)¹. Уже осуществлен ряд серьезных исследований по этой проблематике², продолжается изучение современной сельской семьи у народов разных регионов страны, в том числе Средней Азии и Казахстана³. Настоящая статья посвящена современной киргизской сельской семье. Автор в 1980—1983 гг. собирал материалы в селах Иссык-Кульской и Нарынской областей Киргизии⁴. Анализ этих материалов представлен в данной статье.

Иссык-Кульская область характеризуется многонациональным составом населения. Здесь живут киргизы (62,8%), русские (27,3%), украинцы (2,1%), казахи (1,5%), узбеки, иссык-кульские калмаки, дунгане, узбеки и др. Общая численность населения области⁵ — 350,6 тыс. человек. Русские и украинцы переселились сюда во второй половине XIX — начале XX в. из центральных и южных областей России, дунгане и уйгуры — из северо-западных районов Китая⁶.

Нарынскую область населяют главным образом киргизы (96,1%). Русских здесь немного (2,0%), и живут они в основном в г. Нарыне и в некоторых поселках городского типа. Общая численность населения области — 228,7 тыс. человек.

¹ Июньский Пленум ЦК КПСС и задачи советских этнографов. — Советская этнография (далее — СЭ), 1983, № 6, с. 7; Бромлей Ю. В. О некоторых актуальных задачах этнографического изучения современности. — Там же, с. 15—16; Жданко Т. А. Традиционное и новое в национальных и интернациональных процессах. — В кн.: Национальное и интернациональное в современном мире: Кишинев: Штиинца, 1981, с. 276—277.

² См.: Современные этнические процессы в СССР. 2-е изд. М.: Наука, 1977; Харламова Г. Г. Брак и семья в СССР. М.: Мысль, 1979; Бромлей Ю. В., Кашуба М. С. Брак и семья у народов Югославии. М.: Наука, 1982; Моногарова Л. Ф. Структура современной городской семьи таджиков (по материалам городов Ура-Тюбе и Исфара). — СЭ, 1983, № 3; Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX—XX в.). М.: Наука, 1983; и др.

Опубликована и обобщающая работа, дающая общие представления о семье в системе с присущими ей функциями. См.: Ганцкая О. А. Семья: структура, функции, типы. — СЭ, 1984, № 6.

³ «Современная сельская семья у народов Средней Азии и Казахстана» — тема, курируемая Институтом этнографии АН СССР и разрабатываемая по его программе. ⁴ Новое и традиционное в быту сельской семьи народов Средней Азии и Казахстана. Программа этнографического исследования современных этнокультурных процессов / Т. А. Жданко и Г. П. Васильева. М., 1980.

⁵ Работа проводилась в составе экспедиции Института истории АН КиргССР, которая обследовала кроме указанных двух областей еще одно из сел Ошской области.

⁶ Данные о численности населения Иссык-Кульской и Нарынской областей см.: Статистика, 1981, № 12, с. 73 (проценты подсчитаны автором).

⁷ Еще до появления в Иссык-Кульской области переселенцев здесь кроме киргизов жили сарт-калмаки. См.: Жуковская Н. Л. Иссык-кульские калмаки. — В кн.: Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1980, с. 67—158.

За годы Советской власти в Иссык-Кульской и Нарынской областях и повсюду в нашей стране, произошли коренные преобразования культуры и быта. Прежние национальные окраины превратились в витые индустриальные и аграрные области. Однако сложившиеся в революционный период хозяйственно-культурные традиции ж. Иссык-Кульской и Нарынской областей наложили определенный отпечаток на их социальное и культурное развитие, на общественные отношения, в частности на такой общественный институт, как семья.

Для исследования семьи были выбраны стационары: в Иссык-Кульской области — совхоз «Оргочор» Джети-Огузского района; в Нарынской — колхоз «Джаны-Талап» Тянь-Шаньского района.

Совхоз «Оргочор» расположен на юго-восточном побережье Иссык-Куля. В него входят села Оргочор (центральная усадьба) и Бишик; расстояние между ними 14 км. Основная отрасль хозяйства — животноводство; хорошо развито и полеводство. В совхозе имеется опытная станция по селекции и созданию новых пород овец, находящаяся в ведении Киргизского научно-исследовательского института животноводства.

Этнический состав населения входящих в совхоз селений отражает многонациональность Иссык-Кульской области. В них живут 302 киргизов, 270 русских, 15 украинцев, 17 узбеков, 71 казах, 10 татар, 10 представителей других национальностей (дунгане, уйгуры, калмаки и др.). По данным хозяйственных книг Оргочорского сельского совета за 1983 г., объединяет 651 хозяйство — 592 семьи и 59 одиночек. По этническому составу семьи распределяются следующим образом: киргизских русских — 60, иных одноподнациональных (украинские, узбекские, казахские и др.) — 6, национально смешанных, где один из супругов имеет иную национальность, — 28, иных национально смешанных (русско-киргизская, дунганско-корейская и др.) — 9. Одиночек: киргизов — 44, русских — 12, других национальностей — 3.

Колхоз «Джаны-Талап» расположен в горах Тянь-Шаня. Он объединяет пять селений: Кызыл-Джылдыз, Джаны-Талап, Джергетал (центральная усадьба), Тогуз-Булак и Джалгыз-Терек. Расстояния между селами колхоза невелики. Главная отрасль хозяйства — животноводство. Ей подчинено слабо развитое полеводство (возделывают здесь кормовые культуры).

Этнический состав жителей входящих в колхоз селений однороден: в них живут только киргизы. По данным хозяйственных книг Джалгыз-Терекского сельского совета за 1982 г., колхоз объединяет 592 хозяйства, 571 семью и 21 хозяйство одиночек.

Изучение социально-профессионального состава жителей киргизских обследуемых объектов показало, что среди них в совхозе «Оргочор» 52,9% составляют семьи рабочих, 20,6 — пенсионеров (преимущественно бывших рабочих этого хозяйства), 14,5 — социально смешанные, 12,0 — семьи служащих; в колхозе «Джаны-Талап»: 46,3% — семьи колхозников, 25,3 — пенсионеров (в основном бывших колхозников), 19,6 — социально смешанные, 8,6% — служащих; семей рабочих — 0,2% (одна киргизская семья). Но некоторые члены семей колхозников являются членами Передвижной механизированной колонны, строящей оросительные каналы.

В совхозе из 1595 человек в возрасте старше 15 лет рабочие составляют 51,7%, служащие — 15,0, пенсионеры — 11,6, временно отсутствующие (главным образом военнослужащие) — 6,7, учащиеся ПТУ, средних специальных и высших учебных заведений — 10,5, домохозяйки — 3,6%.

В колхозе из 2185 человек в возрасте старше 15 лет колхозники составляют 47,7%, служащие — 9,6, рабочие — 2,1, пенсионеры — 19,6, временно отсутствующие — 8,9, учащиеся ПТУ, средних специальных учебных заведений и студенты — 10,2, домохозяйки — 0,2, прочие — 1,7%.

На профессиональный состав сельских семей оказывает влияние близость города, промышленных и других объектов культурно-бытового значения. Это особенно ощущается в совхозе «Оргочор»: 45 киргиз

селений сельской совхоза являются маятниковыми мигрантами. Они работают шоферами, строителями, бухгалтерами, зоотехниками и т. д. в Иржевальске, в селах Покровка, Шалба, Светлая Поляна, на курорте «Кит-Огуз» и др. Однако несмотря на то, что для отдельных членов обследуемых селений весьма характерна мобильность, изменение местожительства происходит не часто. Этому мешает приверженность к традиционному быту — привязанность к своему кругу родственников, обычная соседская и родственная обстановка, повседневная забота о старелых родителях и родственниках. До сих пор родственника, умершего в другом селе или городе, привозят хоронить в родное село, рядом с могилками предков⁷.

В селах совхоза «Оргочор» и колхоза «Джаны-Талап» имеются два типа семей: малая и неразделенная; у каждого из этих типов есть подтипы. Преобладают здесь, как и у всех народов СССР⁸, малые семьи. Незамужних семей, состоящих из двух и более брачных пар, живущих в одном доме и имеющих общее хозяйство и бюджет, в колхозе больше, чем в совхозе (см. табл. 1). Они встречаются в двух вариантах: отцовская неразделенная семья и братская неразделенная семья. В первом чаще главной семьей является отец, во втором — один из братьев.

Как видно из табл. 1, в совхозе «Оргочор» 439 малых семей (или 7% всех киргизских семей). В колхозе «Джаны-Талап» их 472 (7%). Малые семьи встречаются в различных вариантах. Самый распространенный из них — нуклеарная (простая) семья, состоящая из родителей и детей; таких семей в совхозе 60,6%, в колхозе — 46,0%. Расширенных малых семей, включающих брачную пару с детьми и одного из родителей супругов, в колхозе всего 26 (5,3%), в то время как в колхозе 126 (22,1%). Такая разница в степени распространения расширенных семей объясняется, видимо, тем, что в совхозе, расположенном в непосредственной близости от урбанизированных и индустриальных районов Восточного Прииссыккуля, традиция проживания престарелых родителей в семье одного из детей нарушается чаще, чем в колхозе. Однако, по нашим данным, наблюдается общая тенденция ее нарушения, нельзя объяснить только влиянием урбанизации. Улучшение жилищно-бытовых условий сельских жителей, забота руководства колхоза и совхоза о бывших колхозниках и рабочих, получение ими пенсий, помощь оставшихся в селе близких родственников, а также соседей позволяют взрослым детям работать и за пределами данного хозяйства.

Среди малых семей довольно много неполных, в которых дети живут одним из родителей. В совхозе «Оргочор» их 87, в колхозе «Джаны-Талап» — 46, причем в большинстве таких семей дети живут с матерью.

Возраст большинства матерей в этих семьях выше 40 лет (от 45 до 95 в совхозе и от 43 до 95 в колхозе). Многие из них — вдовы⁹; часть из них, которым сейчас за 60, потеряли мужей в годы Великой Отечественной войны. Молодых матерей в неполных семьях сравнительно мало: в колхозе — 17, а в совхозе — 4. Среди молодых матерей в одинаковой степени встречаются и вдовы и разведенные. Последнее обстоятельство замечательно. В киргизской семье XIX — начала XX в. женщины молодых и средних лет после смерти мужа оставались, по обычаю левирата, в семье умершего, выходя замуж за его брата или другого близкого родственника. При социалистическом строе изжиты патриархальные устои, которых зиждился этот архаический обычай: семьи вдов функционируют теперь самостоятельно, получая помощь от государства. Правда, сохраняется традиция помощи со стороны родственников мужа вдовы, и только материальной: часто по согласию снохи некоторых ее детей помогают братья или родители мужа. Среди вдов мы встречали и таких, которые после смерти мужа остались жить в доме его родителей, чтобы опекать их, так как последние были в преклонном возрасте. Вдовы, имеющие взрослых детей, крайне редко вступают в повторный брак,

⁷ Полевые записи автора 1982—1983 гг. (хранятся у автора).

⁸ Современные этнические процессы в СССР, с. 445.

⁹ Полевые записи автора, 1982—1983 гг., тетр. 1—4.

Типы и подтипы киргизских семей в совхозе «Оргочор» и колхозе «Джаны-Талап» *

Тип и подтип семьи	Совхоз «Оргочор»		Колхоз «Джаны-Талап»	
	число	%	число	%
<i>Малые семьи, включающие</i>				
брачную пару с детьми	296	60,6	263	41,1
то же и одного из родителей супругов	26	5,3	126	20,0
брачную пару без детей	26	5,3	29	4,6
брачную пару с внуками	4	0,8	8	1,3
одного из родителей с детьми (неполная малая)				
мать с детьми	69	14,1	41	6,5
отец с детьми	18	3,7	5	0,8
<i>Неразделенные семьи, включающие</i>				
брачную пару с детьми и с женатым сыном, иногда с двумя женатыми сыновьями (отцовская семья)	50	10,2	96	15,4
брачные пары родных братьев с детьми и без них (братская семья)	—	—	3	0,5
<i>Всего семей</i>	489	100	571	92,0

* Эта и остальные таблицы составлены по данным похозяйственных книг Оргочорского (за 1981 г.) и Джанетальского (за 1982 г.) сельских советов. Подсчеты произведены автором.

считая, что за такой поступок им было бы стыдно перед детьми и родственниками.

Многие из молодых разведенных женщин основной причиной развода считают отношение к ним родителей мужа, а некоторые — его сам. Первые осуждают за то, что они скрывают самостоятельность молодых женов, вмешиваются в их личные дела, пытаются навязать свое мнение и т. д.; мужу ставят в вину неумение отстаивать самостоятельность молодой семьи, беспрекословное подчинение воле родителей либо при обращении, пьянство и т. д.

Неполных малых семей, где дети живут с отцом, в изучаемых общинах очень мало. Они образуются в основном из-за смерти жены, гораздо реже вследствие развода.

Как видно из табл. 1, есть и такие малые семьи, где брачная пара состоит только с внуками. В отдельных из них внуки поселились временно в большом количестве же усыновлены дедом. Древний патриархальный обычай киргизской семьи¹⁰ — отдавать детей на воспитание родителям мужских братьев, в новых исторических условиях утрачивает прежний характер; теперь одна из форм помощи молодой семье.

Неразделенных семей в колхозе почти вдвое больше, чем в совхозе (соответственно 96 или 16,8%, и 50, или 10,2% всех киргизских семей). Состоят они в основном из двух брачных пар: родителей и женатого сына. Только в одной из 50 неразделенных семей совхоза — семье Абдылдаева, состоящей из 13 человек, три брачные пары: родителей и женатых сыновей. Глава семьи, его жена, их два сына и одна из невест работают чабанами. Вторая невестка — рабочая совхоза¹¹.

В колхозе «Джаны-Талап» 5 из 96 неразделенных семей состоят из трех брачных пар. Однако в каждой из них предполагается отделение одной брачной пары сразу же после того, как будет построен новый дом. Три неразделенные братские семьи, состоящие из семей двух братьев, зафиксированы нами только в колхозе «Джаны-Талап».

¹⁰ Подробнее см.: *Абрамзон С. М. Об обычае усыновления у киргизов.* — Труды Института языкознания, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР, 1948, вып. 11, с. 157.

¹¹ В дореволюционный период бытовали семьи, состоящие из нескольких братьев; численность таких семей доходила до 40 и более человек.

Неразделенные отцовские семьи образуются вследствие того, что женившийся сын остается жить с родителями. Бывают и случаи, когда вышедший сын по каким-либо причинам вновь объединяется с родителями; такую семью, сложившуюся в результате объединения двух малых семей, следует, видимо, характеризовать как расширенную (сложную) малую семью (главой в ней уже становится сын).

При выделе женившихся сыновей образуются малые семьи. Если в семье несколько сыновей, женившийся сын живет с родителями лишь до свадьбы младшего брата, т. е. женитьба каждого следующего сына становится моментом отпочкования новой малой семьи. Если сын — студент или живет и работает в другом населенном пункте, его обычно отдают сразу, в течение одного — двух месяцев; если сын работает в том же селе, где живут родители, его выделяют после женитьбы следующего сына. Большинство информаторов считает, что опекать родителей до старости — долг младшего сына (не забыт обычай минората), однако сейчас же достаточно прочно бытует убеждение, что родителей должен опекать кто-нибудь из детей (не обязательно младший и не обязательно сын).

В неразделенных семьях в большей степени, чем в малых, сохранились многие специфические черты, унаследованные от патриархальных общин. Это — совместное проживание в одном доме (в прошлом большая семья жила в нескольких рядом стоящих юртах), общее хозяйство на выделенных каждой супружеской паре приусадебных участках, общий семейный бюджет, ярко выраженное лидерство главы семьи — мужчины, более строгое, чем в малых семьях, соблюдение половозрастного принципа разделения труда в домашнем хозяйстве и т. д.

Чем же объясняется сравнительная устойчивость неразделенной семьи наши дни? Все-таки в обследуемых объектах из 1060 киргизских семей 16 неразделенных!

На наш взгляд, это связано прежде всего с традиционным занятием киргизов, переходивших от кочевничества к оседлости, — отгонным скотоводством, требующим достаточного числа рабочих рук и внутренней организации, способной обеспечить распределение функций между членами семьи. Издавна часть сельской киргизской семьи уходила со скотом на дальние высокогорные пастбища, другая ее часть занималась земледелием, обеспечивала все работы по дому и воспитание детей. И теперь в неразделенных семьях в животноводческих колхозах и совхозах одна супружеская пара (обычно старшая) сезонно живет на высокогорных пастбищах, оставляя дом и детей на своих женатых сыновей (или женатых братьев) и невесток. Однако в советское время занятие отгонным скотоводством все меньше бывает помехой разделу семьи. Школы-интернаты, дошкольные учреждения, летние пионерские лагеря, функционирующие на зимниках восьмилетние школы, клубы, библиотеки, торговые точки и т. д. если не решили, то сделали менее острой проблему ухода за детьми и их воспитания и проблему обеспечения чабанов всем необходимым. Не случайно в совхозе «Оргочор» из 78 семей животноводов (75 семей чабанов, 3 — табунщиков) 56 малых, 13 — расширенных малых и только 9 неразделенных. В колхозе «Джаны-Талап» из 81 семьи животноводов (76 семей чабанов, 4 — табунщиков, 1 — яководов) лишь 16 неразделенных. И все же целесообразность внутрисемейного хозяйственно-кооперирования нередко оказывается стимулом для сохранения неразделенной семьи, совместного ведения ею хозяйства.

Не менее важной причиной бытования такой семьи является и традиция почитания родителей, помощи им и заботы о них до самой смерти. Служит сохранению ее и традиция помощи старшего поколения молодой семье в уходе за детьми и их воспитании. Характерно, что не только родители, но и деды приобщают к занятию животноводством своих детей и внуков: передают им свой опыт и знания. Возможно, поэтому почти все чабаны и табунщики в совхозе и колхозе — потомственные.

Нам представляется допустимым предположить, что вследствие того сохранения традиции почитания родителей и помощи им неразделенная отцовская семья (при главенстве отца) и расширенная малая (при главенстве сына) в киргизском селе сохраняются дольше, чем брачная неразделенная семья (она находится на грани исчезновения). В последние годы наблюдается тенденция сближения жизненного цикла неразделенных и малых семей. Внутрисемейные отношения в неразделенных семьях резко отличаются от тех, что были даже в 1950—1960-х годах, не говоря уже о дореволюционном времени. Хотя глава семьи по традиции является отец, однако он не может единолично принимать решения, касающиеся семейных дел, на это необходимо согласие сына. Семейным бюджетом распоряжается мать, но и она должна советоваться со снохой как в мелких, так и в крупных расходах. В прошлом во взаимоотношениях между членами неразделенной семьи большую роль играли обычаи избегания и различные запреты, связанные с отношением снохи к свекру и другим родственникам мужа. Теперь уходит прошлое избегание между свекром и невесткой, изжит и запрет мужу жене называть друг друга по имени. Однако запрет невестке произносить имена старших родственников мужа еще сохраняется. Но и он претерпел существенные изменения. Пожилые женщины в силу традиции не проносят имена старших родственников мужа в их отсутствие, молодые часто совсем не соблюдают этот запрет. Обязательный в прошлом обычай ежедневного поклона (означающего «Здравствуйте!») невестки дедушкам и другим старшим родственникам мужа еще соблюдают, в том числе и во многих семьях совхоза «Оргочор». Даже совсем пожилые женщины при встрече со старшими родственниками мужа кланяются им. Женщины среднего и старшего поколения объясняют это привычкой, а многие молодые — тем, что поклон «удобнее и этичнее, чем рукопожатие»¹².

При анализе структуры семьи необходимо специально остановиться на размере последней. Известно, что семьи киргизов по числу совершенно проживающих членов относятся к категории самых многочисленных в СССР¹³. Большинство семей в изучаемых нами объектах состояло больше чем из 4 человек, причем численность семьи в колхозе выше, чем в совхозе (см. табл. 2). В колхозе преобладают семьи из 8—9, иногда даже 10 и более человек (267 семей, или 46,8%), а в совхозе — из 4—5 и 6 человек (259 семей, или 53,0%). Средний размер семьи в колхозе 7,2, а в совхозе — 6 человек. При этом средний размер малых семей в совхозе 5,8, неразделенных — 7,3, а в колхозе — соответственно 6,9 и 8,4 человек. Таким образом, сокращение числа брачных пар в советских неразделенных семьях повлекло за собой резкое сокращение размеров семьи.

Сравнительно большая численность киргизской семьи обусловлена высоким естественным приростом. В обоих обследуемых объектах большинство семей многодетны (табл. 3), однако среднее число детей в колхозе выше (5,1), чем в совхозе (4,1).

В совхозе 10 детей и более имеют всего 10 семей из 463 (или 2,1%), а в колхозе — 43 семьи из 542, или 7,9%. Наиболее многочисленной является семья колхозника М. Миназарова, в которой 16 человек, в том числе 14 детей. Надо сказать, что почти все семьи, имеющие более 10 детей относятся к типу малых.

Изменение социально-классовой структуры сельского населения в годы Советской власти, появление новых общественных групп: рабочих совхоза, колхозников, служащих — способствовало укреплению тенденции к планированию рождаемости. В совхозе «Оргочор» среднее число детей наибольшее в семьях рабочих — 4,6 детей; в социально смешанных семьях — 3,8, в семьях служащих и интеллигенции — 3,4. В колхозе «Джаны-Талап» наиболее многодетны семьи колхозников: у них сред-

¹² Полевые записи автора, 1982—1983 гг., тетр. 1—4.

¹³ В обследованных селах выявленный нами средний размер киргизских семей выше учетного переписью 1979 г. среднего размера (5,8 человек) для республики. — Вестник статистики, 1983. № 7, с. 75.

Таблица 2

Размер семьи в совхозе «Оргочор» и колхозе «Джаны-Талап»

Размер семьи	Совхоз «Оргочор»		Колхоз «Джаны-Талап»	
	число	%	число	%
Семьи, состоящие из				
2—3 чел.	95	19,4	86	15,0
4—5 чел.	138	28,2	106	18,6
6—7 чел.	121	24,8	112	19,6
8—9 чел.	82	16,8	122	21,4
10 чел. и более	53	10,8	145	25,4
Всего семей	489	100	571	100

Таблица 4

Поколенный состав семьи

Поколенный состав семей	Совхоз «Оргочор»		Колхоз «Джаны-Талап»	
	число	%	число	%
Семьи, состоящие из				
одного поколения	26	5,3	29	5,1
двух поколений	386	78,9	344	60,2
трех »	75	15,4	193	33,8
четырёх »	2	0,4	5	0,9
Всего семей	489	100	571	100

Таблица 3

Число детей в семьях совхоза «Оргочор» и колхоза «Джаны-Талап»

Обследуемый объект	Всего семей	В том чис- ле имею- щие детей		Число детей в семье																												Всего детей в семьях	Среднее число детей в семьях
				1		2		3		4		5		6		7		8		9		10		11		12		13		14			
		число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%		
Совхоз «Оргочор»	489	463	94,7	70	15,1	81	17,5	59	12,8	73	15,8	54	11,7	38	8,2	38	8,2	27	5,8	13	2,8	8	1,7	1	0,2	—	—	1	0,2	—	—	1902	4,1
Колхоз «Джаны-Талап»	571	542	94,9	65	12,0	66	12,1	63	11,6	42	7,8	64	11,8	67	12,4	50	9,2	49	9,0	33	6,1	23	4,2	10	1,9	7	1,3	2	0,4	1	0,2	2779	5,1

число детей — 5,9; в социально смешанных семьях — 5,2, в семьях жующих и интеллигенции — 4,3. В изучаемых объектах из всего занятого в общественном производстве и сфере обслуживания населения меньше всего детей у служащих и интеллигенции. Это объясняется как сравнительно поздними браками, что связано с многолетней учебой, так и планированием числа детей.

Новые черты появились и в составе семей. Помимо кровных родственников в них нередко входят и свойственники. Если в прошлом муж когда не поселялся в доме родителей жены, то теперь это иногда считается (нами в изучаемых объектах зафиксированы три таких семьи). К ним следует считать и проживание тещи в семье зятя (таких семей в колхозе четыре), а также включение в семью разведенной или вдовой дочери либо сестры главы семьи с детьми. В колхозе, например, семья Масаева состоит из 8 человек, в их числе — разведенная сестра главы семьи с двумя детьми. В целом прямые и боковые родственники (не считая родителей и детей) шире представлены в семьях колхоза «Джаны-Талап» из 571 семьи 237 (41,5%) имеют прямых и боковых родственников. В совхозе «Оргочор» таких семей всего 91 (18,6% всех семей).

Поколенный состав семей совхоза «Оргочор» и колхоза «Джаны-Талап» однотипен. Как видно из табл. 4, в обоих объектах преобладают двухпоколенные семьи, затем следуют трехпоколенные. Доля последних в колхозе в два раза больше, чем в совхозе. Это объясняется наличием в колхозе значительного числа расширенных малых и неразделенных семей. Однопоколенных семей (брачная пара без детей) в селах немного, четырехпоколенные же встречаются крайне редко.

Новым явлением в киргизском селе стали национально смешанные семьи. В колхозе «Джаны-Талап» их пока нет, а в совхозе «Оргочор» расположенном, как уже говорилось, в многонациональной Иссык-Кульской области, где постоянны этнокультурные контакты, мы зафиксировали 28 национально смешанных семей. Из них 14 казахско-киргизских, 3 узбекско-киргизских, по одной корейско-киргизской и калмако-киргизской, 2 киргизско-калмацкие, 2 киргизско-казацкие; по одной киргизско-русской, киргизско-дунганской, киргизско-карачаевской, киргизско-узбекской и киргизско-татарской¹⁴. Таким образом, несмотря на незначительное число казахов в селах совхоза «Оргочор», именно они чаще вступают в браки с киргизами, продолжая многовековые традиции контактов между этими народами, близкими по языку, хозяйственным традициям и культуре. Корейско-киргизская и киргизско-карачаевская семьи появились в послевоенные годы.

Национальность в смешанных семьях определяется, как правило, отцом. Однако в тех из них, где жена — киргизка, дети при получении паспорта нередко выбирают национальность матери¹⁵.

Родители в национально смешанных семьях дают детям как киргизские имена, так и имена народов СССР, а также общеевропейские. Например, в узбекско-киргизской семье: Тамара, Рита, Рашид, Рахат, в казахско-киргизской — Элебес, Кенебес, Алмагуль, Догдурбек, Садырбек, в калмако-киргизской семье: Чинара, Болотбек, Туратбек, Куттубек, в киргизско-карачаевской семье: Оксана, Жанадил, Мирбек; в корейско-киргизской семье: Нурбек, Уран, Жылдыз; в киргизско-русской: Калле, Рафаэль, Руслан и т. д. До сих пор бывают случаи неодобрительного отношения родителей к национально смешанным бракам, что осложняет внутрисемейные отношения. Обычно в защиту молодоженов выступают родственники среднего и старшего поколений, и родителям в конце концов приходится смириться. Однако часты и семьи, в которых хорошо относятся к невесткам некиргизской национальности. В совхозе «Оргочор» автор наблюдал несколько киргизских семей, где к невесткам другой национальности относятся с любовью и уважением все члены семьи, в

¹⁴ В этих сочетаниях (казахско-киргизский, киргизско-казахский, киргизско-русский и др.) левая часть означает национальность мужа, правая — жены.

¹⁵ Полевые записи автора, 1983 г., тетр. 3.

числе и пожилые; объясняют это тем, что их невестки овладели за короткий срок киргизским языком, привыкли к семье и родственникам мужа, знают и соблюдают киргизские обычаи и обряды, умеют готовить национальные блюда и т. д.; если и не носят киргизскую одежду, то всегда покрывают голову платком, что, по мнению киргизов старшего поколения, имеет немаловажное значение¹⁶.

Итак, приведенные в статье материалы показывают, что в совхозе «Оргочор» и колхозе «Джаны-Талап» существуют два типа семей: малая (простая) и неразделенная (сложная) с некоторыми их подтипами. По сравнению с неразделенными братскими семьями, неразделенная семья, возглавляемая отцом, более стабильна. Преобладающей формой семьи в обоих обследуемых объектах, как и повсюду в стране, является малая семья, что отражает тенденцию развития семьи в СССР.

Общей чертой, характерной для социалистического образа жизни советской семьи, следует считать и демократизацию семейных отношений. В киргизской сельской семье она проявляется, в частности, в изменении положения женщины (матери, жены, невестки, вдовы). В современных условиях многие характерные для прошлого традиционные черты быта киргизской сельской семьи постепенно трансформируются. Наблюдается, например, сокращение доли сложных многопоколенных неразделенных семей, изживаются обычаи левирата и избегания невесткой старших родственников мужа, меняются содержание и моральные принципы обычаев минората, почитания старших. Повсеместно в республике, в том числе в изучаемых районах, происходит заметный рост числа социально и этнически смешанных семей.

¹⁶ Полевые записи автора, 1983 г., тетр. 1.

Г. П. Васильева

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ У ЗАПАДНЫХ ТУРКМЕН В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО ФЕОДАЛИЗМА (XVI—XVIII вв.)

Как известно, вторжение войск Чингисхана в Среднюю Азию привело к большим изменениям во всех областях жизни среднеазиатских народов. Отразились эти события и на этнической истории туркмен. Процесс формирования туркменской народности из местного ираноязычного населения и пришлых тюркоязычных (главным образом туркмено-огузских) племен, начавшийся в XI—XII вв. в земледельческих районах Южной Туркмении и Хорезме, был прерван. Длительные войны привели к тому, что значительная часть местного полуоседлого населения ушла в другие районы или переселилась на территорию Передней Азии. На их место пришли новые этнические группы, принявшие участие в процессе сложения туркменской народности, который завершился в XV — начале XVI в.¹ К этому времени, наряду со старыми огузскими (туркменскими) племенами салыров и човдулов, занимавшими Мангышлак и Устюрт, в прикаспийских степях поселились новые туркменские племена, включившие в свой состав кроме огузских другие тюркские, а также ирано- и монголоязычные группы. Пестрота этнического состава этих районов в XIII—XIV вв. подтверждается сведениями, приводимыми Абу-л-Гази².

¹ История Туркменской ССР. Т. I. Ашхабад, 1957, с. 325; Народы Средней Азии Казахстана (серия «Народы мира». Этнографические очерки). Т. II. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 11.

² Кононов А. Н. «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского». М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 74—75.

Туркменские племена, расселенные в районе Больших Балхан степях к северу и югу от них, вошли в племенной союз внешних салоров составивший ядро туркменской народности. В XV—XVI вв. наиболее крупным племенем внешних салоров были эрсари; в этот же союз входили теке и иомуты, известные в русских источниках XVI—XVIII вв. под общим названием «текеямут» (текеемутцы). Еще в середине XVIII они считались единым племенем, подчинявшимся хивинскому хану. Такое объединение двух в дальнейшем совершенно самостоятельных племен предполагает, вероятно, их территориальную и этническую близость. Во многих преданиях, бытующих у современных туркмен, лишь частично изданных³, теке и иомуты наряду с эрсари и сарыками названы именами Салор-Казана.

По «Родословной туркмен», записанной Абу-л-Гази, все родоначальники указанных выше племен, включенных в один союз, происходили от салыров, однако лишь родоначальники эрсари и иомутов имели общего деда Берды, сына Огурджика, т. е. были близкими родственниками прародителем текинцев и позднее отделившихся от них сарыков, якобы человек по имени Той-Тутмаз, согласно легенде, не связанный родственством с родоначальниками первых двух племен⁴, хотя также вышедший из внешних салоров.

Родоначальником племени эрсари считался Эрсари-баба, живший, свидетельству Абу-л-Гази, в конце XIII — начале XIV в.⁵ Устная традиция признавала его и родоначальником иомутов по материнской линии. Возможно, преджере, записанное Абу-л-Гази в XVII в., но созданное, его словам, значительно раньше, отражает реальные этнические связи. Другие предания, в том числе бытующие в наши дни в устной традиции, появились позднее, в течении XVI—XVIII вв., когда теке и иомуты жили на общей территории и находились в подчинении у эрсари. В большинстве случаев родословные, несомненно, отражали определенный реальный этап в формировании того или иного племени, указывая также родственные связи между отдельными народами и племенами. Однако хорошо известно, что позднесредневековые родословные, составлявшие под влиянием родоплеменной феодализирующейся знати, стремившейся доказать свое родство с «прямыми» потомками Огуз-хана, были в известной мере тенденциозными. Политические связи в родословных редко представлены в виде родственных, а подчиненные племена объявляются младшими по происхождению. Это положение вполне укладывается с нашим материалом.

Начиная с XVI и до конца XVIII в. территория расселения западных туркменских племен неоднократно менялась. Изменение географических и политических условий присарыкамышских районов: высыхание Сарыкамыш и Дарьялыка, междоусобицы хивинских правителей и стремление бухарских ханов захватить этническую территорию туркмен, нападения калмыков, а также межплеменные раздоры — все это привело к перемещению части племен в Хорезм и продвижению другой, более значительной части в южные и юго-восточные районы⁶.

³ Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. — Красный архив, 2(93), с. 241—242; Гладышев и Муравин передают этот этноним как «тянаумет». Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851, с. 21).

⁴ А. Джикиев опубликовал три варианта легенд, повествующих о близком родстве текинцев и иомутов (см.: Джикиев А. Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана. Ашхабад, 1972, с. 14, 21).

⁵ Кононов А. Н. Указ. раб., с. 73—74.

⁶ Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. — В кн.: Сочинения. Т. ч. 1. М.: Наука, 1965, с. 594.

⁷ Иомудский Караш-хан оглы. Из народного предания туркмен. О родословии туркмен иомудов (см.: В. В. Бартольду туркестанские друзья и почитатели. Ташкент, 1927, с. 322).

⁸ Родословное древо тюрков. Сочинение Абу-л-Гази, хивинского хана. — Изв. археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те, 1905, т. XXI, с. 293; Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1932, с. 319.

Таким образом, эрсари к началу XVIII в. оказались на Средней Амуре, текинцы, до этого жившие на Больших Балханах, заняли предгорные оазисы Южной Туркмении. До этих переселений иомуты, потесненные калмыками из местностей к северу от Балхан, поселились в XVII в. степях к югу от них, где встретили новые туркменские племена (среди них самыми крупными были группировка йака — «береговых» туркмен, также племена салоров, эймиров, афшаров и др.).

В силу сложившихся исторических условий иомуты стали наиболее густо населенным племенем в прикаспийских степях; все другие племена вынуждены были уйти из этих районов или ассимилировались ими.

Остановимся несколько подробнее на этническом развитии туркмен-иомутов.

В восточных источниках упоминания о них как о самостоятельной группе впервые встречаются со второй половины XVI в.⁹ Позднее, с середины XVIII в., хивинские источники дают уже наименование двух отделов иомутов — чони-шереф (кара-чока) и байрам-шали и четырех байрам-шалинских подразделений¹⁰. Деление на два отдела, а внутри них на более мелкие группы (тире, тайпа) сохранялось и в последующие периоды их истории.

У многих народов, в том числе у народов Средней Азии, в жизни которых скотоводство играло важную (а у многих основную) роль и для которых был характерен полукочевой или кочевой быт, в течение всей их истории сохранялось родоплеменное деление. В условиях непрекращавшихся передвижений, завоеваний, военных столкновений, продолжавшихся до самого присоединения к России, в патриархально-феодальном обществе туркмен родоплеменная структура была исторически обусловленным явлением, формой социальной организации народа, не создавшего своего государства. Особенность этой структуры заключалась в том, что она представляла собой социальную организацию классового, а не первобытного общества. Племена и роды были, как принято называть, «вторичными», «поздними», хотя и «воспроизводились многократно по древнему стереотипу, по архаической модели первобытно-общинного строя»¹¹. Племенная общность на протяжении рассматриваемого периода постоянно развивалась и трансформировалась. В уже существовавшей родоплеменной структуре наблюдались в течение XVI—XIX веков (как, впрочем, и до XVI в.) постоянные изменения: одни роды уменьшались численно, иногда и совсем исчезали, другие возникали и множались. В первую очередь перемены касались низших звеньев родоплеменной структуры.

Изменчивость и подвижность родоплеменной структуры были характерны не только для структурных единиц туркмен, но и для других кочевых и полукочевых народов Средней Азии, Казахстана и т. д., однако каждого из этих народов имелись свои специфические особенности, вызванные конкретными историческими условиями развития¹².

Родоплеменная структура иомутов в XVIII—XIX вв. характеризовалась многоступенчатостью и сложностью: частым было четырехступенчатое деление (иомут — байрам-шали — ушак — карсак), но почти таким же обычным явлением было и пяти-шестиступенчатое (иомут — байрам-

⁹ Фирдаус-уль-икбаль. Сочинение Муниса, продолженное и законченное Агехи. — 8 кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938 (далее — МИТТ), с. 324; Кононов А. Н. Родословная туркмен, с. 73.

¹⁰ Фирдаус-уль-икбаль, с. 358—359. Как указывает Мунис, иомуты байрам-шали (байрам-шахлу), прежде жившие на Атреке и Гюргене, при Ширгази-хане Хивинском, в 1735 г., были переселены в Хорезм.

¹¹ См. Абрамзон С. М. Рец. на кн.: Шаниязов К. Ш. К этнической истории узбекского народа (историко-этнографическое исследование на материалах кыпчакского компонента). Ташкент, 1974. — Сов. этнография, 1976, № 2, с. 169.

¹² Абрамзон С. М. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. Родовое общество. — Тр. Ин-та этнографии АН СССР, М., 1951, т. XIV, с. 138—139; Яданко Т. А. Каракалпаки Хорезмского оазиса. — Тр. Хорезм. экспедиции, 1952, I, с. 486—487; Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М.: Наука, 1974, с. 67; Шаниязов К. Ш. Указ. раб., с. 65, и др.

шали — окуз — ак-окуз — гурбе — шовворды или иомут — кара-чока — ак — кыска-ак — йолма) и т. д. Последние звенья родоплеменной структуры чаще всего образовывались благодаря сегментации основного рода, однако были и другие причины возникновения новых подразделений (перемещение родовой группы из одной структурной ячейки в другую вследствие различного рода обстоятельств¹³ или адаптации). Адаптация (инкорпорация) отдельных лиц или целых групп в тот или иной род на родовое подразделение была обычным явлением. Известны случаи принятия (усыновления) людей не только другого рода или племени, но иной этнической принадлежности. Адоптированные лица или целые группы и их потомство впоследствии образовывали самостоятельный род (г нормам обычного права чаще всего через семь поколений). Пришелец его потомки были ограничены в правах, а затем, как правило, признавались уже «чистокровными» туркменами («иг»). Понятно, что реально кровно-родственные связи могли существовать лишь в самых мелких звеньях¹⁴.

Сохранившаяся в памяти старшего поколения довольно стройная генеалогическая схема дает возможность фиксировать новые этнические элементы, появившиеся на протяжении нескольких последних столетий. Сама по себе генеалогическая схема не позволяет установить время возникновения того или иного рода. Это можно сделать по родословным преданиям о происхождении родоначальника или ядра рода.

Иомутский род эймир, несомненно, связанный происхождением с ономинным огузским племенем¹⁵, скорее всего образовался в XVI — начале XVII в., когда в прилегающих к Каспийскому морю степях и по Атреку и Гюргену происходило значительное этническое смешение разных туркменских и нетуркменских групп. Известно, что с начала XVI в. в приатрекских степях кочевали йака («береговые») — туркмены, которые во второй половине XVI в. отождествлялись с туркменами саин-хани или частью их¹⁶. Саин-хани локализовались в междуречье Атрека Гюргена; в их состав входили племена охлу, гоклен, эймур (эймир), салор и др. Среди туркмен саин-хани немногочисленное племя туркмен-эймуrow считалось достаточно авторитетным¹⁷.

Легенды и предания о происхождении этого рода туркмен-иомутов записанные от наших информаторов, указывают на Большие Балханы как на место их первоначального обитания. В одном из преданий, в частности, говорится, что там жил родоначальник и предводитель эймиров Боз-оглан¹⁸. Впоследствии эймиры во главе с Боз-огланом переселились на Гюрген и, обосновавшись возле Ак-калы, занялись земледелием.

¹³ С. Н. Иомудский приводит примеры включения в XIX в. в состав одного рода для усиления его могущества другого, менее значительного по численности и богатству рода путем брака представителя сильного рода с девушкой этого более слабого рода (см.: *Иомудский С. Н. О пережитках родового быта у скотоводов Западной Туркмении в XIX в.* — Сов. этнография, 1962, № 4, с. 51—52). Аналогичные процессы зафиксированы и у других народов СССР, сохранявших родоплеменное деление до недавнего прошлого (см., например, *Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев*. Л.: Наука, 1969, с. 78—79).

¹⁴ Т. А. Жданко указывает, что «традиция единого „генеалогического древа“ обусловила своеобразие этнических процессов у сохранивших родоплеменное деление этнических общностей на всех исторических этапах их генезиса и консолидации. Это своеобразие выражалось в инкорпорации новых этнических элементов в состав родоплеменного объединения или племени и обычное обязательное включения их в традиционные генеалогии в качестве особых „родов“ или „родовых подразделений“». См. *Жданко Т. А. Специфика этнических общностей в Средней Азии и Казахстане (XIX — начало XX в.)*. — Расы и народы, 1974, вып. 4, с. 19.

¹⁵ Значительные группы этого огузского племени вместе с другими туркменами огузами ушли на запад, войдя со временем в состав азербайджанцев, турок и других народов.

¹⁶ История Туркменской ССР. Т. I, ч. I, с. 375.

¹⁷ *Мунши Искандер*. Извлечения из «Тарихи-и-алям-ара-и-Аббаси». — МИТТ, т. II, с. 89.

¹⁸ Архив Института этнографии АН СССР (далее — АИЭ). Полевые материалы автора 1958 г. Сообщение Моллаева Гуджумана, 1902 г. рожд. (имеются в виду эймиры, вошедшие впоследствии в состав иомутов).

Обращение об эймирах, пришедших на берега Гюргене во времена владения шаха Тахмаспа в середине XVI в. и обработавших там много земель, имеется и у Искандера Мунши¹⁹. Эймиры, как он свидетельствует, были непокорными подданными иранских правителей. В другом месте повествуется о сватовстве Боз-оглана к дочери правителя кызылбашей Гозель-шаха, о вероломном нападении воинов Гозель-шаха на иранцев во время свадебного пира и истреблении большей их части. Рассказывая таким образом с эймирами, Гозель-шах переселил уцелевших вместе с Боз-огланом в Шахсеван за Тегераном. Незначительное число эймиров осталось на Гюргене. Однако, по преданию, Боз-оглан до своей смерти сохранял власть над всеми эймирами, пользуясь среди них своим авторитетом, и любой письменный приказ с его печатью выполнялся беспрекословно. Заслуживает внимания то обстоятельство, что и Боз-оглан и Гозель-шах фигурируют среди основных персонажей туркменского стихотворного народного романа (дастан) «Юсуп и Ахмед» (Боз-оглан»), совершенно не похожего по содержанию на предания о Боз-оглане, сохранившиеся среди местных туркмен. Авторство этого романа приписывается туркменскому поэту Гурбан-али Магрупи, жившему в середине XVIII в.²⁰ В этом произведении правитель Исфагана Боз-оглан, туркмен, также происходит из племени емрели (эймир), а Гозель-шах (Гузель-шах, Гезелша) — правитель Мусура (Мисрана), неверный, изменник (бутпараст). По мнению В. М. Жирмунского, Магрупи, видимо, принадлежит лишь позднейшая поэтическая обработка устного варианта романа. Сам же народный роман сложил певец-туркмен из племени емрели, использовав старинное популярное эпическое сказание и связав его с именами прославленных туркменских феодальных вождей²¹.

Исторические источники свидетельствуют о важной роли эймиров в жизни Астрабадской провинции в конце XVI в. и их авторитете среди других йака-туркмен. В это время были известны Али Яр-хан эймур и Мусыи Мухаммед Яр-хан, ставшие правителями Астрабада и наместниками области, причем титул «хан» был пожалован им шахом²². Мунши сообщает, в частности, что Мухаммед Яр-хан погиб от рук туркмен племени охлу в 1597 г.

В течение XVII и XVIII столетий в доступных нам письменных источниках нет упоминаний об эймирах, уже не игравших сколько-нибудь заметной роли в жизни астрабадских и более северных групп туркмен. Значительные группы эймиров, как и других туркмен, были отеснены персидскими войсками из районов Астрабадской провинции далее на восток, где с XVIII в. источники упоминают об имрели (эймир) в районах Асы, Дуруна и Абиверда; меньшая его часть ушла на запад. Видимо, именно к XVI в. относится появление в Западном Иране большой группы эймиров, потомки которых вошли в состав иомутов. Вполне вероятно, что дастан «Юсуп и Ахмет» частично отражает их жизнь на западе. Н. Самойлович указывал на то, что упоминаемые в дастане среди соратников Юсуп-бега текинцы Заман-бег и Пир-назар были исторически реальными лицами, современниками Надир-шаха (первая половина XVIII в.)²³. Уже с начала XIX в. эймиры, жившие по Гюргену и Атреку, считались одним из родов туркмен-иомутов, чаще всего в составе отделения иони, хотя иногда выступали в качестве самостоятельной единицы, не входившей ни в одно из подразделений иомутов²⁴. Они сохранили преда-

¹⁹ Мунши Искандер. Указ. раб.

²⁰ Магрупи. Юсуп и Ахмед. Ашхабад, 1944.

²¹ Жирмунский В. М. Туркский героический эпос. Л.: Наука, 1974, с. 191.

²² МИТТ, т. II, с. 89—90, 95.

²³ Самойлович А. Н. Очерки по истории туркменской литературы. Туркмения. Т. I. Изд-во АН СССР, 1929, с. 156.

²⁴ По данным Г. С. Карелина, М. Н. Галкина и других авторов XIX в., эймиры входили в состав отделения иони наряду с ак-атабаями (Карелин Г. С. Журнал, или дневные записки экспедиции. Общее обозрение действий экспедиции 1836 г. — Архив АН СССР, ф. 157, оп. 19, л. 188 сл.; Галкин М. Н. Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868, с. 8). В «Заметке о туркменах, косящихся на границах Астрабадской провинции...» (Архив АН СССР, разряд 92, оп. 1,

ние о жизни вдали от Родины (которой считали Большие Балханы), западе за Тегераном, в местности Шахсеван, и возвращении на Атрек-Гюрген, где оставалась часть их сородичей. По данным наших информаторов, эймиры делились на пять более мелких родовых подразделений: эрмени, копек, эден (эде), ак-боссум и кара-боссум (буслум). В этом делении мы находим отражение их этнических связей. В то время как большинство родовых подразделений эймиров — копек, эден, ак- и кара-боссум образовалось, видимо, еще в период жизни на Больших Балханах и встречается также у других туркменских племен (ср. эден — род в составе племени олам; бослум — в составе эски; копек, копекли — роды гоклен, мукры и ходжамбасских салоров и др.)²⁵, этноним «эрмени» — сомненно, более позднего происхождения и свидетельствует об этнических связях с армянами и народами Западного Ирана. Интересно, что среди персонажей дастана «Юсуп и Ахмет» встречаются и грузины, армяне.

Среди местных туркмен эймиры признавались «чистокровными»; они считались потомками одного из шести сыновей Уз (Огуз)-хана²⁶, и, хотя туркмены обычно предпочитали браки внутри рода или с представителями близких по происхождению родов, на девушках из рода эймиры охотно женились представители всех иомутских родов. До недавнего времени в Западной Туркмении сохранялась пословица: «Асылын азса — эймир ал, геркун азса — салак ал», т. е. «Если хочешь [иметь жену] из своего происхождения, бери из эймиров, если [нет] красоты [в своем роду], бери жену из салаков»²⁷.

Вместе с тем во многих селениях Западной Туркмении, например Мадау, эймиры (емрели), не входя ни в одно из крупных иомутских подразделений, жили на правах «гонши» (соседа)²⁸, что приводило к некоторому их неравноправию.

Известная двойственность положения эймиров, несомненно, была вызвана тем, что они поздно вошли в состав иомутов и помнили еще прежние места своего обитания.

Рассмотрим историю образования некоторых других иомутских родов. Так, согласно нашим полевым материалам, иомутский род машры образовался примерно в начале XVIII в. Наиболее близкими себе кровному родству машрыки считали род эймир и подразделение ак (отдела чони). Легенда о происхождении машрыков, записанная нами, старейшего представителя этой группы туркмен в Хорезмском оазисе Моллаораза Хаджимамедова в 1956 г., гласит следующее. Один из эймиров, живших на Атреке, был взят в плен астрабадским хакимом. После него остались три сына-сироты, которые пришли в дом одного иомутского бая из рода ак и нанялись в услужение. Два старших ушли в пески паф

д. 5, лл. 1—5), указано, что эймиры наряду с татарами и другими группами сохраняли известную самостоятельность, хотя и считались в составе туркмен-иомутов. Большинство из наших информаторов называет их самостоятельной единицей в составе иомутов. См.: АИЭ. Полевые материалы автора 1958, 1968 гг. Сообщения Сопыева Амана, Моллаева Гуджумана (сел. Суйджи-Хурмен Кызыл-Атрекского р-на), Джапбарова Арты (сел. Шарлоук того же р-на), Джапбарова Баят-кака (сел. Курбан-Сейит того же р-на) и др. (хотя в более северных местностях ТССР эймиры считаются входящими в состав чони); АИЭ. Полевые материалы автора 1958, 1969 гг. Сообщения Юсупова Дура (сел. Ылык Красноводского р-на); Мурадова Ходжитагана (сел. Бугдайли Гасан-Кулийского р-на) и др.

²⁵ Винников Я. Р. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. — Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР, 1962, т. VI, с. 27, 61, 85, 88; Овезов Д. М. Население долины Чардыра и среднего течения Сумбара. Ашхабад: Ылым, 1976, с. 45.

²⁶ АИЭ. Полевые материалы автора 1955 г. Сообщение Баллыева Мусы (пос. Кызыл-Атрек).

²⁷ АИЭ. Полевые материалы автора 1977 г. Сообщения Чаканова Аманмажид 1913 г. рожд., и Сарыева Оразмамеда, 1905 г. рожд. (сел. Дувунчи Казанджинского р-на).

²⁸ АИЭ. Полевые материалы А. Джикиева 1958 г. Сообщения Какабаева Мухаммада (с/с Мадау, Кызыл-Атрекского р-на). А. А. Росляков пишет, что на представителей таких «присоединившихся „групп“» смотрели несколько свысока». См.: Росляков А. Краткий очерк истории Туркменистана (до присоединения к России). Ашхабад, 1965, с. 123.

и, а младший Корпе остался в доме бая. Он пас козлят и ягнят, а росши и возмужав, стал пасти байских верблюдов. Дочь бая, доившая блюдиц, полюбила его, а поскольку он был пришельцем, бедняком и мог рассчитывать, что отец отдаст девушку за него, то влюбленные кали в дом соседнего бая, ставшего их защитником. Ему удалось ворить отца девушки признать Корпе своим зятем.

Таким образом, юноша из эймиров, пришедший с востока, и девушка рода ак положили начало новому роду. Слово «восток» по-арабски чит как «мэшрик», поэтому их потомки, согласно преданию, стали на-ваться машрыками²⁹. Близость эймиров и машрыков подтверждается другим нашим информатором, туркменом-иомутом из рода эймир — 83-гним Баят-кака Джапбаровым, утверждавшим, что «эймиры с машры-ми едины», так как между этими двумя родами часто заключались акки³⁰.

Род машрык в свою очередь подразделялся на пять групп: тогдары, фере, зайит, адыкбай, алагоз (назарбай), которые якобы образовались потомков четырех сыновей Корпе. Со времени формирования рода шрык, происходившего, согласно нашим материалам, на Балханах, шло девять-десять поколений (к 1950 г.), однако еще в недалеком шлом машрыки жили несколько обособленно, так как лишь по про-ствии семи поколений их стали признавать за чистокровных турк-и³¹. По словам Моллаоразы, основная масса машрыков переселилась алхан в Хорезм 100 лет тому назад, т. е. в середине XIX в. До этого, роятно, здесь уже обитала какая-то их часть, потому что еще в самом чале XIX в., во времена правления Эльтузер-хана и похода Мухамед-ким-хана против непокорных емрели и иомудов Хорезма, в числе дру-«врагов хацства» перечисляются и «мешрики», не включавшиеся ка в состав иомутов³². В составе иомутских родов Хорезма машрыки зываются уже в 1858 г.³³ Этому, вероятно, предшествовало поступле-е богатых машрыков на военную службу к хивинским ханам (за что и, как и представители других родов иомутов, получали земельные на-ды — атлыки). Во всяком случае при описании истории Хивинского-ства в середине XIX в. Агехи неоднократно упоминает одного из маш-икских военачальников — Курбана Нияз-Ясаулбаши³⁴.

В Западной Туркмении включение машрыков в состав иомутов про-шло, видимо, гораздо раньше. Так, в схемах родоплеменного деления, фиксированных Н. Н. Муравьевым в 1819 г., а в 1836 г. членами экспе-диции Г. С. Карелина, машрыки включаются в состав отдела чони наря-

²⁹ По мнению уже упоминавшегося информатора туркмена-атабай Моллаева Гуд-ана, название рода произошло от слова «мэширик», что означает «моток шерстя-ниток», за который приняли сверток с ребенком, подобранный двумя туркменами дороге. Этот ребенок-сирота, воспитанный в роде ак, и стал родоначальником маш-ов. См. АИЭ. Полевые материалы автора 1968 г. Сообщение Моллаева Гуджумана (Суйджи-Хурмен Кызыл-Атрекского р-на). Среди иомутов бытовали представле-о том, что машрыки более близки к атабайцам. Приведем одну из легенд. Омота по имени Чони было шесть сыновей: Ак, Атабай, Даз, Бадрак, Эймир, Код-Б. В доме их воспитывался также сирота Машрык. Когда Атабай отделился от отца, помощь ему по хозяйству дали Машрыка, потомки которого с тех пор наиболее зкими стали считать иомутов рода Атабай. См.: АИЭ. Полевые материалы автора 1968 г. Сообщение Юсупова Дурды, 1913 г. рожд. (пос. Ыбык Красноводского р-на). Известности машрыков к атабайцам см. также: АИЭ. Полевые материала автора 1969 971 г. Сообщения Ханнепесова Дангатара, 1909 г. рожд. (сел. Бентли-Оба Куня-енчского р-на), Дурдыклычева Берды, 1897 г. рожд. (сел. Огланлы Красноводского) и др.

³⁰ Полевые материалы автора 1968 г. Сообщение Джапбарова Баят-кака (сел. Кур-сейит Кызыл-Атрекского р-на).

³¹ АИЭ. Полевые материалы автора 1956 г. Сообщение Хэджимамедова Моллао-а, 1869 г. рожд. (колхоз им. Ворошилова Куня-Ургенчского р-на). Большую помощь лучении сведений оказал внук Моллаоразы, Баллыев Искендер — учитель истории ной школы, за что выражаем ему глубокую благодарность.

³² Фирдаус-уль-икбаль, с. 361.

³³ Гульшен-и-Девлет. Сочинения Агехи. — МИТТ, т. II, с. 585.

³⁴ Извлечения из «Зубдет-ут-таварих. Сочинение Агехи». — МИТТ, т. II, с. 476, 507, 519.

ду с иомутами родов атабай, ак, эймир, даз и др.³⁵, а учитывая, что доплеменное генеалогическое древо едва ли могло быть создано накануне появления Н. Н. Муравьева в Туркмении, время вхождения машрыков в состав иомутов в этих районах можно отнести во всяком случае к концу XVIII — началу XIX в.

Приведенная выше легенда о происхождении машрыков близка к писанной Караш-ханом Иомудским легенде о происхождении иомутов родстве их с эрсари³⁶. В легенде машрыков роль Эрсари-баба играет ба из рода ак, представители которого становятся «дан» (дядями по материнской линии) для всех машрыков. Скорее всего машрыкская легенда скарпирована с иомутской с очевидной целью, чтобы иомуты легче признали их «своими». Однако, видимо, в ней отражена какая-то доля исторической действительности.

Согласно упомянутой уже родословной, опубликованной в статье Караш-хана Иомудского, родоначальником машрыков был не туркмен, калмык по имени Будуз, вследствие чего туркмены называли их «турмен-калмук»³⁷. Надо ли говорить, что сами машрыки не признавали этого, хотя, как указывалось, их недавняя обособленность в какой-то мере подтверждает эту легенду. Как известно, XVII век был временем утверждения калмыков на Мангышлаке и оттеснения туркмен на юг. В. В. Бартольд приводит сведения о набегах калмыков на Дурун и Астрабад.

Вероятно, в значительной мере был прав Г. И. Карпов, предполагая, что в сложении машрыков участвовали калмыки, туркмены, ходжины (арабы)³⁸. Можно ли считать ходжинцев арабами — особый вопрос. В составе соинаджи (группы човдурского союза, вытесненной калмыками с Мангышлака и переселившейся во времена Петра I на Северный Кавказ) были племенные группы бозходжи и абдал. Г. И. Карпов приводит названия родов, имевшихся как в племени абдал, так, в частности у машрыков: адыкбай, нефере, токдары⁴⁰, — достаточно яркое свидетельство общности этнических элементов в обеих родоплеменных группах.

Сведения о происхождении туркмен-иомутов рода ушак (ошак) из дела байрам-шали также свидетельствует о довольно позднем вхождении в состав туркмен-иомутов иноэтнических элементов. По шеджере Караш-хана Иомудского, они происходят от «чистокровного» туркмена имени Иомут и рабыни Кара-кумсы. Именно поэтому Ушак (по-туркменски «малютка», «маленькое дитя»), хотя и был старшим сыном Иомута, не пользовался равными правами с другими его сыновьями, матерью которых была «чистокровная» туркменка, дочь Эрсари. Потомки Ушака поселились обособленно, и «чистокровные» туркмены не выдавали им своих дочерей в течение нескольких поколений⁴¹. Если обратиться к названию «ушак», то аналогичные или близкие по звучанию родовые названия мы найдем и в других туркменских племенах: у сарыков — ушон, човдуров — ушак, эрсари — кузы-ушак и казахов Большой Орды — ушакты, ошакты. По мнению Г. И. Карпова, сходство в названиях родоуказывает прежде всего на существование в историческом прошлом союза между частью туркмен и племенами казахов Большой Орды⁴².

По другим данным, мать Ушака была узбечка⁴³, т. е. его потомки так же, как и по первому шеджере, не признавались за «чистокровных» туркмен. В Хорезмском оазисе ушаки издавна селились в районе Ак-сарая и Муз-кумгана — в самой восточной части этнической территории.

³⁵ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву (альбом-приложение). 1822; Карелин Г. С. Указ. раб., л. 188.

³⁶ Иомудский Караш-хан оглы. Указ. раб., с. 329.

³⁷ Там же, с. 321.

³⁸ Бартольд В. В. Указ. раб., с. 609.

³⁹ Карпов Г. И. О туркменах Эсенхановского Юрта. — Изв. Туркмен. фил. СССР, 1946, № 3—4, с. 25.

⁴⁰ Там же, с. 23.

⁴¹ Иомудский Караш-хан оглы. Указ. раб., с. 322—323.

⁴² Карпов Г. И. Этнический состав туркмен: Дис. на соискание уч. ст. канд. наук. Ташкент, 1942.

⁴³ АИЭ. Полевые материалы автора 1969 г. Сообщение Бердыева Бяшима, 1899 г. рожд. (сел. Чагыл Красноводского р-на).

туркмен-иомутов, по соседству с узбеками, и, вероятно, определенная правовая и бытовая их изолированность от остальных иомутов была следствием, и причиной известного их смещения с древним местным узбекским населением «сартами» и вхождения в их состав узбекских иоментов.

Правда, в истории второй половины XVIII — начала XIX в. отряды иомов из ушаков вместе с другими иомутами принимали участие в военных действиях против хивинских ханов или, наоборот, в войске хивинского хана сражались против других туркмен⁴⁴, однако нужно отметить следующее: они были наиболее оседлыми среди всех хорезмских иомутов, в первой половине XIX в. большинство из них, живя возле Муз-кумга-Аксарая, совсем отошло от военных дел⁴⁵. Видимо, поэтому они не привлекались и не привлекались к несению охранной воинской службы в войске хана в конце XIX — начале XX в.⁴⁶

Имеются примеры и еще более поздней (на протяжении XVIII — XIX вв.) адаптации туркменами лиц иноэтнического происхождения, некоторые из которых образовывали отдельные роды. Так, родоначальник подразделения бекдаш, входившего в атабайский род тана, который пришел с бережья Каспийского моря (предание умалчивает об его этнической принадлежности), был усыновлен родом тана. Солдат по имени Влас, перешедший из русской армии перед походом на ахалтекинцев в 1881 г., был усыновлен иомутами рода хырыдарлы кор. Впоследствии русский, получивший у туркмен имя молла Бегче, стал родоначальником нового рода⁴⁷.

Многие легенды и преданий о своем происхождении такие родовые группы сохраняли и некоторое своеобразие в быту, отличавшее их от других туркменских групп. Так, например, по свидетельству информатора Бабасопы Атаева, ушака про происхождение, женщины ушаков почти не знали искусства ковроткачества⁴⁸, в языке этого и других подобных групп сохранялись некоторые диалектные особенности⁴⁹ и т. д.

Все эти данные наряду с легендами о происхождении и анализом мифов могут дать интересный материал для выводов о происхождении той или иной группы, вошедшей в состав туркменского народа.

Мы остановились здесь на этнических процессах, протекавших в период позднего средневековья у туркмен-иомутов. Аналогичные процессы происходили и внутри других туркменских племен. Так, имеются свидетельства о довольно позднем вхождении в состав теке рода буркоз⁵⁰, состав сарыков рода байрач⁵¹ и т. д.

Как видим, в XVI—XVIII вв. развитие туркменской народности произошло не только за счет внутренней консолидации, но и вследствие вхождения в ее состав иноэтнических элементов, пришельцев из соседних и более отдаленных регионов.

⁴⁴ Фирдаус-уль-икбаль, с. 339, 350, 362, 364, 380 и др.

⁴⁵ Извлечения из «Шахид-и-икбаль. Сочинение Агехи». — МИТТ, т. II, с. 613, 620. ЦГА ТССР, ф. 616, оп. 1, д. 66, л. 100.

⁴⁶ Омудский С. Н. Указ. раб.; с. 51—52.

⁴⁷ ИЭ. Полевые материалы автора 1956 г. Сообщение Атаева Бабасопы, 1884 г. (колхоз им. Тельмана Ленинского р-на).

⁴⁸ ИЭ. Полевые материалы автора 1960 г. Сообщение Гошаева Карамолла, 1960 г. (колхоз им. Москвы Тахтинского р-на).

⁴⁹ Дикиев А. Указ. раб., с. 37.

⁵⁰ Бартольд В. В. Указ. раб., с. 611.

Кульť медведя в целом и особый ритуал, именуемый «медвежий праздник», известны как широко распространенное стадийное явление культуры. В Евразии он прослеживается от Пиринеев до Японских островов, зафиксирован и на Американском континенте. Ему посвящена большая литература, в том числе и основанная на сибирском материале.

В настоящем сообщении речь пойдет о почитании медведя и медвежем празднике у кетов — немногочисленной народности в бассейне реки Тунгуски. Имеющиеся материалы по этой теме разновременны и различны по полноте, рассматриваются специально или представляют собой краткие попутные упоминания². Среди первых особое значение имеет публикация Е. А. Крейновича, которая включает подробную информацию о медвежем празднике, записанную автором по-кетски, а также цитирует лингвистико-этнографический комментарий к тексту³. Отражая в деталях специфику мировосприятия и мышления носителей данных представлений, эти данные способствуют адекватному пониманию последних. Первостепенное значение имеют и непосредственные наблюдения самой церемонии, но, к сожалению, в литературе о кетах такого рода материал практически отсутствует. Имеются лишь очень немногие замечания К. Доннера, видевшего в 1912 г. часть ритуала медвежьего праздника подкаменнотунгусских кетов, а также краткие, но интересные впечатления Е. А. Крейновича, полстолетие спустя (в 1961 г.) наблюдавшего на Подкаменной Тунгуске ритуальные действа, сопровождавшие подъем медведя из берлоги, освежение и членение туши на месте добычи⁴.

Еще через 10 лет — в июне 1971 г. — автору этих строк довелось участвовать в подобном праздновании елоуэйтских кетов (пос. Кел. Информация об этом счастливом для каждого этнографа событии является предметом настоящего сообщения. Но прежде — несколько замечаний.

Названные выше и иные материалы (данные других сфер культуры, коллекционные предметы) открывают возможность изучения медвежьего ритуала кетов в качестве самостоятельного культурно-исторического явления. Главными аспектами такого исследования могут стать: типичное мировоззрение изучаемого народа и общественные отношения; этнопсихология; народные этика и эстетика; эволюция представлений об обряде в диахронии, трансформация и консервация отдельных элементов; использование материала как исторического и этногенетического источника.

Для наиболее полной реконструкции изучаемой культурной традиции участие этнографа имеет особое значение, так как существе

¹ Одна из последних монографий Х.-И. Папрота о медвежьих обрядах у тунгусских народов содержит наиболее полную на сегодняшний день библиографию. *Paproth H.-J. Studien über das Bärenzeremoniell. I. Bärenjagdriten und Bärenfesten der tungusischen Völkern.* — Skrifter Utgivna av Religionshistoriska Institutionen i Uppsala (Hum. Fak.), 15. Uppsala, 1976, S. 333—360.

² *Кривошапкин М. Ф.* Енисейский округ и его жизнь. СПб., 1865, с. 134—135; *Вин В. И.* Предварительный отчет о поездке к енисейским осякам в 1905 г. — Изв. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1906, т. VI, кн. 1, с. 1—2; *Финн Т. II, в. 2.* СПб., 1914, с. 13—20; *Findeisen H.* Ein Jäger- und Fischervolk an der Ketö in Nordsibirien in Zusammenhang gebracht mit den Bärenzeremonien und Festen anderer Völker der nördlichen Hemisphäre. — *Anthropos*, Bd. 57, 1962, S. 1—11.

³ *Крейнович Е. А.* Медвежий праздник у кетов. — Кетский сборник. Мифология. Тексты. М.: Наука, 1969, с. 6—111.

⁴ *Donner K.* Ethnological Notes about the Jenisei-Ostjak (in the Turukhansk region). — *Mémoires de la Société Finno-ougrienne*, V. 66. Helsinki, 1933, p. 96—98.

⁵ На церемонии присутствовали и два других участника Туруханской государственной экспедиции Института этнографии. — Л. Л. Левизи и Ю. Н. Моторин.

гда и единственным средством информации здесь будет не слово, а этика самого ритуала, специфический язык движений, жестов, мимикри, используемых предметов.

Предлагаемые ниже результаты личных наблюдений, относящиеся к 1970-х годов, а также последние (1981 г.) сведения, полученные от информантов-кетов, в целом отражают традиционный медвежий ритуал группы этой народности. Устойчивость обряда можно объяснить тем, что в нем отразилось не только мифологическое сознание народа, но и традиции общественного уклада, семейно-бытовых отношений, этики, мораль и т. д. Ныне изучаемые нами древний культ и ритуализируются как национальная, производственная и бытовая традиция, любимое народное развлечение, продолжающее жить благодаря своему характеру хозяйственной жизни кетов.

Праздник состоялся в воскресный день, в доме 29-летнего охотника Павла Коротких, который обнаружил медведя, отправившись проверять рыболовные сети. Соблюдая, как это принято, табу в отношении слова «медведь», пользуясь подставной метафорической лексикой, Павел позднее рассказывал об этом так: «Услышал хруст веток... из какой-то показался... ко мне сам пришел». Этими словами он подчеркивал добровольность явления медведя человеку.

При добыче медведя принимал участие еще один кет — Виктор Бальдин (41 год). Он проезжал мимо на моторке, когда был остановлен Павлом и приглашен «к старику в гости».

Единственно отмечалось, что, по представлениям кетов, в образе добытого медведя людей навещает умерший старший кровный родственник, кто первым обнаружил животное или его берлогу. Считалось, что и тот же умерший мог навестить своих не более семи раз, но не чаще через семь лет после смерти и не чаще одного раза в год. В случае хозяином, к которому явился гость, был признан Павел, так как медведь показался ему первому. Воспользовавшись традиционным гаданием на месте освежения туши с помощью отрубленной передней лапы, «выяснили», что к Павлу пришел его дед, умерший около 30 лет назад и ранее не являвшийся. Аналогичным способом выяснили, сколько дней он хотел бы пробыть «в гостях»⁶.

При добыче медведя и разделке туши на Елоге еще соблюдаются и другие правила, сложившиеся некогда на основе представлений о возрождении убитого животного и обусловленные желанием зашифровать или нейтрализовать вредоносные по отношению к нему действия человека⁷.

В день праздника, распорядителем которого был Виктор Бальдин, он застрелил медведя, основные части туши уже были розданы родственникам обоих охотников и их ближайшим соседям (эти правила коллективного распределения неуклонно соблюдаются). Павлу и Виктору по обычаю, досталась задняя часть туши, которую они разделили между собой. Они же должны были потом разделить между собой и деньги, полученные за шкуру.

Все участники события были из семей, которым выделялась часть добытого животного.

Церемония включала два самостоятельных по своей смысловой нагрузке этапа: 1) поедание мужчинами головы медведя, выражавшее возрождение животного и коллективную охоту на него; 2) общение с медведем и умиротворяющие действия (угощение, одаривание) по отношению к нему с целью обеспечить его покровительство, где всего в охотничьем промысле.

Подбрасывал медвежью лапу и при этом перечислял возможных мужчин — родственников Павла (медведь был самцом), называл цифры Виктор. Судя по его рассказу, гадание сохраняло все детали этого хорошо известного для кетов обрядового действия (см. Крейнович Е. А. Указ. раб., с. 18, 105—108).

Эти и другие общие сведения имеются в названной выше литературе; здесь в основном приводится материал, относящийся к конкретному медвежьему празднику.

Мы подошли к дому Павла к 12 часам дня, когда Виктор начал лить голову⁸. Рядом с ним находился мужчина, который помогал наиболее трудоемкой работе — отчленении нижней челюсти. Вытащенная на плоское деревянное блюдо (*с'ык*) голова медведя была брызгами; нетронутой оставалась только часть ее вокруг носа и губ (на местные русские называют ее «мордочкой», «норкой»). Подрезав лентенную шкуру ножом, Виктор осторожно снял «мордочку», отделив ее и положил на подвешенную к стене полку. Далее он отделил глаза и поместил их в чашку, предварительно осведомившись, съедят ли она. Взяв нижнюю челюсть, он разрезал язык на две продольные половины (не отделяя его), а с верхней челюсти срезал мякоть щеки. В этих действиях Виктор громко объявил, что видит в шерсти много и вынужден их искать.

Расчлененные половины и все остальные части головы (кроме мордочки) нужно было вымыть в одной и той же воде (эту операцию выполнила женщина, родственница Виктора; муж которой помогал расчленять челюсти), а затем долго варить в большом медном котле вместе с ранее отделенной грудной костью. Следил за варкой опять-таки Виктор Бальдин. Павел во всех этих действиях участия не принимал. Преднамеренная отстраненность от всего связанного с убитым животным (нельзя было даже смотреть на шкуру, растянутую для просушки на крыше соседнего дома) соответствовала отведенной ему в обряде роли хозяина, к которому медведь-родственник пришел в гости.

Когда все было готово, участники праздника собрались в доме Павла. Внесли деревянное блюдо с головой (верхняя ее часть была уложена, а отчлененную нижнюю челюсть) и поместили на поставленный перед комнатой низкий столик (*л'ам*)⁹. Первым к нему подвели и усадили полу слепого отца Павла, одетого в серый *бэс'ем*¹⁰, затем подвели остальных мужчин (пять человек) и, по приглашению Виктора, Л. Л. Левизи, что было почетным исключением, так как участие женщин в этой части обряда не допускалось. Другие присутствующие женщины и дети сидели в той же комнате на табуретках и кроватях.

Каждый из восьми участников коллективной трапезы попробовал основные части — съел кусочек языка, щек, ушей, мозга и т. д. Эти заботливые порции отрезал и поочередно по старшинству передавал Виктор (Павел, как самый молодой, оказался здесь последним). Под действием угощающихся как бы приобщались к настоящей и будущей промысловым удачам. Далее все мы уже самостоятельно отделяли куски мяса, пока череп не очистился полностью. Павлу, кроме того, была выделена грудная кость, и он ее обглодал. После этого блюдо накрыли репом и костью унесли¹¹.

Далее наступил перерыв, во время которого все угощавшиеся вымыли губы, вымыли руки, а женщины тщательно отскоблили столы протерли мокрой тряпкой пол. Эти действия, цель которых — изгнать «дух» медвежьего мяса, характеризовали следующий, иной по своему обрядовый этап — умиловительные действия по отношению к ведущему-родственнику, медведю-гостю, сопровождавшиеся уже общением и развлечением всех присутствовавших. В прошлом этот этап обряда могла занимать целый день, а число участников иногда до

⁸ Давние доверительные отношения автора с обоими охотниками и их несомненно, способствовали приглашению нашей группы из трех человек на пир, но это не было исключением. Известно, что русские, охотившиеся вместе с ним, нередко становились его участниками. Русский, первый обнаруживший зверя, был сочтен хозяином «гостя», но родственные связи с последним признавались только кетам.

⁹ Такими столиками кеты пользовались прежде, живя в чуме, в землянках. Их можно встретить на временных станах (рыболовных, сенокосных); старики предпочитают сидеть за ними (на полу) и в домах, где есть современная мебель.

¹⁰ Очень редко встречающаяся халатообразная одежда на заячьем меху, с густым матерчатым верхом.

¹¹ Череп и собранные вместе основные части скелета полагалось потом вынести в лес и поместить в дупло кедра, расположенное с восточной стороны дерева.

несколько десятков (все население одного большого или ряда соседних стойбищ).

На церемонии, которую мы наблюдали в 1971 г., были исполнены все характерные для данного этапа празднования обрядовые действия. Виктор сделал полагающееся изображение медведя (на овале бересты насовал фигуру в профиль)¹² и кольцо из соединенной концами кедровой тки, частично очищенной от хвои. Кольцо символизировало нарты, на торых «гостю» полагалось увезти в лесной мир подарки людей. Сохранился и традиционный набор «даров»: клей из сухих осетровых плавающих пузырей; завернутые в белый лоскут кусочки сухой медвежьей лжи и языка; связка из семи спичек, которые можно было взять только у одного из кровных родственников Павла¹³. Все это Виктор прикрепил к кольцу-нарте. Судя по данным опроса, проведенного в 1981 г., для двенадцати иногда изготавливали также маленький лук со стрелами и копье. В нашем случае этих вещей не было, зато «гостя» одаривали украшениями из меди — позади передних лап нарисованного на бересте медведя Виктор прикрепил медный пояс-лямку (его изображала скоба, вырезанная из гильзы)¹⁴. Другую такую же скобу он закрепил с одной стороны ски низкого столика¹⁵.

Олицетворением «гостящего» медведя был не только рисунок на бересте, но и упоминавшаяся выше мордочка — шкура с носом и губами. Давая им естественное положение, их вместе с кольцом-нарточкой помещали на бересту с изображением медведя. Края берестяного овала гнали вверх, покрывали другим таким же овалом, края которого были огнуты вниз, и скрепляли их. Нос медведя оказывался в переднем отделе образованного таким образом цилиндра.

Но прежде чем поместить мордочку в бересту, ее использовали в качестве своеобразной маски при обрядовом подражании медведю.

Начал эти действия старший из присутствующих — слепой отец Павла. С помощью прикрепленной к мордочке ременной петли он надел ее на лоб, сдвинул на лоб, посвистел, снял маску, подержал над огнем (обычный в этом случае костер заменяли тлеющие в алюминиевой миске древесные угли) и передал соседу слева. Тот также надел мордочку и некоторое время свистел, как бурундук, раскачивался и ухал, подражая медведю, а затем тоже, подержав ее над огнем, передал дальше по кругу (по направлению часовой стрелки). Мордочка поочередно побывала у всех присутствующих, кроме Павла, и каждый (в том числе и мы трое) по мере своих способностей подражал зверю. После взрослых пришла очередь детей. Десятилетний племянник Павла особенно удачно подражал медведю, чем заслужил всеобщее одобрение. Мордочку приложили даже головке грудного ребенка, которого затем покачали на руках.

Действия эти объединили присутствующих, сделали всех активными участниками обряда, вызвали неподдельное веселье и оживление.

Тем временем мордочка опять вернулась к старику, а он передал ее следующему справа от него Павлу. Надев маску, тот начал традиционный

¹² Однообразие стиля, характерного для изображения медведя на бересте (Александр Е. А. Указ. раб.), при этом, правда, было нарушено.

¹³ Прикреплявшиеся к кольцу тонкие палочки или спички (по 7—12 штук с каждой стороны) кеты обычно называли «ребрами» медведя. Отмеченная новая обрядовая деталь позволяет предположить здесь связь с представлениями о родовом огне. О большой социальной значимости последнего свидетельствуют, в частности, еще недавно существовавшие запреты передавать горящую лучину, тлеющий трут, спички чужим.

¹⁴ Лямки, ошейники и другие детали из меди мы неоднократно видели на медвежьих фигурах, встречающихся среди культовых предметов, оставшихся от родственников-шаманов и сохранявшихся в качестве семейных охранителей. Подобные украшения для медведей известны и по фольклорным данным.

¹⁵ Медь имела высокий статус в мифологических представлениях кетов. В данном ряду она расценивается не только как ценный подарок, выделяются ее утилитарные и магические функции: при возрождении животного медь соединит (спаяет) разрозненные суставы и кости, и они будут сиять, как медь. Идею восстанавливающегося (изнуренного) начала выражает и присутствие осетрового клея (он имел важное хозяйственно-бытовое значение, был предметом обмена), желчи (ценилась как универсальное фармакологическое средство).

рассказ охотника, обнаружившего зверя. В иносказательной форме, зная метафорическими заменами и говоря о себе в третьем лице, Павел очень подробно поведал о событиях того дня, когда был обнаружен и убит медведь. Зафиксировать текст в тот момент не было возможно. Для представления о подобных рассказах, которые, будучи импровизацией, всегда содержали обязательные, повторяющиеся мотивы, ни приводится запись, сделанная со слов (разговаривали по-русски) еловского кета И. И. Тыганова в 1981 г.: «Вот *кынып бат* („светлый старик“ — название, относящееся только к людям) пошел весной... Вид на берегу чум какого-то старика стоит, сети висят (имеется в виду обнаруженная берлога). Ничего трогать не стал, пошел за людьми, звать вместе смотреть чума место, сети... Тот старик собрался бурундуков ловить. Вот пошел... по горелому бору идет...» И. И. Тыганов сообщил, что в этом месте он прикладывал шкуру с носа медведя к своему лбу, свистел, подражая бурундукам, «медвежьей походкой» ходил вокруг костра, рычал. «Брошу нос на край костра, говорю: дед по горелому бору устал...»¹⁶

Часть сведений, касающихся собственно охоты медведя на бурундуков, пребывания его в горелом лесу, Павел, как и все до него, выразил пантомимой. Окружающие очень живо и непосредственно восприняли рассказ, задавали вопросы (например: «Увидев чум старика, куда пошел?» и т. п.), смеялись импровизированным подкалкам Виктора. Возвращаясь, рассказчик стояла чашка с сырыми глазами медведя (раньше их клали в *хиттын* — берестяную воронку для клея). Окончив рассказ, Павел и его товарищи проглотили их, запив водой¹⁷, и то, что он при этом не поперхнулся, было расценено как добрый признак; мужчины одобрительно возгласами и жестами выразили свое удовлетворение.

Далее, поднявшись с пола со словами «пошел работать», Павел занялся на обычном, стоявшем возле стены столе нечто похожее на ящик из несбитых кедровых досок, открытый сверху и спереди, и поместил туда бересту с положенной в нее к этому времени мордочкой. Медведя «сел гостить».

«Гостю» накрыли низкий столик, поставив его рядом с большим столом. В том месте, где на столешнице была закреплена медная скоба, поместили стакан (он пришелся как раз против носа медведя, выступающего из бересты), расставили семь чайных чашек, тарелку с вареной рыбой. Другое угощение: масло, хлеб, сахар, конфеты, печенье — разместили на установленном поблизости втором низком столике. В стакан «гостю» налили чай, а затем по направлению часовой стрелки наполнили чаем семь чашек (спиртного на празднике не пили).

С левой стороны первого стола на полу уселся Павел¹⁸, с правой — его слепой отец и Виктор. Присутствующие разместились на некотором расстоянии от второго стола, составив две группы — мужскую (против Павла) и женскую (против Виктора). После небольшой паузы, во время которой успокоили детей, в полной тишине запел слепой старик¹⁹. Когда отец кончил, Павел отпил из каждой чашки и попробовал все, что было на столах. Затем эти чашки были розданы мужчинам, которые открыли общее угощение; за ними к трапезе приступили женщины и дети. Во время угощения один из стариков виртуозно играл на деревянном варгане.

На этом общая праздничная церемония окончилась. Согласно жерению «гостя», о котором «узнали» при помощи гадания с лапой медведя

¹⁶ См. также Крейнович Е. А. Указ. раб., с. 16—18.

¹⁷ И. И. Тыганов сообщил, что перед этим кто-нибудь из присутствующих стариков должен был заметить: «Гость сейчас сядет, надо ему зрение дать. Зрение-то с твоих костей у тебя?»

¹⁸ Неожиданно оказалась в этот момент реплика Павла: «Вот, бог, дай. Да сказанная мимоходом, она явно выпадала из контекста праздника.

¹⁹ Позднее мы узнали, что это была старая шаманская песня, в которой выжидательно ждалась просьба об общем и промысловом благополучии.

оставался в доме Павла еще два дня²⁰. Мы несколько раз заходили да в эти дни. Несбитый ящик с мордочкой по-прежнему находился на але. Возле него стояла посуда — «гостя» угощали всякий раз, как сались есть сами; доедал всегда Павел. На ночь и на время отсутствия в доме людей ящик сверху покрывали новым головным платком. В эти дни в доме более тщательно поддерживали порядок, старались, чтобы не было шума, ссор, неприятных разговоров, останавливали расшалившихся детей. Подходя к столу, старались не пересекать пространство перед им.

На третий день на восходе солнца Павел «проводил дедушку» — отсаящик со всем его содержимым в лес²¹. Мы знали об этом заранее и ень просили взять с собой хотя бы Юру Моторина (строгое табу для ящици при этом действе нам было известно), но, к сожалению, и он был допущен к церемонии.

Традиционные представления и медвежий обряды у кетов в том виде, каком они известны или реконструируются для конца XIX — начала XX в., образуют сложный сплав качественно и генетически различных мировоззренческих систем. Наиболее древними в них могут быть признашироко известные компоненты: 1) идея умирающего и воскресающего зверя (ритуал здесь имеет цель магическим образом обеспечить регерацию добытых животных и регулярность промыслового успеха); идея равенства, полного взаимного уподобления медведя и человека представления о кровном родстве; ритуал узнавания, общения с родственником и т. д.).

Некоторые элементы древнего культа медведя у кетов стали составя частью шаманского комплекса²². В то же время в медвежий ритуал появились новации, вызванные воздействием шаманской и даже христианской обрядности.

Выражая важнейшие социальные связи людей предшествующих социальных формаций, их представления о мире, медвежий праздник (в более или менее полном его ритуальном комплексе) сохраняется у кетов как этнокультурная традиция. Промысловые верования, составляющие психологическую основу ритуала, не изжиты полностью, что можно объяснить самой спецификой охоты (разобшенность людей на промысле, больше стихийных явлений природы, роль случая и т. д.), хотя общая декрализация представлений и ритуала очевидна. Отчетливо прослеживаются в нем и традиции семейно-родственных, в прошлом родовых отношений. Более всего, однако, сохраняется (и развивается, дополняется новациями) его развлекательная функция, удовлетворяющая эстетические и эмоциональные запросы людей. Местные русские (соседи кетов поселку), которые бывают в тайге на подобных празднованиях, удивляются и восхищаются артистизмом, подлинным импровизаторским талантом кетов, общей эмоциональной яркостью действия, обеспечивающего коллективную психологическую разрядку, особенно необходимую в стремальных условиях зимнего промысла на Севере.

Побывав на празднике, мы полностью разделяем эти чувства.

²⁰ По опросным сведениям, раньше в эти дни не охотились. Известен, впрочем, и такой случай: медведь «гостил» в чуме, а люди в этот день неожиданно добыли сохало (лося), что было расценено шаманом как желание «гостя» поесть лосятины и его посредственная помощь в охоте.

²¹ Доски можно было оставить на земле, все остальное полагалось повесить на елке с восточной стороны дерева (чаще кедра).

²² Медведь считался одним из главных помощников шаманов, действовавших в пределах земного мира; особая роль отводилась ему при так называемом камлании в темном чуме; известна и особая категория шаманов, олицетворяющих медведя (см. Максеевко-Е. А. Шаманство у кетов. — В кн.: Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л.: Наука, 1981, с. 118—121).

СТАРОЕ И НОВОЕ В ОБЩЕСТВЕ
МОЗАБИТОВ АЛЖИРА

Юг Алжира, охватывающий часть территории Сахары, носит название Шебка, что по-арабски означает «сеть». Название это связано с характером рельефа: каменистая поверхность, в течение веков подвергавшаяся выветриванию, имеет вид сетки, состоящей из коротких ущелий и трещин. В центре бесплодной пустыни русло реки Мзаб образует долину, окруженную невысокими желтоватыми возвышенностями; в нижней части долины расположены пять городов, разместившихся на склонах или возвышенностях в русле реки. Все они были основаны в XI в. н. э. Общее население городов — 35 тыс. человек. Столицей мозабитов считается г. Гидая — довольно крупный военный и административный центр юга страны. За ним по значению следуют города Бени Изген, Мелика, Бу Нура, Э. Атеф.

Река Мзаб, название которой носит весь описываемый район, течет спокойно и выходит из берегов в среднем лишь раз в 10 лет. Осадки и даже ливни здесь довольно часты, однако бывают годы вообще без атмосферных осадков, а поэтому один или два сильных ливня в год всегда рассматриваются как благо¹. Воду находят на различной глубине — 8 до 55 м; ее приходится доставать из колодцев. Поэтому удивительно видеть пальмовые рощи вокруг городов и утопающие в финиковых пальмах и фруктовых деревьях уютные летние домики.

Помимо пяти городов в долине Мзаб расположены оазисы Берри и Мидили, частично принадлежащий мозабитам. В основном же эти места заселены арабами из большого оседлого племени шаанба.

Первое описание Мзаба принадлежит известному арабскому ученому, Ибн-Халдуну, рассказавшему об истории мозабитов со времен завоевания Северной Африки арабами в VII и VIII вв.² Как известно, в те времена в Аравии не утихала наследственная вражда между потомками пророка Мухаммеда и сектой хариджитов, оказавшей значительное влияние на политические события в Халифате. Родовые группы ревностно оберегали самобытность своих традиций и обычаев, нередко прибегая для защиты к оружию. Стычки и столкновения между отдельными родами или кланами чаще всего имели кровавый исход.

Каждая родовая группа выбирала себе старосту, который назывался *кэбиром*. Он выносил приговоры, накладывал штрафы. Его помощниками были шерифы — *мукаддамы*. Они приводили в исполнение судебные решения, вели бухгалтерские книги города и принимали чужестранцев.

Любой человек, независимо от того, из какого района он происходил, имел право на защиту по законам города и сам должен был подчиняться этим законам; власти несли ответственность за сохранение безопасности и порядка в городе в целом³. Помимо судебных чиновников каждый выбирали своих старейшин, которые вместе со старостами и шерифами составляли собрание (*джамаа*). Это собрание созывалось только в исключительных случаях, например для рассмотрения важного судебного дела, по вопросам общественной безопасности, выработки законов и их пересмотра. Собрание являлось законодательным и верховным судебным органом одновременно.

Тем не менее само по себе джамаа не было полномочным; оно созывалось только в мечети, в присутствии тайного собрания, состоящего из духовных лиц, председателем которого являлся шейх. Из светских лиц только голос обладали только старосты. Роль старейшин заключалась в том, чтобы выслушать и одобрить принятое решение. Мечеть фактически

¹ Brunches J. Human Geography. L., 1952, с. 53.

² См.: Ibn Khaldoun. Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale. T. 3. P., 1934, с. 393—400.

³ Capot-Key R. Le Sahara français. P., 1953, p. 135.

жила городским советом. Высшее духовенство (ученые мужи) не шивалось в повседневное управление, но все вопросы, имевшие сколь-нибудь важное значение, могли решаться только с его согласия. Горожане имели связь с высшим духовенством через своих выборных представителей в собрании.

Однако при наличии разных мнений именно духовенству принадлежало последнее слово, так как в его распоряжении было два сильных оружия: право изгнания отдельного лица и целой общины. В тяжелых случаях использовалась «сидячая забастовка»: шейхи запирались в своей чети, не проводили ни богослужений и других обрядов, ни обучения; критически вся жизнь общины замирала⁴.

В общинах действовала строгая система правил поведения, предписаний, норм и запретов, несоблюдение или нарушение которых влекло за собой наказание вплоть до изгнания из общины. Такому наказанию подвергались лица, проявившие тщеславие, хвастовство, легкомыслие, чрезмерную любовь к развлечениям, расточительность.

Так, по законам г. Мелика на свадебную церемонию разрешалось расходовать строго определенную сумму. Для подготовки свадебного ра можно было привлечь не более двух рабов в доме жениха и двух рабов в доме невесты. Во время церемонии запрещалось играть на музыкальных инструментах. На традиционное мозабитское свадебное блюдо (ара) можно было израсходовать лишь одну меру кукурузы (но не ки), в него нельзя было класть ни яиц, ни шафрана. Запрещалось допускать невесту в дом жениха на муле или лошади — она должна была идти пешком. Иногда свадебное шествие к дому жениха сопровождали музыканты и барабанщик, но входить в дом музыканты не имели права. В доме жениха категорически запрещалось также курение, ибо табак считался оскверняющим зельем. Негритянка, которой поручалось нести раба в дом невесты, получала от родственников жениха два небольших куска кукурузы. Жениху полагалось давать в обмен на хлеб полреала, не более. Служанка, приносившая сладкое блюдо из фиников, могла брать из рук своей госпожи лишь один кусочек. Женщина, оставшаяся невестой в течение некоторого времени после ее прибытия, получала полреала. По окончании свадебной церемонии музыкантам запрещалось играть. Накладывался запрет и на стрельбу из огнестрельного оружия. Невесты, получая подарки жениха, не должна была угощать его раба или посылать жениху подарки. Нарушение каждого из этих предписаний строго каралось⁵.

Города Мзаба образовывали одну конфедерацию, которую не следует считать как политический союз. В основе конфедерации лежали общность происхождения и интересов, в частности совместная защита территории от врагов. Секта, окруженная тайной государственной организацией, была призвана охранять чистоту веры и готовность к самопожертвованию. Это развивало в мозабитах ощущение своей избранности, непокорности на других людей, исключительности, а соответственно и гордости.

На протяжении всей истории Мзаба его города иногда соперничали друг с другом, однако более сильными оказывались объединительные тенденции. Важную роль играли социальная сплоченность, основанная на единстве религиозных догм и союз, созданный в целях религиозного процветания, который община осуществляла над всеми своими членами.

Любое послабление в системе религиозных и моральных догм могло привести к разрушению социального единства, что фактически и произошло на о-ве Джерба, где древняя и могущественная община мозабитов постепенно пришла в упадок под влиянием изменения условий жизни. Мозабитская община способна была устоять и не распасться только благодаря добровольному ригоризму и сознанию своей исключительности и превосходства над другими народностями. Мозабиты называли себя

⁴ Ibid., p. 159.

⁵ Alport E. A. The Mzab.— In: Arabs and Berbers. Duckworth, 1973, p. 145.

«божьим», т. е. «избранным», народом. Другими словами, если бы религиозная доктрина не отделяла мозабитов от других народов, у них было бы особых причин жить именно в Мзабе, а не на побережье, в каком-либо более пригодном для жилья месте.

Даже тогда, когда мозабиту случалось долго находиться вдали от родных мест, он свято хранил верность своей земле, общине, региону, городу, оставшимся для него «священным ковчегом», а в еще большей степени — традициям и обычаям предков, ибо только незыблемость мейных, религиозных и общественных традиций могла быть залогом хранения самобытности и самого существования общины. Поэтому он не могло удержать мозабита на чужбине, какая бы «райская» жизнь была ему там уготована. Мозабит, оторванный от родной земли, он был периодически посещать свою общину, чтобы ощутить ее религиозную атмосферу, ее целостность и свою причастность к ней как единому организму. Таким образом, ключом к пониманию организации мозабского общества служит доктрина и обусловленный ею образ жизни, можно, конечно, объяснить жизнестойкость «мозабитской цивилизации» экологическими причинами, предположить, что в силу скудости природных ресурсов мозабиты вынуждены были переселяться в другие места и заниматься торговлей, причем успехи в торговой деятельности можно объяснить некоторыми моральными качествами, привитыми им религией⁶.

По мнению мозабитов, воля бога непостижима и неоспорима, судьба человека предопределена заранее, а значит, и его возвышение или падение. Вера сама по себе не может гарантировать человеку спасение и благополучие, если она не выражается в действии, труде. Истинно верующий человек должен постоянно находиться в состоянии страха и надежды, не должен терять веры в бога, отчаиваться. Однако, согласно доктрине мозабитов, нельзя надеяться только на бога. Веря во всеобъемлющую власть Аллаха, мозабиты не признавали его посредничества или заступничества. У них не существовало и культа святых. Возведение в сан или в звание избранных, по их верованиям, происходит по милости Аллаха. Он же преграждает грешникам вход в рай.

Среди мозабитов всегда высоко ценились благочестие и трудолюбие. Труд, с их точки зрения, — это комплекс физических и моральных, духовных упражнений, проявление самодисциплины. Ленивость считалась одним из самых больших пороков. Ленив было трудно найти себе жену. Бошым почетом пользовался у мозабитов достойный человек, обладавший высокими моральными добродетелями: мудростью, равнодушием к проблемам мира сего, набожностью, простотой, отсутствием страстей. Так человека, служившего для всех живым примером, называли талибом.

Поскольку мозабит, повинаясь религиозным предписаниям, не позволял себе покупать предметы роскоши или предаваться развлечениям, заработанные и накопленные им деньги поневоле превращались в капитал. Постепенно накопление капитала становилось самоцелью.

Согласно религии мозабитов, молитвы людей, не понимающих смысла, недействительны; верующий должен уметь читать и писать на арабском языке, поэтому духовенство считало своей первоочередной задачей обучение населения. Однако воспитанию подрастающего поколения уделялось большое внимание и не только духовенство.

В современном Алжире традиционные религиозные принципы мозабитов приобрели новое значение. Так, например, взаимопомощь, обусловленная солидарностью между сторонниками одной и той же доктрины (веры), членами одного клана или жителями одного города, в новых условиях превратились в «торговое соглашение», в кооператив, товарищество или акционерное общество. Как правило, коммерческие функции принадлежали определенной семейной группе, компаньоны вели бухгалтерское дело, а вырученные деньги предназначались семье, живущей в Мзабе. Часто отец брал к себе на службу сыновей, а дядя — племянников.

⁶ Ibid., p. 150.

Служащие обычно являлись выходцами из семьи патрона, представителями его клана и города. Эта «семейная» организация предприятия позволяла мозабитским коммерсантам сохранять конкурентоспособность благодаря скромным общим расходам (расходы были сведены до минимума, а работали на износ). С ранних лет обученные искусству торговли бухгалтерскому делу мозабиты были отличными коммерсантами. Они помогали друг другу во всем: обменивались информацией о рыночной конъюнктуре, давали займы деньги, обеспечивали вновь приезжавших⁷. Из-за скудости природных ресурсов торговля была исконным занятием мозабитов. Торговый опыт они накапливали веками. Сначала торговлей занимался г. Тиарет, в окрестностях которого развивались животноводство и земледелие, а затем г. Седрат, находившийся на пути, соединявшем Западный Судан и долину Нигер со Средиземноморьем. Долина Мзаб была мало пригодна для торговли, что вынуждало мозабитов прибегать к отходничеству — уходить со своими товарами в чужие края, где существовала более благоприятная торговая конъюнктура. С древнейших времен мозабиты продвигались на север. Они торговали рабами, кожей, шерстью и домашним скотом из Сахары, а также продуктами сельского хозяйства и бакалейными товарами, привезенными с побережья и портов⁸. В наши дни мозабиты торгуют текстильными и бакалейными товарами в Алжире и Тунисе. Многие из них обладают крупными капиталами, а также движимым и недвижимым имуществом в городах, сельских районах и оазисах Южного Алжира.

Так повелось с давних времен: когда отец брал сына в свое дело или определял его в дело друга для обучения торговле, юношу посылали на север. Юноша возвращался в долину Мзаб в возрасте 16 лет, чтобы взять себе жену, затем снова уезжал на север, периодически посещая свой дом до тех пор, пока не накопит достаточного капитала, чтобы обеспечить будущее свое и своей семьи.

Мозабит делал в пользу мечети щедрые пожертвования, за счет которых существовали духовенство и школы. Немало расходов требовало также ведение домашнего хозяйства: уход за скотом, работы в саду или в огороде, содержание в исправности оросительных каналов⁹. Тем не менее большинству мозабитов, как уже отмечалось, удавалось сколоть изрядное состояние. При этом верность традициям не только не мешала приспособлению к миру капиталистической, конкурентной экономики, но и благоприятствовала этому.

Исключительная сплоченность семьи, сознание своей принадлежности к особой религиозной общине и стремление сохранить верность ей не позволяли мозабитам рассеиваться по миру, создавали условия для их этнической концентрации. Женщина — оплот семьи — способствовала сплоченности народа. Роль женщины определялась основным законом мозабитов: мозабитская женщина не имела права покидать Мзаб, ее нельзя было встретить нигде, кроме Мзаба. Французский автор Г. Марк называет женщин «арматурой» мозабитского общества. Другой французский автор, Пьер Бурдьё в своем исследовании «Социология Алжира» приводит такой пример: в 1928 г. одна женщина из мозабитского племени Берриан хотела уехать из Мзаба, но все члены племени воспротивились этому и даже пригрозили ей расправой в случае неповиновения¹⁰. Поэтому женщины Мзаба — в полном смысле слова хранительницы очага, и не только семейного, но и городского, общества в целом. Они привязывали мозабита к земле его отцов, его прошлому, традициям. Под взглядом старших женщин воспитывали детей в духе основных добродетелей мозабитов и строгого соблюдения законов.

Так же как и во всей Северной Африке, женщины Мзаба образовали особую группу. У них существовали свои ритуалы, свои песни. Они выполняли специфическую работу или применяли особую технологию

⁷ *Boyardien P. Sociologie de l'Algérie. P., 1958, p. 125.*

⁸ *Mercier M. La civilisation urbaine au Mzab. Alger, 1922, p. 50.*

⁹ *Capot-Rey R. Op. cit., p. 229.*

¹⁰ *Bourdien P. Op. cit., p. 198.*

при выполнении общих работ, использовали оригинальный язык, чуждый фонетическим звучанием, словарным запасом и фразеологией. Еще в прошлом веке французский путешественник Н. Робэн писала, что женщины и мужчины почти полностью отделены друг от друга: женщины закрывали лицо, оставляя открытым лишь один глаз, у мужчин и мальчиков — отдельные помещения для отправления религиозных обрядов и т. д. Однако при этом женщинам предоставлялась определенная автономия. В качестве примера можно привести институт обмывальщиц мертвых, которым приписывалась способность общения с потусторонним миром; их основная задача состояла в том, чтобы обучать женщин принципам религии и следить за их поведением¹¹. Женщины, обмывавшие покойников, относились к числу наиболее умелых и добродетельных. Денег им не платили, но их боялись и уважали. Им был доступен в каждом доме, они оказывали всестороннее влияние на семейную жизнь, с ними были обязаны советоваться при решении любого дела; кроме того, на их собрании *халка* возлагало на них право отлучения от общины. Обычно эти женщины выполняли свои обязанности добросовестно, честно и строго. Одна из основных их функций — обучение. В равенстве всех мусульман подразумевает и женщин, которых тоже приходилось учить понимать коран и молитвы¹². Им давали также некоторые знания о законах и истории их города и секты. Так как женщины не посещали мечеть, в задачу обмывальщиц входило следить за тем, чтобы они исправно молились. Таким образом, это было своего рода духовенство¹³.

В г. Гардае обычно было пять обмывальщиц. Пять мужчин выполняли ту же благочестивую обязанность в отношении умерших мужчин. В год обмывальщицы из пяти городов долины Мзаб собирались, чтобы обменяться мнениями, пересмотреть старые правила и определить изменения или отклонения от правильного поведения.

Каждая деталь в поведении женщины регламентировалась и контролировалась: ее одежда, украшения, стиль прически, косметика, поведение на улице (при условии, что ей разрешено выходить из дома). Она не должна была показывать свои руки мужчине, платя за покупку в лавке (руку следовало закрывать уголком одежды). Нельзя было танцевать и петь на празднике, хотя петь за работой разрешалось. Женщине запрещалось оплакивать покойного (даже собственного ребенка или мать) — для этого существовали специальные арабские плакальщицы. Женщина не должна была повышать голос (чтобы позвать кого-то, следовало хлопнуть в ладоши), ей запрещалось также переговариваться с соседкой с кровли дома и т. д.

Детей мозабиты воспитывали одинаково, придерживаясь определенных и строгих правил. Например, малыша иногда переворачивали головой, держа его за ножки и при этом сильно шлепая по спине ладонью, что якобы придавало гибкость туловищу. Мать качала ребенка на левом колене, положив левую ногу на правое колено. Ребенка носили в руках, пока он в пеленках, а позднее — на левом бедре, но никогда на спине.

Мозабитская женщина не могла выйти замуж за представителя другой этнической группы или вероисповедания, хотя мужчинам подобающие браки разрешались (исключение составлял г. Бени-Изген, где вступление в брак с немозабиткой издревле влекло за собой изгнание). Женщина в замужестве сохраняла фамилию отца, а во всех других отношениях принадлежала к семье мужа. В отсутствие мужа она вела хозяйство и считалась главой семьи.

Многие французские авторы, такие, как Т. Мерсье, Т. Моран, П. Гюлье, А. Гуашон и др., полагали, что после аннексии Мзаба Фран-

¹¹ Robin N. J. Le Mzab et son annexion à la France. Alger, 1884, p. 20—30.

¹² Merghoub B. Le développement politique en Algérie. Etude des populations de la région du Mzab. P., 1972, p. 81.

¹³ Goichon A. M. La vie féminine au Mzab. Etude de sociologie musulmane. T. 1. 1927—1931, p. 72.

невежеское общество не могло сохранить свою целостность. По их мнению, запрещение работорговли и приобщение к прогрессу цивилизованного мира заставят мозабитов покинуть огороженные стенами города в пустыне и приобщиться к более легкой и комфортабельной жизни в плодородных районах Северной Африки¹⁴. Они настаивали на отмене запрещения эмиграции женщин, предсказывая быстрый упадок долины Мзаб по экономическим и социальным причинам. Другие авторы (Э. А. Алпорт, А. Бернар) отрицали возможность выхода мозабитов из долины и обосновывали свою точку зрения мироощущением мозабитов, порожденным гордостью за свою общину, верой в свою исключительность и, наконец, желанием умереть и быть погребенными в родной долине¹⁵. Тем не менее мозабитская этническая группа не могла противопоставить давлению западной цивилизации XX в. только силу традиций.

Одно из условий, позволяющих племенным и традиционным обществам устоять перед натиском Запада, несмотря на бедность масс, невежество и низкую организацию, — это богатство, образование и привилегированное положение городской верхушки, стремящейся удержать свое господство на рынке. Эта верхушка уже довольно давно знакома с европейским образом жизни и языками, что, естественно, помогает ей удерживать свои позиции. С другой стороны, сплоченность мозабитов обеспечивается этноконфессиональной общиной. В Мзабе не допускается, чтобы богатство давало его владельцу только личные преимущества, богатство должно служить прославлению бога и поддержанию общины.

Чтобы понять этот комплексный характер социальной организации в Мзабе, необходимо отказаться от предвзятости. Совершенно очевидно, что условия, в которые мозабиты поставлены самой природой, и статус меньшинства сами по себе неуклонно требовали постоянного напряжения воли, мобилизации энергии, усилий для обеспечения выживания группы.

Можно рассуждать следующим образом: неблагоприятные природные условия породили эмиграцию, позволяющую выжить в пустыне (хотя и эмиграция регламентировалась религиозной доктриной, гарантирующей сплоченность), адаптацию в разумных пределах и единство — эту святыню святых, которую надо было сохранить любой ценой на основе единой экономики¹⁶. С другой стороны, важную роль в Мзабе играла сплоченность семьи — основа социального равновесия и опора эмигранта.

Мозабитов охраняли от раздробления их богатство и отличная организация управления городами. Их города никогда не имели прямых и постоянных контактов с европейцами. Этот факт можно объяснить традиционным требованием разделять экономику и религиозную жизнь, диктовавшим выбор точной и гибкой стратегии, контроль за тем, что должно было оставаться постоянным, неизменным, и тем, что должно было меняться.

Подобно городу, основанному на двух совершенно разных очагах: светском и будничном мире базарной площади, открытом для современной жизни, и религиозном акрополе с его мечетью и тайным миром, к которому можно приблизиться, лишь преодолев лабиринт узеньких извилистых улочек, как бы ограждающих от вторжения самое ценное и сокровенное, — душа и сама жизнь мозабитов также сосредоточены вокруг двух различных и даже противоположных центров: священного и повседневного. Однако приспособление к миру финансового и торгового бизнеса не только не противоречило строгому традиционализму религиозной жизни, но и, наоборот, предохраняло ее, давало ей возможность существовать.

В то же время мозабиты не отставали от экономической и политической жизни страны. Еще до революции они начали монополизировать

¹⁴ Mercier M. Etude sur le waqf aborhdite et ses applications en Mzab. Alger, 1927, p. 99.

¹⁵ Bernard A. Afrique septentrionale et occidentale. P., 1937—1938, p. 37.

¹⁶ Basagana R., Sayad A. Habitat traditionnel et structures familiales en Kabylie. Alger, 1974, p. 143.

свою торговлю, открыли множество магазинов, работали по найму, ли служащими. Они владели также многими транспортными средствами доставки¹⁷. В настоящее время на юге Алжира они ведут в основном торговлю, занимаются государственными делами, служат в законодательных органах, административных учреждениях, но, несмотря на это не забывают свой очаг, семью и стараются принимать участие в политической жизни страны в своем замкнутом круге, т. е. не выходя с земель своих предков.

В праздничные дни мозабиты одеваются в красочные костюмы, подчеркивающие их принадлежность к своей народности, верность народным традициям. Но в действительности за этим фасадом скрываются уже происшедшие глубокие изменения.

Как и для других этнических групп Алжира, в условиях научно-технической революции и изменения условий жизни в Сахаре «опасность» потери монолитности все время возрастает и для мозабитов. На семейном родном приходят арабский и французский языки, необходимые для общения с внешним миром. В общество мозабитов проникают арабы, другие берберы, иммигрировавшие в Мзаб, где они быстро сливаются с мозабитами. Бывает и так, что «иностранцы», завладев инициативой в ведении торговли и хозяйства, становятся более богатыми и технически грамотными, чем прежние хозяева страны¹⁸. Важную роль играет также образование, меняющее убеждения и нравы мозабитов.

Что касается политики алжирского правительства по отношению к мозабитам, то после завоевания независимости она заключалась в том, чтобы приобщить их к новой административной системе, противостоящей традиционной организации алжирских берберов. В Алжире создавались сельскохозяйственные кооперативы, включавшие выходцев из арабского населения страны, в том числе и мозабитов.

После завоевания Алжиром независимости была проведена реорганизация политической системы. Во время французского господства колониальная администрация связывалась с алжирскими берберами через племенных вождей. В настоящее время республиканская администрация полностью изменила это положение. Утратив свой официальный статус вождь номинально стал выборным представителем в новой администрации.

Осенью 1979 г. было проведено обновление «низовых инстанций» партии Фронта национального освобождения (ФНО) с целью полной ликвидации пережитков «трибализма и деспотизма». На II Пленуме Центрального Комитета партии ФНО (28—30 декабря 1979 г.) отмечалось, что в дальнейшем осуществление политики арабизации будет сопровождаться мерами, способными обеспечить работу учащимся и студентам получившим образование на арабском языке. Принято решение всемерно содействовать и поощрять распространение арабизации в отдаленных берберских районах страны, в том числе и на юге Алжира.

В настоящее время правительство Алжира взяло активный курс на полную политическую, социальную и экономическую интеграцию мозабитов в единых общенациональных рамках.

¹⁷ Le Monde, 1982, 5.VII.

¹⁸ Financial Times, 1982, 25.VIII.

«ТУЗЕМНЫЕ» СУДЫ И ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАВИТЕЛИ ЙОРУБА В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Социально-политические последствия вынужденного взаимодействия колониального общества с обществом метрополии сравнительно мало чены в исторической науке. Проблема места и роли института традиционных властей, сформировавшегося у народов Нигерии задолго до опейского вторжения и послужившего реальной основой внедряемой танскими колонизаторами системы управления, все еще остается дискуссионной¹.

Особенности северного и южного вариантов развития нигерийского общества уже рассматривались в советской африканистике². Колониальное общество, сложившееся в западных районах Нигерии, у йоруба язычных народов, только начинает изучаться³.

В сфере местного управления в Западной Нигерии имелась область, являвшаяся особенно важной для укрепления колониального режима. К ней относились вопросы, связанные с судопроизводством. Рассмотрение судебной функции йорубских традиционных правителей — об, включенных в «туземную» администрацию, посвящена данная статья⁴.

В основу статьи положены архивные материалы, изученные автором в 1973 г. в Главном архивном управлении Нигерии (Ибадан) и его двух филиалах (города Кадуна и Энугу). Некоторые из них вводятся в научный оборот впервые. Наиболее обширное собрание бумаг о «туземных» судах у йоруба было обнаружено в фонде «Документация Центрального секретариата», который хранится в Главном архивном управлении⁵. Наибольший интерес в этом фонде представляет серия «Дела по вопросам деятельности местных служб африканского персонала», содержащая материалы о деятельности йорубских правителей в западных провинциях (Окуте, Ойо, Иджебу и др.)⁶. Уникальные документы об использовании традиционных социально-политических институтов в системе «туземного» судопроизводства в 1930—1937 гг. встречаются в «Докладах по следствию», которые включены в рукописные собрания «Записки в провинциях». В Ибаданском архиве имеются 26 докладов английских агентов, осуществлявших контроль за «туземными» службами в округах и районах Западной Нигерии; 15 докладов посвящены йору-

бам. Ценные сведения о роли местных властей в «туземных» судах содержатся в докладах различных комиссий и личных досье африканских и английских служащих окружной и районной администрации. Эти материалы включены в фонд «Деловые бумаги провинциальных канцелярий», который имеется в Ибадане и Кадуне⁸. В них нашел отражение

¹ См., например: Зотова Ю. Н. Проблема косвенного управления в англоязычной африканской историографии. — Сов. этнография, 1973, № 6, с. 126—134; Кубышев Л. Е. Реч. на кн.: Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии (1979). — Народы Азии и Африки, 1980, № 4, с. 207—213.

² Следзевский И. В. Хаусанские эмираты Северной Нигерии. М.: Наука, 1974; Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии.

³ Отметим работу нигерийца С. О. Адеоие «Традиционные вожди в колониальном обществе йоруба» (на русск. яз.): Дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы, 1974; см. также: Кочакова Н. Б. Города-государства йорубов. М.: Наука, 1978; и др.

⁴ В современной Нигерии йоруба расселены в основном в штатах Ойо, Огун, Ондо, на востоке штата Квара, а также в Лагосе.

⁵ Nigeria. Federal Government Record Office. National Archives. Ibadan. Chief Secretary's Office (далее N. A. I. C. S. O.). При ссылаках на документы точно воспроизводится их кодирование в нигерийских архивах.

⁶ N. A. I. C. S. O. 1, 21—26.

⁷ N. A. I. C. S. O. 26. Nigerian Secretariat Record Group. Intelligence Reports. Ser. 7, 41, 61.

⁸ N. A. I. Provincial and District Papers: Abe Prof. 1—7; Iba Prof. 1—3; Ije Prof. 1; Oyo Prof. 1, 4, 6; Ben Prof. 8.

процесс перестройки по канонам непрямого управления «туземной» судебной системы в Западной Нигерии. В этом же фонде хранятся рандумы о введении первых «туземных» ордонансов, проекты их нейших модификаций, стенограммы заседаний, на которых обсуждались постановления о «туземных» судах, действовавших в Западной Нигерии в 1915—1948 гг., рассматривалась деятельность йорубских правителей в судебной сфере и т. д.⁹

Архивные материалы были сопоставлены с другими источниками: официальными (прежде всего «Доклады Министерства колоний Великобритании») ¹⁰ и полуофициального характера. Наиболее ценными для уточнения, а главное — критической оценки документов из колоний были личные собрания африканских политических общественных деятелей. Среди них следует выделить «Бумаги Магасаки» в которых нашла отражение борьба Национально-демократического движения Нигерии и ее основателя против коррумпированных «туземных» правителей, а также относящиеся к 1933—1938 гг. «Личные и конфиденциальные письма Ладипо Соланке» — руководителя Союза студентов Западной Африки. В эти годы союз особенно активно выступал с критикой «туземной» судебной системы, усугублявшей колониальный гнет ¹¹.

Личный архив первого генерал-губернатора Нигерии — «Бумаги Родса» из собрания Дома Родса содержит обширную переписку английских властей по вопросам, связанным с распространением системы «туземных» судов, которые были первоначально внедрены на севере Нигерии, а затем в ее западных областях ¹².

Помимо перечисленных источников использованы материалы нигерийской прессы и периодических изданий ¹³, а также сведения, полученные автором во время встреч и бесед с нигерийскими учеными, общественными деятелями и некоторыми йорубскими правителями, в числе последних — Олайвола Адейеми III (Ойо), Адетона Огбаба II (Ибадан), Ойетунде (Ибадан) и др.

* * *

На нижнем Нигере в ходе становления британского господства (и его упрочения) были учреждены самые различные типы судов. Первые из них возникли в период торговой экспансии, задолго до официального провозглашения Нигерии колониальным владением Англии. В XIX в. в городах-государствах дельты Нигера были созданы так называемые «суды чести». Членами их были европейские торговцы, осуществлявшие свои операции на юге нижнего Нигера, местные правители и торговые посредники. Из африканских членов суда только традиционный правитель имел право голоса. Окончательное решение любых споров оставалось за британским консулом — председателем суда. Первоначально «суды чести» занимались разбором торговых тяжб между английскими купцами и африканцами, однако со временем они стали устанавливать размеры торговых пошлин, налагать штрафы за нарушение местных жителей явиться в суд и т. д. Расширение судебных полномочий отражало начавшийся процесс активного вмешательства Англии во внутреннюю жизнь местных народов ¹⁵.

⁹ National Archives of Kaduna (далее — N. A. K.). 30. The Laws of Nigeria, 1948; N. A. I. 20. Supplement to Orders in Council. Official Publications. File RG41 1942.

¹⁰ Great Britain. Colonial Reports. For 1900—1940. L., 1901—1941.

¹¹ Ibadan University Manuscript Section. Macaulay Papers. Box 61. Files 3, 4. Lagos University Library. Africana Section. Ladipo Solanke Collections. Private and Letters. Box 1.

¹² Ibadan University. Africana. Ford Foundation. Rhodes House Library. Lugal pers. Microfilm Series (далее — MS). Brit. Emp. S. 64, 65, 74—76.

¹³ Lagos Weekly Record, 1917—1921; Lagos Daily News. 1920—1933; Nigerian Review, 1917—1928; WASU (J. West Afric. Stud. Union), 1926—1945.

¹⁴ Подробнее см.: Зотова Ю. Н. Английская экспансия в дельте Нигера. М.: ИВИ, 1970, с. 100—103 и др.

¹⁵ См., например: British Policy Towards West Africa. Select Documents. 1875—1945 (далее — Select Documents)/Comp. by Newbury C. W. V. 2. Oxf., 1971, p. 580.

На смену «судам чести», упраздненным в середине 80-х годов XIX в., шли так называемые советы по управлению и «туземные» советы, которые функционировали в Протекторате Масляных рек (с 1893 г. — Протекторат Нигерского побережья)¹⁶. Эти советы были наделены не только судебными, но и исполнительными функциями. Определяющий голос в них по-прежнему принадлежал англичанам. Однако были и нововведения. Возглавляли советы африканские правители, а не британский консул.

В Протекторате Южная Нигерия, в который в 1906 г. были включены Ойо, Абекута, Иджебу и другие йорубские города, была учреждена новая система «туземных» судов. Становление местного судопроизводства у йоруба в колониальный период имело немаловажную особенность. Создаваемые англичанами суды несомненно служили задаче расширения и укрепления британского режима и вместе с тем были известны, как подчеркивалось в одном из первых постановлений колониальной администрации, «способствовать увеличению престижа вождей»¹⁷. Иными словами, за «туземной» властью (йорубскими правителями) был сохранен правовой статус.

Процесс развития косвенного управления особенно активизировался с началом объединения протекторатов Северной и Южной Нигерии в единого колониального владения¹⁸. Проводимые тогда преобразования формально мотивировались необходимостью разделить «туземные» исполнительные и судебные функции. В мае 1913 г. в Министерство колоний был направлен законопроект, который предусматривал создание трех типов судов: Верховного, провинциальных и «туземных». Работой Верховного и провинциальных судов руководили англичане: главный судья, генеральный прокурор, верховный комиссар, резиденты. Контроль системой «туземных» судов был поручен африканским традиционным властям²⁰. Законопроект одобрил министр колоний Харкорт, поджавший его автора — верховного комиссара Северной Нигерии Лугарда. Последний стремился перенести принципы судопроизводства, апробированные на севере (Нигерии. — Ю. З.), в ее южные и западные районы, где обстановка была, по его словам, «крайне запутанной и сложной»²¹. В ходе проведенных после «слияния двух Нигерий в одну» реорганизаций за йорубскими правителями, поставленными во главе «туземной» администрации, были закреплены судебные полномочия. Назначение *об*, особенно тех, которые возглавляли центральные «туземные» канцелярии и считались властями I ранга, еще более упрочилось. Таким образом, судебная функция института традиционных властей, играя в доколониальных государственных образованиях йоруба еще только начинала развиваться, была значительно расширена.

В связи с этим следует выделить три аспекта поставленной проблемы: действительное место и роль африканских властей в судебной системе, создаваемой англичанами; степень вмешательства *об*, поставленных во главе «туземной» администрации, в деятельность «туземных» судов; влияние этой деятельности на социально-политическую эволюцию местного общества.

Ордонанс о новой судебной системе был обнародован в Нигерии в январе 1914 г. Спустя год, его действие было распространено на западные провинции. Юрисдикция Верховного суда была крайне сужена и по тем делам ограничена колонией Лагос и 13 наиболее крупными городами.

¹⁶ Great Britain. Colonial Office, Correspondence Respecting the Affairs of the West of Africa. January — September. L., 1893, p. 14—15.

¹⁷ N. A. I. The Laws of Southern Nigeria for 1900 and 1901, p. 430—431; Annual Report of Southern Nigeria, 1899—1900, p. 15.

¹⁸ Lagos. Annual Report for 1899, p. 78; Annual Report of the Colony and Protectorate of Southern Nigeria, 1906, p. 21—22.

¹⁹ N. A. I. RG/L 4. Lugard F. J. D. Nigeria. Report on the Amalgamation of Northern and Southern Nigeria, and Administration, 1912—1919 (далее — Amalgamation Report). 1920, p. 8, 15, 16, 23, 24.

²⁰ Select Documents, p. 359; Amalgamation Report, p. 24, 25, 75—77.

²¹ Lugard Papers. M. S. Brit. Emp. S. 65, 75; Lugard F. Representative Forms of Government and Indirect Rule in British Africa. L., 1928, p. 2.

ми, включая Ойо, Абеокуту, Ибадан, Иджебу-Оде²². Апелляции «туземных» судов в Верховный были запрещены²³. Провинциальные суды, которые действовали на хаусанском севере Нигерии, появились и на западе, в таких городах, как Абеокута, Ибадан, Иджебу-Оде и др. Реденты, обычно не имевшие юридического образования, были поставлены во главе этих судов и наделены правом разбирать гражданские и уголовные дела, выносить смертные приговоры²⁴.

Особый интерес представляет ордонанс о «туземных» судах (1914). Согласно ордонансу, на территориях, контролируемых йорубскими «туземными» властями, были введены судебные инстанции, которые «еще не доказали на севере свою полезность как средство усиления административного контроля»²⁵. Таково было мнение Лугарда, назначенного тогда генерал-губернатором Нигерии. В западных провинциях были учреждены четыре группы «туземных» судов, обозначавшиеся латинскими литерами A, B, C, D²⁶.

Суды высшей группы A получали полную юрисдикцию и рассматривали гражданские и уголовные дела, такие, как убийство, ограбление, изготовление фальшивых денег и т. д. Они могли выносить смертные приговоры, которые приводились в исполнение по утверждению их губернатором. Создавались суды группы A на основе традиционных судебных органов, существовавших у йоруба до колонизации²⁷. С этой целью алафин²⁸, правитель наиболее крупного военно-политического объединения йоруба, был воссоздан Малый (городской) совет. Он был первой инстанцией в доколониальном государственном образовании Ойо, рассматривавшей самые тяжкие уголовные преступления (убийство, предательство, грабеж). Этот совет разбирал апелляции, разрешал споры между придворными и между городскими вождями. В начале колониального периода под его юрисдикцию подпали «все гражданские и уголовные дела в провинции, за исключением тех, которые карались смертной казнью». Однако и это ограничение вскоре было отменено. Полномочия алафина Ладугболу в судебной сфере были особенно расширены по восставшим в Исейине и Окейхо в 1916 г. Спустя год, он получил право расследовать так называемые «политические дела» и мог выносить смертные приговоры. Благодаря этому у народа создавалось впечатление, что алафин все еще распоряжается жизнью и смертью своих подданных. По рекомендации английского резидента Росса, покровительствовавшего Ладугболу, Малый совет был отнесен к судам высшей группы A и признан апелляционной инстанцией в рамках провинции Ойо. В состав этого совета, призванного, по замыслам англичан, укрепить традиционный правовой статус алафина, входили: Ладугболу (председатель), представители знати Ойо (*башорун* и *ашина*) и Ифе (*он агаро*). Многие города провинции Ойо: Ибадан, Ошогбо, Огбо, Илеша, Ила и др.³⁰, согласно составленной Лугардом схеме, не были представлены в Малом совете. В таком составе он просуществовал с 1916 до 1931 г.³¹.

²² N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. I. Lagos, 1923, p. 88—89. N. A. I. 20. Supplement № 2 to Orders in Council. Lagos, 1920, p. 3.

²³ N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. III. Lagos, 1923, p. 111—114.

²⁴ Ibid., v. I, p. 44—50; Amalgamation Report, p. 22—23, 76—88.

²⁵ Lugard Papers. MS. Brit. Emp. S. 64; Lugard F. Political Memoranda. Review of Instruction to Political Officers... 1913—1918. L., 1919, p. 265—266, 268—269.

²⁶ The Laws of Nigeria. V. III, p. 204—210.

²⁷ Ibid., v. I, p. 86, v. III, p. 204—205; WASU, 1932 v. I, № 9, p. 36—37.

²⁸ Алафин (букв. «хозяин двора») — титул правителя государства Ойо, который в период расцвета в XVIII в. простирался от рек Нигер и Моши на севере до берегов Гвинейского залива на юге. См.: История Нигерии в новое и новейшее время. М.: Наука, 1981, с. 18—19, 23—33 и др.

²⁹ N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. I, p. 84—86; v. III, p. 204—209; N. A. I. Prof. 6/3, File 8/1916. Ibid., Oyo Prof. 4/5/4, File 113/1916, S. 14, 51.

³⁰ Башорун до колонизации возглавлял городской совет, в период междоусобиц был главой государства; ашина выполнял функции главного священнослужителя, хранителя культа Огуна — бога охотников, воинов, кузнецов; они — традиционный совет правителя Ифе (Иле Ифе); функции агаро в доколониальный период неясны. Все термины даны на языке йоруба.

³¹ N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. I, p. 86.

Апелляционный суд, учрежденный ранее в Ибадане, самом крупном городе йоруба, был упразднен. Алафин получил право рассматривать апелляции не только жителей Ибадана, но и священного города Ифе, бывшего прародиной всех йоруба. Тем не менее англичане отказались правителю Ифе — *они* Адемилуйе в его просьбе открыть апелляционный суд на основе традиционного совета³². Лугард опасался, что соперничество правителей городов Ибадана и Ифе с правителем провинции может ослабить позиции последнего — центральной фигуры, вокруг которой он возводил «здание непрямого управления» в Западной Нигерии. «Передо мной чрезвычайно остро стоит задача укрепления центральной туземной власти в лице алафина, — писал генерал-губернатор в мае 1913 г., — поэтому все попытки других вождей воспрепятствовать этому решительно подавляются»³³.

«Туземные» суды группы В начали функционировать в окружных округах Ойо, Ибадане, Ифе в 1918 г. В них поступали гражданские дела, если сумма иска (долг, причиненный ущерб) не превышала ф. ст. (с 1928 г. — 100 ф. ст.), а также уголовные дела, по которым приговаривали к тюремному заключению на срок до 2 лет или к телесному наказанию 24 ударами плетью³⁴. Суды группы В служили апелляционной инстанцией для судов категорий С и D. В рассматриваемое время в округе Ойо действовали 7 «туземных» судов группы С (при районных «туземных» канцеляриях в Исейине, Игане, Икойи, Киши, Ойо, Окейхо, Аки). В округе Ибадан были учреждены 16 «туземных» судов: 3 — в окружном административном центре, 2 — в городах Ифон-Илобу и Отан-И — в районах Икире, Игбора, Иво, Гбондан и др. В округе Ифе новая система судов внедрялась значительно медленнее. Вплоть до начала 20-х годов там функционировал только один «туземный» суд, который был открыт при окружной канцелярии. С 1923 г. стали учреждаться суды территориальной «туземной» администрации. 3 «туземных» суда группы С были созданы в районах Илеша, Ила и Ипету-Иджеша. Начали действовать и «туземные» суды низшей группы D. В 1928 г. функционировали 6 судов этой категории³⁵.

В судах групп С и D рассматривались дела о долгах размером в 5 ф. ст. соответственно. Они приговаривали к лишению свободы на срок от 3 до 6 месяцев; в случае кражи скота или собранного урожая срок заключения увеличивался до 12 месяцев. Кара, соответствующая такому наказанию, могла быть предусмотрена и нормами обычного права, существовавшего на территории, где было совершено преступление³⁶.

Состав «туземных» судов всех категорий был определен ордонансом 18 г. Согласно статье 5: в местные судебные органы могли входить верховные вожди или один верховный вождь, вожди или вождь, а также некоторые другие лица, выступающие в качестве судей или судебных заседателей». Председателем суда становился представитель традиционной власти, которого утверждал английский резидент. В зависимости от категории суда это были главы центральной, окружной, районной «туземной» администрации³⁷. Неукоснительно соблюдалось следующее условие: кандидатуры членов судов, особенно групп А и В, подбирали «туземные» правители I ранга, такие, как *алафин*, *авуджале*, *алаке*, которых Лугард считал «наиболее лояльными во всей Нигерии»³⁸. Пользуясь покрови-

³² N. A. I. Oyo Prof. 3. File O. P. 398 (листы не нумерованы).

³³ Lugard Papers. M. S. Brit. Emp. S. 76; N. A. I. C. S. O. 26/2. File 12723, v. XIV, 12—13.

³⁴ N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. III, p. 209.

³⁵ N. A. I. Oyo Prof. 4/12. File 60/1923; Ibid., Oyo Prof. 1. File 133, Memo 28/2131928 (листы не нумерованы).

³⁶ N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. III, p. 210; WASU, 1932, v. 1, № 9, p. 36.

³⁷ N. A. K. 30. The Laws of Nigeria. V. 1, p. 79. Необходимо отметить, что в поправках к рассматриваемому ордонансу, принятых в 1920, 1922 и 1930 гг., текст этой статьи был оставлен без изменений (Ibid., V. III, p. 204; Ibid., 1933, p. 175, 182).

³⁸ Lugard Papers. MS. Brit. Emp. S. 75.

тельством английских властей, а иногда по их прямому указанию. Обе вводили в состав местных судов своих приближенных и доверенных лиц, нередко родственников (члены судов получали жалованья).

При этом традиционные права знати были формально сохранены. Так, председателями окружных судов группы В были в Ифе *они*, в Дане *бале*, в Ойо *арэмо*, старший сын и наследник алафина. В «туземных» судебных органах групп С и D входили вожди всех градаций — от традиционных властей до деревенских старейшин. Непременным условием назначения было одобрение их кандидатур главой провинциальной «туземной» канцелярии, в данном случае алафином, который выводил из состава суда «любое лицо, не выказавшее лояльности местной туземной власти»⁴⁰.

Вплоть до середины 30-х годов в колониальной политике Англии в Западной Нигерии неизменно проявлялась тенденция, направленная на расширение позиций традиционного правителя Ойо в «туземной» сфере. Под его контроль практически была поставлена вся система местных судов провинции.

Аналогично развивалось «туземное» судопроизводство в других провинциях Западной Нигерии. В Абеокуте и Иджебу были признаны традиционные советы (или суды *оба*), которые, как и Малый совет алафа, были отнесены к группе А. Они считались апелляционной инстанцией в рамках этих провинций. В судах *оба* рассматривались спорные вопросы о землевладении и землепользовании, а также так называемые дела политического характера, обычно связанные с антиколониальными выступлениями. Заседания советов происходили довольно регулярно, один раз в месяц. *Алаке* и *авуджале* выступали на них в качестве председателей⁴¹.

В Абеокуте, как и в Ойо, после восстаний эгба в 1917—1918 гг. проведена реорганизация «туземной» судебной системы с целью централизации власти и усиления полномочий правителя-алафе. Прежде это отразилось на составе судебного совета, который был почти полностью сокращен. Кроме алафе в него входило только три представителя традиционной знати. Окружная и районная судебные системы были обнулены. В «туземные» суды категорий В и С были введены 16 членов, бравшие из числа «наиболее лояльно относящихся (по словам резидента Сайера) к правительству вождей»⁴². В округах и районах провинции Иджебу в состав этих судов входили преимущественно главы территориальной «туземной» администрации, получившие эти должности в соответствии с традиционным статусом. В конце 1920-х годов в «туземных» судах было по 20 и более членов, однако спустя 10 лет число их сократилось до 5—6. Эти преобразования преследовали ту же цель, а именно — укрепить власть традиционного правителя *авуджале*, ставшего, которого, разумеется, сохранили свои доходные места в судах⁴³.

Деятельность «туземных» судебных инстанций, созданных в провинциях Западной Нигерии, была, по признанию самих английских чиновников, «коррупцированной, судьи допускали частые нарушения процессуального характера, не следовали условиям ордонансов». О многочисленных жалобах местных жителей на действия «туземных» судов категорий писали нигерийские журналы, в частности WASU, издаваемый Союзом студентов Западной Африки⁴⁴. По сути дела в течение последних трех десятилетий XX в. йорубским правителям, в первую очередь, которые возглавляли провинциальные «туземные» канцелярии, была предоставлена «свобода действий» в судебной сфере. Профессиона-

³⁹ Lugard F. Representative Forms of Government and «Indirect Rule» in Africa, p. 28.

⁴⁰ N. A. I. Oyo Prof. 4/12/3. File 59/1923 (листы не нумерованы).

⁴¹ Lagos Weekly Record, 1920, 31 July; N. A. I. Annual Report for 1929. Bot Archives Headquarters. Southern Provinces of Nigeria, p. 7, 20.

⁴² Lagos Weekly Record, 1918, 19 October.

⁴³ N. A. I. Annual Report for 1929, p. 20—21.

⁴⁴ См.: WASU, 1932, v. 1, № 9, p. 23.

сты вплоть до конца 40-х годов XX в. в «туземные» суды не допуска-

Подведем итоги. В начальный период становления британского государства в Западной Нигерии, несмотря на официальное признание разделения функций исполнительной и судебной власти, зависимость туземных судов от йорубских *обы*, возглавлявших «туземные» канцелярии, была полной. Судебное право фактически было в руках «туземных» правителей.

Процесс усиления «туземной» администрации путем закрепления за судебной функции особенно активизировался в 20—30-е годы XX в. С середины 1930-х годов наступает новый этап. Происходит постепенное снижение престижа алафина Ойо, алаке Абекуты и других йорубских традиционных правителей в судебной сфере. Эта тенденция зародилась в ходе реформ системы «туземных» судов, проводившихся в 1933—1941 гг. губернатором Д. Камероном. Предварительно по его указанию шестнадцать социологических исследований института «туземных» судов, показавшие, что деятельность многих правителей не соответствует требованиям колониальной администрации. Мнение губернатора было однозначным: те африканские институты, которые перестают выполнять поставленные перед ними задачи, следует упразднить⁴⁵. Это открытое высказывание губернатора полностью опровергает официальную британскую историографию о том, что система косвенных администраций была якобы направлена на сохранение самобытных политических структур в странах Тропической Африки. Колониальные власти подходили к этой проблеме избирательно. Бесспорно сохранялись лишь те социально-политические институты, которые использовались в целях укрепления колониального режима.

Роль йорубских правителей в деятельности судов, в особенности в решении сложных вопросов, требовавших знания чрезвычайно громоздкой африканской судебной системы (она включала вводимое метрополисом право и местный обычай), постепенно падала. Одной из причин этого были распространение грамотности и увеличение числа лиц, окончивших средние и высшие учебные заведения. Образованные африканцы не желали подчиняться реакционным и зачастую неграмотным традиционным правителям. Они требовали отмены контроля йорубских *обы* над «туземными» судами, в которых благодаря традиционным правилам «процветали коррупция и беззаконие»⁴⁶. Недовольство молодежи «туземными» судами в Иджебу-Оде, Абекуте и других городах на западе Нигерии отмечал Хейли, инспектировавший по заданию Лондона систему местной администрации в 1940—1941 гг.⁴⁷ Губернатор Б. Бурдильон в замечаниях к докладу Хейли признавал, что число выступлений, направленных против судов, «этого самого неудачного института местной администрации, особенно быстро возрастает в юго-западных районах Нигерии»⁴⁸.

Националистические организации и печать стали требовать «демонизации туземной судебной системы», введения в нее лиц с профессиональной подготовкой — юристов и адвокатов. Этому противились алафины и другие йорубские *обы*, контролировавшие «туземное» судопроизводство. Разумеется, и английские чиновники, поборники непрямого управления, стремились помешать проникновению в местные суды слишком большого, по их мнению, числа африканцев, получивших специальное образование⁴⁹. Вплоть до начала 40-х годов эти крайне непопулярные в народе судебные инстанции продолжали работать «под эгидой

⁴⁵ N. A. I. C. S. O. 1/32: File 112 (листы не нумерованы); Annual. Nigeria. Report 1934, p. 8.

⁴⁶ WASU, 1943, v. 10, № 1, p. 1—2.

⁴⁷ N. A. I. RH/HI. Report on Native Administration and African Political Development by Lord Hailey, 1940—41, p. 24.

⁴⁸ Nigeria. Confid. Comments by Governor of Nigeria B. Bourdillon on Hailey' Report on Native Administration and African Political Development. L., 1942, p. 5.

⁴⁹ WASU, 1943, v. X, № 1, p. 2; 1945, v. XII, № 1, p. 7—8.

правителей, признанных Англией, и на основании ордонансов, введенных колонизаторами», — отмечал в 1943 г. Л. Соланке⁵⁰. Основатель Национально-демократической партии Г. Маколи в меморандуме, направленном против введения «туземных» судов и расширения их функций, подчеркивал, что эти судебные органы оказывают постоянную действенную поддержку административной власти в усилении ее политических и экономических позиций⁵¹. И здесь, разумеется, крылось главное.

Лишь после второй мировой войны в западных районах Нигерии произошли серьезные социально-политические изменения. Образовались новые слои йорубского общества, возглавившие сопротивление колониальному господству Англии. «Туземные» суды и контролировавшие их «туземные» власти пришли в противоречие с изменяющейся социальной структурой. «Туземная» судебная система оказалась несовместимой с социально-политическим развитием йоруба на современном этапе.

⁵⁰ Ibid., 1943, v. 10, № 1, p. 3.

⁵¹ Macaulay Papers. Box 61, File 3, Sheet I, p. 1—2.

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

И. Н. Соломоник

ТРАДИЦИОННЫЙ ТЕАТР ПЕРЧАТОЧНОЙ КУКЛЫ В КИТАЕ

В старинных китайских источниках разные формы театра объемных кукол не описывались раздельно, и по ним трудно установить, о каком именно типе представлений идет речь. Самое раннее упоминание о театре объемных кукол появляется в эпоху Тан (618—907), легенды относятся к еще более отдаленным временам, однако совершенно очевидно, что в танских документах и в древних легендах говорится о перчаточных куклах. В литературе эпохи Сун (960—1279) китайские исследователи обнаружили термин, толкуемый некоторыми из них как «кукла на руке», «перчаточная кукла» — *жоу куйлэй* (*жоу* — «тело, плоть», *куйлэй* — «кукла») ¹.

Первые европейские свидетельства датируются концом XVIII в. Это первое описание, принадлежащее секретарю английского посольства в Пекине Бэрроу, посетившему Пекин в 1793 г., и английские гравюры, одна из которых сейчас хранится в мюнхенском Муниципальном музее драматических кукол, а другая — в лондонском Музее Виктории и Альберта. Обе воспроизводились в книгах по истории кукольного театра и, вероятно, знакомы читателям, обе почти одинаковы по сюжету. На табуре стоит актер. Он скрыт ширмой-мешком, стянутым внизу у шиколотов удобные шаровар. Над ширмой надстроен домик с террасой, на ней — маленькая фигурка. Перед походным театриком — зрители: в одном случае китаец с веером, в другом — старик с палкой и мальчик, и смотрят вверх на кукольного героя ² (рис. 1).

Менее известна гравюра, опубликованная в 1811 г. в четырехтомном труде Бретона де ля Мариньера «Китай в миниатюрах». На этой гравюре рядом с ногами кукольника виден конец опорной палки, поддерживающей ширму, — важная деталь конструкции, ускользнувшая от внимания первых английских зарисовщиков ³.

¹ См. Gageman K. Игры народов: Б. 3 — Китай, Африка. Л., 1924, с. 59 (оригинальное издание на нем. яз. — 1919 г.); Laufer B. Oriental Theatricals. Chicago, 1923, p. 38; Wington L. The Chinese Drama from the Earliest Times until To-day. Shanghai, 1930, p. 7; *Сунь Кай-ди*. Куйлэйси-каоюань (Происхождение кукольного театра). Пекин, 1931 (на кит. яз.); Образцов С. Театр китайского народа. М., 1957, с. 270; Позднеева Л., Шина Э. Зрелища и песни «юэ фу». — В кн.: Литература древнего Востока. М., 1971, с. 263; Dolby W. A History of Chinese Drama. L., 1976, p. 34; Pimpaneau J. Des poupées ombre. P., 1977, p. 7; Malkin M. Traditional and Folk Puppets of the World. N. Y., p. 92—93; Dolby W. The Origins of Chinese Puppetry. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XLI, pt I. L., 1978, p. 97—120 (легенды: с. 97, 98; цит. с. 107, 111).

² Barrow J. Travels in China. L., 1804, p. 201; Böhmer G. Puppentheater. Figuren und Elemente aus der Puppentheater-Sammlung der Stadt München. München, 1969, S. 125; B. The Art of the Puppet. N. Y., 1965, p. 134; Boehn M. von. Puppenspiele. München, 1929, S. 137.

³ La Marinière Breton J. B. J. de. La Chine en miniature, t. 3. P., 1811, p. 173—180, planche LIV.

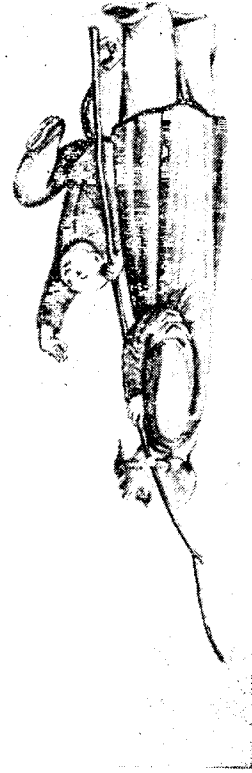
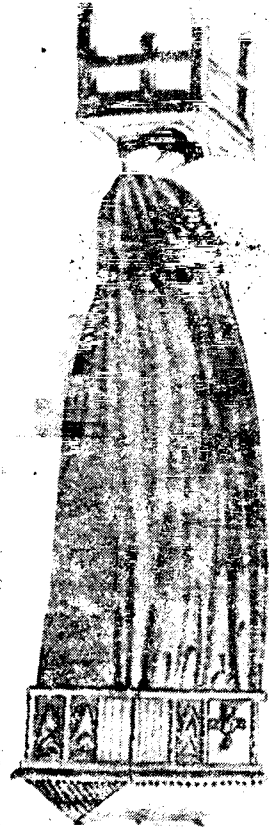

Рис. 2. Представление театра перчаточной куклы в Китае в XIX — начале XX в. Слева — китайская народная картина (воспроизведена в «Книге о куклах» Г. Рэма); справа — рисунок, помещенный в одном из английских журналов

Рис. 3. Представление китайских бродячих актеров (рисунок из «Книги о куклах» Г. Рэма); на ширме запечатлена сцена с тигром

К XIX в. относятся еще несколько рисунков. Судя по ним, ширма иногда подвязывалась не у щиколоток, а выше — у пояса (что очень приближает ее конструкцию к старорусской, зафиксированной Ада Олеарием, к староиранской и среднеазиатской)⁴ (рис. 2). Иногда не стягивалась внизу, а свободно падала на землю, закрывая ноги актера и подставку, на которой он работал⁵ (рис. 3). В музее ГАЦТК экспонируется ширма последнего типа. К основанию четырех сторон домик террасой пристегивается кольцами плотное синее полотно. Надстрой поддерживает высокий шест. Деревянные детали покрашены в красный

⁴ *Rehm H. S. Das Buch der Marionetten. B., 1905, S. 70; Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Спб., 1906, с. 189 (сунук московского представления); *его же.* Подробное описание путешествия голландского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870, с. (описание персидского представления).

Изображений иранской ширмы не сохранилось, но описание Олеария и употребляемый для этого театра, — *хэймэ йе кэмэр* (*хэймэ* — «ширма», *кэмэр* — «пояс», см.: *Март Ю. Н.* Кое-что о Пәһлэван кэчэле и других видах народного театра в Персии. — В кн.: *Иран. Т. 2. Л., 1928, с. 83*) достаточно ясно говорят о ее конструкции.

В архиве Государственного академического центрального театра кукол (да и ГАЦТК) хранится фотография рисунка подобной китайской ширмы (копия иллюстрации из английского журнала начала XX века, к сожалению, без указания источника) а в экспозиции музея ГАЦТК — аналогичная ширма узбекских народных кукольных. Иллюстрация из английского журнала воспроизведена в данной статье (рис. 2, справа).

⁵ *Rehm H. S. Op. cit., S. 75.*

зеленый, синий цвета, резные украшения позолочены, двери-портьеры, ведущие из задней глухой части домика на террасу, и навес-балдахин над террасой сделаны из шелка, расшитого цветами, фигурами зверей и птиц. Такой же шелковый коврик, пристегнутый поверх синего полотна, спускается под террасой на фасад ширмы. На нем вышиты два льва, а между ними — шар.

Действие в этом кукольном театре происходит, таким образом, в яркой нарядной раме, на многоцветном, пестром фоне. Декораций не бывает, но на сцене может оказаться одно или два кресла-шезлонга (они закрепляются у фасадного бортика ширмы), сидя в которых персонажи ведут диалог или произносят монологи (точнее поют арии)⁶. В некоторых пьесах шезлонг служит ложем, кроватью.

Поскольку декорации отсутствуют, место действия определяется словом. Но не только словом. В этой кукольной традиции есть условность, зрительно указывающая на перемену обстановки. Здесь важную роль играют двери-портьеры, ведущие из задней глухой части театра на открытую веранду. Их обязательно две, а иногда и три. Если происходит смена действия, то персонаж выходит из левой от зрителя двери. Покидая место, где разворачивается эпизод, он скрывается в правой от зрителя двери. Если место действия не меняется, а персонаж лишь временно оставляет сцену, то он уходит и возвращается через центральную дверь (выныривать из-за бортика ширмы, как выходили на сцену персонажи русского «Петрушки», в этой традиции не принято, за исключением тех случаев, когда внезапно возникают сверхъестественные существа — различные оборотни, духи и т. п.). Двери используются и для обозначения длинных путешествий: куклы выходят из левой двери, идут вдоль бортиков террасы к правой, скрываются за портьерой, снова выходят из левой и т. д. Чем длиннее путь, тем больше таких «кругов» совершают персонажи (аналогичный прием, символизирующий долгий путь, встречается в тайском и кхмерском театрах резных кожаных картин *нанг яй* и *нанг сбак тхом*).

Перчаточные куклы, появляющиеся на традиционной китайской ширме, отличаются маленьким размером. Величина их головок и длина рук (равная длине пальца актера) точно соответствуют пропорциям человеческого тела. Некоторые куклы дополнительно механизированы: у них могут вращаться глаза, открываться рот, шевелиться пальцы. В музее ГАЦТК хранятся куклы с подвижными глазами и с открывающимся ртом (см. рис. 4); в мюнхенском — с открывающимся ртом, в коллекции американского театроведа М. Малкина — со сгибающимися пальцами (четыре пальца — все, кроме большого, объединены шарниром). На иллюстрациях в альбоме «Кукольный театр мира», изданном Международным союзом кукольников (УНИМА) в 1965 г., есть несколько перчаточных кукол с другими сочетаниями движущихся пальцев⁷. О таком устройстве кукольных рук пишет С. В. Образцов: «...если рука повернута ладонь вверх, все пальцы одинаково вытянуты, но стоит только этой руке... повернуться ладонь вниз, как от собственной тяжести два или три пальца сгибаются и возникает либо характерный для мужских ролей повелительный жест с вытянутым указательным пальцем, либо особый и не менее характерный жест молодых женщин, при котором помимо указательного пальца вытянут еще и мизинец, а средний и безымянный согнуты»⁸. Кроме того, китайские перчаточные куклы способны держать предмет одной рукой (в европейских театрах они обычно берут вещи двумя руками). Для этого кисть кукольной руки изготавливается в виде сжатых в кулак пальцев. Внутри кулака продлевается отверстие-трубочка. В него, когда требуется, вставляют меч, пику, лук, веер, плетку, палку, коромысло — и кукла может фехтовать, стрелять из лука, обмахиваться веером, носить на плече коромысло с тяжестями и т. д.

⁶ Pimpaneau J. Op. cit., p. 86.

⁷ Böhmer G. Op. cit., S. 136 (Bild 117); Malkin M. Op. cit., p. 93; Puppentheater der Welt. B., 1965, Bild. 220, 221.

⁸ Образцов С. В. Указ. раб., с. 261.

Рис. 4. Китайские перчаточные куклы в музее ГАЦТК. Слева — «генерал; грим традиционного амплуа *цзин* («раскрашенное лицо») сочетает красный, черный и белый цвета. Высокий военный ранг выражен формой головного убора, покроем платья; платье — вышивка (имитирующая чешуйчатые железные доспехи) и стилизованный огромный голова льва на животе; судя по преобладанию в лице красного цвета (щеки, подбородок, часть лба), кукла изображает верного, преданного своему государю, и ковождца. В центре — буддийский монах; лицо белое, глаза круглые, подвижные, переносице красное пятно; усы, борода, бакенбарды — серые. (по серому фону их белые крапинки); платье — желтое, с черной окантовкой; на «бритой» голове маленькая синяя шапочка; белый фон лица указывает на коварство этого персонажа. Справа — Чжу Ба-цзе («свинья восьми запретов») — популярный комический персонаж китайского традиционного театра, выступающий в циклах представлений по роману «Путешествия на Запад» одним из трех спутников монаха Сюань-цзана, отправившегося за священными буддийскими сутрами в Индию; голова с пятачком и ушами свиньи, рот открыт, лицо коричневое; покроя платья такой же, как у куклы-монаха, но цвет — фиолетовый, окантовка светлосиняя; на шапке спереди вышит иероглиф, означающий «Будда».

Высота кукол 34—35 см, размах рук — 24 см, у всех трех на ногах башмаки на высокой платформе, все три могут держать в руках разные предметы, так как пальцы согнуты в кулаки, внутри которых имеются трубчатые отверстия; все три в длинных штанах, у всех под верхним платьем надето нижнее. Инвентарные номера: «генерал»

№ 1515, монах — № 1232, Чжу Ба-цзе — № 1231

Чаще всего такое приспособление необходимо для военных персонажей. Есть у китайских перчаточных кукол еще одна особенность: они делаются с ногами (почти во всех остальных традициях у перчаточных кукол ног не бывает, в русском «Петрушке» ноги дополняют фигуру только главного героя).

На китайской ширме рядом с куклами, изображающими персонажей, могут возникать и действовать предметы, как бы материализующие абстрактные понятия. Так, пожелание успешной карьеры выражается появлением на ширме головного убора, копирующего старинный головной убор первого министра китайских императоров. Другой пример — выражение жизненной энергии, магической силы персонажа (или утраты ее). Если нужно показать, что персонаж полон жизненной энергии или что он обладает магической силой, то рядом с куклой по сцене начинают развеваться разноцветные ленты (они прикреплены к палке, которой размахивает стоящий за ширмой кукольник). Если же персонаж теряет жизненную энергию и силы оставляют его, он побежден, ранен, убит, то вокруг куклы вьются черные ленты⁹.

⁹ Pimpaneau J. Op. cit., p. 87.

Китайских перчаточных кукол отличаются от остальных перчаточных кукол мира тщательностью и тонкостью отделки скульптурных деталей и красок. Их головки и платье очень точно имитируют грим и костюм актеров китайской традиционной музыкальной драмы. Французский синолог Жак Пэмпано пишет, что театральные кукол, как правило, делают кукольники, а профессиональные скульпторы, изготавливающие куклы богов¹⁰. Символика грима и костюма китайской музыкальной драмы описана в ряде работ¹¹. Проецируя эти описания на театр кукол, можно сказать, что форма глаз, изгиб бровей, рта, разноцветная орнаментальная раскраска лба, щек, конфигурация и цвет бороды кукол составляют символическую характеристику физических, моральных, магических качеств, отражают биографию персонажа. Например, красный цвет лица выражает верность, преданность, честность, храбрость, мужество, доброту; черный — физическую силу и отвагу, а также усиливает чувства преданности, вплоть до самоотречения, готовности к самопожертвованию; белый свидетельствует о коварстве, вероломстве, лицемерии, корысти, бессердечии и т. д. Китайский писатель Лу Синь приводит несколько традиционных объяснений этой символики: «Люди богатые и знатные бессердечны, заботятся лишь о собственной корысти, от обречения болеют и жиреют, способны на все, потому белый цвет стал символом вероломства. Красный цвет говорит о преданности и мужестве. ... раз мыслей честного и мужественного довольно прост, он легко краснеет. ... Черный цвет выражает величие и силу. Почернееешь, если годы ведешь в боях»¹². Большая густая борода — признак отличного здоровья. Длинную белую бороду носят пожилые герои, длинную черную — герои средних лет. Если у одного из этих персонажей борода разделена на три части, значит перед зрителем утонченный интеллект, ученый, поэт или писатель. Красная или синяя борода определяет магов, владеющих тайнами колдовства, или сверхъестественные существа, принявшие ювеческий облик. Владельцем красной бороды может быть и военный. Маленькая маленькая бородка выделяет комиков. Платье куклы, его полой и цвет, головной убор, украшения, как и в большинстве театральных традиций, выражают социальную характеристику, говорят об общественном положении персонажа в момент появления его на сцене. Существенны дополнительные детали. Например, флажки за спиной обозначают «генерала», павлиньи перья в головном уборе указывают на то, что носитель — чужеземный воин, или повстанец, либо оборотень, принявший человеческий облик; богатую даму отличает от бедной цветок в причешке и т. д.

К сожалению, число китайских традиционных перчаточных кукол, доступных для изучения, крайне ограничено и не позволяет проанализировать особенности формы и цвета кукол детальной.

В европейской литературе одно из первых описаний представления принадлежит русскому писателю и этнографу В. Крестовскому. Путешествуя по Востоку в 70-х гг. прошлого века, он встречал бродячих актеров с ширмами на улицах Макао и Сингапура. То, что они играли, показалось ему очень похожим на кукольную комедию о Петрушке, вплоть до манеры... говорить и испускать комические крики с помощью губной шинки, которую комедиант вкладывает себе в рот». Об уличном представлении в Макао он рассказывает: «Мы сидели втроем на балконе нашей гостиницы, выходящей на набережную, как услышали вдруг удары

¹⁰ Ibid., p. 92.

¹¹ *Arlington L. C. The Chinese Drama. Shanghai, 1930; Arlington L. C., Acton M. M. Famous Chinese Plays. Peiping, 1937; Zung C. L. Secrets of the Chinese Drama. N. Y., 1964 (1-е изд. — 1937); Образцов С. В. Указ. раб.; Lu S. Face Painting in Chinese Opera. Singapore, 1968; Серова С. А. Пекинская музыкальная драма. М., 1970; Юа И. В. Китайский традиционный театр сицуй. М., 1971; Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. М., 1975; Сорокин В. Ф. Китайская классическая драма XIII—XIV вв. М., 1979; и др.*

¹² Лу Синь. Размышления о гриме. — Собр. соч., т. 2. М., 1955, с. 357. В. М. Алексеев слышал от китайцев такое толкование красного цвета: «стыд проходит через кожу, значит есть совесть» (Алексеев В. М. В старом Китае. М., 1958, с. 42).

в небольшой „там-там“... и вслед за тем внизу перед балконом оставались двое китайцев — пожилой и мальчик лет 15-ти, помощник первого. Сгрузив со своих спин два ящика, они расставили четырехстороннюю ширму, затянутые ситцем, и, минуто спустя, на верхнем крае этих ширм появился наш старый знакомец шут Петрушка, только одетый китцем... Происходит трагикомическая история с корейским тигром...; представление с метанием палочек, с воинской муштрой..., с ответом... перед полицейским судьей... На сцене появляется и расфуфыренная красная кукла „Мелитриса“ — не знаю только как она называется по-китайски...

Сейчас, когда на Западе знакомство с репертуаром китайских перчаточных кукол углубилось (китайские кукольные артисты, в прошлом уличные актеры или учившиеся у них, гастролировали по Европе и Америке), в частности, в 1956—1957 и 1960 гг. в Москве, некоторые западные синологи обратили внимание на пьесы перчаточного китайского театра), можно внести поправки в описание В. Крестовского, вернее видение виденных им сцен.

Содержание китайского представления перчаточных кукол не составляет полной аналогии, как показалось В. Крестовскому, русскому представлению «Петрушки», хотя в оба входят похожие сцены, например заглатывание героя каким-нибудь животным с огромной пастью (тигр в китайском театре, собакой — в русском), номера жонглирования, фокусов, танцы. Но если любое русское представление на ширме можно было назвать «комедией о Петрушке», так как все или почти все сцены объединялись одним героем, то китайское состоит из нескольких самостоятельных частей, причем некоторые свободно меняются от представления к представлению. К наиболее стабильной части относятся цирковые номера. В них виртуозно копируются выступления бродячих жонглеров, акробатов, танцоров. Рядом с этими номерами соседствуют комические сценки, фрагменты из популярных пьес традиционного театра живых актеров, или китайской музыкальной драмы, сюжеты которых в свою очередь, заимствуются из хорошо известных в народе романов, преданий, легенд, исторических сказаний. Вот эти-то комические сценки, отрывки из традиционных «опер», обязательно входящие в репертуар перчаточных кукол, и меняются от представления к представлению.

Особенно популярны в Китае циклы пьес, построенные на эпизодах из средневековых романов «Троецарствие», «Речные заводы», «Путешествие на Запад»¹⁴. Какой-нибудь эпизод из этих известных с детства каждому китайцу романов всегда исполнялся на кукольной ширме. Так в музей ГАЦТК попала кукла Чжу Ба-цзе — одно из главных действующих лиц «Путешествия на Запад», фантастическое существо с телом человека и головой свиньи, а во время гастролей китайских кукольных артистов в Москве в 1960 г. была сыграна пьеса «Даминфу» — фрагмент из «Речных заводов» (в ней речь шла о том, как одного из героев должны были казнить в городе Даминфу и как в день казни его друзья под видом бродячих актеров проникли в город и спасли осужденного).

Очень часто исполнялась сцена с тигром. Видел ее в прошлом время В. Крестовский, изображена она на рисунке в книге по истории театра кукол Г. Рэма (1905 г.), показывали ее С. В. Образцову в начале 1950-х годов в Пекине, играли ее в Москве в 1956, 1957, 1960 гг., исполняют, как свидетельствует Ж. Пэмпано, и в наши дни. С. В. Образцов описал виденный им вариант в «Театре китайского народа»:

«Из левой от нас двери задней стороны террасы вышел... пастух. Он заявил, что на горе живет большой тигр, и тут же добавил: „А я не боюсь тигра. Я иду, чтобы его убить“. Появляется тигр и ложится на грудь ширмы. Пастух, по-видимому, не только хвастливый, но еще и глупый».

¹³ Крестовский В. Искусство на крайнем Востоке. — Художественный журнал, 1980, т. 2, с. 264—265.

¹⁴ Все три переведены на русский язык: Ло Гуань-чжун. Троецарствие. М., 1955, т. 1—2; Ши Най-ань. Речные заводы, т. 1—2. М., 1955 (2-е изд., М., 1959); У Чэн-ань. Путешествие на Запад. М., 1959, т. 1—4 (сокращенный пер.: Сунь У-кун — царь обезьян. М., 1982).

тому что, поглядев на тигра, говорит: „это кошка“, — и начинает его жекотать. Голос кукольника предупреждает: „Не дури, не играй с тигром!“ Пастух продолжает жекотать спящего тигра, а потом убегает. Кукольник кричит: „Куда же ты убежал? Значит, ты боишься?“ Пастух является с пикой в руках. „Нет, не боюсь!“ Он тычет пикой прямо в морду тигра и говорит: „Тигр умер. Надо снять с него шкуру и продать. Она очень дорогая“. От радости пастух танцует и поет, а потом, для того чтобы окончательно убедиться в том, что тигр убит, зовет его: „Тигр, тигр!“ Тот не отвечает и не шевелится. „Значит, совсем мертвый. Теперь у нас будет много мяса!“ Тигр вскакивает, раскрывает огромную пасть, проглатывает глупого хвастуна и опять ложится. За ширмой голос: „...Старик, старик!“ На сцене женщина. Она наталкивается на лежащего тигра и пугается, а голос кукольника говорит: „Тигр только что съел твоего старика“. Женщина хватается за пикой, со всего размаха убивает тигра, вытаскивает из мертвой пасти живого перепуганного мужа, ставит его на чем свет стоит и приказывает: „Неси меня домой!“ Старик берет жену на закорки и под ликующие звуки гонга они исчезают в правую от нас дверь»¹⁵.

С. В. Образцов воспринимает эти сценки с чисто европейской точки зрения на кукольный театр, с позиции человека, воспитанного на русском «Петрушке» и привыкшего к тому, что перчаточная кукла предназначена в первую очередь для того, чтобы смешить, забавлять зрителей. Возможно, в современном китайском театре сцена с тигром также воспринимается как комически-бытовая, и кукольник, выступавший перед группой советских артистов, действительно, делал пастуха глупым, хвастливым и слабым, желая лишь развлечь и посмеять зрителей. Но в прошлом — и не таком уж далеком — глубинный смысл этой короткой пьесы был намного серьезней. Он был связан с магией. По древним верованиям китайцев, в кукол могли вселяться духи и наделять их сверхъестественной силой. Следы этой связи сохранились до сих пор на юге Китая и на Тайване: там и сейчас еще крестьяне пров. Гуандун приглашают кукольника (а кукольники входят в местные секты даосов и обучаются магическим тайнам у даосских отшельников) для исполнения пьесы «Чжао Сюаньтань укрощает тигра». Считается, что ее представление устрашает и обращает в бегство злых духов (т. е. крестьяне верят в то, что кукольник магическими заклинаниями приглашает вселиться в куклу какое-то могущественное божество, это божество наводит страх на злых духов, и они разбегаются). Пьесу играют без публики. Ее исполнение необходимо перед въездом в новый дом или после ремонта храма или театрального здания (но открытие нового храма или нового театра требует другой пьесы, название которой откровенно говорит о глубинном смысле представления: «Владыка призраков изгоняет злые силы»). Событийный ряд пьесы «Чжао Сюаньтань укрощает тигра» прост: На ширме-сцене подвешивают кусок настоящего мяса. Из левой двери выходит тигр. Он принюхивается — чувствует лакомый запах, ищет, куда он идет — находит мясо и начинает его пожирать. В это время из правой же левой двери выходит герой пьесы. Увидев тигра, он ловко вскакивает ему на спину и садится верхом, как наездник на лошадь. Тигр рычит, пытается сбросить седока, беснуется — тщетно. Чжао Сюаньтань наваливается на шею тигра красную цепь и, продолжая сидеть на нем верхом, заставляет, пытаясь, уйти со сцены через правую дверь. Действие пьесы исчерпано. Но магическая церемония проходит еще одну стадию. Мясо, которое служило приманкой для тигра, после представления бросают как можно дальше. Если на него накидываются собаки и съедают (что чаще всего и случается), то все в порядке, злые духи разбежались; если же по какой-то причине собаки не съедают мясо, это плохое предзнаменование, следует ждать несчастья.

За исполнение экзотической пьесы кукольнику платят вдвое больше, чем за обычное представление.

¹⁵ Обращение С. В. Указ. раб., с. 257—258.

Сценку с тигром, исполняемую с магическими целями, видел Ж. Пэпано. Правда, ее разыгрывали тростевые куклы. Однако, учитывая, что репертуар китайского театра почти всегда и всюду был общим для всех видов представлений и что часто один и тот же кукольник работал и перчаточными и с тростевыми куклами (как, в частности, актер, выступавший перед С. В. Образцовым), не будет большой натяжкой предположить, что и в театре перчаточной куклы пьеса с тигром в прошлом была чисто развлекательной и что в этом одна из причин ее прочного положения в репертуаре перчаточных кукол. Но если магический смысл уже ушел из представлений перчаточных кукол, то связь с религиозными обрядами выступает кое-где на окраинах Китая и главным образом на Тайване, где работает много потомственных кукольников, переселившиеся сюда из разных провинций Китая, представлению перчаточных кукол может предшествовать умиловительный пролог, обращенный к богам счастья, богатства, долголетия. Обычно такой пролог предваряет пьесы, которые показывают в частном доме во время празднования какого-нибудь важного семейного события (свадьбы, рождения, юбилея и т. п.). В прологе выступают куклы, изображающие богов, и в символической форме выражается просьба к ним лица, пригласившего кукольника (именно здесь появляется на сцене головной убор первого министра как символ успешной карьеры)¹⁶.

Традиционное представление перчаточных кукол длилось не более получаса, его короткие пьесы и номера шли по несколько минут. Пекинские актеры показывали, как правило, четыре «серьезных» отрывка из репертуара классической музыкальной драмы и четыре юмористические или пантомимические сценки. Героем коротких комедийных пьес часто выступал Молодой Ван (например: «Ван убивает тигра», «Ван отправляется в столицу сдавать экзамены на государственного чиновника», «Ван женится», «Ван напивается», «Ван продает соевые тянучки и т. д.)¹⁷. Происходило представление на улице, среди толпы прохожих или во дворе частного дома, куда актера приглашали, предварительно договорившись о пьесах и плате. Поводами для домашних спектаклей, как уже говорилось, служили разные праздники: свадьба, рождение, годовщина, повышение в чине и др. Иногда кукольник во время представления «округлял» оговоренную сумму, обращаясь к публике от имени одного из персонажей. Молодой Ван, например, мог сказать, что он собирается в столицу сдавать экзамены, но ему не хватает денег на дорогу — и кукла, изображающая Вана, протягивала к зрителям маленькую чашку для пожертвований¹⁸.

Пекинская труппа состояла из одного человека. В других областях Китая она могла быть и больше. В провинции Фуцзянь, например, кукольники работали парами (владелец театра и его помощник), их сопровождали музыканты, которых могло быть до пяти человек. В первом случае, т. е. в пекинской традиции, кукольник сам создавал музыкальный аккомпанемент, ударяя ногой в установленный внутри ширмы гонимый. Во втором, т. е. в традиции провинции Фуцзянь, где в состав оркестра входили не только ударные, но и струнные и духовые инструменты, музыкальное сопровождение было сложнее и разнообразнее. Почти каждый музыкант играл на нескольких инструментах, меняя их в зависимости от характера сцены. Главный музыкант играл на барабане и на двух длинных деревянных трещотках. Он определял ритмы. Следующий по важности место занимал флейтист, ведущий все мелодии и аккомпанирующий актерам, поющим арии. Был еще музыкант, играющий на барабане большого размера — он сопровождал сцены боев; этот же музыкант аккомпанировал пению на двухструнном инструменте. Один музыкантов попеременно играл то на духовых инструментах, то на т

¹⁶ Pimpaneau J. Op. cit., p. 21, 24, 86—87.

¹⁷ Ibid., p. 9, 83.

¹⁸ Ibid., p. 83.

взаимой «гитаре» в форме луны». Он также аккомпанировал исполнителей. Остальные двое музыкантов играли на гонгах и цимбалах, которыми в которые отмечали все движения кукол¹⁹.

Разделение на кукловода и рассказчика в китайском театре не существует. Актер и управляет куклами, и говорит за них. Кукольники всегда находятся внутри ширмы, создавая иллюзию самостоятельной жизни куклы (в отличие, например, от индийского театра перчаточных кукол, где представление в большинстве случаев дают без ширмы, управляя куклой открытым способом, и где существует разделение на кукловода, координирующего кукол, и сказителя, только говорящего о перчатках или за них)²⁰.

Перчаточный театр называют в Китае по-разному. Наиболее распространенный термин — *будайси* (театр в мешке, мешочный театр: *будай* — «мешок», *си* — «представление», «игра»). В Пекине его часто называют *лиуцзы* (дословного перевода на европейские языки нет, в словарях не дается). Ж. Пэмпано и М. Малкин приводят еще несколько названий. *Шоутао куйлэй* (перчаточная кукла: *шоутао* — «перчатка», *лэй* — «кукла». *Даньцзыси* (театр на коромысле: *дань* — «коромысло», термин отражает способ транспортировки: кукольник носит свое искусство в мешке и корзине, подвешенных к концам шеста, лежащего на плече как коромысло; во время представления этот шест служит опорой возвышающегося над ширмой домика-сцены). *Сяолун* (маленькая корзина: *сяо* — «маленький», *лун* — «корзина»; термин возник, поэтому, из противопоставления театра кукол театру живых актеров, носивших имущество в больших корзинах *далун*). *Чжанчжунси* (театр ладони). *Шоуто цзинси* (ручной столичный театр, пекинская опера на ладони: *шоу* — «рука», *то* — «тянуть», *цзинси* — «пекинская опера»). Широкий набор терминов, обозначающих театр перчаточных кукол, связан, очевидно, с его региональными разновидностями.

Профессия актера перчаточного театра требует очень больших навыков и умения. Это отразилось в поговорке китайских кукольников: «свете есть 360 профессий, но нет труднее профессии будайси»²². Чтобы овладеть ею, кукольник проходил несколько стадий обучения. Сначала усваивал традиционные приемы кукловождения, потом — искусство пения²³.

В школе кукловождения выделяется несколько этапов тренировки актера. Первый — это тренировка рук (без куклы). Нужно научиться держать руки вытянутыми вверх не менее получаса без опора, без вертикального движения (кукла в представлении должна оставаться на одном уровне, как если бы стояла на твердом полу). Затем актер осваивает сложные движения пальцев и кисти, необходимые для «жизни» и выразительного управления куклой. Далее ученик надевает перчатку на руку и практикуется держать ее так, чтобы она не казалась горбатой, чтобы ее голова и корпус всегда находились в нормальном для человеческого тела положении (голова не должна неестественно отклоняться назад, вперед, в стороны). И только после этого переходят к технике жестов и движения куклы в сценическом пространстве. Кукольник овладевает приемами, позволяющими делать очень «живые» и разнообразные движения, овладевает техникой разных типов походки, предписанной традицией куклам — исполнителям разных ролей. Но главное правило, которому его учат: жест, движение куклы не может быть бесцельным,

¹⁹ Ibid., p. 83, 86. О китайских музыкальных инструментах и их названиях см.: Г. Г. Музыкантская культура Китая. М., 1952, с. 31—49.

²⁰ Contractor M. *Glove Puppets of India*. — Marg (Bombay), 1963, v. 21, № 3 (June), p. 19; Parmar Shyam. *Traditional Folk Media in India*. New-Delhi, 1975, p. 41—42; B. The Traditional Puppets of India. Moscow, 1962 (рукопись из архива музея).

²¹ Потабенко С. И. Кукольный театр. — В кн.: Бабкина М. П., Потабенко С. И. Кукольный театр Индии. М., 1964, с. 152—153; Куклы и маски в индийском театре. — М., 1979, № 2, с. 25—26.

²² Malkin M. Op. cit., p. 96, 97; Pimpaneau J. Op. cit., p. 83, 87, 161.

²³ Malkin M. Op. cit., p. 97.

²⁴ Ibidem.

ничего не значащим или неточным, «смазанным», непонятным зритель. Любое движение должно, во-первых, иметь смысл, во-вторых, ясно передавать. Жест не должен быть размашистым, ему надлежит быть сдержанным и точным, целенаправленным, выражать настроение, стояние, намерение персонажа, или очень определенно изображать физическое действие. Например, в одной из пьес (эпизод из «Троецарствия» кукольный персонаж проникает в палатку генерала, чтобы получить важное письмо; кукла, крадучись, замирая и прислушиваясь при каждом движении, ползет по ширме, медленно приближается к кровати, на которой лежит генерал — останавливается у кровати — прислушивается, генерал храпит — похититель вытирает со лба пот — осторожно вытаскивает из-под головы спящего письмо — зажигает свечу — читает письмо — гасит свечу — оглядывается на генерала — убедившись, что тот продолжает спать, снова ползком выбирается из палатки)²⁴.

Ученик овладевает языком жеста в течение нескольких лет, к концу обучения он усваивает множество приемов, придающих маленьким тайским перчаточным куклам необыкновенную живость и выразительность.

Пластический язык китайских перчаточных кукол очень разнообразен. У персонажей разных амплуа разные походки, они смеются из лука, сражаются (с пикой, мечом или щитом в руках), фехтуют плеткой, обмахиваются веером, носят коромысло с тяжелой куклой, жонглируют разными предметами, танцуют, после тяжелой работы или сражения — учащенно дышат, если грустно — глубоко вздыхают, если спят — храпят, если жарко — вытирают пот и т. д. Кукольный персонаж может смешно и очень похоже на живого человека, ловить блоху на своей лапе. Разрабатывающий план сражения полководец сосредоточенно расхаживает по сцене, заложив руки за спину (так как пальцы человеческой руки не могут выгибаться назад, то актер незаметно переключает куклу на своей руке задом наперед).

Если взять программу гастролей китайских кукольников в Москву, то один лишь перечень действующих лиц пьесы «Даминфу» раскрывает приемы театра будайси, необходимость виртуозной техники для их исполнения. Среди освободителей героя, проникших в город врагов под видом бродячих актеров, называются: борцы (один с копьем, другой с щитом), жонглер с барабаном, жонглер с гонгом, жонглер с горшочком, шаром, жонглер с тарелкой, жонглер с кувшином, жонглер с бронзовой палкой, стрелок из лука, танцоры со львом и цветным мячом²⁵. Актер образом китайский актер показывает цирковые номера в театре будайси очень хорошо и подробно рассказал С. В. Образцов. Поэтому еще обратимся к его книге:

«...На террасу вышли две маленькие фигурки, а голос из-за ширмы сказал... „Пойте, чтобы было весело!“ Фигурки запели высоким фальцетом... Одна из кукол скрылась в дверь и сразу же вернулась обремененная фарфоровую тарелочку. Продолжая петь, куклы стали перебирать принесенную тарелочку друг другу...»

Естественно, что маленькие жонглеры на кукольной террасе перебирали тарелку не так, как делали бы это люди, а по кукольному, держа ее обеими руками, но зато с такой поразительной быстротой и точностью, что мы начали аплодировать. Голос из-за ширмы сказал: „Танцоры аплодируют, поклонитесь!“. Жонглеры раскланялись, но голос начал их упрекать: „Перекидывать тарелку — это еще не очень смешно, но поставить на голову!“ Один жонглер, вернее, жонглерша... „старшая сестра“, начал ставить тарелку на голову своему брату, сохраняя при этом, как все куклы в мире, сосредоточенную серьезность. Тарелка скальзывала, а голос приговаривал: „Это очень трудно сделать. Ты не можешь вертеть тарелку на голове“. И действительно, это очень трудно, тем более что голова-то ведь маленькая, кукольная, а не человеческая. И все же тарелка вертелась замечательно. Мы хохотали, а голос все не

²⁴ Pimpraneau J. Op. cit., p. 84—85.

²⁵ Архив музея ГАЦК.

ся: „Это еще недостаточно весело! Надо придумать еще что-нибудь!“ Маленькие жонглеры старательно придумывали все новые и новые трюки. „Старшая сестра“ поставила на голову партнера палку, на палку — елку и, ловко ударяя по бортику, закрутила с такой силой, что тарелка стала вертеться так же быстро, как вертится она у настоящих бродячих артистов, показывающих традиционное для Китая жонглирование елками на длинных бамбуковых палках.

Мы продолжаем хохотать и аплодируем, но голос актера утверждает, с его точки зрения, это все еще недостаточно весело. Палка неожиданно удлинняется, и тарелка поднимается вдвое выше. Так уже не бывающих жонглеров, так может быть только у кукольных. Тарелка падает, а маленькие жонглеры весело поют: „Я был в Шанхае“. „Старшая сестра“, задрала голову, смотрит, как высоко поднялась тарелка, и ли с испугу, то ли от озорства подпрыгивает и бьет по ней сверху. Удара палка почти до конца входит в голову жонглера, и несчастный начинает кричать: „Вытащи ее из головы!“ Кукольник спокойно отвечает: „Это очень трудно сделать!“ — и начинает крутить на палке беспорядочную фигурку, тем самым разоблачая трюк, состоящий в том, что палка, которая якобы стояла на кукольной голове, фактически была пропущена сквозь всю куклу»²⁶.

Усвоив технику кукловогождения, ученик переходит к овладению искусством речи и пения. Здесь важно отметить, что в театре перчаточных кукол строго соблюдаются каноны китайской музыкальной драмы, а в ней предусматривается разделение актеров на амплуа. Основных амплуа четыре, но каждое подразделяется на большое количество субамплуа (так, например, ведущий пекинской музыкальной драмы С. Серова называет 24 амплуа). Каждому субамплуа предписана особая манера произношения текста, некоторым — сложная вокальная техника исполнения арий. Китайский актер традиционной музыкальной драмы всю жизнь исполнял только одного определенного субамплуа. Трудность профессии кукольника в том, что он обязан владеть речевой и вокальной техникой всех амплуа, так как он один говорит и поет за всех действующих лиц. Кроме того, он должен научиться мгновенно менять голос, переходя от речи одного персонажа к речи другого. Правда, М. Малкин называет меньшее количество обязательных в профессии будайси амплуа — пять (он описывает их в европейской терминологии): белобородый старик, пожилой герой, молодой человек, молодая девушка, благородный молодой человек, военный герой, пожилая героиня, старуха (комическая), ребенок²⁷.

О китайском традиционном театре перчаточной куклы собрано мало сведений. За редким исключением (к которому относятся исследование Пэмано и рассказ С. Образцова) о нем упоминали мимоходом. Даже китайские авторы, насколько мне известно, не посвятили ему специальных работ. Возможно, это уже невосполнимый пробел. Но, так как для истории театра китайская разновидность перчаточной куклы представляет большой интерес, то имело, как мне кажется, смысл собрать и обобщить разбросанные в разных местах крупинки описаний.

²⁶Образцов С. В. Указ. раб., с. 255—257.
²⁷Malkin M. Op. cit., p. 97.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ

доктора исторических наук, профессора

Е. П. БУСЫГИНА

(К 70-летию со дня рождения)

- Этнографический музей Казанского государственного университета — Советская этнография (далее — СЭ), 1948, № 1, с. 222—225 (в соавт. с Воробьевым Н. И. и Юсуповым Г. В.).
- Этнографические наблюдения И. М. Симонова на островах Тихого Океана. — Изв. ВУЗов, т. 81, в. 5. 1949, с. 497—504 (в соавт. с Воробьевым Н. И. и Юсуповым Г. В.).
- К вопросу изучения русского населения ТАССР — Ученые записки Казанского университета (далее — УЗ КГУ), 1953, т. 113, кн. 2, с. 89—97.
- Поселения и жилища русского сельского населения Татарской АССР. — СЭ, 1953, № 3, с. 53—75.
- Китайские коллекции в музеях Казани. — СЭ, 1954, № 2, с. 169—171 (в соавт. с Воробьевым Н. И.).
- Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья. — СЭ, 1954, № 3, с. 100—106.
- Рец. на кн.: Воробьев Н. И. Казанские татары. 1953. — Совет эдабияты, 1954, № 1, с. 120—125.
- К вопросу формирования русского населения Татарской АССР. — УЗ КГУ, 1955, т. 113, кн. 2, с. 127—146.
- Одежда русского населения Татарской АССР. — Там же, с. 147—166.
- Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья в 1954 г. — СЭ, 1955, № 4, с. 131—134.
- Этнографическое изучение русского населения южных районов Среднего Поволжья. — УЗ КГУ, 1955, т. 115, кн. 10.
- Куйбышевский гидроузел и его влияние на развитие народного хозяйства Татарской АССР. Казань. 1956. 30 с. (в соавт. с Кринари А. И.).
- К вопросу этнографического районирования русского населения Среднего Поволжья. — УЗ КГУ, 1956, т. 116, кн. 5, с. 240—243.
- Жилище и постройки русского сельского населения во вновь перенесенных селах Среднего Поволжья. — УЗ КГУ, 1957, т. 117, кн. 2, с. 159—163.
- Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья. — УЗ КГУ, 1957, т. 117, кн. 4, с. 353—357.
- Одежда русского населения северной части Среднего Поволжья. — УЗ КГУ, 1957, т. 117, кн. 9, с. 358—362 (в соавт. с Зориным Н. В.).
- Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья. — СЭ, 1957, № 2, с. 164—168 (в соавт. с Воробьевым Н. И.).
- Тувинские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета. — СЭ, 1957, № 3, с. 164—167 (в соавт. с Воробьевым Н. И. и Зориным Н. В.).
- Большая Волга в Татарии. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 36 с. (в соавт. с Кринари А. И.).
- Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем. — Казань, 1957. 44 с. (в соавт. с Воробьевым Н. И.).
- Этнографический музей Казанского университета. Путеводитель. Казань, 1957. 22 с. (в соавт. с Воробьевым Н. И. и Зориным Н. В.).

- ские коллекции в Этнографическом музее Казанского университета.— СЭ, 1958, № 5, с. 107—112 (в соавт. с Зориным Н. В.).
- ографические исследования материальной культуры русского населения восточных районов Среднего Поволжья.— СЭ, 1959, № 2, с. 134—145.
- ика ведения сельского хозяйства у русского населения Среднего Поволжья до революции.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР, в. XXXII, 1959, с. 61—73.
- арктида и ее исследование советскими учеными. Казань, 1959. 52 с. (в соавт. с Архиповым В. М.).
- ографическая карта Татарской АССР.— В кн.: История Татарской АССР. Т. 2. Казань, 1960.
- кое население Чувашской АССР. Чебоксары, 1960. 216 с. (в соавт. с Зориным Н. В.).
- на кн.: А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвиркина. Хозяйство и быт русских крестьян. М., 1959.— СЭ, 1960, № 5, с. 155—157.
- ая этнография (Курс лекций, прочитанных в Ханойском университете). Ханой, 1961. 432 с. (на вьетн. яз.).
- вные задачи этнографического изучения Вьетнама.— Народность, 1961, № 22, с. 32—35 (на вьетн. яз.).
- рафические экспедиции Ханойского университета.— Родина, Ханой, 1961, № 3 (на вьетн. яз.).
- на кн.: Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М., 1960.— СЭ, 1962, № 4, с. 207—210.
- оживления русских с народами Поволжья (по этнографическим материалам).— Тр. Об-ва археологии, истории и этнографии, т. I, 1963, с. 56—64.
- торые вопросы развития жилищ и поселений в правобережных районах Татарской АССР.— В кн.: Вопросы географии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964, с. 55—72 (в соавт. с Зориным Н. В.).
- на кн.: Исследования по материальной культуре мордовского народа. Тр. Мордовской этнографической экспедиции, II.— СЭ, 1965, № 1, с. 175—178 (в соавт. с Воробьевым Н. И.).
- д: Итоговая научная конференция КГУ (Краткое содержание докладов). Казань, 1965, статьи: Русское сельское население Казанской губернии по «Ведомости о наместничестве Казанском», с. 34—36 (в соавт. с Зориным Н. В.); Этнографические исследования в Закамских районах ТАССР летом 1964 г., с. 38—39 (в соавт. с Зориным Н. В.); Использование счетных машин при обработке этнографических материалов, с. 39—40 (в соавт. с Бусыгиным А. Е., Зориным Н. В., Симоновым А. Г.).
- кое население Среднего Поволжья (историко-этнографическое исследование материальной культуры). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966. 403 с.
- а: Географический сборник. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1966, статьи: Формы связи дома с надворными постройками как исторический источник, с. 140—142 (в соавт. с Зориным Н. В.); Вытная земельная община в Казанской губернии XIX в., с. 142—143 (в соавт. с Шамрай Г. Ф.); Изменение функций сельских населенных пунктов (на примере села Тюлячи Татарской АССР), с. 143—145 (в соавт. с Зориным Н. В.).
- а: Географический сборник. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1967, статьи: Материальная культура русского населения западных районов Башкирской АССР, с. 108—126; Русское население Закамских районов Татарской АССР, с. 127—139 (обе в соавт. с Зориным Н. В.).
- а: Русские. Историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967. Карты: 18—32, 34, 35 (в соавт. с Бломквист Е. Э., Ганцкой О. А., Салманович М. Я., Станюкович Т. В., Чижиковой Л. Н.).
- а: Вопросы этнографии и экономической географии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968, статьи: Русские ясные крестьяне Казанской губернии, с. 3—10; Социалистические преобразования культуры и быта русского населения Среднего Поволжья, с. 11—19 (в соавт. с Зориным Н. В., Кучерявенко Н. Н., Симоновым А. Г.).
- на кн.: Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., 1967.— СЭ, 1968, № 1, с. 161—165.

- Changes in the Settlements and Dwellings amongst the Russian Rural Population in the Middle Volga Basin (Povolzh'ye) During the Post-war Period. М.: Наука, 1968. 1 (в соавт. с Зориным Н. В.). Перепечатано: Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. V. II. Tokyo, 1968, p. 48—50.
- Рец. на кн.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. — СЭ, 1969, № 3, с. 171—178 (в соавт. с Халиковым А. Х.).
- Методическое руководство по сбору материалов для написания курсовых и дипломных работ по географии расселения и этнографии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968, 49 с. (в соавт. с Зориным Н. В.).
- Структура русской сельской семьи на территории Марийской АССР. — В кн.: Географический сборник. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969, с. 131—138 (в соавт. с Зориным Н. В. и Зориной Л. И.).
- Среднее Поволжье и Приуралье (Казанская, Симбирская, Самарская, Уфимская, Оренбургская губернии). — В кн.: Крестьянская одежда населения Европы России. М.: Сов. Россия, 1971, с. 194—231.
- Рец. на кн.: История Татарской АССР. — Коммунист Татарии, 1970, № 11, с. 62—63 (в соавт. с Булатовым М.).
- Рец. на кн.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969. — СЭ, 1971, № 3, с. 144—151.
- В кн.: Структура населения и городов Татарии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970, с. 1—14 (статья: Общественная жизнь русского сельского населения в правобережных районах ТАССР, с. 4—14 (в соавт. с Зориным Н. В., Кучерявенко Н. Н.); Структура русской сельской семьи в Татарской, Чувашской и Марийской АССР, с. 21—27 (в соавт. с Зориным Н. В.); Расселение русских в Предволжье Татарской АССР, с. 15—20 (в соавт. с Зориным Н. В., Кучерявенко Н. Н.)).
- Декоративное оформление русского сельского жилища в Татарской АССР. — В кн.: Физическая география и геоморфология Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1972, с. 120—124.
- Общественный и семейный быт русского сельского населения Среднего Поволжья (Историко-этнографическое исследование, середина XIX — начало XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1973. 165 с. (в соавт. с Зориным Н. В., Михайличенко Е. И.).
- Международные семьи в национальных республиках Среднего Поволжья. М.: Наука, 1973. 14 с. [Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, сентябрь, 1973 г.] (в соавт. с Зориным Н. В.). Перепечатано: Perspectives on Ethnicity. P.: Mouton publishers, 1978, p. 165—178. Ethnologia slavica. Bratislava, 1974, t. VI, s. 71—88.
- Декоративное оформление русского сельского жилища в Чувашской и Татарской АССР. — СЭ, 1974, № 3, с. 96—103 (в соавт. с Зориным Н. В.).
- Рец. на кн.: Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. — СЭ, 1974, № 4, с. 176—177 (в соавт. с Халиковым А. Х.).
- Отв. ред. кн.: Сенева Г. А. Восточные марийцы. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.). Йошкар-Ола, Марийское кн. изд-во, 1975. 245 с.
- В кн.: Очерки статистической этнографии, Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976, с. 3—27 (в соавт. с Зориным Н. В.) Современная общественная и культурная жизнь русского сельского населения правобережных районов ТАССР, с. 85—95 (в соавт. с Кучерявенко Н. Н.); Областные газеты первого десятилетия Советской власти как этнографический источник, с. 107—123 (в соавт. с Зориным Н. В., Михайличенко Е. В.); Интерьер русского сельского жилища на территории Закамских районов ТАССР, с. 168—176 (в соавт. с Зориным Н. В., Токсубаевой Л. С.); Одежда русского сельского населения Ульяновской области, с. 177—191 (в соавт. с Балиной Л. П.).
- Ред. кн. (совместно с Кашафутдиновым Р. Г.): Очерки статистической географии. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976, 191 с.
- Отв. ред. кн.: Мухаметшин Ю. Г. Татары-кряшены. М.: Наука, 1977. 183 с.
- Ethnocultural Processes in the Middle Volga Region. — In: General Problems of Ethnography. Papers by Soviet Researchers. М., 1978, p. 41—53.
- Современные направления научных исследований в Казанском университете. Раздел «Этнография». — В кн.: Казанский университет. 1804—1979. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979, с. 221—223.

- графический музей Казанского университета.— В кн.: Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980, с. 3—28 (в соавт. с Зориным Н. В., Кашафутдиновым Р. Г.).
1. Кн. (совместно с Кашафутдиновым Р. Г.): Вопросы этнографии Среднего Поволжья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 118 с.
2. Сельская семья Чувашской АССР (историко-этнографическое исследование). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. 192 с. (в соавт. с Зориным Н. В., Зориной Л. И.).
3. Национальная семья: тенденции развития.— Коммунист Татарии, 1981, № 2, с. 88—92 (в соавт. с Столяровой Г. Р.).
4. ред. кн.: *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1981. 199 с.
5. of Life of Inter-Ethnic Families. Trends in their Shaping and Development.— В кн.: II Конгресс Международного общества европейской этнологии и фольклора. Суздаль, 1982. М., 1982, с. 91—93 (в соавт. с Зориным Н. В., Столяровой Г. Р.).
6. иство и материальная культура русского населения Ульяновского Поволжья (конец XIX — начало XX в.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 88 с. (в соавт. с Зориным Н. В., Шабалиной Л. П.).
7. алистический быт: общее и национально-особенное.— Коммунист Татарии, 1983, № 1, с. 84—89 (в соавт. с Столяровой Г. Р.).
8. графия русского крестьянства Сибири (обзор работ).— СЭ, 1983, № 6, с. 136—141.
9. графия народов Среднего Поволжья. Учебное пособие. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984. 97 с. (в соавт. с Зориным Н. В.).

VI МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ПО ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Если внимательно приглядеться к тенденциям, определяющим магистральные направления развития того или иного нового научного направления, то можно обнаружить, что характеризуются двумя прямо противоположными явлениями: стремлением к автономии за счет выделения новых исследовательских зон, а также стремлением к интеграции за счет междисциплинарных направлений, возникающих на стыке традиционных наук.

Формирование предметной области современной прикладной лингвистики, ее методического, понятийно-терминологического аппарата, средств, целей и перспектив развития достаточно наглядно проявляется на конгрессах, проводимых Международной ассоциацией по прикладной лингвистике (l'Association Internationale de Linguistique Appliquée — далее АИЛА).

Очередной, VII Международный конгресс по прикладной лингвистике (МКПЛ) подготовленный и организованный АИЛА и ее Бельгийской национальной ассоциацией проходил с 5 по 10 августа 1984 г. в Бельгии в Брюссельском фламандском университете. В нем приняло участие более тысячи ученых, представляющих научные учреждения и учебные заведения из нескольких десятков стран, по существу всех континентов.

Советская делегация была представлена на конгрессе тремя делегатами: заведующим Сектором социальной лингвистики Ин-та востоковедения АН СССР Л. Б. Нарский, ученым секретарем Отделения языка и литературы АН СССР В. П. Нерозов и ученым секретарем Научного совета по национальным проблемам Президиума АН СССР М. Н. Губогло (руководитель делегации).

Главная тема конгресса — «Вклад прикладной лингвистики в межнациональное и международное взаимопонимание» — являлась логическим продолжением тех научных задач, которые характеризовали прикладную лингвистику и цели АИЛА с самого начала ее существования. Следует отметить, однако, что добиться должного единства в понимании предметной области прикладной лингвистики и в определении ее границ как выявила работа VII МКПЛ, до сих пор не удалось.

I конгресс АИЛА проходил в октябре 1964 г. (Нанси, Франция), II — в 1966 г. (Кембридж, Великобритания), III — в 1972 г. (Копенгаген, Дания), IV — в 1974 г. (Штутгарт, ФРГ), V — в 1978 г. (Монреаль, Канада), VI — в 1981 г. (Лунд, Швеция).

Становлению АИЛА, в том числе истории международных конгрессов, анализ программ и содержания основных докладов на пленарном заседании VII МКПЛ посвящен специальный доклад, подготовленный Франческо Гомес де Матосом (Бразилия) ¹.

О возрастании интереса к проблемам прикладной лингвистики красноречиво свидетельствуют, в частности, как формальная, так и содержательная стороны динамики: 1) рост числа членов АИЛА, включая официальные организации — ассоциации, комитеты, научные советы, комиссии, группы; 2) расширение социолингвистической и психолингвистической тематики, обсуждаемой на пленарных заседаниях конгрессов; 3) постоянное увеличение числа секций, симпозиумов, круглых столов, включаемых в программу конгрессов; 4) расширение географии прикладной лингвистики, в том числе рост численности специалистов из разных стран, вовлекаемых в работу конгрессов.

¹ Gomes de Matos F. 20 years of Applied Linguistics. AILA Congresses 1964—1984. In: AILA Brussels 84. Proceedings/Ed. Jan den Haese, Nivette Jos. V. 1: Sections 1-4. Brussels, 1985.

Если, например, на I конгрессе, в Нанси, 90% докладов были подготовлены учеными из европейских стран, то на VII конгрессе были представлены ученые со всех континентов; 5) смещение акцента с узкоприкладных, политически нейтральных проблем на рассмотрение идеологически острых тем.

Весьма ощутимый импульс внедрению проблем двуязычия в предметную область прикладной лингвистики дал, в частности, V Международный конгресс (1978 г., Монреаль). Это вполне закономерно, так как в числе активных организаторов самого этого конгресса был Международный центр исследований по билингвизму (Квебек, Канада), опубликовавший вместе с журналом «Язык и речевое поведение» не только двухтомник трудов конгресса, но и детально расписанную двуязычную программу конгресса на 210 страницах². В программе последующих конгрессов проблематика по двуязычию стала стабильной. Так, например, среди докладов VI конгресса, посвященных проблемам двуязычия³, наибольшее внимание было уделено условиям и факторам сохранения утраты родного языка у различных групп иммигрантов в разных странах, в том числе японцев и немцев в Бразилии, итальянцев, греков, немцев, поляков, датчан в Австралии, финнов и шведов в Канаде, китайцев в Англии, немцев в Брюсселе, евреев, приехавших в Израиль из англоязычных стран, лиц югославского происхождения в Швеции и т. д. Наряду с этим условно именуемым географическим аспектом двуязычия иммигрантов рассматривались проблемы соотношения этничности и родного языка на примере японцев в Бразилии, индейцев в некоторых штатах США, отдельных групп иммигрантов, приехавших в Данию в послевоенный период.

Теоретические аспекты различных форм становления и бытования двуязычия раскрывались в докладах, посвященных двуязычию детей и билингвизму взрослых иммигрантов и их детей, роли школы с преподаванием национальных языков в сохранении родных языков иммигрантов, роли демографических, экологических и социокультурных факторов в формировании двуязычия в Канаде, читательской активности двуязычных канадцев английского и французского происхождения, роли билингвизма в развитии личности. Наряду с социальными аспектами двуязычия затрагивались проблемы языковой интерференции при активном и пассивном двуязычии.

Вместе с тем уже на VI конгрессе проявились некоторая неуверенность, а также крайности в определении границ, функций и целей прикладной лингвистики. По мнению одних участников этого конгресса, возможности прикладной лингвистики поистине беспредельны. Сторонники другой точки зрения отмечали, что сами специалисты еще не в полной мере представляют себе границы продуктивного применения научных идей и теоретических разработок в этой отрасли знания. И соответственно при определении содержания самой науки дальше простого перечисления сфер применения прикладной лингвистики — в школах, судопроизводстве, центрах переводов, компьютеризации отдельных отраслей науки и т. д. — дело не продвигается. Между тем нельзя не обратить внимания на то, что развитие предметной области прикладной лингвистики вширь все же дало свои положительные результаты. Уже сам факт проведения VI конгресса AILA под девизом «Язык и общество», а VII — под девизом «Вклад прикладной лингвистики в межнациональное и международное взаимопонимание» красноречиво свидетельствует об очень важной тенденции: в прикладной лингвистике открываются все новые и новые конкретные задачи по изучению социально окрашенных этноязыковых явлений, в том числе коммуникативных потребностей индивидов и групп в самых различных социально-культурных контекстах, в обществах с неодинаковой социально-классовой и социально-профессиональной структурой. Нельзя, однако, не заметить, что эта тенденция пробивается скорее подспудно, неосознанно, чем по заранее продуманному плану. Усиление внимания к социальным вопросам в прикладной лингвистике вызвано реальными потребностями различных групп населения в сфере языковой жизни. И не только в языковой, так как многие социальные потребности нередко проявляются в языковых интересах и в форме тех или иных притязаний на то или иное функциональное развитие и взаимодействие языков. С этой точки зрения, вполне закономерно было появление в программе предыдущего, VI конгресса в Лунде специальной

² Proceedings of the Fifth Congress of l'Association Internationale de Linguistique Appliquee (далее AILA), International Center for Research on Bilingualism. Qubec, 1981; Language and Language Behaviour Abstracts, 1978, v. 12, № 3, August; Abstracts of Papers Presented at the 5th International Congress of Applied Linguistics. Montréal, August, 1978, 20—26.

³ AILA 81. Proceedings 1. Sections and Workshops/Ed. Sigurd B., Svartvik Jan. Lund, 1981, p. 484—534.

секции — «Двуязычие и языковые проблемы иммигрантов». Необходимость постановки такого вопроса, детального и тщательного обсуждения его была продиктована моей жизнью, и в частности потребностью, возникшей перед рядом европейских государств, оперативно решать проблемы по ускоренной адаптации групп иммигрантского населения, численность которых стала заметно расти в 60—70-е годы.

VII Международный конгресс по прикладной лингвистике еще раз убедительно продемонстрировал тенденцию к расширению зоны исследовательских интересов за счет увеличения удельного веса актуальной в идеологическом и политологическом отношении тематики. Показателен тот факт, что на этом конгрессе работа шести секций из 36 была посвящена языковым проблемам развивающихся стран. С докладом выступили, в частности, ученые из Алжира, Индии, Индонезии, Сьерра Леоне, Судана, Заира, Нигерии, Шри-Ланки, Танзании, Туниса, Малайзии, Ливана и некоторых других развивающихся стран⁴.

Одно из ведущих мест на VII конгрессе АИЛА заняла социолингвистическая тематика, представленная почти 200 докладами.

В отличие от программы VI конгресса, где три секции с непосредственно социолингвистической тематикой как бы завершали перечень названий 14 секций, на VII конгрессе, напротив, 13 секций с социолингвистической тематикой служили как бы прелюдией к остальным проблемам конгресса, рассматриваемым его участниками в рамках 36 секций. Более того. Весьма высоким был удельный вес социолингвистической проблематики, в том числе проблем двуязычия, в работе 37 специализированных симпозиумов. Так, например, среди всех опубликованных тезисов доля включенных симпозиумов по социолингвистике составляла одну треть.

Особый интерес вызвали доклады, включенные в программу симпозиумов «Языковое образование в многоязычном окружении», «Язык для специфических целей», «Обучение на родном языке», «Социолингвистика». Ряд докладов на последнем симпозиуме был посвящен использованию социокультурных моделей в организации работы образовательной системы в условиях интенсивных контактов между различными культурами. Сравнительному анализу обучения второму языку на Западе и в Советском Союзе, историографическому анализу концепций, принимающих или отвергающих идею двуязычного образования, использованию родных языков в различных сферах многоязычных обществ и т. д.

Доклады по различным проблемам двуязычия на VII конгрессе АИЛА можно разбить на три тематические группы⁵. Многие доклады первой группы были посвящены конкретным ситуациям двуязычия в различных районах мира. Так, например, специальный доклад был посвящен острой и актуальной во многих отношениях проблеме языковой жизни Индии. В нем рассматривались некоторые вопросы образования в условиях многоязычия и показывалось претворение в жизнь трехязычной модели языковой жизни. Наряду с этим в других докладах были подвергнуты анализу теоретические и практические аспекты проблем, возникающих в многоязычных ситуациях обучения иностранному, и, в частности, английскому языку как второму на примере Великобритании (обучение иммигрантов) и Швейцарии. Были прочитаны доклады о социолингвистических аспектах языковой ситуации в Гонконге, в Боснии, в северных провинциях Заира, о мексиканско-английском двуязычии, о двуязычии мигрантов неевропейского происхождения, живущих сегодня в отдельных скандинавских странах, и т. п.

Несмотря на то что проблемам обучения на втором языке и его изучению посвящен отдельный симпозиум, в секции по многоязычию также было несколько докладов, в той или иной мере затрагивавших языковые контакты, складывающиеся в условиях преподавания в школах на двух языках. Наряду с синхронным подходом, когда языковые ситуации двуязычия рассматривались главным образом по состоянию на сегодняшний день, в ряде докладов на указанной секции использовался и диахронный подход, например при анализе языковых контактов и языковых конфликтов в древнем мире в греко-романских пограничных зонах, а также в некоторых римских провинциях.

В некоторых тезисах упоминаются в качестве сравнения языки, выполнявшие роль «Lingua franca» в средние века. Чаще других, в частности, упоминается в этом плане латынь.

⁴ AILA Brussels 84. Proceedings. V. 1: Sections 1—18, p. 3—15.

⁵ См. подробнее AILA Brussels 84. Proceedings. V. 1, p. 101—149.

Среди теоретических проблем двуязычия внимание участников конгресса привлекли такие вопросы, как установки родителей на ранний билингвизм детей, особенности «внутреннего» многоязычия, влияние двуязычия на становление личности и на социальную мобильность, языковое сознание как предмет в процессе школьного обучения, итоги обучения взрослых языку в условиях многоязычия, социальные и лингвистические критерии характеристики иноязычной речи при активном и пассивном билингвизме, исчезновение диалектов и регенерация социодиалектов в процессах двуязычия, утрата одного из языков при двуязычии, соотношение между культурной и языковой ассимиляцией, экономический аспект, выражающийся в поддержке со стороны общества двуязычной ситуации в Канаде и в Бретани.

Большой интерес вызвал опубликованный в материалах конгресса доклад Л. М. Дробизжевой «Двуязычие и межнациональная коммуникация»⁶, в котором на обширном материале этносоциологических исследований, проведенных Ин-том этнографии АН СССР в городах и в сельской местности ряда союзных и автономных республик, были рассмотрены прямые и обратные связи между двуязычием и межнациональными контактами в производственной и семейно-бытовой сферах. Серьезное внимание в этом же докладе было уделено взаимосвязи между феноменом двуязычия и установками двуязычных и одноязычных групп населения на межэтнические контакты.

Нельзя не отметить, что отдельные вопросы двуязычия затрагивались в 32 докладах секции «Языковое планирование»⁷, перед которой стояла цель обсудить проблемы оптимизации функционального взаимодействия языков, а также в некоторых докладах секции «Проблемы коммуникации в обществе»⁸ и секции «Языки меньшинств»⁹.

В докладе М. Н. Губогло «Решение национально-языковых проблем в современном советском обществе», включенном в программу секции «Языковое планирование»¹⁰, рассматривались факторы и критерии, детерминирующие уровень развития и совершенствования национального языка. К сожалению, в работах некоторых зарубежных ученых функциональные и структурные аспекты развития языка пока рассматриваются отдельно друг от друга. Опыт этносоциологического изучения языковых аспектов современных этнических процессов в СССР показал, в частности, что развитие и совершенствование национальных языков народов СССР находится в непосредственной связи с социально-культурным развитием самих народов, а также с развитием процессов индустриализации, урбанизации и интеллектуализации советского общества. Последовательному расширению функций национальных языков, как отмечалось в этом докладе, благоприятствует создание специализированных национально-русских, русско-национальных, национально-национальных словарей, значительно обогащающих лексические фонды как национальных, так и русского языка как языка межнационального общения.

Члены советской делегации приняли участие в обсуждении пленарных и секционных докладов на заседаниях VII Международного конгресса по прикладной лингвистике, а также выступили с докладами на заседаниях некоторых секций. На секции «Языковое планирование» М. Н. Губогло выступил также с докладом «Факторы развития национально-русского двуязычия в развитом социалистическом обществе», в котором освещался советский путь и опыт решения национально-языковых проблем, в том числе языка межнационального общения, тенденции одновременного функционирования и развития национальных языков народов СССР и русского языка. Советский опыт решения языкового вопроса очень заинтересовал участников секции. Было задано много вопросов, главным образом представителями развивающихся стран, перед которыми в настоящее время стоят сходные практические проблемы. В докладе В. П. Нерознака «Типы языковых общностей», представленном на секцию «Язык и общество», теоретически обосновывались принципы выделения и классификации различного рода языковых общностей.

Л. Б. Никольский в докладе «Культура и язык в афро-азиатских странах» на совместном заседании трех секций — «Многоязычие», «Поликультурализм» и «Языковое планирование» — осветил специфику культуры развивающихся стран, содержа-

⁶ Drobizheva L. M. Bilingualism and international communication. — In: AILA Brussels 84. Proceedings. V. 1, p. 116.

⁷ AILA Brussels 84. Proceedings. V. 1, p. 116.

⁸ Ibid., p. 225—261.

⁹ Ibid., p. 265.

¹⁰ Guboglo M. N. The Solution of the Problem of National Languages in Soviet Society Today. — In: AILA Brussels 84. Proceedings. V. 1, 1—18, p. 190.

шей автохтонный и заимствованный, западноевропейский компоненты, и соотношение культурных компонентов соответственно с этническим и западноевропейскими языками. Л. Б. Никольский считает, что адекватное решение проблемы соотношения языка и культуры возможно лишь при учете специфики культуры развивающихся стран и на основе марксистской концепции культуры, в которой выделяются материальные и духовные компоненты. Выступавшие в развернувшейся по докладу дискуссии согласились с точкой зрения докладчика.

На симпозиуме «Языки нерусских советских национальностей: постепенное сокращение общественных функций» его председатель М. Бручис, ссылаясь на случаи, выдернутые из контекста работ советских авторов цитаты, пытался обвинить советских ученых в том, что они якобы не имеют возможности излагать собственное мнение, а повторяют лишь официальную точку зрения¹¹.

Он, в частности, утверждал, что разработанная советскими учеными концепция национально-русского двуязычия, согласно которой развитие и расцвет языков нерусских национальностей происходит одновременно с распространением среди них русского языка как языка межнационального общения и второго родного языка, якобы не соответствует действительности.

На вопрос, кто из советских ученых, когда и где писал о сокращении функций языков нерусских народов, М. Бручис не смог дать прямого ответа.

На этом же симпозиуме Г. А. Перфецкий был прочитан доклад о статусе украинского языка в СССР. Он был построен преимущественно на сопоставлении лексики украинского языка, зафиксированной в словарях, грамматиках и книгах, вышедших в дореволюционное время, и в Украинско-русском словаре М. Я. Калиновича, опубликованном в Киеве в 1962 г. Отсюда делается вывод, что в украинский язык советский период вошло множество русских слов, вытеснивших исконно украинские слова. Докладчик отметил, что исконно украинские слова в словаре М. Я. Калиновича стоят на втором месте после заимствованных русских слов. Это, по его мнению, подтверждает второстепенную роль украинского языка и свидетельствует, как он говорит о «тщательно спланированном и искусственно навязываемом языку процессе русификации». Отмечая, что украинские слова также с большой легкостью входят в русский язык и ассимилируются, переставая в скором времени осознаваться как заимствования Г. А. Перфецкий сделал странный вывод об «опасном слиянии двух языков» и закончил свой доклад заключением, что заимствование русской лексики украинским языком и слияние этих языков в недалеком будущем приведут к таким изменениям, которые скажутся на статусе украинского языка как отличающегося от русского, отдельного восточнославянского языка. Член советской делегации В. П. Нерозанк на конкретных примерах показал, что, вопреки голословным утверждениям М. Бручиса и поспешным выводам Г. А. Перфецкого, роль и статус украинского языка в Украинской ССР повышаются. Языковую политику в Советском Союзе никоим образом нельзя характеризовать как ассимиляторскую ни по отношению к украинскому языку, ни по отношению к языку любого другого народа. Большое внимание уделяется развитию всех языков, малых и больших, организуется и материально обеспечивается их изучение, создаются научные труды по языкам многих народов, пишутся их грамматики, составляются словари. В результате состояние и направление советского языкознания как науки определяют не только и не столько научные изыскания, ведущиеся центральными научно-исследовательскими учреждениями, но и республиканскими научными центрами, в том числе Украинской ССР. Об уровне исследований, осуществляемых в союзных республиках, сам за себя говорит факт создания коллективом Ин-та языковедения им. А. П. Потебни АН УССР 11-томного словаря украинского национального языка, содержащего около 135 тыс. слов, свыше 600 тыс. толкований объясняющих значение этих слов, более 12 тыс. устойчивых словосочетаний. Этот фундаментальный труд дает весьма наглядное представление о колоссальном развитии и обогащении лексики украинского языка на основе интенсивного расширения со-

¹¹ Хотя в программу этого симпозиума была включено пять докладов иностранных ученых о языковом развитии в СССР: Г. А. Перфецкий (США) «Статус украинского языка в Украинской ССР», И. Ливезану (США) «Урбанизация и билингвизм в советской Молдавии», М. Шориш (США) «Языковая ситуация в центрально-азиатских республиках СССР», П. М. Остин (Канада) «Советская языковая политика в Карельской АССР», Б. Тукач «Некоторые аспекты развития гагаузского языка», — было прочитано только два доклада — Г. А. Перфецкий и П. М. Остин. Остальные докладчики на симпозиуме отсутствовали.

льных, культурных и научных явлений и понятий, с которыми в наши дни имеют украинцы.

Тезисы М. Бручиса легко опровергаются многочисленными статистическими данными о росте печатной продукции (книг, газет, журналов) на национальных языках советских республиках. На конкретных фактах члены советской делегации, в частности, показали, что распространение русского языка и все интенсифицирующийся процесс формирования национально-русского двуязычия не ведет к утрате родных языков, а, наоборот, протекает параллельно с их развитием, что и составляет важное преимущество советского способа решения проблемы языка межнационального общения, в качестве которого выступает русский язык, добровольно принятый всеми народами СССР и равноправно называемый ими вторым родным языком¹².

Л. Б. Никольский подверг критике методику Г. А. Перфецкого, указав, что на основании лишь одного словарного материала, к тому же тенденциозно истолкованного, нельзя делать далеко идущие, но необоснованные выводы, противоречащие действительному языковому развитию в Украинской ССР. Для того чтобы результаты оставления лексики были достоверными, необходим дополнительный анализ и других источников, например переписей населения, включающих вопрос о языке. Более важно, обязательно изучение отношения к языку и его изменению у самих его носителей. Между тем Г. А. Перфецкий опирался лишь на переводной словарь, составленный таким автором и отражающий далеко не полностью состояние лексики украинского языка в лучшем случае на рубеже 50-х годов. Главный источник для подобных исследований — вышеупомнутый 11-томный словарь украинского языка — фактически остался неиспользованным.

Советских делегатов поддержали и ученые из других стран. В частности, Тове Гутнабб-Кангас (Дания) отметила, что позиции Г. А. Перфецкого излишне жесткие. Совершенно естественно, что языки, находящиеся в контакте, заимствуют друг у друга. Закономерно также, что язык с более узкими общественными функциями заимствует больше лексики, чем язык с более широкими функциями. Обсуждение данной темы и доклада Г. А. Перфецкого возобновилось после второго доклада, сделанного П. Остином, который в целом объективно и непредвзято анализировал языковую ситуацию в Карельской АССР и верно отметил основные тенденции языкового развития¹³. Поэтому принципиальных возражений этот доклад со стороны советских делегатов не вызвал.

В результате выступлений участников симпозиума по вступительному слову М. Бручиса и докладу Г. А. Перфецкого стало совершенно ясным, что организаторы этого симпозиума преследовали далекие от науки цели. Но благодаря активному участию советских делегатов попытка антисоветской провокации была сорвана. На VII Международном конгрессе по прикладной лингвистике наряду с обсуждением научной проблематики были рассмотрены назревшие научно-организационные вопросы. Уточнены, в частности, структура и функции научных комиссий АИЛА.

Советские делегаты во время работы на конгрессе установили контакты с учеными из разных стран, в том числе с руководителями Бюро АИЛА, в частности с Ольгой Шпечка-Томич (СФРЮ), Альбрехтом Нойбертом (ГДР), высказавшими пожелание о более активном участии советских ученых в работе ассоциации. Аналогичное пожелание выразили и новый президент Джос Ниветт (Бельгия), и генеральный секретарь Ассоциации Альберт Валдман (США). На конгрессе принято решение о проведении следующего, VIII Международного конгресса по прикладной лингвистике в 1987 г. в Мельбурне (Австралия).

Участие делегации советских ученых в VII конгрессе дало им возможность не только ознакомиться с состоянием прикладной лингвистики в странах Запада, но и с основными проблемами, возникшими в освободившихся и развивающихся странах, результатами их решений, а также привлечь внимание ученых из афро-азиатских и латиноамериканских стран к успешному решению национально-языковых проблем в Советском Союзе. Знакомство с языковыми проблемами этих стран, их освещением и интерпретацией в докладах ученых из ведущих капиталистических стран Запада позволит им целенаправленно и гибко пропагандировать советский опыт языкового строи-

¹² См., например, Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Языковые факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М.: Наука, 1984, с. 154—180.

¹³ Austin P. M. Soviet Language Policy in the Karelian ASSR.— In: AILA Brussels Proceedings. V. IV index: Symposia, p. 1633—1634.

тельства и активизировать контрпропагандистскую деятельность. Немаловажное имеет и тот факт, что советским ученым удалось получить непосредственно первых рук сведения о достижениях ученых из Европы и Северной Америки в новых перспективных направлениях исследований: в этнолингвистике, социальной лингвистике, контрастивной лингвистике, в теории перевода. Усвоение зарубежного исследовательского опыта в названных областях, его критическое осмысление, спорно, будут способствовать дальнейшему развитию этих дисциплин в нашей стране.

Конгрессы по прикладной лингвистике становятся весьма представительными форумами ученых из разных стран, на которых обсуждается политически и идеологически острая проблематика. Поэтому их нельзя не использовать как удобную и востребованную трибуну для пропаганды советского опыта решения национально-языковых проблем, достижений советского обществоведения, для борьбы с искажениями советской языковой политики и антикоммунистическими концепциями.

М. Н. Гусев

СИМПОЗИУМ «ТРАДИЦИЯ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

1—3 октября 1984 г. в Смоленице (Чехословакия) состоялся симпозиум «Традиция как феномен культурной деятельности человечества», организованный Отделом общественных наук Словацкой академии наук (САН) по инициативе этнографического Института ГАН. Симпозиум был задуман как продолжение дискуссии, состоявшейся в 1982 г. на страницах журнала «Советская этнография». Он также имел междисциплинарный характер. В нем приняли участие этнографы и фольклористы из академических учреждений и университетов Братиславы и Брно, а также историки, филологи, археологи, литературоведы, лингвисты, культурологи, музыковеды, специалисты в области искусства и педагогике, музееведы.

Следует отметить, что словацкие этнографы и фольклористы были не только участниками симпозиума в Смоленице, но и весьма основательно к нему подготовлены. В 1984 г. они провели в своей среде многомесячный семинар «Традиция как этнографическая категория», в работе которого приняли участие все научные сотрудники этнографического института САН, включая аспирантов. Материалы этого семинара (26 докладов) были опубликованы во втором сборнике серии «Народопísne informácie», издающемся с недавних пор институтом и Словацким этнографическим обществом¹. В этом выпуске особенно следует отметить доклады М. Лещака «Ценностные и знаковые аспекты исследования этнокультурных традиций», покойного А. Прага «Категория традиции с точки зрения процесса трансмиссии», П. Сальнера «К проблематике функционирования традиции в локальном сообществе», А. Манна «Традиция и механизм развития народной культуры», В. Фегловой «Традиция как способ выживания общественной идентификации», О. Дангловой «Взаимоотношение традиции и народной культуры». Таким образом, участники междисциплинарного симпозиума в Смоленице могли еще до его начала подробным образом познакомиться с состоянием и перспективами разработки теории традиции в современной этнографической науке Чехословакии. Следует сказать, что и на симпозиуме в Смоленице доклады и выступления этнографов и фольклористов произвели наиболее сильное впечатление.

Симпозиум был открыт вступительным словом академика-секретаря Отдела общественных наук САН и директора Ин-та философии и социологии САН В. Цибесы и вводным докладом директора Института этнографии САН Б. Филова «Традиция и проблема ее современной научной и практической интерпретации». Б. Филова подчеркнула своевременность и теоретическую важность дискуссии. Она напомнила о том, что этнографы в прошлом неоднократно обсуждали различные проблемы, связанные с понятием традиции. Опыт, однако, показал, что, не выходя за пределы этнографии, нельзя создать целостную и общую теорию традиции. С другой стороны, конечной целью должно быть выявление специфики формирования и функционирования традиции в той специальной сфере, которая является предметом эт-

¹ Národopísne informácie, číslo 2. Bratislava, 1984. 176 s.

ции как науки. Только тогда этнография, достаточно вооруженная теоретически, получит и свое общественное назначение в современности.

На пяти заседаниях симпозиума было прочитано 38 докладов. Так как в краткой информации нет возможности пересказать все доклады, попытаемся выделить наиболее интересные темы и идеи, которые обсуждались участниками симпозиума. При этом будем опираться на называвшиеся уже доклады Б. Филовой и М. Лещака, сборник материалов, изданных к симпозиуму, а также доклады Б. Бенеша «Традиция и процесс инновации в фольклоре», С. Бурласовой «Континуитет фольклорной традиции», Э. Хорватовой «Закономерности динамики традиции в области духовной культуры», В. Фролеца «Традиции в народной культуре и традиция народной культуры» и др., имевшие наибольший интерес для этнографии.

Одним из бесспорных достоинств как симпозиума, так и специального семинара было плодотворное сочетание теоретических построений с результатами непрерывно ведущихся полевых и экспериментальных работ. Углубленное изучение современных процессов функционирования традиции, как справедливо подчеркивали выступавшие, формулирует осмысление проблем теории традиции, общих как для исторической этнографии, так и для этнографии современности.

Одной из существенных особенностей состоявшейся дискуссии следует признать выявление аксиологического аспекта как одного из важнейших для теории традиции. Как совершенно правильно отмечалось, традиция по самой своей сущности не может быть нейтральной, она признает ценность или правильность определенных форм поведения людей и отвергает другие, считая их неправильными, неудовлетворительными, неподобающими. В основе традиции лежит представление о норме и ее ценности. Совокупность функционирующих традиций есть одновременно система ценностных ориентаций создавшего и поддерживающего их коллектива. Таким образом, традиция аксиологична изнутри, аксиологичность заложена в самой ее природе. При этом оценка той или иной традиции, какого-либо традиционного комплекса или элемента их носителями и наблюдателями извне (в том числе и исследователями) может принципиально разойтись. Это свидетельствует о том, что разошлись ценностные ориентации либо произошли какие-то исторические сдвиги, которые тоже неизбежны, так как традиции по своей природе стабильны и одновременно динамичны. Каждый исторический период наполняет традиции своим содержанием, приводит к сдвигу акцентов либо даже к переоценке ценностей. Это обеспечивает выполнение традицией не только коммуникативных, но и регулятивных и креативных функций.

Люди являются носителями традиции, однако она передается не от человека к человеку, а от одного поколения (генерации) к другому. В процессе трансмиссии традиционной бытовой культуры архаического характера особенно большую роль играла семья, половозрастные группы деревенской общины, община, а также профессиональные группы внутри нее. В наши дни мы встречаемся с большим числом новых контактных и надконтактных каналов трансмиссии традиции (книга, пресса, школа, технические средства массовой коммуникации и т. п.). Весьма важным также является изучение канализации так называемой устной (аудио-визуальной) традиции и ее роли в современности.

На симпозиуме выражалась надежда, что разработка теории традиции сможет способствовать развитию моделирования культуры в ее синхронном срезе и в будущем перейти к прогнозированию процесса развития культуры в целом и ее бытового функционирования.

В симпозиуме приняли участие сотрудники Института этнографии АН СССР А. Арутюнов, выступивший с докладом «Соотношение традиции и инновации и циклический процесс их взаимодействия», И. С. Кон («Межпоколенная трансмиссия культуры и традиционное воспитание детей») и К. В. Чистов («Традиция в свете фольклористической теории»).

Значительное внимание участники конференции уделили проблеме выявления специальных законов функционирования традиций в сфере духовной культуры, роли мигрантов и межэтнических контактов в процессе формирования ареалов функционирования или иных традиций.

К. В. Чистов

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КАЛЕВАЛА» — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

28 февраля 1835 г. Элиас Лённрот подписал предисловие к первой версии «Калевалы», созданной им на материале народных песен карелов и финнов. Именно этот день стал считаться днем рождения «Калевалы». Новое ее издание, значительно чашшееся от первой версии, вышло в свет в 1849 г. Время канонизировало эту, первую версию лённротовской «Калевалы».

Подготовка к 150-летию «Калевалы» в Карелии и Финляндии началась два года назад. В ней принимали участие различные учреждения культуры, творческие союзы и организации. По телевидению Карелии в течение двух лет (ежемесячно) продолжался цикл передач «Читаем „Калевалу“» с комментариями ученых Института языковедения и истории Карельского филиала Академии наук СССР (далее — ИЯЛИ КФ АН СССР). Государственный музей КАСССР организовал постоянно действующую выставку «„Калевала“ — памятник национальной культуры карельского и финского народов». Жители Карелии познакомились с выставками художников, иллюстрировавших эпос «Калевалу» (М. Мечев, Т. Юфа, Г. Стронк и др.).

С 29 января по 3 февраля в Карелии проходила Неделя «Калевалы», на которой приехали писатели и ученые из Москвы, Ленинграда, Воронежа.

Главным событием Недели стала проведенная 30 и 31 января в Петрозаводске научная конференция «„Калевала“ — выдающийся памятник мировой культуры», которая была организована ИЯЛИ КФ АН СССР, Петрозаводским государственным университетом им. О. В. Куусинена, Карельским государственным педагогическим институтом, Петрозаводским филиалом Ленинградской консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. В конференции приняли участие ученые и писатели Москвы, Ленинграда, разных городов Эстонии, Литвы, Армении, Коми и Удмуртской АССР, Карелии и также Финляндии. Все заседания были пленарными.

Конференцию открыла директор Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР М. Н. Власова. В работе конференции приняли участие первый секретарь Карельского обкома КПСС В. С. Степанов, секретарь обкома КПСС Е. М. Морозов, председатель Президиума Верховного Совета Карельской АССР И. И. Сенькин.

На конференции рассматривался широкий круг проблем. Было сделано 22 доклада и 11 сообщений о фольклорной основе «Калевалы», о принципах творческой работы Элиаса Лённрота, о соотношении «Калевалы» и народной поэзии, «Калевалы» и других эпосов, о влиянии «Калевалы» на литературу, музыку, живопись.

В докладе Э. Г. Карху (Петрозаводск) «„Калевала“ — выдающийся памятник мировой культуры» было уделено внимание трем аспектам: 1) соотношению «Калевалы» с фольклорной традицией; 2) историзму в «Калевале» и фольклоре; 3) влиянию «Калевалы» на финскую, карельскую и мировую культуру. Докладчик подчеркнул, что «Калевала» как крупное художественное явление не вписывается в узкие национальные рамки. Она принадлежит финской и карельской национальной культуре, и вместе с ней это памятник мировой культуры.

«„Калевала“ как процесс» — так назывался доклад фольклориста Лаури Хонко (Хельсинки). Под «Калевалой» в широком смысле ученый подразумевает процесс в культурной жизни Финляндии, который привел к созданию поэмы и продолжается до сих пор. Важнейшим звеном его является работа самого Лённрота в 1835–1849 гг. Докладчик подробно остановился на проблеме аутентичности «Калевалы», соответствия первоисточникам. Поскольку состав и композиция «Калевалы» не представляют народного эпоса, а результат творчества самого Лённрота, она более аутентична на уровне единичных строк. Сочленения строки в группы, Лённрот брал из песен разных регионов. Еще свободнее он соединял эпизоды в сюжеты. Поэтому Лённрота можно назвать поэтом, сочинившим эпос, в котором есть соответствие сюжету. Остановившись на вопросах исторического и мифологического толкования поэмы, Л. Хонко отметил, что в рунах невозможно выявить историческое ядро, зато в них отражаются мифологические представления различных исторических эпох.

В. Я. Евсеев (Петрозаводск) в докладе «К вопросу об историзме карельского эпоса» продолжил тему, начатую Л. Хонко. «Историзм эпической поэзии», — сказал он, — проявляется в мифологических рунах карел и финнов слабее, чем в более поздних героических. Однако синкретизм эпических жанров, обеспечивавший коммуникационные процессы между этими разными жанрами рунов, привел к взаимопроникновению в них исторических реалий. Историзм пронизывает всю систему эстетическую

их, художественных особенностей рун, их историческую поэтику. Это особенно видно при сопоставлении устной эпической традиции с содержанием так называемого первого издания „Калевалы”.

Посредственно рунопевческим традициям были посвящены два доклада «Наследующихся карельских рунопевцев и „Калевала”» (Н. А. Лавонен, Петрозаводск) и «Эпические песни Южной Карелии» (А. С. Степанова, Петрозаводск). Внимание Н. Лавонен уделила карельским рунопевцам Савве Никутьеву (Трохонену), Онтрею Малинену, Ваасиле Килевяйнену, Юрки Кеттунену, Архиппе Муну.

Из всех регионов «калевальской» поэзии менее всего исследована Южная Карелия. А. С. Степанова рассмотрела южнокарельские рунопевческие традиции на приодного рода сказителей — Муйлачевых из Эльмитозера (ныне Вохтозерский с/сложского района). Родоначальник этой семьи — Архиппа Муйлачу. В 1871 г. жие песни от него записывал А. А. Борениус. Эпическое наследие А. Муйлачу она его внука М. Ф. Архипова. Одной из крупнейших южнокарельских сказиш стала ее сестра А. Ф. Никифорова.

отношения «Калевалы» и народной поэзии так или иначе касались многие вышние. У. Б. Далгат (Москва) считает весьма перспективным рассмотрение «Калевалы» с позиций системного анализа, в аспекте эпической памяти и эпического вообще.

доклад С. Н. Азбелева (Ленинград) назывался «Эпопея и народная циклизация эпических песен». По наблюдениям ученого, изучение фольклорных эпопей у нас СССР подтвердило тезисы А. Н. Веселовского о закономерности превращения определенных условиях всякого народного эпоса из разрозненных песен через циклю в эпопею. «Объективно „Калевала” — это попытка реконструировать эпопею, ая могла бы возникнуть путем циклизации рун в народной традиции», — считает он.

нако, как явствует из докладов Л. Хонко, В. Кауконена (Хельсинки), Кюру (Петрозаводск), Н. Лавонен, А. Мишина (Петрозаводск), факты ит о другом. Попытки рунопевцев объединять эпические песни в циклы привели канию ряда «народных эпосов», которые не превышали 1000 строк (версия «Калевалы» 1849 г. состоит из 22 795 строк). Из-за обилия разнохарактерного, разножанро-разногеройного материала Лённрот не мог следовать принципам, которыми удовлетворялись народные певцы. Ведущими для него стали его собственные предания о древней истории Финляндии, о доисторической эпохе карелов и финнов, внимание сампо и т. д.

докладе «Фольклорные истоки „Калевалы”» А. И. Мишин рассмотрел «строительный» материал эпопей — ряд песен, из которых Лённрот «извлекал поэтический материал», и пришел к выводу, что народные строки, взятые из разных песен (эпическо-свадебно-обрядовых, лирических, заклинаний) в «Калевале» приобретали новые ин и качества, теряли жанровые особенности. В тексте эпопеи изменялись иые сюжеты, и образы, и герои. Большинство персонажей «Калевалы» — это фольклорские обобщения многих фольклорных героев.

ом, как эволюционировал образ загодочного сампо в народной поэзии и на раздних создания Лённротом «Калевалы», рассказывалось в докладах В. Кауконена. «Каким представлял себе сампо Лённрот» и Э. С. Кюру — «Миф о сампо». Кауконен показал, что на представления Элиаса Лённрота о сампо оказали влияние не только народные песни и комментарии самих рунопевцев, но и суждения ученого Якоба Гримма. Особую роль сыграло понимание Лённротом исторического развития культуры, способов добывания средств жизни. Аллегорическая гипотеза Гримма о том, что «сампо — это талисман, обладание которым приносило всяческое счастье так же, как владение волшебным Граалем», легла в основу идеи, проходящей через всю лённротовскую поэму: «Только с помощью просвещения и культуры и народы смогут достигнуть материального благополучия и вечного счастья». С. Кюру рассмотрел несколько стадий в эволюции образа сампо в народной поэзии. Древнейшими сюжетами были мифы о похищении культурных благ (промыслов, семян злаков, домашних животных) у первохранительницы, хозяйки жизни. На определенной стадии общественно-исторического развития миф о сампо, по мнению Э. С. Кюру, оказался включенным в систему песен о героическом сватовском роду Похъялы, и создание сампо стало восприниматься в качестве задачи, которую надо выполнить, чтобы получить невесту. В народной тра-

диции так и не успела возникнуть сколько-нибудь развитая концепция самп исторических условиях. Эту работу завершил Э. Лённрот в «Калевале».

С сообщением «К семантике образа девы-лоса в карело-финском эпосе» в Н. А. Криничная (Петрозаводск). По ее мнению, в этом образе, основа «древнейшая, мифологическая, обусловленная тотемистическими предста наблюдается «трансформация архаического сюжета о браке человека и мифоло го существа». В силу преодоления прежних представлений о взаимосвязи че природы этот брак осмысляется уже как невозможный, а «сюжет приобрета стический оттенок», считает Н. Криничная.

Ряд докладов и сообщений были посвящены переводам «Калевалы», ее вл национальные литературы нашей страны.

О значении русского перевода Л. П. Бельского говорил К. В. Чистов град). Этот перевод сыграл крупнейшую роль в истории русской «Калевалы». Б подчеркнул докладчик, был «не только опытным поэтом, но и блестяще обра человеком, знавшим много языков, фольклористом школы академика Ф. И. Б Поэтому его перевод — не только встреча русской поэзии с финской, но и фольклористики с финской фольклористикой».

История переводов «Калевалы» на коми и литовский языки рассматрива ответственно в сообщениях В. Н. Демина (Сыктывкар) и С. Скро (Вильнюс). На коми язык отдельные руны «Калевалы» переводились В. Лы В. Чисталевым, А. Туркиным. На литовский «Калевалу» перевели А. Саба (1922 г.) и Ю. Марцинкявичус (1972).

«Калевалу» в контексте других народных эпосов и литератур рассм У. Коляк (Тарту) — «Калевала» и „Калевипоэг“, Ю. Г. Рочев (Сыкт «Коми фольклор и художественно-поэтический мир „Калевалы“, А. Ми (Сыктывкар) — «Куллерво и ижмо-колвинский оленевод сирота-приемыш К М. Т. Слесарева (Устинов) — «Типы параллелизмов в свадебной поэзии в финно-угров в сопоставлении с «Калевалой», Е. А. Кузак ова (Калининг ской области) — «Некоторые сведения о сходстве и различии рун „Кале мансийского фольклора», М. Хийемяэ (Тарту) — «Об отношении к животн в народных верованиях эстонцев и в карело-финском эпосе „Калевала“, Т. Г. возчиков (Устинов) — «„Калевала“ и формы эпической традиции удмуртов».

Как видно из названий докладов и сообщений, значительное внимание б лено сопоставлению фольклора родственных, финно-угорских народов и «Ка являющейся фольклорно-литературным произведением.

О роли фольклорных традиций в современной поэзии Карелии и влияни валы» на финноязычную прозу говорили Э. Л. Алто и Т. И. Старшова заводск).

Девять докладов и сообщений было посвящено теме «„Калевала“ и н (живопись, музыка)». На анализе работ советских художников, иллюстрир «Калевалу», остановились С. К. Полякова (Петрозаводск) и М. И. Без (Москва). Широкий материал привлекли музыковеды Т. В. Краснопол Ю. Г. Ко н, О. А. Бочкарева, У. Ген Ир (все из Петрозаводска).

В перерывах между заседаниями перед участниками конференции выступ ительница из д. Вокнаволок (Калевальский район) А. А. Ремшуева и ансам родной музыки Петрозаводского университета под руководством Г. Туровск денты финно-угорского отделения филологического факультета показали двенадцатиструнным кантеле и на древних забытых инструментах лийру и ё также исполнили карельские и финские песни и танцы.

Конференция наглядно показала глубокий интерес к «Калевале» во все Многие аспекты ее изучения требуют совместных усилий ученых нашей ст Финляндии. Нынешняя конференция была новым шагом в этом плодотворном ничестве двух стран.

А. И.

24 июля 1984 г. в Пермской области в составе научно-исследовательской группы Казанского Государственного университета по культуре под руководством данной заметки работали студенты этнографического отделения — Сафиуллин, Уткина О., Хозикова Р. Экспедиция обследовала 10 деревень Бардымского района Пермской области.

Традиционное обследование явилось продолжением изучения традиционного танцевального фольклора татар Поволжья и Приуралья, начатого еще в 1975 году. Цель экспедиции — так можно полнее выявить танцевальный фольклор пермской группы татар, и фиксируя полевые материалы, характеризующие современное состояние и бытование танцевальной традиции в этих местах, весьма развитой еще во второй половине XIX века.

Сбор и запись традиционного танцевального фольклора проводились по заранее составленной программе и вопроснику. Работа велась как с отдельными информантами, так и с группами исполнителей. Было опрошено более 180 человек разного возраста (от 25 до 90 лет) и пола.

Время экспедиции нами зафиксировано 60 танцев (хороводы, кадрили, вальсы, а также подвижные танцевальные игры). Впервые описаны более 30 танцевальных движений, характерных только пермской группы татар. На ленту магнитофона записано более 40 (с вариантами) танцевальных музыкальных фрагментов танцевальной музыки. Сделано описание характерного для Бардымского района весеннего праздника «Барда» («Бардымские сборища»), сабантуйского повсеместно в исследованных районах, а также танцевальных действий приуроченных к свадьбе и празднику «Грачная каша» («Грачная каша»), отмечаемого в с. Енапаево Октябрьского района Пермской области. Полевые материалы по народному танцевальному искусству татар Поволжья и Приуралья будут про-

анализированы. Материалы данной экспедиции после окончания будут храниться на кафедре этнографии Казанского Государственного университета.

К. М. Бикбулатов

* * *

этносоциологическая экспедиция (руководитель В. Ф. Вавилин), в составе которой работали преподаватели, студенты исторического и строительного факультетов Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, а также научные сотрудники, аспиранты и соискатели Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Экспедиция явилась продолжением этносоциологического исследования сельского расселения, поселений и жилищ Мордовской АССР, предпринятого в 1974 году под руководством В. Ф. Вавилина, и работала двумя отрядами — в западной и южной этнографических зонах (начальник отряда А. С. Лузгин); в центральной и восточной зонах (начальник отряда Н. В. Апанян). В основу зонирования были положены два критерия — национальный состав населения, а также степень урбанизированности и направленность экономического развития сельских административных районов.

Цель экспедиции — исследование современной сельской социально-экономической пространственной системы (СЭПС) Мордовской АССР, которая, обеспечивая условия для биологического и социального воспроизводства, определяет образ жизни сельского населения и представляет собой органическое единство социальной, поселенческой и природной среды. Исходя из системного представления об этносе, перед экспедицией ставились задачи: выявить место этих компонентов в общей структуре СЭПС; установить меру влияния региональных социально-экономических и физико-географических условий на формирование поселенческой среды этноса; исследовать роль этнических традиций в формировании архитектурно-планировочных и объемно-пространственных элементов поселенческой среды на различных иерархических уровнях; разработать методику учета прогрессивных этнических традиций в современной сельской архитектуре.

Основным рабочим инструментарием исследования, предназначенным для сбора и анализа информации, явилась анкета «Сельская социально-экономическая пространственная система Мордовской АССР», составленная на основе ранее разработанных вопросников «Этносоциологическое исследование сельского жилища», «Этносоциологическое исследование сельского поселения» и «Современное сельское расселение Мордовской АССР» (составитель

в августе-сентябре 1984 года в Мордовской АССР была проведена объединенная

В. Ф. Вавилин). В анкету введено 86 вопросов-признаков, позволяющих представить современную сельскую СЭПС республики в виде взаимосвязанных подсистем «физико-географическая среда — расселение — поселения — жилища — население — семья — личность». При разработке инструментария исследования использован методический опыт, накопленный в Институте этнографии АН СССР, а также учеты научно-теоретические разработки советских этнографов и этносоциологов — Ю. В. Арутюняна, Ю. В. Бромля, С. И. Брука, Е. П. Бусыгина, М. В. Витова, И. В. Власовой, В. И. Козлова, В. А. Липинской, В. В. Пименова, Л. Н. Терентьевой, Л. Н. Чижиковой, Н. В. Шлыгиной и др., географов — В. Г. Давидовича, С. А. Ковалева, В. В. Покишишевского, Б. С. Хорева; архитекторов и искусствоведов — А. В. Иконникова, В. С. Рязанова, С. Хан-Магомедова, Ю. С. Ярлова и других исследователей.

Массовое этносоциологическое исследование СЭПС Мордовской АССР было осуществлено на основе применения выборочного метода и соответствующей ему статистической процедуры. С учетом программы исследования и реальных возможностей его проведения (материальных средств, лимита времени, наличных кадров и т. д.) экспедиция ограничилась обследованием 45 населенных пунктов различного функционального типа во всех сельских административных районах республики: 13 мокшанских, 8 эрзянских, 21 русском, 3 татарских; 2000 хозяйств и комплексов сельского жилища: 697 — мордвы-мокши,

503 — мордвы-эрзи, 600 — русских и татарских. Давая оценку проделанной работе, следует отметить, что избранный методика сбора информации оказалась эффективной, собранные материалы хорошего качества и пригодны для обработки.

Основным теоретическим методом исследований избран системный анализ. Полученная информация, рассчитанная на изменение количественных методов, обобщается в Вычислительном центре Мордовского государственного университета им. И. П. Огарева. Системный анализ информации позволит определить социальное строение и динамику современной СЭПС и выяснить особенности функционирования в региональных условиях Мордовской АССР.

Полученные данные во многом дополняют и уточняют собранный ранее материал и позволяют выявить структурно-функционально упорядоченный мир механизмов, благодаря которым осуществляется динамика этнических традиций. Системное постижение сокровенных тайн деятельности этих механизмов открывает крайне значимые и важные перспективы, связанные с управлением определенными аспектами их аккумуляции и трансформации.

Сотрудниками экспедиции заснято более 400 кадров черно-белой и цветной пленки. Полевые материалы после обработки будут сданы в архив научной библиотеки Мордовского государственного университета.

В. Ф. Вавилин

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

и развития зарубежной этнологии/Под ред. Ю. В. Бромлея, И. Р. Григулевича, А. Рикмана. М.: Наука, 1983, 205 с.

Уже не раз приходилось отмечать большую и полезную работу, которую проводит Институт этнографии АН СССР по исследованию историографических проблем и публикации трудов, освещающих историю этнологической науки за рубежом. Выпущено много монографий и сборников, в которых рассматриваются теоретические и региональные аспекты истории этнографии и с марксистских позиций критикуются методологические установки буржуазной этнологии.

Рецензируемый сборник охватывает широкий круг историографических проблем. Среди статей исследуются теоретические направления в буржуазной этнологии, связанные со структурным анализом в британской социальной антропологии, структурной антропологией, англо-американской социокультурной антропологией и ее «критикой» К. Леви-Стросса. Ряд разделов сборника посвящен историографии различных аспектов национальной этнологии Канады, Бразилии, Венесуэлы, Аргентины, Мексики и Восточной Азии.

Остановимся на основных проблемах, поднимаемых авторами сборника. Открывает сборник очень интересное исследование А. А. Никишенкова, посвященное анализу и критике метода структурного анализа А. Р. Рэдклифф-Брауна в связи с изучением отношений родства в доклассовых обществах. Глубоко и фундаментально, с марксистских позиций автор анализирует метод английского исследователя. Критикуя с принципиальных позиций методологическую несостоятельность научных взглядов Рэдклифф-Брауна, А. А. Никишенков отмечает вместе с тем и ряд предложенных им, новаторских для своего времени идей, оказавших впоследствии существенное влияние на развитие буржуазной этнологии. Автор подробно рассматривает существо и содержание метода структурного анализа. Он показывает методические и методологические просчеты в концепции Рэдклифф-Брауна, заключающиеся в абсолютизации структурно-функционального подхода при игнорировании историко-генетического анализа (с. 17). А. А. Никишенков делает совершенно верное заключение, что методологический подход Рэдклифф-Брауна в целом идеалистический, социологизаторский характер и что в конечном счете он подменяет социальные отношения личностными связями (с. 19, 20). Поэтому структурный метод, хотя и сыграл роль прогрессивного момента в истории науки, сам по себе не дает возможности адекватного объяснения природы отношений родства (с. 21). Выводу автора следует добавить, что к числу достоинств обсуждаемой статьи принадлежит также то, что поднимаемые ее автором проблемы касаются не только специального вопроса о методе Рэдклифф-Брауна в связи с изучением отношений родства в доклассовом обществе, а во многих отношениях освещают в целом место и значение структурного анализа как научного направления в британской антропологии и в этнографии вообще.

Предмет и метод исследования в «структурной антропологии» К. Леви-Стросса подробно разбираются в статье Н. Я. Дараган. Вначале автор формулирует объект исследования: элементы структурной методологии в понимании Леви-Стросса, существо теорий, которыми он оперирует. При этом ставится задача всестороннее рассмотреть методологию структурного анализа в этнографии и смежных дисциплинах, оценить эффективность (с. 25). Отдавая должное обстоятельности изложения и критики концепции Леви-Стросса, нельзя не отметить, что собственно этнографические сюжеты занимают при этом довольно скромное место в статье, в основном только в связи с исследованием мифологии и фольклора. Главным же образом речь идет о проблемах космологии, психологии, семантики и т. п. Н. Я. Дараган подчеркивает, что понятие коллективного бессознательного — одно из центральных в теоретических построениях швейцарского исследователя (с. 29).

Особое внимание автор уделяет отношению Леви-Стросса к знаковым системам, в связи с чем указывается на переоценку им знакового символизма (с. 33). Разбирается проблема взаимоотношений взглядов Леви-Стросса с теоретическими построениями других авторов, в том числе Б. Малиновского и Л. Леви-Брюля. При общей оценке Леви-Стросса Н. Я. Дараган в значительной степени ссылается на мнения других

исследователей. В связи с этим она пишет что, «критикуя методологическую неадекватность и философский эклектизм в трудах Леви-Стросса, прогрессивные ученые принимают многие ценные выводы его работ, опираются на достигнутые им результаты, пользуются структурной методикой» (с. 46). Но по этому поводу хочется заметить, что вопрос о новизне и значении для науки, и прежде всего для этнографии, структурализма Леви-Стросса еще нуждается в дальнейшем обсуждении, так же как и проблема соотношения идей Леви-Стросса с марксистской методологией (ср. с. 46). Не отметит, что, анализируя метод и аппарат исследования Леви-Стросса, автор рассматриваемой статьи пользуется чрезвычайно усложненной терминологией, доступной только узкому кругу философов и семиотиков. Однако в целом исследование теоретических построений Леви-Стросса, осуществленное Н. Я. Дараган, можно считать одобренным, тем более, что оно дает ясное представление об ограниченных возможностях применения в этнографии структурной антропологии Леви-Стросса.

Теоретически и методологически интересна статья Е. А. Веселкина, посвященная рассмотрению «критики» марксизма в англо-американской литературе. Автор совершенно прав, когда говорит, что одна из важных задач советской этнографической науки состоит в разоблачении методов этой «критики», в критике «дополнений» и «изменений» марксизма в трудах социокультурных антропологов. Для анализа автор приводит работы английского социолога Р. Ферса и американского культурного антрополога М. Харриса, попытавшихся интерпретировать научное наследие К. Маркса и марксизма в целом, «выхолащивая из него классовую сущность» (с. 49, 50). Е. А. Веселкин указывает, что для взглядов рассматриваемых им авторов прежде всего характерно «отрицание марксизма как революционной идеологии рабочего класса» (с. 49). Интересен даваемый автором краткий очерк «марксологии» и «первичных принципов критики марксизма». Думается, в числе «марксологов» следовало бы назвать и Л. Кредера — одного из весьма активных сторонников ревизии марксизма. Интересны выводы Е. А. Веселкина о путях и причинах роста в буржуазном обществе интереса к марксизму (с. 52 и сл.). Представляется удачной и убедительной критикой «критиков» марксизма на примере названных выше англо-американских авторов. В связи с этим нельзя, однако, не высказать замечания по поводу того, что, критикуя ту или иную теоретическую позицию буржуазных этнологов, автор недостаточно раскрывает сущность их взглядов, мало приводит конкретных примеров (с. 55 и сл.). Конечно, нельзя не учитывать вынужденную ограниченность объема статьи, но тем не менее большая конкретность в изложении взглядов идеологических противников не была лишней. В целом же следует отметить, что выводы Е. А. Веселкина в связи с общими проблемами представляются достаточно полными и обоснованными.

Как отмечалось выше, к работам, в которых наряду с региональными рассматриваются и некоторые общие теоретические проблемы этнологии, можно отнести статью «Очерк истории этнографии в Венесуэле» (Э. Г. Александренков) и «Национальные этнографические исследования в странах Восточной Африки» (Э. С. Годи́нер).

Исследуя обширный материал, Э. Г. Александренков детально характеризует историю развития этнографии в Венесуэле от времени ее зарождения в середине XIX века до наших дней. Автор отмечает влияние на нее европейской, особенно французской, этнологии и показывает вклад отдельных венесуэльских исследователей в собирание и обобщение этнографического материала. Подробно описываются возникновение и развитие этнографических учреждений, вклад в этнологию первых венесуэльских ученых, появление профессиональных исследователей, деятельность различных научных центров и журналов. Значительный интерес представляет анализ теоретических взглядов первого профессионала-этнографа Венесуэлы Мигеля Акосты Сани́еса — автора диссертации о волнах заселения Венесуэлы. Рассматривая ее в критическом плане, Э. Г. Александренков показывает разнородность принципов, положенных автором в основу деления этапов доиспанской истории. Теоретические проблемы затрагиваются также в связи с анализом точек зрения венесуэльских ученых относительно существа, сущности и задач этнографии и ее соотношения с антропологией (с. 110 и сл.). Рассматривая также проблему терминологии в трудах венесуэльских исследователей, в связи с чем делается справедливое заключение о том, что если термин «афро-американские исследования» не вызывает возражений, то понятия «афро-американские культуры», «афро-американцы» едва ли приемлемы. В заключительной части статьи Э. Г. Александренков кратко подводит итоги своего исследования и перечисляет этапы развития этнографической науки в Венесуэле.

В статье Э. С. Годи́нер, посвященной развитию национальной этнографии в странах Восточной Африки, можно выделить по крайней мере три аспекта исследования: общий обзор состояния евро-американской и африканской этнологии и проблематики теорий и методов европейской науки к изучению народов Тропической Африки; анализ этнографических работ восточноафриканских авторов и, наконец, этнографические аспекты в трудах африканских историков, социологов и представителей других смежных наук. В связи с первой проблемой автор отмечает, что представления об этнографии (социальной антропологии) в Тропической Африке, как правило, отождествляются с реальными или предполагаемыми связями с колониализмом, вследствие чего отношение к этой дисциплине в лучшем случае амбивалентно, а подчас и демонстративно отрицательно. Тем не менее, как справедливо отмечает автор, уже само наличие острых национальных проблем побуждает африканских ученых обращаться к этнографическому анализу. Таким образом, за годы независимости сложилось определенное направление социальных исследований, которое по существу вполне закономерно можно назвать этнографическим.

Весьма интересны страницы, на которых автор рассматривает мнения различных африканских ученых о возможности сопоставления африканской и европейской культур и в связи с этим о возможности научного диалога (с. 159 и сл.). Соглашаясь в целом с выводами Э. С. Годи́нер, думается, однако, что она, видимо, несколько недооценивает возможности диалога между европейской и африканской наукой (с. 160), что противоречит ее собственному выводу на следующей странице. Переходя к исследованию деятельности восточно-африканских этнографов, Э. С. Годи́нер обстоятельно рассматривает программно-критические труды трех авторов: В. Ученду, П. Е. Тему и Ю. Огота — сторонников различных курсов в направлении исследовательской работы африканских ученых. Столь же подробно анализируются этнографические аспекты в африканских исследованиях. В целом следует отметить высокий теоретический уровень рассматриваемой статьи, обширность использованного в ней материала, наличие значительного числа хорошо обоснованных выводов.

Направлению этнографических исследований в Аргентине посвящена статья Г. Гельмана «Антропология (наука о человеке) в Аргентине».

В. Г. Сергеева рассматривает вопросы заселения Америки и трансокеанских контактов в трудах Хуана Гомеса.

Наконец, в статьях двух авторов трактуются проблемы историографии этнических процессов в Канаде (Л. Н. Фурсова) и Бразилии (М. Г. Котовская). В статье М. Г. Котовской рассматриваются наиболее актуальные проблемы, стоявшие перед бразильской историографической наукой с конца XIX по 60-е годы XX в. Следует отметить, что в советской историографии пока не было работ, освещающих развитие этнографической мысли в Бразилии. Наиболее интересный раздел статьи посвящен анализу современной историографической школы Бразилии, в частности ее крупнейшему представителю Ф. Феррейрасу.

Названные разделы сборника написаны на хорошем научном уровне и содержат интересный материал. Однако, как уже говорилось, две последние статьи касаются не столько собственно этнографических процессов, сколько политической и культурной истории разных групп населения в новое и новейшее время.

В целом хочется еще раз отметить высокие методологические и научные достоинства рецензируемого сборника и пожелать успешного продолжения изучения историографии этнографии. К сказанному хочется добавить пожелание шире развернуть историко-методическую работу, что даст возможность выйти на более высокий уровень исследования историографических проблем.

Г. Е. Марков

Л. А. Абрамян. **Первобытный праздник и мифология.** Ереван: Изд-во АН Арм. СР, 1983. 231 с. (резюме на англ. яз.).

Интерес к празднику — примечательная особенность современных исследований по истории и теории культуры. В советской науке под влиянием идей М. М. Бахтина проблема праздника оказалась ныне как бы в точке пересечения различных гуманитарных дисциплин: этнографии, истории культуры, искусствоведения, литературоведения. И в зарубежных исследованиях влияние бахтинской концепции праздника и карнавализации также весьма значительно. Достаточно сказать, что на Международном коллоквиуме по проблемам творчества Бахтина, проходившем в Канаде в октябре 1983 г., отмечалось, что многочисленные современные исследования западных авторов о празднике «в целом подтверждают точку зрения Бахтина»¹. При этом в противовес структуралистско-формалистическим интерпретациям народно-смеховой культуры западные исследователи 80-х годов стараются овладеть собственно бахтинским «диалогическим» методом анализа подвижной непрерывности категорий «праздничности» в истории культуры.

Тем своевременней появление книги Л. А. Абрамяна «Первобытный праздник и мифология», которая, хочется надеяться, с интересом будет принята не только этнографами, но и широким кругом читателей. Общую проблему исследования Л. А. Абрамяна можно сформулировать так: что дает бахтинская концепция карнавальной культуры для понимания обрядовой жизни и мифологических представлений первобытного общества? И обратно; в какой мере ритуально-праздничная архаика составляет «начала», истоки того, что позднее, в иных исторических условиях предстало в виде «народной площади» (М. М. Бахтин) и средневекового карнавала, а еще позднее — вплоть до нашего времени — в виде множества художественных и иных явлений всех областей культуры? Такая направленность исследования Л. А. Абрамяна позволяет ему, почти не выходя за пределы этнографического материала, касаться и более общих вопросов культуры и эстетики, проводить интересные сопоставления между древним прошлым и современностью.

Исходным пунктом книги является противопоставление «торжественного ритуала» «веселого праздника» в первобытном обществе. Опираясь на традиционное разграничение «сакрального» и «профанного», Л. А. Абрамян показывает, что «вульгаризация»

¹ Belleau A. Reprise critique du concept de carnavalisation.— In: Mikhail Mikhailovich Bakhtin: His Circle, His Influence (Papers of the International Colloquium. Queen's University, 1983, October 7—9, p. 13).

официальных праздников, характерная для средневекового карнавала, своим¹ уходит в архаическую подпочву истории. «Верх» и «низ» в архаическом коллекте мысли исследователя, противостоят друг другу не столько по месту в структуре номических отношений, сколько по месту в структуре иерархических отношений формам духовно-идеологической жизни, как она проявляется в первобытных обрядах и мифологии.

Магической серьезности и этикетности первобытных ритуалов «профанный» ник противостоит по-особому: «это не обыденное мирское, противопоставляемое реальному, а некое „иное сакральное“» (с. 95). «Процесс вулгаризации высоких», «упрощение мистерий народными массами» — вот что мы находим, по мнению автора, в основе первобытного веселого праздника. Архаический праздник — это ральное навыворот. «Иное сакральное», по мысли исследователя, — не только особость первобытного праздника, но также и ключ к пониманию историко-культурных процессов, в том числе и в XX в. В самом деле, такие явления социальности, как «восстание масс» в первые десятилетия XX столетия, «мас культура» в наше время, отражают многозначные, диффузные сдвиги, происходящие и «наверху», так сказать на «волшебной горе» современной культуры. Решающее значение здесь, как и везде, имеют диалогические контакты внутри единой социокультурной ситуации, единой идеологической среды сознания» (М. М. Бахтин).

Эта особенность бросается в глаза на примере культуры начала XX в. Л. Абрамян вслед за другими исследователями сопоставляет «бурное развитие нефитивных направлений» в изобразительном искусстве того времени с австралийским скальным искусством в его третьей фазе, характеризующейся, по его мнению, тенденцией «в сторону условности и схематичности изображения» (с. 25). Эта условность и схематичность выражаются в том, что «сакральное, связываемое с внутренней чаше пещеры, сознательно искажается по сравнению с обыденным, мирским», в дальнейшем переходя в «особую недосказанность, условность тайного ритуала» (с. 26).

Действительно, на всем протяжении истории культуры и искусства мы встречаем две контрастные тенденции, которые Д. С. Лихачев называет «конкретизирующую «абстрагирующую» и которые то сменяют одна другую, то сосуществуют, — например в XX в. — в пределах относительно единого социокультурного целого. Поражает параллели между древнейшим и новым искусством, по мысли Л. А. Абрамяна, — являющиеся типологически сходными перемещениями «верха» и «низа». Отсюда особый интерес исследователя к празднику как «иному сакральному»: мир неотъемлемо человека высших ценностей не упраздняется, а, так сказать, «переобращается» на селом празднике. Нельзя недооценивать поэтому культурологической перспективы работы Л. А. Абрамяна, порой неожиданных, но метких ассоциаций с современной культурой.

Дело, конечно, не только в искусстве, а в более общем явлении «карнавализации сознания» (М. М. Бахтин), которая начиная примерно с 1900-х годов, все более — никает в самые методы восприятия действительности и осмысления ее в различных областях культурного творчества. При всем разнообразии этих методов и форм мы говорим о некоторой общей тенденции к «разобособлению», «разотчуждению» «вверх» и «низ» в культуре XX в., об отказе от одностороннего (рационалистического) и наоборот, натуралистического) понимания явлений духовно-идеологического творчества.

Существенно следующее утверждение Л. А. Абрамяна: «...для реконструкции праздника надо изучать как совершаются обряды, а не искать „утраченные нации“; ...способ празднования часто оказывается более живучим, чем форма обряда» (с. 60). Иначе говоря, праздник должен быть понят в первую очередь как конкретное событие; внешняя же «форма обряда» может даже отрицаться «способом празднования». Это верно и по отношению к категории карнавализации в истории культуры и истории литературы: карнавал, понятый экстерриториально («память жанра», по Л. Тину), проливает свет на художественные системы других эпох.

Л. А. Абрамян неоднократно подчеркивает спонтанный характер первобытного праздника в противоположность церемонности торжественных ритуалов. При этом возникает впечатление, что на официальном торжестве преобладал «интеллектуальный» и веселый праздник был стихийным, как бы бессознательным. Едва ли это верно, если рассматривать праздник не в формальном (статическом) отличии от официальных культов, а сам по себе. «Массовость и неторжественность» праздника относятся к особой форме коллективного сознания его участников. Л. А. Абрамян сам мечтает, что последние «чувствуют свою причастность к чему-то целостному и недомому» (с. 48). Празднику, следовательно, присущи свой уровень осознанности, «целесообразность без цели». Иначе он не был бы «иным сакральным». Некоторая переоценка «автоматизма» первобытного праздника особенно заметна в книге Л. А. Абрамяна там, где он затрагивает проблему смеха как важнейшего элемента праздничного мироощущения. На с. 46 читаем: «Во время праздника не думают..., смех разрывает всякую цепь мысли»; и далее: «Праздничный смех способствует тому, что смеющиеся еще больше почувствовали свое единство, причем это происходит не на сознательном уровне, а благодаря психологическим особенностям смеха» (с. 47). Эти и подобные мысли Л. А. Абрамяна о теории праздника и эстетике смеха, как представляется, нуждаются в коррективах.

Смех, по нашему мнению, разрывает не «всякую цепь мысли», а скорее всего самодовлеющий конвенциональный строй мысли. «Короткое замыкание мысли» (Р. Бастид) при смехе имеет в основе тоже мысль, хотя, конечно, трудно задним умом перевести «смеховую» мысль на язык понятийного, «серьезного» мышления. С

замкнутой неподвижности понятийной мысли, будучи в то же время активной смысловой оценкой ее. Так, тело в гротескном реализме перерастает свою индивидуальную ограниченность и мнимую благообразную завершенность. Но можно на этом основании утверждать, что смех имеет место «не на сознательном уровне»? Всем своим исследованием Л. А. Абрамян как бы говорит: истины о мире не являются «неподвижной собственностью» элиты, «интеллектуалов». Исследователь мог повторить слова племянника Рамо у Дидро: «Нет, господин философ, то, что я говорю, я знаю так же хорошо, как вы знаете то, что говорите сами». Но, подчеркивая инстинктивный характер праздничного смеха, Л. А. Абрамян, по-видимому, склонен к действительности «сознательный уровень» культуры с официальными культами. Тем самым он переводит объективную эстетическую проблему смеха в субъективную область психологических особенностей. Это — невольная уступка вульгарному материализму по антидуховным пониманием «бессознательного».

С этим связано не вполне удачное, на наш взгляд, определение ритуала как некоего «чистого действия» (с. 67). Равным образом, в противовес «семантическому знанию» (О. М. Фрейденберг) смеха и плача автор предлагает говорить о «психологическом» единстве (с. 51), т. е. смысловая связь смеха и плача здесь как бы вергается, что едва ли верно.

Отмеченные неточности и терминологические анахронизмы, однако, встречаются часто; в большинстве случаев Л. А. Абрамян дает удачные определения рассматриваемых явлений. Например, о взаимосвязи между ритуалом и мифологией исследователю пишет: «Миф составляет потенциальную, а ритуал — кинетическую энергию единого обрядово-зрелищного комплекса» (с. 113). «Кинетическая» сторона этого единства, интересует автора больше всего: праздник, не будучи, правда, «чистым действием», тем не менее превращает мифические представления в символическое событие, происходящее «здесь» и «теперь». Праздник — актуализация мифа, мифология «действий». Отсюда, вероятно, глубокое и часто не осознанное воздействие праздника «праздничности» на различные формы культурного творчества едва ли не во все века (даже наименее «праздничные»).

Не коренятся ли основные творческие импульсы в самой категории «карнавализации»? Не кто иной, как Л. Н. Толстой является автором следующих строк: «Для чего шут люди? Для того, чтобы приобрести, кто денег, а кто славы, а кто и то и другое; некоторые же говорят, что для того, чтобы учить добродетели людей. Для чего гадают люди, для чего они дают деньги и славу за книги? Люди хотят быть счастливы; вот общая причина всех деяний»². Если бы Л. Толстой захотел и смог развернуть эту догадку в трактат, то, вероятно, у него получилось бы опровержение или во всяком случае ценное дополнение к работе «Что такое искусство?».

Последняя, третья глава книги Л. А. Абрамяна посвящена проблемам первобытного праздника в связи с мифологическими представлениями о двойничестве, близнецах, образами «дуальными» образами. Переход от общей характеристики праздника к парам мифологическим представлениям совершенно оправдан внутренней логикой исследования. Ведь автора интересует «иное сакральное», т. е. другой аспект того же самого мифологического комплекса, самый процесс раздвоения единого. «Идея удвоения», — пишет Л. А. Абрамян, — т. е. некоторого «второго аспекта», часто лежит в основе древнего религиозного обряда и мифа, так и древней комедии и литературы вообще, и не только древней» (с. 137). По мнению исследователя, «идея удвоения» связана с «амбивалентной величиной „я — он“» (с. 160), т. е. со взаимотношениями «я» и «другого» внутри социума и внутри индивидуального сознания. Под углом зрения «амбивалентной величины» автор анализирует мифологические представления о близнецах, культ близнецов, феномен зеркала, вообще «парные» образы и, наконец, «праздник» как своего рода кульминацию «идеи удвоения».

Нелишне отметить, что двойственность, «инаковость» явлений в истории культуры — актуальная проблема в современных гуманитарных науках. На Западе эта проблема обозначается словами «alterity», «altérité», которые примерно соответствуют категории «другого» (или «другости») в системе взглядов М. М. Бахтина. Тем интереснее явления и мысли Л. А. Абрамяна в связи с «идеей удвоения» в мифологии.

По поводу мифологических представлений о зеркале автор делает следующий вывод: «Человек усматривает в своем двойнике в зеркале явно вредоносные черты, отожнение — не просто другой, но плохой другой» (с. 162). Это недоверие к себе («другому» в «я») сочетается, полагает исследователь, «с глубоко скрытым в подлинном недоверием к окружающим» (там же).

Действительно, зеркало — традиционный образ встречи человека с самим собой («с другим»: когда я вижу себя в зеркале (извне), то сразу обнаруживается, что не весь я, а только «он», образ моего «я» для «другого». Зеркало, следовательно, — образ границы, символ несовпадения внутреннего и внешнего в человеке и в мире. Однако, что двойник в зеркале воспринимается как «не просто другой, но плохой другой» не всегда, а в тех случаях, когда «я» и «другой» во мне отчуждены: в таком условии неизбежно возникает «глубоко скрытое... недоверие к окружающим». Но такое отношение («я» — «он») не является амбивалентным! Оно статично и исходно.

В структуре первобытного праздника Л. А. Абрамян видит как бы утопический тип, противостоящий отчуждению и самоотчуждению людей. Внешним условием праздника, по его мнению, является дуальная организация праздничного коллектива.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.-Л., 1928, с. 246.

исследователь, по-видимому, придерживается мнения, что игра в раздвоение, ние симметричности явлений и мировосприятия являются необходимой предпосылкой осознания и снятия раздвоения в пределах индивида и общественного целого. В цели служит во время праздника обмен — от обмена дарами до обмена словами. Можно сказать, что праздник развенчивает того «плохого другого» в мире и во мне перед которым я иногда беспомощен наедине с собою, наедине с зеркалом.

Подводя итоги исследования Л. А. Абрамяна, хочется подчеркнуть не только профессиональные достоинства, но и принципиальный смысл его работы. Книга «Праздничный праздник и мифология», несомненно, находится в русле намеченной в М. М. Бахтина и других ученых переориентации гуманитарного мышления на понимание единства духовно-идеологических систем в истории культуры. Прямым отражением этой тенденции является общая характеристика праздника, которой заканчивает свою книгу: «Система как бы постоянно стремится изменить свой тип симметрии — стать из зеркально-симметричной центрально-симметричной. Вместе с тем она вечно стремится и к некоторой асимметрии. Части целого симметрично обмениваются дарами, но так, что целое не покоится в абсолютном равновесии, а движется вперед» (с. 188).

В. Л. Мух.

НАРОДЫ СССР

Б. Х. Бгажноков. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

Общение — одна из тех сфер культуры, в которой наиболее ярко проявляются особенности поведения представителей различных народов, их моральные ценности, специфические черты социальной организации. Поэтому изучение общения представляет сомнительный интерес не только для психологов, лингвистов, социологов, специалистов семиотике, но и в не меньшей мере для этнографов. Однако до последнего времени многочисленные этнографические работы в этой области носили преимущественно описательный и фрагментарный характер¹. Несколько лет назад вышла книга Б. Х. Бгажнокова «Адыгский этикет» (Нальчик, 1978). Она явилась, по сути дела, первым системным исследованием целостной системы традиционных правил поведения у адыгов и была по достоинству оценена специалистами². В ряде последующих публикаций автор сформулировал теоретические вопросы этнографического исследования общения³. Для многих этнографов как бы заново открылась целая область этнографии — множеством сложных и увлекательных сюжетов.

И вот перед нами новая книга того же автора. В самом ее названии есть слово «Очерки», но сразу же хотелось бы подчеркнуть, что общая картина культуры общения адыгов вырисовывается достаточно полно и объемно. И самое главное — это работа, хотя и выполненная на довольно ограниченном материале (адыгская группа народов), несет в себе большой теоретический заряд. Поэтому она интересна не только для относительно узкого круга специалистов по культуре адыгов и других народов Кавказа, но и для всех, кто исследует коммуникативное поведение. Именно это качество книги позволило автору рецензии, не будучи специалистом по кавказским народам, высказать некоторые впечатления самого общего характера.

В предисловии Б. Х. Бгажноков формулирует основную свою задачу следующим образом: «Показать некоторые особенности организационного строения культуры общения, специфику ее функций, средств и механизмов, живую связь всей этой сложной системы с определенными этапами социально-экономического развития адыгских родов, со спадами и подъемами их культуры, с нюансами образа жизни в целом» (с. 5).

Книга состоит из семи очерков. Тщательно составленные указатели (предметный, географический и этнических названий, местных терминов) являются хорошим пособием для читателя.

В первом очерке — «Аспекты традиционной благожелательности» (с. 7) Б. Х. Бгажноков подробно описывает технику выражения благожелательности у адыгов как в вербальном, так и в невербальном аспектах. Рассматривается и психология благожелательности, в основе которой у адыгов, как и у других народов, лежит принцип взаимного благорасположения. Здесь важно отметить, что автор прослежив

¹ См., например: Бартольд В. В. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. — В кн.: Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909, с. 293–301; Лыкошин Н. С. «Хороший тон» на Востоке. Пг., 1915; Васильев Л. С. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае. — В кн.: Китай: традиция и современность. М., 1976, и некоторые другие.

² Арутюнов С. А., Шагиров А. К. Б. Х. Бгажноков. Адыгский этикет. — Сов. этнография, 1980, № 2.

³ См. прежде всего Бгажноков Б. Х. Коммуникативное поведение и культура адыгов. Сов. этнография, 1978, № 5.

нения картины традиционной адыгской благожелательности, показывая ее приспособление к современным условиям.

Второй очерк посвящен принципам организации пространства в этикете. Это красноречивый образец семиотического анализа проксемического поведения адыгов. На фоне известных универсалий ценностной акцентировки пространства (почетное место, например, соотносится с понятиями «центр», «правый», «верх», «фасад» и т. д.) адыгов до сих пор существуют и специфические представления о пространстве (см. 24—27), которые накладывают заметный отпечаток на принцип его структурирования. Правила и принципы проксемического поведения обнажаются в ситуациях их нарушения, что связано либо с неумением вести себя, либо с нарочитым нарушением этикета поведения (например, с целью оскорбления), либо с универсией обыденных правил этикетной проксемики в жестко ритуализованных ситуациях. Автор совершенно справедливо уделяет этим случаям особое внимание.

Несомненный интерес читателя вызовет третий очерк — «Коммуникативные аспекты питания». Рассмотрев правила распределения пищи (с. 55—63), а также правила подачи и приема пищи (с. 63—71), автор приходит к справедливому заключению: пищевой символизм был ориентирован не только на дифференциацию социальных ролей, но и на их консолидацию, утверждение общности и единства коллектива.

Четвертый очерк — «Образ жизни адыгской феодальной знати» состоит из нескольких разделов. Даны сведения о структуре феодальной знати (с. 73—79), основных формах и мотивах деятельности феодалов (с. 79—86). Подробно разбирается типологическое «благородный/неблагородный» в адыгском обществе (с. 86—93), дурацкий кодекс чести (с. 93—105), семиотика бытового поведения феодальной знати (с. 105—117).

Аксиологический подход к быту и поведению феодальной знати правомерен. Однако целый ряд упреков в ее адрес не кажется бесспорным. Можно ли, например, говорить о том, что феодалы не справились с задачами культурного развития народов (с. 115), если такие задачи перед ними реально никогда и не стояли?

Исследование корпоративных языков: «охотничий язык» (с. 118—123) и «язык ездовых» (с. 123—131), предпринятое в следующем очерке, имеет не столько лингвистическое, сколько культурологическое значение, поскольку функционирование этих языков теснейшим образом связано с особенностями социальной организации, образ жизни и картины мира, характерными для различного рода этнических общностей.

В шестом очерке рассматривается соотношение традиционной культуры поведения современного быта адыгов. Говоря о трансляции культуры, автор отмечает процесс деструкции информационных связей, увеличение и уплотнение информации. Интересные соображения о различных формах актуализации элементов традиционной культуры современных условиях (ср. концепцию вторичных форм культуры К. В. Чистова)⁴. Еще больший интерес вызывает предложенное Б. Х. Бгажноковым различие являющихся (общепринятых, ритуально оформленных) и неявных (скрытых, неафишируемых) дел культуры (с. 143—145). «Чаще всего неявная культура является обратной стороной явной, общепринятой культуры, ее дополнением или антиподом, выступающим и в виде неосознанных или малоосознанных побуждений, влечений, оценок. Например, очень сложные правила подобающего поведения, принятые у адыгов, дополняются серией неявных форм культуры: побуждениями действовать или хотя бы мыслить вразрез с общепринятыми правилами» (с. 144). Изучение структуры неявной культуры, безусловно, поможет лучше пониманию многих особенностей соотношения явного и традиционного в культуре любого этноса.

Наконец, последний очерк — «Этнография общения: предмет, проблемы, опыт» расширяет теоретическим и методологическим принципам изучения культуры общения. Прежде всего автор стремится определить предмет и задачи этнографии общения. «Для лингвистики, семиотики, психологии этническая специфика общения — всего лишь иллюстрация к некоторым сложившимся в этих науках понятиям, законам, категориям; этнографии она обретает иное качество — качество предмета и, следовательно, может рассматриваться как одна из важнейших и неотъемлемых сторон культуры этноса» (с. 159). Б. Х. Бгажноков справедливо полагает, что «этнография общения» может поднять статус субдисциплины общей этнографии только при наличии достаточно серьезного теоретического обоснования (с. 160). Собственно, таким обоснованием и представляется данный очерк. Каковы же, по мнению автора, основные задачи этнографии общения? «Прежде всего это выявление организационного строения и организационных форм культуры общения, их связи с определенными этапами исторического развития этноса, со всеми другими компонентами культуры. Сверхзадача этнографии общения — показать место коммуникативной деятельности в жизни этноса. Все усилия, направленные на определение предметной области этнографии общения, ее понятийного аппарата, методологии и методики, должны быть подчинены этой основной задаче» (с. 161).

Анализируя компонентный состав культуры общения, Б. Х. Бгажноков вводит два важных понятия: стандарты и атрибуты общения. Под стандартами общения автор понимает «общепризнанные шаблоны коммуникативного поведения, приуроченные к типичным, часто повторяющимся ситуациям взаимодействия: приветствие, прощание, представление во время знакомства, выражение благодарности, проклятия, заклинания, специфическое, социально заданное произношение отдельных слов и звуков,

⁴ Чистов К. В. Традиционные и «вторичные» формы культуры. — В кн.: Расы и народы. В. 5. М.: Наука, 1975, с. 32—41.

коммуникативные жесты, позы, мимические движения и т. д.» (с. 165). К атрибутам общения относятся этикетно значимые детали костюма, различные предметы и вещи с ними, нормы проксемического поведения (например, этнокультурные нормы физической дистанции между участниками общения) и т. п. (с. 170—174). Общение само по себе основывается на схеме коммуникации, описание которой предполагает выделение таких составляющих, как адресат и адресант, их «язык» — канал связи, сообщение, контекст и т. д. (ср. хотя бы классическую схему Р. Якобсона). Но поскольку речь идет не о структуре общения, а о структуре культуры общения, выделение стандартов и атрибутов общения представляет несомненную опознавательную ценность.

Собственно этикетный план общения удачно интерпретируется с помощью выделения парадигматики (включающей биосоциальные признаки участников общения: возраст, пол, социальный статус и т. д.) и синтагматики (способа развертывания содержания, которое задано парадигматикой).

Интересны соображения автора о способах трансляции культуры общения, ее производства и воспроизводства. Не отрицая роли подражания в этом процессе, Б. Х. Бгажноков выделяет и другие факторы, обращая особое внимание на этнически специфические формы идеализации традиционной культуры общения. «Техники идеализации», — пишет он, — весьма разнообразны. Самый распространенный способ — выделение всего многообразия содержащихся в этикете принципов и правил взаимного обращения в виде высокоценных, обобщенных, абсолютных категорий или символов (с. 194). Таковы, например, *гири* у японцев или *намус* многих народов Кавказа и Средней Азии. Важное значение в процессе воспроизводства правил взаимного обращения имели также писанные своды таких правил (типа «Законов Ману»), пословицы, песни и другие жанры фольклора.

Плодотворным представляется выделение двух исследовательских уровней этнографического анализа общения — этносоциологического и этнопсихологического — со своими задачами и приемами изучения (с. 204). Думается, однако, что анализ общения будет неполным без его рассмотрения на третьем — этносемиотическом уровне.

Итак, речь идет о книге, представляющей собой новое слово в этнографическом и общетеоретическом изучении культуры общения. И все же некоторые положения в ней спорны. Основной упрек — следование этнографической литературе, идеям концепциям не самого высокого научного уровня. Речь идет об использовании в работах штампов этнографического истолкования социальных фактов. К их числу относятся, например, ссылки на магию в качестве достаточного объяснения непонятного и неизвестного. Почему-то считается, что уже само объявление того или иного объекта (вещи, процесса, персонажа и т. д.) магическим (или ритуальным) дает ему полное истолкование. Между тем объяснение, по сути дела, еще и не начиналось. В лучшем случае всего лишь установлена принадлежность данного явления к магической (ритуальной) сфере. После этого как раз и должна следовать интерпретация, т. е. определение места этого явления в конкретном магическом или ритуальном контексте, функциональных характеристик, приписываемых ему значений.

Спорным представляется распространенное определение ритуала как разновидности обычая (с. 4 и др.). Ритуал — своеобразная программа поведения коллектива в кризисных, экстремальных ситуациях, в то время как обычай соотносится с нормой и действует в промежутках между ритуалами. Во время ритуала действие обычая меняется так же, как и ритуал не имеет смысла в обычных ситуациях. Эти два механизма регуляции поведения не пересекаются, принадлежат разным уровням социальной нормативной сферы культуры. А из общих соображений (в ритуале происходит утверждение истинности действующих в коллективе норм сакральными образами) можно скорее предположить обратное соотношение: обычай как функция (дериват) ритуала.

Или другой пример следования установившимся (и потому кажущимся неизменными) схемам. Автор прав, говоря о том, что традиция, воплощенная в обычаях и ритуалах, мотивируется не только иррационально, но и рационально; логически (с. 5). Только почему синонимом иррационального является эмоциональное (с. 5)? Ведь давно уже назрела проблема серьезного обсуждения прагматики этнографических фактов.

Повторяю, подобного рода штампы свойственны многим этнографическим исследованиям, но в работе столь высокого научного уровня, как рецензируемая книга, это особенно досадно.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что книга Б. Х. Бгажнокова — событие в отечественной этнографии, исследование, которое надолго определит направление и характер поисков в области этнографии общения.

А. К. Байбурда

В последние годы советские ученые многое сделали для изучения советской культуры как целостной развивающейся системы¹. Эта культура — культура советского народа — новой исторической общности, в которой нашли законное место культурные ценности всех больших и малых народов нашей многонациональной страны².

Вместе с тем важной задачей советской исторической науки по-прежнему является изучение развития национальных культур в условиях социализма. Решению этой проблемы советские ученые посвящали много усилий. Прежде всего следует отметить расширение источниковедческой базы. Были изданы многочисленные архивные документы: совсем неизвестные прежде, мало известные или ныне ставшие библиографической редкостью материалы³. Исследователи, в том числе работающие в региональных научных центрах выпустили довольно значительное число трудов, посвященных специфике развития культуры в различных регионах страны, определявшейся прежде всего этническим составом населения, языковой и конфессиональной ситуациями и конкретными формами этнокультурных контактов.

Примером углубленного изучения названной проблематики являются работы советских ученых о национально-культурном строительстве на Северном Кавказе⁴. В их числе одним из первых следует назвать видного историка из Кабардино-Балкарии И. Хутуева. В рассматриваемой монографии впервые столь углубленно и на большом фактическом, в том числе архивном, материале анализируются проблемы культуры Кабардино-Балкарии: становление и развитие народного образования, науки, литературы, профессионального и самодеятельного искусства, творческих союзов, печати, радио, телевидения и т. д.

Структура монографии представляется весьма удачной. Культура автономной республики рассматривается в соответствии с четырьмя важнейшими периодами в жизни советского общества: строительство социализма, Великая Отечественная война, упорядочение и развитие социалистического общества и период развитого социализма. Такая структура, с нашей точки зрения, позволила автору не только в полной мере охарактеризовать изменения в каждой области культуры за годы Советской власти, создать общую картину развития культуры, но и показать качественные особенности каждого периода.

Во введении автор подчеркивает, что «культурная революция — объективная закономерность социалистического переустройства общества, она — одна из важнейших составных частей ленинского плана построения социализма в СССР» (с. 5). И. Хутуев указывает, что быстрое социально-экономическое и культурное развитие прежде отсталых окраин царской России стало возможным благодаря утверждению «советского социалистического политического строя» (с. 7).

Автор начинает анализ с рассмотрения борьбы за ликвидацию сплошной неграмотности среди взрослого населения, строительства советской школы в Кабардино-Балкарии. Отмечены определенные трудности (сопротивление классовых врагов, особенно духовенства, отсутствие национальной письменности, учителей, школ и т. п.), которые приходилось преодолевать при создании пунктов по ликвидации неграмотности и организации учебного процесса. Как свидетельствуют архивные материалы, приведенные автором, в некоторых партийных ячейках не было ни одного грамотного коммуниста (с. 23). У местного населения существовала громадная тяга к знаниям, школы были переполнены; в них было больше взрослых, чем детей (с. 25).

Далее на большом фактическом, в том числе статистическом, материале убедительно прослежена динамика роста народного образования последовательно от одного этапа к другому. Сегодня Кабардино-Балкария — это республика сплошной грамотности, располагающая десятками и сотнями тысяч специалистов со средним и высшим образованием; среди них немало получили подготовку в учебных заведениях автономной республики. Теперь спустя 60 с небольшим лет после начала борьбы с неграмотностью, такой скачок ко всеобщей грамотности и созданию собственных кадров национальной интеллигенции кажется невероятным.

Ныне в республике работают Кабардино-Балкарский гос. университет, возникший в 1957 г. на базе Педагогического института (созданного в 1932 г.), и с 1981 г. — Кабардино-Балкарский агроиндустриальный институт. Еще в 1926 г. был создан Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт. В его структуре имеются секто-

¹ См., например: Культура единого советского народа. М.: Сов. писатель, 1982; Советская культура. История и современность. М.: Наука, 1983.

² Об этом подробнее см. Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1977.

³ См., например: Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 — июнь 1941 г.). — Сб. документов и материалов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1979; Культурное строительство в Кабардино-Балкарии, 1918—1941 гг. — Сб. документов и материалов. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 1980; Культурное строительство на Среднем Урале, 1917—1941. — Сб. документов. Свердловск: Среднеуральск. кн. изд-во, 1984; Культура Молдавии за годы Советской власти. — Сб. документов. Т. I, ч. 1 — Кишинев: Штинция, 1975; т. I, ч. 2 — 1976; т. II — Культурное строительство в Советской Молдавии, 1940—1960. Кишинев, 1984.

⁴ Обязательный анализ разработки проблемы см. Шейджен Э. А. Современная историография национально-культурного строительства на Северном Кавказе. — История СССР, 1985, № 1, с. 136—146.

ра этнографии и социологии, а в университете — лаборатория социологических исследований (с. 350). Ученые, работавшие в этих научных подразделениях, выполнили актуальных исследований традиционной и современной культуры и быта народов Кабардино-Балкарии.

В книге приведено немало материалов, показывающих роль других народов Кабардино-Балкарии, прежде всего, русского, в осуществлении культурной революции, обеспечении высоких темпов культурного строительства на всех этапах социалистического строительства. Автор называет имена советских ученых из других республик, в первую очередь из РСФСР, работавших в разные годы в Кабардино-Балкарии, участвовавших в подготовке национальных кадров, руководивших созданием обобщающих монографий и т. д.

Важное место в рецензируемой монографии отведено становлению и развитию национальной литературы и профессионального искусства. Автор сумел показать жизнь элементов традиционной культуры и их использование в профессиональной литературе.

Х. И. Хутуев нарисовал широкую панораму развития Кабардино-Балкарской социалистической культуры как составной части общесоветской культуры. Так, в рецензируемой монографии Кабардино-Балкарского драматического театра им. А. Шогенкова пьесы кабардинских и балкарских драматургов соседствуют с русской и мировой классикой, произведениями драматургов из братских советских республик. Театр успешно гастролирует в других городах нашей многонациональной страны. Показателем распространения русского языка в республике являлась и реорганизация русскоязычного театра им. А. Шогенцукова в Русский драматический театр им. А. М. Горького. Успешно развивается профессиональное песенно-танцевальное искусство. На всю страну известен своими успешными выступлениями ансамбль «Кабардинка», триумфы которого представлявший советское искусство и за рубежом. Тщетно идеологи антикоммунизма пытаются изобразить закономерный процесс сближения социалистических наций, в Кабардино-Балкарии национальных культур и интернационализации духовной жизни в СССР как «русификацию», как «упадок» национальных культур. Развитие советской культуры в Кабардино-Балкарии показывает, что «только социализм обеспечивает равенство и расцвет братских национальных культур, открывает реальные возможности для наций и народностей, больших и малых, для каждого человека труда к овладению достижениями культуры, всеми источниками знаний, для творческой деятельности в области науки и искусства» (с. 449).

Особо хочется отметить разработку проблем культурной жизни республики в годы Великой Отечественной войны. И в эти годы партийные и советские органы приняли все возможные меры для развития культуры: после освобождения от врага захваченных им территорий республики были восстановлены школы, клубы, кинесеть и т. д.

В формировании общесоветской культуры важная роль принадлежит средствам массовой информации, деятельности которых автор посвятил ряд разделов своей книги. Справедливо отмечено возрастающее значение культурно-просветительных учреждений в коммунистическом воспитании трудящихся и средств массовой информации активно формирующих общественное мнение. Было бы важным в научном и практическом плане более полное выявление национально специфического в проведении массовой культурно-просветительной работы.

Конкретными материалами о культурном развитии советской Кабардино-Балкарии Х. И. Хутуев подтверждает, что братская дружба народов, взаимовлияние и взаимобогащение национальных культур стали основным законом жизни нашей страны.

В рецензируемой монографии убедительно и ярко показано, что помощь русского народа в культурном строительстве была важнейшим фактором, способствовавшим сохранению и развитию кабардинцами и балкарцами своей национальной культуры, обогатившему преемственности культурного развития при сближении ее с национальными культурами соседних народов, прежде всего русского. Это сближение привело к взаимобогащению, расцвету, дальнейшему развитию национальных культур. Современная социалистическая культура советской Кабардино-Балкарии — это составная часть общесоветской культуры, представляющей собой целостную развивающуюся систему.

Сегодня советская Кабардино-Балкария по праву гордится высоким уровнем развития социалистической культуры. В заключении автор напоминает, что «высокий уровень образования и науки позволяет Кабардино-Балкарии принимать участие в оказании практической помощи социалистическому Вьетнаму, молодым развивающимся государствам Ближнего и Среднего Востока в подготовке квалифицированных кадров специалистов» (с. 447—448). Значение этого опыта состоит еще и в том, что он демонстрирует молодым развивающимся странам плодотворность пути развития национальных культур в СССР.

Выше мы уже отмечали удачную структуру книги Х. И. Хутуева. Однако имен в связи со структурой возникает один дискуссионный вопрос⁵. Одни относят начало культурного строительства к моменту установления здесь Советской власти. Вместе с тем в советской исторической литературе показано, что революционные комитеты в процессе их деятельности по восстановлению и упрочению Советской власти в Кабардино-Балкарии с 1918 г. много сделали для культурного преобразования жизни мест

⁵ Этим проблемам посвящена специальная монография. См. Мамбетов Г. Х., Хутуев Х. И. Братская помощь русского и других народов в развитии культуры Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1984.

⁶ На него недавно обратил внимание Н. Ф. Бугай в рецензии на указанную книгу Г. Х. Мамбетова, Х. И. Хутуева. См. История СССР, 1985, № 1, с. 169—171.

дов. Представляется, что было бы целесообразно концентрировать весь имеющийся материал по этому периоду и дать его интерпретацию в отдельной главе. Складывается впечатление, что разработка истории этого наименее изученного периода — актуальная задача ученых, исследующих проблемы становления и развития советской культуры на Северном Кавказе.

Есть и некоторые неточности в датах. Так, на с. 386 говорится о реорганизации в 1871 г. русской группы театра им. А. Шогенцукова в Русский драматический театр А. М. Горького, а на с. 391 утверждается, что театр им. А. М. Горького работает в Бардино-Балкарии более 45 лет. Очевидно, здесь сказывается нечеткость формулировок.

Рецензируемая книга адресована как советскому, так и зарубежному читателю. И. Хутуев создал политически актуальное, научно аргументированное исследование, представляющее немалый интерес прежде всего для историков, этнографов, а также ученых, пропагандирующих достижения нашей страны в решении национального вопроса, в развитии многонациональной советской культуры. Эта книга — необходимое звено в создании обобщающего труда по проблемам становления и развития советской культуры на региональном уровне — у народов Северного Кавказа, в более широком плане — у народов СССР.

З. К. Гарданов, А. М. Решетов

В. Карлов. Эвенки в XVII — начале XX в. (Хозяйство и социальная структура). Изд-во МГУ, 1982. 160 с.

Монография В. В. Карлова посвящена проблеме, привлекающей в настоящее время внимание многих этнографов, — корреляции хозяйства и социальной структуры охотничьих обществ Старого Света. Объектом исследования автор избрал эвенков — народ, которого, по его выражению, отмечена, пожалуй, «самая совершенная форма кочевой оленевой культуры, достигнуть которой им позволило одомашнивание оленя» (с. 8). Причем, нужно сказать, что рецензируемая работа основана на изучении лишь одной группы эвенков, жившей в Енисейско-Ленском междуречье. Автор исходил из соображения, что «именно по этому этнографическому региону имеются источники — исторические, литературные, статистические, фольклорные и полевые этнографические, позволяющие проследить историю данной группы на протяжении всего периода XVII — начала XX в.» (с. 6). Кроме того именно здесь В. В. Карлов в 1966—1969 гг. проводил полевые исследования, позволившие ему существенно дополнить источникную базу исследования.

Учитывая расселение эвенков на огромной территории, выбор в качестве объекта исследования отдельной эвенкийской группы следует признать вполне оправданным. Все же автору следовало бы основательнее объяснить, почему он остановил свое внимание именно на енисейских эвенках. Это позволило бы судить о правомерности распространения выводов, полученных при изучении этой группы, на эвенкийский Север.

В начале работы В. В. Карлов пишет: «С одной стороны, этнографы отмечали у эвенков коллективную собственность на промысловые угодья, довольно четкую родономенклатуру, натуральный уклад хозяйства, относительно низкий общий уровень производства сил. С другой стороны, у эвенков существовала, и, вероятно, была, индивидуальная собственность на оленей, а родовые связи в хозяйственной жизни к концу XIX — началу XX в. (в момент систематического научного изучения эвенков) оказались утраченными и уступили место соседским. Однако и документы того времени не позволяют с определенностью говорить о бытовании в то время родственных коллективистических объединений как производственных единиц» (с. 5).

Эти противоречия и заставили его обратиться ко всему комплексу доступных источников по истории и этнографии эвенков и рассмотреть их социальное устройство в связи с условиями и особенностями их материального производства. На этом фоне автор предполагает показать основной социальный организм эвенкийского общества, или, по словам К. Маркса, «определенный общественный организм, общий субъект, действующий в более или менее обширной совокупности отраслей производства»¹ и существующий в реальной действительности у любого народа во все исторические эпохи.

Известно, что, говоря об основах архаической, или первичной, общественно-экономической формации, К. Маркс назвал таким организмом общины разного типа. Следуя этому подходу, автор рецензируемой работы «стремится выявить и исследовать у эвенков не просто как структурно-таксономическую единицу общества, а как «общения или определенный тип отношений людей — первую и основную категорию социального бытия» (с. 6).

В то же время В. В. Карлов отмечает, что ограничение этим одним, хотя и очень важным, объектом исследования не позволяет получить полного представления о всем комплексе социальных связей в обществе эвенков. Поэтому он считает необходи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 712.

мы рассмотрим и другие формы связей между людьми, «понять социальную различность родственных объединений, их взаимосвязь с общиной, то есть рассмотреть различные структурно-генеалогические образования в системе данного общества целостности на той или иной стадии его развития» (с. 6).

Исходя из задач намеченного исследования, В. В. Карлов строит план своей книги. Она состоит из четырех глав. В первой дан очерк традиционного хозяйства эвенков. Во второй — анализ их социальной и этнической структуры в XVII—XVIII вв. В третьей — анализ исторического типа эвенкийской общины, патронимических объединений экзогамных родов, а также племенных этнических общностей. В третьей главе излагаются специфические черты эвенкийской экономики после включения Средней Сибири в состав России. Последняя глава посвящена изучению изменений в социальной и этнической структуре эвенков в составе Российского феодального государства и после вхождения в их среду товарных отношений.

При исследовании эвенкийской общины В. В. Карлов не ограничивается выявлением тех или иных формальных признаков (отдельные виды хозяйственной деятельности, требующие кооперации, уравнительное распределение, в иных случаях коллективное потребление части продуктов промысла, формальное наличие рода, термины родства), которые позволили некоторым из его предшественников (например, А. Ф. Анисимову) безоговорочно выявить в обществе эвенков остатки первобытно-племенной организации. В. В. Карлов исследует в первую очередь реальные отношения собственности, многообразные и сложные производственные связи людей, истолковывает факты исторического бытия эвенков, отталкиваясь в первую очередь от анализа специфики социально-экономического фундамента и его изменений за три столетия.

Это позволило автору найти основную конкретно-историческую «ячейку», определявшую целостное бытие эвенков, — кочевую социально-производственную общину, структуре которой взаимодействовали как родственные (но отнюдь не первобытно-родовые), так и чисто соседские связи и отношения. В ее основе — совместное освоение определенного хозяйственного округа и коллективная собственность на промысловый угодья. Именно эту общину В. В. Карлов рассматривает как сферу разносторонних внутренних и внешнего социального общения — хозяйственно-экономического, культурного, по воспроизводству и социализации ее членов и т. д. Характерными знаками эвенкийской общины были подвижность и непостоянство состава, динамичный характер связей между составляющими ее преимущественно малыми семьями, самостоятельность которых была закреплена наличием собственных оленей (с. 52—55).

Предшественники В. В. Карлова исследовали хозяйственное и общественное устройство эвенков в основном на двух хронологических рубежах, либо основываясь на наиболее ранних архивных материалах XVII в. (С. В. Бахрушин, Б. О. Долган, Н. Н. Степанов), либо исходя из массового полевого материала, собранного в основном в конце XIX — начале XX в. (А. Ф. Анисимов, Н. П. Никульшин). При этом исследователи не предпринимали изучения социально-экономического устройства эвенков в их динамике на протяжении всех трех веков после вхождения Сибири в состав Российского государства.

В. В. Карлов же задался целью исследовать интересующие его стороны жизни эвенкийского общества в динамике. Это дало ему возможность выявить устойчивые черты эвенкийского общества, которые были присущи ему независимо от влияния тех или иных факторов, в частности, складывание эвенкийской общины преимущественно на основе территориальных связей, ее открытый характер, и те изменения в жизни эвенков, которые явились результатом воздействия на них Российского феодального государства, а впоследствии и влияния буржуазно-товарных отношений, особенно ясно явившегося в конце XIX — начале XX в.

Среди последних превращений — заметные изменения в специализации эвенцкого хозяйства под влиянием товарных отношений, в итоге чего уменьшилась роль охоты в получении мясной пищи (основы натурального хозяйства эвенков) и возросло значение охоты на пушного зверя. В этом проявилась зависимость эвенкийской экономики от общероссийского рынка. Итогами названных процессов явились усилившаяся дифференциация эвенков и выделение верхушки, основывавшей свое положение на владении большими стадами оленей и посреднической торговле с использованием оленевого транспорта. Часть эвенков, лишившаяся оленей, была вынуждена перейти в основном к рыболовству (главным образом на северных озерах между Енисеем и Леной) и к территориально ограниченной пушной охотой или (что встречается чаще) включиться в территориальные общины, возглавляемые крупными оленеводческими эксплуатировавшими труд безоленных и малооленных эвенков.

Как отмечает В. В. Карлов, «на рубеже XX в. общинные и родственные связи эвенков в целом подверглись сильному разлагающему воздействию товарных отношений и имущественного расслоения; эти процессы привели к ослаблению личностных форм связей внутри общины и укреплению вещных отношений... Наибольшее значение во взаимоотношениях между общинниками стали приобретать их имущественное положение, близость экономических интересов или же экономическая зависимость от хозяйства других» (с. 138).

Большое внимание автор рецензируемой монографии уделил также выявлению отношений территориально-производственной общины эвенков с их патронимическими объединениями, экзогамными родами и общностями племенного типа. Автор характеризовал различные социальные и родственные связи членов этих объединений также отразившее их традиционное сознание. В итоге он пришел к выводу, что «в границах племенного типа среди населения территориальных группировок эвенков

достаточно четко выраженной. Консолидация племени происходила лишь в исключительных обстоятельствах и была, как правило, лишь коротким эпизодом» (5).

В работе В. В. Карлова немало удачных наблюдений и выводов более частного характера: о месте рыболовства в традиционном хозяйстве эвенков, гипотеза о древнотунгусской охоте у них и ее возможной роли в расселении тунгусоязычных народов Севера, новая трактовка нимата, вывод об отсутствии направленной геронтократии эвенкийском обществе и т. д.

Все сказанное не означает, однако, что рецензируемая книга лишена недостатков. Замечаний более общего характера следует указать на не всегда четкое разграничение таких важных понятий, как «состав» и «структура». Некоторые положения автора о формальной справедливости вытекающих из них выводов не всегда подтверждаются конкретным материалом. К ним относится, например, мнение о том, что функции семьи (производственной организации) и рода (детопроизводственной организации) совпадают или не совпадают в зависимости от уровня развития производительности и всей системы социально-экономических связей общества (с. 25). Не вполне ясно представляется мнение автора об отсутствии у эвенков конфликтов из-за территории. Если подобные конфликты были довольно редким явлением внутри эвенкийского этноса (хотя и возникали, как отмечает сам В. В. Карлов, при более крупных территориальных перемещениях — на уровне племен), то с иноэтничными соседями эвенков конфликты вполне могли быть. Так, и фольклор, и документальные источники содержат достаточно много сведений о войнах, которые вели аборигены с тунгусоязычными племенами (в частности, на Таймыре).

В целом же рецензируемая работа, несомненно, удачна и вносит вклад в этнографическую науку.

Ю. Б. Симченко

Антониевич Д. Обряды и обычаи балканских скоточаров. Београд. Српска наука и уметности, 1982. 194 с. XXII табл. с илл.

Книга молодого, но уже известного сербского ученого Д. Антониевича представляет научный интерес как для изучения скотоводческих обществ, и в частности кочевников в целом, так и для изучения языческого мировоззрения, верований и обычаев, устно-поэтического и изобразительного искусства. Определяет это прежде всего тем, что предметом исследования в книге являются группы скотоводов — потомков древнейшего населения Балканского полуострова, сохранившие в жизненном укладе и культуре архаические черты, давно исчезнувшие у других народов Балканского ареала.

Сразу же следует заметить, что название книги отражает лишь основную тему исследования. Первая часть ее содержит обстоятельную характеристику этих групп саракачан и влахов, ареала их кочевий в прошлом и настоящем, происхождения этнической истории, а также особенностей их жизненного уклада как потомков кочевых скотоводов, сохраняющих основные элементы древнего быта и хозяйства, путей и способов передвижения от летних высокогорных пастбищ к зимним, расположенным в солнечных приморских долинах, что в значительной мере определяет устойчивую сохранность постулата древних кочевников — неприменения для скота; молоко как основа питания людей, то есть полной зависимостью благ от скота.

Достоинства исследования в значительной степени определяются тем, что оно ограничено изучением литературы и архивных материалов, вдумчивым и тщательным обобщением всего комплекса письменных источников и музейных коллекций. Оно вел серьезное полевое исследование, которое позволило ему увидеть те стороны быта и духовной жизни саракачан, которые скрыты от постороннего глаза в изолированности их от внешнего окружения и строгой эндогамии.

Отмечая характерные для древних кочевых скотоводов черты психического склада, унаследованные саракачанами и влахами, их пренебрежительное отношение к земледелию и своеобразный характер, особенно явно проявляющийся в своем обращении с чужой собственностью, Д. Антониевич наряду с этим открывает и другие, привлекающие стороны этих людей, которые выявляются лишь при тесном контакте с ними.

При тесных контактах со скотоводами-кочевниками открываются качества, которые в литературе не получили должного отражения. Так, Д. Антониевич красочно повествует об отношении скотоводов к домашним животным и скоту на пастбище. Они не только заботятся о нем, а проявляют нежность, ласкают животных и с ними разговаривают.

Нарисованные Д. Антониевичем яркие картины жизни саракачан и влахов позволяют понять их мировосприятие, религиозные представления и обрядовые действия. Разнообразно представлена в книге их духовная жизнь. При относительно слабой сохранности мифологии мы видим демонологию широкого диапазона, персонажи которой несут в себе черты глубокой архаики. В этом смысле особый интерес представляют мифы, которые, по народным поверьям, не только владеют нитями жизни, но и определяют судьбу.

Подробно рассмотренный календарный цикл также содержит архаические элементы, которые позволяют понять сущность культов, сохранивших отголоски древних представлений, на которых они основываются. Так, например, Дмитриев день (Митра, 26 октября ст. стиля), приходящийся на переходный период от осени к зиме, когда скотоводы-кочевники связаны с чрезвычайно важными для жизни общины делами, по основным ритуальным действиям аналогичен Георгиеву дню. Центральное место в них принадлежит общественной трапезе вокруг жертвенного огня. Непререкаемый авторитет и главенствующая роль старейшин (совет старейшин) был и остается верховным органом управления общиной) неизменно проявляются во всех сферах социальной жизни.

Семейная обрядность также сохранила архаические черты, которые позволяют яснее видеть языческие рудименты в ритуальных действиях других балканских и европейских народов. В похоронной обрядности мы сталкиваемся с такими архаическими формами, как похороны в «колыбе» — летней хижине скотоводов-кочевников, что связано с архаическими формами культа предков и позволяет понять такие позднейшие формы, как, например, похороны в подполье (у русских старообрядцев) или похороны в дупле под порогом (у южных славян и других народов).

Свадебная обрядность сохраняет еще более архаические формы: строгий запрет брака вне своей этнической группы; ненарушимый договор между родителями и невестой; девочка еще в колыбели; жених с невестой не видятся друг с другом до венча; свадьба как общественное ритуальное действие в установленные ритуалом календарные сроки и др.

Большой интерес вызывает рассмотрение культовых действий, связанных с рождением будущего (такие, как гадание по лопатке жертвенного барана о жизни и судьбе новорожденного или о предстоящих в семье событиях в наступающем году), с нейтрализацией вредоносной силы «злых очей», с формами заклания благополучия, которых особенно обращают на себя внимание архаические представления о змеях.

живителях людей и скота и связанных с этими представлениями амулетах из змеиных голов. Хотелось бы привлечь внимание к культовым действиям вокруг змей для изучения генезиса «змеевиков». В специальной литературе о «змеевиках» вопрос этот еще не разрешен. Саракачане 1-го мая (этот день считается у них наиболее благоприятным для собирания и изготовления всякого рода оберегов и амулетов) в соответствии с устойчиво сохраняющимся традиционным ритуалом отправляются на охоту за змеями для амулетов (особенно благоприятным для этого считается определенный район). Ловля производится с помощью палки со специальным раздвоением на конце, при помощи которого змею зажимают, и золотой или серебряной монетой отрезают голову. Голову помещают в колокольчик и относят в церковь, где она находится 40 дней, чтобы на нее распространялось воздействие положенного числа литургий. После этого змеиную голову носят на шее как амулет, охраняющий от всех бед и опасностей.

Как известно, амулеты разных форм с изображением змей (или змей) — «змеевики» широко распространены у языческих народов. В христианскую эпоху они не исчезают, а продолжают существовать долгое время, постепенно сливаясь с нагрудными христианскими иконками. Подтверждением такой трансформации являются настоящие иконки с изображением змей по краям. Змеиная голова — амулет позволяет проследить пути формирования «змеевиков», 40-дневное пребывание в церкви дает основу для объяснения путей трансформации языческих «змеевиков» в христианские иконки с изображением змей, что на первый взгляд противоречит самой сущности христианской религии, согласно которой змея символизирует злое и вредоносное начало, противное учению Христа.

Этот экскурс — один из примеров тех импульсов, которые дает работа Д. Антонова для изучения истории балканской культуры, отдельных явлений и элементов.

В качестве другого примера, стимулирующего разработку вопросов синтеза языческих и христианских представлений в народной традиции, можно привести положение, что саракачане воспринимают христианских святых, которым поклоняются (Георгий, св. Дмитрий и др.) как языческие божества.

Как для изучения языческой символики, органически вошедшей в народную обрядность христианской эпохи, так и для исследования формальных качеств народного искусства интерес представляет ритуальный сочельнический каравай. На верхней его части — вылепленные из теста лапстбище с разными видами скота, с собаками, охраняющими стада, с пастухами и т. п.

Из ритуальных атрибутов обрядовых действий, представляющих собой подлинное введение народного искусства, привлекают внимание набалдашники пастушеских посохов. Резные изображения их содержат сложный мировоззренческий комплекс, связанный с культом змей как покровителя племени и его стада, с культом предков и астральными культами (табл. XX).

О достоинствах книги и значимости ее для исследователей разного профиля — от филологов и этнографов до искусствоведов можно сказать еще очень многое. В работе не ставилась задача подробного изложения содержания книги или анализа отдельных ее частей. Мы попытались привлечь внимание к ней специалистов по фольклору, скотоводству и истории духовной культуры.

Н. Н. Велецкая

H. Schindler. Die Reitersämme des Gran Chaco (Völkerkundliche Abhandl. Bd. VIII.) Dietrich Reimer Verlag, B., 1983, XV+242 B. T. Hartmann. Bibli. Critica d Etnologia Brasileira. V. III (Völkerkundliche Abhandlungen. Bd. IX) 723 S.

Рецензируемая книга Г. Шиндлера «Конные племена Гран Чако» — восьмая серия «Этнографические исследования», издаваемой под редакцией видного западного этнографа-американиста Г. Бехера Этнографическим обществом и Государным музеем Ганновера (ФРГ). Все предыдущие тома серии, также посвященные коренному населению Америки, рецензировались в «Советской этнографии».

В книге «Конные племена Гран Чако» рассказывается о племенах, живших в период европейского завоевания и в колониальный период в сердце Южно-Американского континента — в Гран Чако, т. е. о группах племен гуайкуру, матако, маско, о калчаках, гуана и др. В колониальный период истории Америки индейцы Гран Чако освоили лошадей, некоторые племена стали заниматься скотоводством. Это по большому числу изменений в их традиционном хозяйстве, основанном в доколумбовую эпоху на охоте, собирательстве, рыболовстве и в значительно меньшей степени на примитивном земледелии. С появлением лошади изменился и весь образ жизни индейцев Гран Чако.

Значительное внимание автор уделяет борьбе индейцев Чако с испанскими конкистадорами в XVII—XVIII столетиях, т. е. от времени освоения коренным населением лошадей до упадка могущества конных индейцев Гран Чако.

Книга имеет весьма дробную структуру. Она состоит из 23 разделов. В эту главу автор включает и введение, и заключение, и библиографию. Некоторые разделы имеют всего по 2—3 страницы. Более крупные разделы дробятся на подразделы выделяемые с помощью арабских цифр или буквенных обозначений. Подобная структура лишает нас возможности не только проанализировать по отдельности содержание каждого раздела и подраздела, но и перечислить их все. Поэтому мы в значительной мере будем рассматривать рецензируемую книгу в целом, лишь в некоторых случаях выделяя ее общую характеристику и оценку разбором отдельных частей.

В очень кратком введении и следующем за ним источниковедческом разделе Г. Шиндлер останавливается на истории своей работы над книгой «Конные племена Гран Чако», характеризует источники и литературу. Особенно ценными для исследования оказались относящиеся к XVIII в. записки трех миссионеров ордена иезуитов, которые длительное время жили среди индейцев и описали гуайкуру-мбая (Лаборда), мокоби (Ф. Пауке) и абинонов (М. Добришхофер). Останавливаясь Г. Шиндлер и на вкладе в изучение индейцев Гран Чако путешественников, миссионеров и исследователей позднейшего времени: Г. Азара, В. Граба, Г. Бальбуса, А. Метри.

Источниковедческий раздел заканчивается утверждением, что в нашем столетии быстро совершалась «аккультурация» индейцев Чако. И тут же поясняется, что это не представляла. Как пишет автор, армии Парагвая, Аргентины, Боливии и поселенцы многократно устраивали резню индейцев, не щадя ни женщин, ни детей. Была «настоящая кампания на уничтожение» (с. 7). Включение данных об историческом положении индейцев в источниковедческий раздел не вполне обычно. Видимо, это сделано потому, что автор с самого начала книги стремился показать, как исчезли или почти исчезли племена Гран Чако, о которых пишется в рецензируемом этнографическом исследовании.

В разделе о географии Гран Чако, следующем за источниковедческим, особое внимание автор уделяет ландшафту и животному миру этой физико-географической области, так как от их характера во многом зависят возможности конной охоты.

Как отмечает автор в одном из последующих разделов книги, в подобных родных условиях конная охота иногда оказывалась даже менее эффективной, чем охота на оленей. Преимущество в скорости, которое давала охотнику лошадь, далеко не всегда было реализовано из-за наличия на пути многих естественных препятствий: болот, зарослей кустарников, лесов с густым подлеском и т. д. В то же время подобные препятствия служили укрытием для преследуемых животных. Различие между Гран Чако и другими местами и лишенными подобных естественных препятствий пространствами северных канских прерий или южноамериканской пампы заключалось и в том, что в Чако было много животных, пасущихся большими стадами, таких, как бизоны Северной Америки, гуанако Южной. Не было здесь и больших стад заведенного европейцами и одичавшего скота или табунов мустангов. Поэтому во многом из-за неблагоприятной экологической обстановки освоение и использование лошади индейцами Гран Чако не привело к созданию столь ярко выраженной и столь эффективной культуры конных охотников, что произошло, например, у индейцев североамериканских прерий.

Индейцы Гран Чако, даже имея достаточное количество лошадей, нередко охотились пешком, как это делали их предки в доколумбову эпоху. Лошадей же индейцы этой области, по утверждению Г. Шиндлера, использовали прежде всего не для охоты, а во время набегов на испанские поместья с целью угода скота, а также при столкновениях с европейскими колонизаторами. Именно для этих целей лошади и были применены с наибольшим успехом. Г. Шиндлер обращает внимание на то, что подобные набеги для захвата скота совершали не все племена Гран Чако, а лишь те, у которых война еще до освоения ими лошади была важным элементом жизни. Например, гуайкуру-мбая, калчаки и др.).

¹ См., например: *Файнберг Л. А. A. D. Dumond. The Eskimos and Aleuts.* — Географический журнал, 1980, № 1.

Поэтому, по мнению Г. Шиндлера, неверна преобладающая в этнографической литературе об индейцах Гран Чако точка зрения, согласно которой освоение лошади раз у племен этой области «военное поведение», воинственность. Полемизирует автор общепринятым в индеевистской литературе взглядом, по которому использование лошадями привело к стратификации их общества. Проведенный Г. Шиндлером тщательный анализ источников показывает, что так называемая знать у племен Гран Чако — это всего лишь члены военных обществ, которые могли существовать и, действительно, существовали у многих племен Америки и до конкисты. Для Гран Чако, по слову Г. Шиндлера, мало данных, которые бы указывали на возрастание власти вождей при освоении индейцами лошади. Совсем напротив, авторитет вождей в XVII в. сколебился по сравнению с доколумбовой эпохой.

Вместе с тем автор признает, что у гуайкуру — одной из групп племен Гран Чако — не говорить о развитии стратификации в колониальную эпоху. Но эта стратификация, по мнению Г. Шиндлера, была порождена не освоением лошади, а заимствованием гуайкуру у европейцев института рабства. При этом автор акцентирует внимание на том, что индейцы с их эгалитарными социальными нормами обращались с рабами гораздо лучше, чем европейцы. С мыслью Г. Шиндлера о заимствовании гуайкуру у европейцев согласиться трудно. Патриархальное рабство, распространенное в прошлом у многих племен Америки, находившихся на этапе разложения первобытнообщинных отношений, — это явление принципиально отличное от использования рабов в испанских и португальских колониях в Америке. С общей же направленностью взглядов Г. Шиндлера, возражающего против переоценки уровня стратификации индейских обществ Гран Чако в XVII—XVIII вв., мы вполне согласны.

Недавно в предисловии к русскому изданию книги К. Леви-Строса «Печальные тропы» (М.: Мысль, 1984) мы высказывались в том же плане, что и Г. Шиндлер, возражая против характеристики К. Леви-Стросом доклассового общества гуайкуру в категориях феодального с использованием таких понятий, как «короли», «сеньоры», «крепостные» и т. п. В связи с исследованием Г. Шиндлера, возможно, стоит еще раз рассмотреть вопрос об истоках социальной стратификации у племен североамериканских индейцев, обратив особое внимание на наличие или отсутствие ее до перехода к конной войне.

Интересны разделы рецензируемой книги, в которых рассматриваются различия между конными и пешими индейцами Гран Чако. Фактически у последних (матако, видауле, маской, самуко, гуана и др.) также имелись в небольшом количестве лошади, которые использовались для верховой езды. Но лишь у конных племен было достаточное количество лошадей, чтобы часто менять их под седлом во время длительных военных экспедиций и набегов на испанские поместья. В результате последних захватывались все не стада скота, но животных быстро съедали. Разведением же скота конные племена не занимались. Напротив, у пеших индейцев с течением времени все большую роль в хозяйстве начинает играть скотоводство, особенно разведение коз и овец.

Значительное место в рецензируемой книге отведено истории отношений европейцев и индейцев. После того как индейцы освоили лошадь, т. е. примерно с 20-х годов XVI столетия и до его конца, существовал военный перевес индейцев над европейцами. Ударами конных племен испанцы отступали. На протяжении XVII в. были покинуты многие поместья и форпосты, созданные в Гран Чако в начале колонизации, оставлены многие торговые пути, проходившие через эту область и связывавшие отдельные районы. В XVIII в. соотношение сил индейцев и испанцев решительно изменилось. Европейское население колонии Ла-Плата росло. В 1776 г. она была преобразована в вице-королевство Рио-де-Ла-Плата. Численность же коренного населения сокращалась. Шиндлер отмечает, что непосредственные причины этого сокращения были несколько иными, чем в североамериканских прериях и южноамериканской пампе. В ослаблении племени племен прерий и пампы большую роль сыграло использование европейцами нарезанных винтовок, служивших как для массового уничтожения стадных животных (бизонов, гуанако), охота на которых обеспечивала индейцев почти всем необходимым, так и для истребления самих индейцев. Упадку военной мощи индейцев прерий способствовало и строительство железных дорог, связавших Восток США с его дальним Западом.

Численность же индейцев Гран Чако уменьшалась не столько вследствие войн с европейцами, сколько от эпидемий болезней, занесенных европейцами. В середине XVIII в. некоторые территориальные подразделения гуайкуру согласились отказаться от своей независимости и поселиться при религиозных миссиях. А к началу XIX в. индейцы Гран Чако уже не представляли серьезной опасности для европейцев.

Вышеизказанным не исчерпывается содержание богатой фактическим материалом и интересной идеями книги Г. Шиндлера «Конные племена Гран Чако». Ее появление подкрепляет высокое научное качество серии «Этнографические исследования», что уже замечалось.

* * *

Менее удачен девятый том названной серии, вышедший в свет в конце 1984 г. В нем опубликована «Критическая библиография бразильской этнографии», т. III. Первые два тома этого издания рецензировались в «Советской этнографии»². Напомним лишь, что

² См. мою рецензию на кн.: H. Baldus. Bibliografia critica da Etnologia Brasileira. II («Völkerkundliche Abhandlungen», Bd. IV) — Сов. этнография, 1969, № 6.

они были написаны выдающимся бразильским этнографом Г. Бальбусом и аннотации и комментарии к 2834 работам об индейцах Бразилии, опубликован 1500 по 1967 г. В связи с кончиной Г. Бальбуса его работу над этим изданием продолжила его коллега по Паулистскому музею г. Сан-Паулу Т. Хартманн. Она и являлась автором третьего тома названной библиографии. Он охватывает период в 15 лет, с 1967 по 1982 г., и включает 1765 названий работ, посвященных этнографии Бразилии. Эта цифра указывает на быстрый рост с конца 60-х годов числа публикаций об индейцах этой страны. Значительно изменилась и направленность этих публикаций. На смену работ по религии и мифологии, а также социальной организации, доминировавших в индейской литературе раньше, пришли работы по индейской политике, о борьбе индейцев за свои права, по индейским языкам, археологии, медико-генетическим проблемам. Т. Хартманн не сочла возможным охватить в своей библиографии всю эту разнообразную тематику и в отличие от того, что было сделано в двух предшествующих томах, не рассматривает исследования по этим смежным с этнографией специальным направлениям. По-видимому, такое решение оправданно. Однако более ограниченный характер третьего тома библиографии по сравнению с двумя предшествующими проявляется и в некоторых других отношениях. Если Г. Бальбус включил в изданный им том советские работы об индейцах Бразилии, то у Т. Хартманн они практически отсутствуют. Не упоминаются не только статьи, но и книга «Индейцы Бразилии» (Наука, 1975). Невыгодно отличается третий том библиографии от первых двух и тем, что в нем гораздо меньше анализа работ. В основном автор ограничился общей оценкой и аннотацией их. Возможно, Т. Хартманн права, когда отмечает во введении к третьему тому библиографии, что критические замечания Г. Бальбуса иногда были слишком жесткими, а в отдельных случаях даже несправедливыми. Но все же, на наш взгляд, тщательный разбор всех наиболее значительных индейских исследований был полезным и придавал библиографии исследовательский характер.

Несмотря на эти замечания, нельзя не признать, что Т. Хартманн проделала очень важную и очень полезную работу, продолжив труд Г. Бальбуса, и издание ее книги «Этнографические исследования Нижнесаксонского музея» вполне оправданно.

Л. А. Файн

Письма в редакцию

А. Х. Халиков

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ БУРТАСОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VIII — НАЧАЛЕ X В.

Одной из весьма сложных в истории раннего средневековья Восточной Европы остается проблема этнической интерпретации таинственного народа *буртас*, часто упоминавшегося восточными авторами в IX—X вв. Достаточно подробно эта проблема рассмотрена в работах Б. Н. Заходера¹ и Б. А. Васильева² и вновь поднята в недавно опубликованной статье Г. Е. Афанасьева³. С каким только народом — современным или исторически известным — не пытались отождествлять буртасов. Многие исследователи считали этот народ финноязычным, в частности мордвой, особенно мордвой-мокшей (работы П. С. Савельева, И. Маркварта, В. В. Бартольда, С. К. Кузнецова, В. Маркова, В. Ф. Минорского, В. В. Гольмстен, А. П. Смирнова, А. И. Яковлева, Ф. Жиганова, С. А. Плетневой). Предков угро-мадьяр видели в них И. Переньи, А. Васильев, П. Д. Степанов, В. Ф. Генинг, И. Н. Черменский, И. Вашари. Финноязычными предками чуваш считали их Д. А. Хвольсон, В. Сбоев, Ю. В. Готье, М. Г. Сагалиев. Но большинство исследователей склонялось к мысли о тюркоязычности буртасов. Среди этих исследователей как древние авторы — Ибн Русте (писал о близости буртасов гузам), Масуди (относил их к тюркскому племени), Балхи и Якут Хама-лукашвили на тюркоязычность буртасов), так и ученые XIX—XX вв. — Х. Френ, Н. Смирнов, Х. Паасонен, А. И. Попов, Б. Н. Заходер, П. Н. Третьяков и др., при этом некоторые из них (И. Н. Смирнов, Ф. Ф. Чекалин, Ф. Ф. Вестберг, Р. Г. Мухамедов, А. Х. Халиков, Н. Ф. Мокшин, М. З. Закиев) видели в буртасах предков татар-шарей.

Совершенно новое предположение (об ирано-осетинском этносе *буртас*) недавно выдвинул Г. Е. Афанасьев. Основные доказательства тождества алан и буртасов сводятся к следующему:

1. Буртасы жили западнее р. Итиль на р. Буртас, которую следует отождествлять с рекой Итиль⁴.
2. Буртасы — оседлые племена южной части лесостепной зоны, пограничной со степью⁵.
3. Язык буртасов — не тюркский и не славянский⁶.
4. Эпоним *буртас* можно объяснить через осетинский язык (*бурт/фурт-ас* — сын курия)⁷.

В итоге Г. Е. Афанасьев приходит к выводу, что буртасы — это носители лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры, выделенной в районе верхнего течения р. Сухой Донец, верхнем Подонье и низовьях Хопра⁸.

¹ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поппе в IX—X вв. М., 1962, с. 230—252.

² Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва. — В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, с. 180—209.

³ Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X в. — Сов. этнография, 1984, № 4.

⁴ Там же, с. 32 и сл.

⁵ Там же, с. 35 и сл.

⁶ Там же, с. 39.

⁷ Там же, с. 40.

⁸ Там же, с. 37—38.

Насколько же обоснована эта гипотеза? Утверждение, что письменные источники локализуют буртасов далеко на запад от р. Итиль (Волга), не совсем верно. Г. Е. Афанасьев полагает, что у Ибн Русте, Гардизи, Бакри и Марвази, «дающих наиболее полную информацию о буртасах», нет данных о том, что земля буртасов находится к р. Итиль или поблизости от нее⁹, и что автор анонимного сочинения «Худуд ал-Алем» а также Масуди и Димашки помещают «буртасов в стороне от Итиля (к западу, к Худуд ал-Алем), на берегу одного из его притоков»¹⁰.

Обратимся к источникам. Балхи (20-е годы X в.), например, пишет, что «буртасы живут рассеянно по берегам Итиля»¹¹. Гардизи, широко использовавший сведения Ибн Хордадбека (IX в.), сообщает о пути «из страны буртасов в страну хазар по р. Итилю на судне»¹², т. е. о расположении земли буртасов рядом с р. Итиль (Волгой). Персидский аноним «Худуд ал-Алем», основанный, по мнению Б. А. Рыбакова, преимущественно на источниках VIII—IX вв.¹³, сообщает, что земля буртасов с востока ограничивается р. Атил (Итиль)¹⁴. Да и Масуди, чьи сведения о расположении буртасов далеко от р. Итиль использует Г. Е. Афанасьев, сообщает в своей книге «Мурудж ал-Дзахаб», что впадающая в реку хазар река Буртас, вдоль которой «живут оседлые тюркские племена, составляющие часть Хазарского царства», «течет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар»¹⁵. Как известно, земля бургар-булгар находилась на р. Итиль, следовательно р. Буртас была поблизости от р. Итиль. По мнению В. Ф. Минорского, комментировавшего приведенный выше отрывок, рекой Буртас называлось главное течение Волги от района нынешнего Волгограда и ниже¹⁶.

Один из видных знатоков и комментаторов свода восточных источников о буртасах, Б. Н. Заходер, не только считал, что буртасы IX—X вв. локализовались около Итиля (Волги), но даже высказал предположение, что левобережье Волги ими занято было больше, чем правобережье¹⁷.

Итак, письменные источники не дают основания отрывать буртасов от Волжского бассейна. К этому следует добавить, что источники эти содержат очень точную географическую локализацию буртасов по отношению к соседним синхронным народам, которую почему-то совершенно не использует Г. Е. Афанасьев.

Так, основной автор сведений о буртасах, Ибн Русте, сообщает, что «Земля буртасов лежит между Хазарскою и Булгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой»¹⁸ (т. е. от Хазарской. — А. Х.). Это же подтверждают Марвази¹ и другие авторы. Ибн Русте, а вслед за ним Бакри и Гардизи сообщают, что с землей буртасов соседят булгары, или между булгарами и буртасами три дня пути²⁰.

Как подсчитал Б. А. Рыбаков, день сухопутного пути в эпоху средневековья в интересующей нас зоне «колебался между легким (31—37 км) и тяжелым (около 46 км). По целому ряду восточных и русских источников день обычного пути (при передвижении на большие расстояния) следует считать в 35 км»²¹. В таком случае между хазарами и буртасами расстояние должно быть 525 (при 15-ти дневном пути) или 525 (при 17-ти дневном пути) км. При размещении Г. Е. Афанасьевым буртасов в районе пространства лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, от буртасов до хазар (крепости Саркел — Белая Вежа)²² оказывается не более 100—150 км, а если брать одну из последних «исторических карт Хазарского каганата», составленных С. А. Плет-

⁹ Там же, с. 32.

¹⁰ Там же, с. 33.

¹¹ Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, с. 73.

¹² Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 гг. — Записки импер. Академии наук, VIII серия, т. I, № 4, СПб., 1897, с. 121.

¹³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII в. М.: Наука, 1968, с. 193 и сл.

¹⁴ Minorsky V. Hudūd al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geographical History. 372 A. D. — 982 A. D. L., 1937, p. 162.

¹⁵ Цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1906, с. 131.

¹⁶ Там же, примеч. 27 (с. 196).

¹⁷ Заходер Б. Н. Указ. раб., с. 238.

¹⁸ Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 19.

¹⁹ Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. L., 1942, p. 33.

²⁰ Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 24.

²¹ Рыбаков Б. А. Путь из Булгара в Киев. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 190.

²² Афанасьев Г. Е. Указ. раб., карта (с. 37).

ной²³, то буртасы будут располагаться непосредственно в пределах Хазарин (Мавра). В то же время от булгар, от которых буртасы, по сведениям письменных источников, были удалены лишь на 100—105 км (3 дня пути), они, по схеме Г. Е. Афанасьева, оказываются удаленными более чем на 600 км или на 17—18 дней пути. Уже одно это делает нереальной гипотезу Г. Е. Афанасьева.

Не соответствует действительности и утверждение Г. Е. Афанасьева, что буртасы были тюркоязычным племенем²⁴. Масуди и ряд других авторов, например, Исахак ибн-Али-Хусейн, прямо писали, что «буртас — тюркское племя»²⁵, что «у них (буртасов) — А. Х.) внешний вид и отдельные статьи подобны тюркам»²⁶. Шараф Марвази рассуждал также считал тюрками, ибо сведения о них (буртасах) у него помещены в 12 главы IX, названной «The Turks» («Тюрки») ²⁷. Даже в ираноязычном источнике Худ ал-Алем они сопоставляются не с хорошо знакомыми его автору ираноязычными аланами, а с тюркоязычными гузами: «Они (буртасы. — А. Х.) по своим обычаям близки гузам»²⁸. Это же повторяет и Ибн Русте: «Вера их похожа на веру гузов»²⁹. Родстве буртасов с другим тюркоязычным народом — булгарами — писал Мирхонд: Кимара (Кумана) — сына Яфета было два сына — Буртас и Булгар»³⁰.

Хотелось бы коснуться еще одного момента. Как известно, отождествление этноса, известного по письменным источникам, в данном случае буртасов, с этносом-носителем определенной археологической культуры, в данном случае лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, предполагает соответствие основных данных письменных источников с основными археологическими данными, т. е. с погребальным обрядом, вещным инвентарем и т. п.

Обратимся вначале к археологическим материалам. «Катакомбные могильники являются определяющим признаком лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры», — пишет С. А. Плетнева³¹, причем с преимущественным обрядом коллективного погребения. «Трупосожжения несомненно не характерны для народов, создавших салтово-маяцкую культуру», — добавляет она³². Письменные же источники сообщают: одни из буртасов сжигают покойников, другие хоронят»³³. А такие источники, как Худ ал-Алем («и они сжигают покойников») ³⁴ и особенно Исахак ибн ал-Хусейн («Большинство их сжигает своих покойников») ³⁵ еще более категорично утверждают характерность для буртасов обряда трупосожжения, не свойственного носителям салтово-маяцкой культуры.

По мнению исследователей, «наиболее постоянен в салтовское время был комплекс оружия и конской сбруи — типичный комплекс всадников-воинов... Для „катакомбников“ алан — сабля, топорик, лук со стрелами»³⁶. По данным же письменных источников, например, по Гардизи, оружием буртасов «являются два дротика, топор и лук», сабли практически нет, ибо сабля — обязательное оружие всадника, тогда как у буртасов «лошадь имеют не все, а только очень богатые»³⁷.

Наконец, письменные источники единодушно отмечают явно не южный, напоминающий степной, а северный, более лесной, облик культуры, быта и занятий буртасов: земля их просторна и обилует лесистыми местами... Земля ими обитаемая, ровная, а деревьев чаще всего встречается в ней хелендж. Занимаются они и земледелием, но главное их богатство составляют мед, меха куньи и мех вообще» (Ибн Русте) ³⁸; «они (буртасы. — А. Х.) имеют свиней и крупный рогатый скот и у них в изобилии... они не имеют фруктов и делают напитки из меда» (Марвази) ³⁹. Последнее не

²³ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР, М.: Наука, 1981, с. 39.

²⁴ Афанасьев Г. Е. Указ. раб., с. 39.

²⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда..., с. 196.

²⁶ Заходер Б. Н. Указ. раб., с. 240.

²⁷ Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi..., p. 33.

²⁸ Minorsky V. Hudud al-'Alam, p. 162.

²⁹ Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 20.

³⁰ Там же, с. 78.

³¹ Степи Евразии..., с. 69.

³² Там же, с. 72.

³³ Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 21.

³⁴ Заходер Б. Н. Указ. раб., с. 245.

³⁵ Там же, с. 246.

³⁶ Степи Евразии..., с. 74.

³⁷ Заходер Б. Н. Указ. раб., с. 249—250.

³⁸ Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 21.

³⁹ Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi..., p. 33—34.

вяжется с находками среди салтово-маяцких древностей виноградных ножей⁴⁰ и лом с более степным обликом всей культуры и окружающей ее природы⁴¹. Правда, этой связи несколько диссонансом звучит сообщение письменных источников, в частности Ибн Русте и Гардизи, о наличии у буртасов верблюдов⁴², но данное сообщение скорее указывает на традиции восточного заволжско-приаральского происхождения буртасов, на что в свое время обратил внимание еще И. Н. Смирнов. По его мнению, XIX в. основным районом верблюдоводства служили «уходящие в Среднюю Азию с пи Самарской, Оренбургской и Астраханской губерний»⁴³. И опять показательное, если буртасы письменных источников имели верблюдов, то у населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры, т. е. у буртасов Г. Е. Афанасьева, «их не было совсем»⁴⁴.

Итак, приведенные материалы показывают, что попытка Г. Е. Афанасьева отождествить буртасов с носителями лесостепного (аланского) варианта салтово-маяцкой культуры не подтверждается ни письменными источниками, ни археологическими материалами. Поиски археологического обоснования отождествления буртасов с тем или иным этносом следует, очевидно, искать в другом направлении, о чем уже мне неоднократно приходилось писать⁴⁵. Однако, это тема специальной статьи.

⁴⁰ Степи Евразии..., с. 72; Плетнева С. А. От кочевий к городам.— МИА, № 11 М., 1967, с. 147. В последней книге отмечается характерность для населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры виноградников, которые тянулись «по берегам Дона, где сейчас находятся крупнейшие виноградники нашей страны» (с. 147).

⁴¹ Плетнева С. А. Указ. раб.

⁴² Хвольсон Д. А. Указ. раб., с. 21.

⁴³ Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895, с. 10.

⁴⁴ Плетнева С. А. Указ. раб., с. 148.

⁴⁵ Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань: Татарстан, издат., 1978, с. 60—61; *его же*. Этапы этногенеза татар Среднего Поволжья и Приуралья.— В кн.: Проблемы современной тюркологии. Алма-Ата: Наука, 1980, с. 3; *его же*. Раскопки Армиевского и Больше-Тиганского могильников.— В кн.: Археологические открытия 1981 г. М.: Наука, 1983, с. 177—178.

Г. Е. Афанасьев

БУРТАСЫ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ВАРИАНТ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

(ответ А. Х. Халикову)

В связи с публикацией письма А. Х. Халикова, в котором он полностью отрицает возможность идентификации народа *буртас*, известного по письменным источникам с носителями лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (далее — СМК), хотелось бы рассмотреть систему использованных им аргументов.

Отставная волжскую локализацию буртасов, А. Х. Халиков ссылается на сообщение Гардизи: «Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар р. Итилю на судне». Но это сообщение само по себе никоим образом не является свидетельством того, что буртасы жили на берегу Волги. Оно может означать, что буртасы жили в верховьях Дона, который восточными географами воспринимался приток Волги. И такая локализация буртасов вполне согласуется с предложением мною отождествления р. Буртас с Доном¹. Водное путешествие из района распространения лесостепного варианта СМК по Дону, Осколу или Северскому Донцу район Волго-Донской переправы и далее по Волге в ее низовья, где находилась зарская столица, не представляет каких-либо затруднений. Этот путь, изображенный на карте Идриси, был хорошо известен и хазарам, и русам, и византийскому правительству².

¹ Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII—IX вв.— Сов. этнография, 1984, № 4, с. 38, 39.

² Obolensky D. The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe, 500—1453. L., 1971, р. 176; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М.: Наука, 1982, карта на с. 291.

Трудно согласиться с А. Х. Халиковым, что по «Худуд ал-Алем» «земля буртасов востока ограничивается р. Атил». Предложенный перевод слишком вольный и меняет смысл текста. В действительности источник гласит: «К востоку от нее (страны б. иас. — Г. А.) — река Атил; к югу от нее — хазары...» — («East of it is the river Atil; to the south of it, the Khazars») ³. Таким образом, здесь речь идет не о том, что страна буртасов ограничивается с востока Волгой, а о том, что Волга находится к востоку от аны буртасов.

Пытаясь доказать, что упомянутая у Масуди, Димашки и Варди р. Буртас не может быть Доном, А. Х. Халиков использует следующее сообщение Масуди: «Эта река идет со стороны бургар, и суда непрерывно ходят по ней между землями бургар и хазар». Однако тот же Масуди в другой работе говорит о р. Буртас как о притоке Итиля к Хазарии и Хорезму, по которой из одной страны в другую доставляются товары ⁴. Как видим, у Масуди не было ясного представления о том, как соотносится направление течения р. Буртас с соседними странами, и, следовательно, мы не можем отказать предпочтение тому или иному варианту, а также исключать возможность других.

В связи с вопросом об отождествлении р. Буртас следует остановиться на позиции Ф. Минорского. А. Х. Халиков считает, что В. Ф. Минорский понимал под р. Буртас главное течение Волги от района нынешнего Волгограда и ниже». В действительности был один из возможных вариантов, которые допускал ученый (кстати, о Волгограде он не пишет) ⁵ наряду с другими, не упомянутыми А. Х. Халиковым — Окой и Доном, причем Дон, по мнению В. Ф. Минорского, воспринимался восточными географами как приток Волги ⁶. Все это убеждает нас в том, что при решении вопроса об отождествлении р. Буртас необходимо учитывать прежде всего сведения «Худуд ал-Алем» — источника, где, по словам Б. Н. Заходера, «среди очень старого, но темного и путаного материала мы находим совершенно неожиданно четкое определение границ буртаской земли» ⁷. А «Худуд ал-Алем» помещает буртасов к западу от Волги, что дает основание отождествлять р. Буртас с правым притоком Итиля — Доном.

Вероятность того, что страна буртасов располагалась западнее меридионального течения Волги, значительно увеличивается, если учесть сообщения о буртасах, содержащиеся в сочинении Ибн Абд ал-Мун'има ал-Химйири «Китаб ар-Рауд ал-Ми'тар». В данном случае для нас наиболее важны данные о городе Буртас, расположенном в непосредственной близости от страны русов ⁸. Если под страной русов IX в. понимать объединение полян, северян, древлян, дреговичей, полочан и, возможно, волынян ⁹, то точная граница Руси, примыкавшая к буртасам, проходила в верховьях Северского Донца — Дона, т. е. рядом с территорией, занятой памятниками лесостепного варианта СМК. Следовательно, город Буртас мог находиться в зоне ближайшего соприкосновения памятников СМК с памятниками роменской и боршевской культур — в долине Северского Донца или Тихой Сосны.

Перейду к другому тезису А. Х. Халикова. Он упрекает меня в том, что я «почему-то совершенно не использую» «очень точную географическую локализацию буртасов по отношению к соседним синхронным народам», которую дают письменные источники. Но мой оппонент имеет в виду данные о расстояниях между землями буртасов, хазар и болгар, то, как уже говорилось, 150-летний период буртасской проблемы наглядно показал бесплодность попыток найти решение, отвечающее совокупности информации всех письменных источников с подобного рода сведениями ¹⁰. Путаница усиливается, если исходить из волжской локализации буртасов. Попытаемся показать это на ярких примерах. За исходные возьмем данные, на которых основывается А. Х. Ха-

³ Minorsky V. *Hudūd al-'Alam. The Regions of the World*. 2 ed. L., 1970, p. 162.

⁴ Караулов Н. А. Сведения арабских географов IX—X вв. по Р. Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. В. 38. Тифлис, 1908, с. 33, 34.

⁵ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 196, примеч. 27.

⁶ Minorsky V. *Hudūd al-'Alam*, p. 462.

⁷ Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Полюсье в IX—X вв. М.: Вост. лит., 1962, с. 237, 238.

⁸ Левицкий Т. «Китаб ар-Рауд ал-Ми'тар» Ибн Абд ал-Мун'има ал-Химйири (X в.) как источник сведений о восточной, центральной и северной Европе. — Проблемы востоковедения, 1960, № 3, с. 135.

⁹ Рыбаков Б. А. Указ. раб., с. 234, карта на с. 291.

¹⁰ Афанасьев Г. Е. Указ. раб., с. 29.

ликов: 1) бургасы обитали на берегах Волги; 2) расстояние между бургасами и бу-
гарами — 3 дня пути (Ибн Русте, Бакри); 3) протяженность страны бургасов: а) 1
дней пути (Ибн Русте), б) 45 дней пути (Бакри); 4) расстояние между бургасами
хазарами — 15 дней пути; 5) один день сухопутного пути равен 35 км. Если призна-
то южная граница территории волжских булгар проходила в районе Самарской Луки
то страна бургасов должна начинаться у современного Хвалынска на Волге и пр-
стираться на 595 км (по Ибн Русте) вплоть до Каменного Яра на Волге. Следова-
но, северная окраина хазарского домена находилась в низовьях Терека, р. Итиль и
лица хазар Итиль были вне пределов страны. Еще более гигантские размеры при-
мает страна бургасов по данным Бакри: от Хвалынска на Волге до южных отро-
Главного Кавказского хребта на Каспийском побережье, а северная граница хазарско-
домена тогда должна была начинаться где-то в глубине Ирана. Нет необходимости
доказывать невероятность таких локализаций, неизбежных, если последовательно при-
держиваться сведений о расстояниях, на которых настаивает А. Х. Халиков.

Мне представляется, что относительно реальная информация о расстояниях между
бургасами и соседними народами содержится у авторов «Каспийского свода», где по-
ворится: «...между бургасами и хазарами расстояние в 15 дней пути» (Ибн Русте, Ба-
ри, Гардизи, Марвази, Идриси, Шукрулла, Химйири и др.). Действительно, если при-
нимать за северную границу хазарского домена район Волго-Донской пероволоки, ка-
полагает большинство исследователей, то при 35-километровом дневном переходе рас-
стояние от хазарской земли до южной границы страны бургасов (южной кромки лес-
степной зоны Донецко-Донского междуречья) можно покрыть за 10—12 дней, так ка
разделяющая эти народы дистанция была 350—400 км. И здесь нельзя не обрати-
внимания на допущенную А. Х. Халиковым неточность. Он пишет: «При размещении
Г. Е. Афанасьевым бургасов в районе распространения лесостепного варианта салтов-
маяцкой культуры от бургасов до хазар (крепости Саркел — Белая Вежа) оказывае-
ся не более 100—150 км» (на самом деле в три раза больше).

Полемизируя со мной, А. Х. Халиков отстаивает старую точку зрения о тюркоязыч-
ности бургасов в VIII—X вв. Какова же весомость использованных доказательств?

Прежде всего, неверны ссылки А. Х. Халикова на сочинения Балхи и Иакута, на
которые якобы указывали на тюркоязычность бургасов. Известно, что труд Балхи до нас
не дошел, и мы знаем о нем по компиляциям Истахри и Ибн Хаукала. Даже если Бал-
хи действительно принадлежала информация о бургасах, о которой пишет Д. А. Хволь-
сон, то можно утверждать, что Балхи противопоставлял бургасов тюркским народам
«Язык болгар сходен с хазарским. Бургасы же говорят на языке различном (от язы-
двух упомянутых народов). Равным образом различается язык русов от языка хазар
и бургас»¹¹. Трудно прийти к двум мнениям по вопросу об отношении Иакута к язы-
бургасов. Д. А. Хвольсон и О. И. Сенковский почти аналогично переводят этот отрывок
«Бургасы имеют свой собственный язык, отдельный и от турецкого, и от хазарского,
от болгарского»¹². Как видим, позиция Балхи и Иакута выражена вполне ясно: бур-
гаский и тюркские языки различны.

Игнорируя сведения Балхи, Истахри, Ибн Хаукала об отличии языка бургасов от
языка булгар и хазар (последние, как известно, относятся к болгарской группе запад-
нохуннской ветви тюркских языков)¹³, информацию Иакута об отличии бургасского
языка от тюркского, а также сообщение Химйири об отличии языка жителей город-
Бургас от языка хазар, А. Х. Халиков пытается решить этот вопрос на основе высказы-
вания Масуди: «Бургас — тюркское племя». При этом мой оппонент ссылается на
перевод «Мурудж ад-Дзахаб», сделанный В. Ф. Минорским, но почему-то умалчивает
об отношении самого переводчика к данному сообщению о тюркоязычности бургасов
а оно довольно ясно выражено: «...вероятно, древняя мордва, жившая на запад от Во-
лги»¹⁴. Вполне очевидно, что известный востоковед хорошо знал цену этнолингвистиче-
ских характеристик народов у Масуди и не принимал их всерьез. Осторожно подхо-
дит к трактовке этого фрагмента и другой крупный ориенталист — Б. Н. Захoder, при-
нимая под бургасами многоязыковый племенной союз из нескольких этнических ком-
плексов.

¹¹ Хвольсон Д. А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар ибн-Даста. Спб., 1869, с. 73.

¹² Там же, с. 76; Сенковский О. И. Бургасы. — Энциклопедический лексикон. Т. Спб., 1836, с. 420.

¹³ Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа, 1964, с. 233—238.

¹⁴ Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков, с. 196, сноска 1.

тов, он допускал, что сообщение Масуди может свидетельствовать о наличии в составе этой общности прототюркских элементов¹⁵, но не более. Еще на заре российской этноистики, в начале XIX в., Х. Д. Френ доказал, что под «тюрками» арабские географы понимали население обширного региона, включавшего нетюркские народы. Термин *тюрк* был собирательным, аналогично термину *скифы* для римлян и греков (в частности, русы и мадьяры в некоторых арабских источниках также называются тюрками)¹⁶. От почему ориенталисты единодушны в критическом подходе к этническому показателю термина *тюрк* в восточных источниках, что совершенно не учитывает А. Х. Халиков.

В качестве доказательства тюркской принадлежности буртасов А. Х. Халиков приводит сообщение Исхака ибн ал-Хусейна: «...у них внешний вид и отдельные статьи подобны тюркам». В этой связи было бы естественным задать моему оппоненту вопрос: когда ли можно по внешнему виду определить этническую принадлежность человека? Труд Исхака ибн ал-Хусейна «Китаб акам ал-марджан...» был впервые опубликован в итальянском переводе в 1929 г. профессором А. Кодаци, которая датировала его XI в. Некоторые детали текста позволили установить, что автор был родом из западной части исламского мира, скорее всего из Испании¹⁷. В 1937 г. В. Ф. Минорский подверг тщательному текстологическому анализу две части этой работы, посвященные землям изар и тюрков. Исследователь установил, что при описании этих стран Исхак ибн ал-Хусейн использовал сведения о хазарах, буртасах и булгарах, восходящие к сочинению Лейхани, но взятые уже через второй, промежуточный источник. В результате первоначальная информация («темы», посвященные конкретным народам) оказалась в сочинении Исхака ибн ал-Хусейна перепутанной: например, к хазарам попал целый ряд тем, относящихся к буртасам, булгарам, и т. д.¹⁸ Можно ли доверять этому разделу источника?

Далее мой оппонент для доказательства тюркоязычности буртасов вновь ссылается на «Худуд ал-Алем» и вновь допускает вольный перевод текста. Он «цитирует»: Они по своим обычаям близки гузам, а в источнике сказано: «They are a people possessing the creed of the Ghuz» — «Они — народ, исповедующий веру гузов»¹⁹. Тема о проповедании постоянно затрагивается при описании буртасов авторами «Каспийского свода» (Ибн Русте, Гардизи, Бакри). Но здесь опять возникает вопрос: в какой степени комплекс религиозных воззрений может являться критерием для определения этнической принадлежности народа? Да и существовала ли в VIII—X вв. у тюркоязычных народов Евразии единая система религиозных обрядов, которая позволяла современникам отличать их от других народов? Если судить по разнообразию погребальных памятников, связываемых с тюркскими племенами на обширных пространствах этого региона, то такой обрядовой системы не было²⁰. Поэтому доказывать тюркоязычность буртасов на основании упоминаний о сходстве их веры с верой гузов вряд ли правильно.

Особое внимание следует уделить вопросу о соответствии культуры буртасов восточным географическим сочинениям лесостепному варианту СМК. А. Х. Халиков безусловно прав, утверждая, что отождествление известного по письменным источникам народа с носителями определенной археологической культуры требует обязательного соответствия данных письменных источников с основными археологическими характеристиками. Исследователь не видит в предложенной мной гипотезе такого соответствия, напротив, находит ряд несоответствий. Прежде чем перейти к разбору поздних, хотелось бы остановиться на двух моментах. Во-первых, о локализации лесостепного варианта СМК. Ни один из исследователей этой культуры (М. И. Артамонов, Н. Я. Мерперт, И. И. Ляпушкин, С. А. Претнева, Д. Т. Березовец, Б. А. Шрамко, К. Михеев и др.) никогда не помещали ее лесостепной вариант в верхнем течении Сухой Донец, как считает А. Х. Халиков. Характерные памятники лесостепного варианта расположены в долине Северского Донца. Термин Верхнее Подонье (а точнее

¹⁵ Захoder Б. Н. Указ. раб., с. 240.

¹⁶ Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва. — В кн.: Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960, с. 181, 182.

¹⁷ Codazzi A. Il compendio geographico arabo di Ishāq ibn al-Husayn. — Reale Accademia Nazionale dei Lincei. Ser. 6, v. 5, fasc. 11—12. Roma, 1929, p. 373—463.

¹⁸ Minorsky V. The Khazars and the Turks in Ākam al-Marjān. — In: The Turks, Iran and Caucasus in the Middle Ages. L., 1978.

¹⁹ Minorsky V. Hudūd al-'Ālam, p. 162.

²⁰ Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, с. 10—62, 77—83.

Придонье) имеет конкретное географическое значение: это бассейн Дона от его впадения до устья р. Воронеж²¹. В Верхнем Придонье нет памятников СМК, здесь отмечены памятники боршевской культуры. Поселения же лесостепного варианта СМК распространены южнее, в Среднем Придонье — между Тихой Сосной и Черной Калитвой. Вторых, должен оговорить мое понимание термина *буртасы*. Название буртасов, как многих других общностей того времени, на мой взгляд, несло две смысловые нагрузки. Оно обозначало и аланскую этническую общность в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья, и метаэтническую общность, которую представляют носители лесостепного варианта СМК в целом и в которой аланский компонент, как известно, преобладавал, на что я уже обращал внимание²².

По мнению А. Х. Халикова, одним из существенных противоречий в моих взглядах на буртасскую проблему является якобы несоответствие погребального обряда буртасов в письменных источниках и археологических материалах. Свой тезис мой оппонент пытается подкрепить цитатой из последней, обобщающей, салтовский материал, работы С. А. Плетневой. Однако эта цитата, вырванная из общего контекста, создает впечатление, что на территории распространения лесостепного варианта СМК существовало исключительно катакомбный обряд захоронения, что трупосожжений там нет, а следовательно, налицо противоречие. Действительное положение вещей совсем иное. С. А. Плетнева подробно описывает не только катакомбный обряд захоронений, но и погребения в грунтовых ямах (Нетайловский и Волоконовский могильники) и трупосожжения (могильники Сухая Гомольша, Новая Покровка) — все они находятся в пределах лесостепного варианта СМК²³. В настоящее время в лесостепной зоне Донецко-Донского междуречья известно уже шесть могильников с трупосожжениями, относящимися к СМК²⁴. Наличие же катакомбных могильников является определяющим признаком дифференциации лесостепного (аланского) и степного (болгарского) вариантов СМК. Итак, сообщения восточных географов, что одни буртасы сжигают покойников, а другие их хоронят, полностью соответствуют имеющемуся археологическому материалу.

Нельзя согласиться с утверждением А. Х. Халикова, что воины — «катакомбные СМК в основном вооружены саблями, которых, по письменным источникам, не было у буртасов. В катакомбных погребениях сабли встречаются исключительно в очень богатых захоронениях, в то время как рядовые воины были вооружены топориками, что было наглядно показано Н. Я. Мерпертом и подтвердилось другими археологами, следовавшими ряд катакомбных могильников²⁵. Только рядом с богатыми могилами находят сопутствующие захоронения лошадей, что полностью соответствует письменным источникам: «...лошадь имеют не все, а только очень богатые».

Как полагает А. Х. Халиков, лесистый характер страны буртасов не вяжется с находками виноградных ножей в салтово-маяцких древностях. При этом, ссылаясь на С. А. Плетневу, он пишет о характерности для населения районов лесостепного варианта СМК культуры виноградников; там якобы и сейчас находятся крупнейшие виноградники нашей страны. Опять неточность в использовании первоисточника и путаница в представлениях о географии района! На территории лесостепного варианта СМК (Воронежская, Белгородская и северная часть Харьковской области) никогда не было виноградников — ни в древности, ни в настоящее время. С. А. Плетнева пишет о найке виноградного ножа в низовьях Дона (!), на Правобережном Дмитриевском городище о виноградниках Крымского и Таманского полуостровов, удаленных от рассматриваемого региона на 400—500 км, т. е. речь идет о степном, приазовском и крымском вариантах СМК, а не о лесостепном²⁶.

²¹ Долина Дона: природа и ландшафты. Воронеж, 1982.

²² Афанасьев Г. Е. Указ. раб., с. 28.

²³ Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура. — В кн.: Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1981, с. 70—72.

²⁴ Михеев В. К. Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша. — Сов. археология, 1982, № 2, рис. 7; Шрамко Б. А. Погребения VIII—X вв. у с. Пятницкое Харьковской области. — В кн.: Древнерусское государство и славяне. Минск, 1981, с. 48—50.

²⁵ С. М. Мерперт Н. Я. Верхнее Салтово: Дис. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Ин-т археологии АН СССР, 1949 (хранится в архиве Ин-та археологии АН СССР. Р. № 84); см. также: Плетнева С. А. Отчеты о раскопках Дмитриевского катакомбного могильника (хранятся там же, Р-1, № 2065, 2242, 2471, 2989); Афанасьев Г. Е. Отчеты о раскопках Ютановского катакомбного могильника (там же, Р-1, № 7205, 719043); Николаенко А. Г. Отчеты о раскопках Нижнелубянского катакомбного могильника (там же, Р-1, № 4982, 5440, 5724).

²⁶ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. — Материалы и исследования по археологии СССР, № 142. М.: Наука, 1967.

Наконец, о верблюдах. Недавние открытия изображений верблюдов на крепостной стене Маяцкого городища на Дону наряду с изображениями этих животных на горлышке бурдюка из Подгоровского катакомбного могильника²⁷ опровергают утверждения о том, что население лесостепной зоны Донецко-Донского междуречья жило верблюдами.

Перечисляя основные направления, в рамках которых велись поиски этнической истории буртасов (финноязычное и тюркоязычное), А. Х. Халиков говорит о высказанной мною гипотезе об аланском происхождении буртасов как о совершенно новой, неверно. Параллельно со мной, но на другом материале над этим вопросом работают исследователи. Так, известный польский востоковед Т. Левицкий предложил перевод термина *буртас* — «потомки ассов», полагая что буртасы по происхождению связаны и с аланской этнической общностью²⁸. По мнению В. А. Кузнецова, на *буртас* можно перевести с осетинского как *бур-ас* — «рыжие ассы»²⁹. Другая версия перевода этого этнонима принадлежит американскому востоковеду Фритсаку: *furt-as* — «речные ассы»³⁰. Сходных взглядов придерживается и Г. Добродомов. Ему удалось выявить довольно широкий аланский пласт иранских заимствований в чувашском языке. Происхождение этого пласта связано с аланами-ассами. Исследователь полагает, что этноним *буртас* хорошо этимологизируется на этой почве как сочетание известного иранского этнонима *ас* (*алан*, *яс* и т. д.) с названием большой реки, сохранившимся в осетинском языке (иранское — *фурд*, дигорское — *форд*)³¹. Далее И. Г. Добродомов ставит вопрос о том, что на мишарское цо- оказало влияние алано-буртасский субстрат: буртасы после принятия ислама постепенно утрачивают аланский язык и переходят на тюркский³². Но это уже второй период истории народа, после середины X в. Действительно, процесс постепенной тюркизации буртасов в X в. может документироваться сообщением Хадджи Халифа о том, что часть буртасов в это время кочует с узами (торками)³³. К XI—XII вв. следует отнестись свидетельство Мирхонда: «У Кумана, сына Иафетова, было двое сыновей: Буртас и Булгар, которые занимались приготовлением разного мехового товара»³⁴. В этой исторической формуле нельзя не заметить стремление подчеркнуть кумано-половецко-политический приоритет в XI—XII вв., что делает необоснованной попытку А. Х. Халива использовать данный источник для характеристики буртасов VIII—X вв. Таким образом, старая система аргументов, использованная А. Х. Халиковым для доказательства изначальной тюркоязычности буртасов и их волжской локализации, мне представляется несостоятельной, а его попытки найти несоответствия в культуре буртасов и носителей лесостепного (аланского) варианта СМК — не имеющими под собой научной источниковедческой базы.

²⁷ Плетнева С. А. Рисунки на стенах Маяцкого городища. — В кн.: Маяцкое городище. М.: Наука, 1984, с. 78—80, рис. 14.

²⁸ Lewicki T. Ze Studiów nad źródłami Arabskimi. Część III. 1. Siedziby i pochodzenie Burtasów. — *Slavia Antiqua*, 1965, 12, p. 1—14.

²⁹ Письмо В. А. Кузнецова автору от 13 апреля 1984 г.

³⁰ Pritsak O. The Khazar Kingdoms Conversion to Judaism. — In: Harvard Ukrainian Studies. II. Cambr., 1978, p. 264; *idem*. The Pecenegs. A Case of Social and Economic Transformation. — In: Studies in Medieval Eurasian History. L., 1981, p. 23.

³¹ Добродомов И. Г. О некоторых гипотезах и созвучных словах. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Тр. НИИ языка, литературы и экономики при Совете Министров Чувашской АССР, В. 97. Чебоксары, 1980, с. 40.

³² Добродомов И. Г. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка. — Сов. тюркология, 1980, № 2, с. 26, 27.

³³ Сенковский О. И. Указ. раб., с. 419, 420.

³⁴ Hammer J. Sur les Origines Russes. Extraits de Manuscrits Orientaux. SPb., 1827, с. 59.

SUMMARIES

Ethnic-National Self-Awareness: the Basis on Which It Is Formed and the Socio-Cultural Factors Influencing Its Development

The article deals with the question of why it is that ethnic-national self-awareness persists and grows stronger while ethnically specific traits of culture are on the decline. The author comes to the conclusion, basing it on the results of mass ethnosociological studies among Soviet peoples, that under modern conditions the rise of ethnic-national self-awareness is more and more often objectively based upon professional creative activity (literature, theatre, music, etc.) which is national in its form, as well as on each people's historical traditions, its common territory. National interests, as part of national self-awareness, are based upon the whole economic and social life of the ethnic community. In the author's opinion, people's national self-awareness is stimulated by the widening of their activity, higher level of education, expanding inter-ethnic contacts.

L. M. Drobnikova

Ethnic History: The Term and Its Content

The article deals with the concept of ethnic history, the delimitation of its subject-matter and its periodization.

The term «ethnic history» came into use in the late 1930ies and gradually became generally accepted in ethnographic literature; however, its subject-matter has not yet been clearly defined.

The author, starting from her own understanding of ethnic history, outlines the scope of subjects comprised by this branch of knowledge. Particular attention is directed to the two main stages in the evolution of an ethnos (ethnic community): ethnogenesis and ethnic history as such; the transition from the first to the second stage is, as a rule, not clearly perceptible. Some researchers (M. V. Kriukov, V. V. Maliavin, M. V. Solov'yov) see the ethnos as reaching certain «critical points» in its development (e. g. the appearance of a clear-cut self-identification and a self-given ethnonym) which permit the community to set itself off against other ethnic communities. Ethnic history begins with this concluding stage of ethnogenesis and continues for as long as the ethnos exists. This stage of a people's ethnic evolution lasts a very long time which may be subdivided into consecutive periods. The study of a concrete community's ethnic history requires, in the author's view, its own periodization based upon the historical development of the particular community and distinct from the general historic periodization.

N. G. Volkova

The Role of Onomastics Data in Historical-Anthropological Studies

From the point of view of the anthropologist, the onomasticon (the system of a people's proper names) may be regarded as a system of indicators by means of which certain parameters and processes in historical populations can be reconstructed. This idea is based on a supposed parallelism between the changes taking place in linguistic and biological local structures. The possibilities for reconstructing the structure of historical populations, their former areas of habitation and past migrations, for settlements, for palaeoecological research with the aid of onyms are examined in the article.

The onomasticon of the Mennonites from Western Prussia, Novo-Rossia, Altai and certain other regions where this ethnoreligious community has been located is examined as a particular case for examination.

S. V. Solov'yov

The Haitian Creole in the 17th and 18th Centuries: Language as an Ethnos-Forming Factor

The article deals with the emergence of the Creole language which in the 17th-18th centuries served as a common language for the ethnically diversified mass of black slaves and later became the language of the newly-formed ethnic community. Particular consideration is given to the linguistic aspect of the problem, to showing the interaction of the rise of Creole between the African languages and the language of the socially dominant whites.

each group. The main contents of the article are prefaced by a brief survey of the state of Creole studies as a branch of linguistics, and a statement of the modern view of Creole languages.

N. N. Kulakova

Problem and the Origins of Romany Folk Music in Europe

The article starts with a detailed survey of Romany folklore music studies, especially recently done in Hungary, Finland and the USSR. Some of the other most outstanding literature on the Roms is considered as well. The main attention is concentrated on historical, ethnocultural and linguistic facts testifying to the origin of the European and Middle Eastern Roms from the Doms of India who were professional musicians there. The major characteristic features of so-called oriental music are regarded as being typical also of Romany music before the arrival of the Roms to Europe where these features persist in the folk music of certain ethnolinguistic groups of the European Roms.

Leksa Manuš

Further Discussion of the Articles by M. N. Shmeliyova S. I. Vainshtein on Problems of Field Studies («Sovetskaya Etnografiya», 1985, No 3)

V. A. Arsenyev draws attention to the importance of unceasing advancement in the principles and techniques of field studies in connection with the development of the general theory of ethnography. Questions are posed as to the influence of the field ethnographer and his research methods over the population he is studying, of the relations between the student and the respondent, of care and skill in the use of questionnaires.

V. R. Arsenyev

Ch. M. Taxami has for many years been conducting field studies among the peoples of the North and Siberia. In his opinion, there is an acute need for registering the progressive cultural traditions of these peoples (their traditional hunting techniques, tools, methods of reindeer herding etc.) which may be successfully implemented in modern conditions.

Ch. M. Taxami

G. A. Sergeyeva stresses the importance of better methodical materials (programmes of questionnaires) which would result in a higher comparability of the material gathered. She examines questions of preparatory work and organization of ethnographic field studies, such as the preliminary study of the ethnic group under investigation with the aid of literary and museum sources, of the researcher's behaviour in the field, of clarifying the points after the expedition is over by exchanging letters with the respondents, etc.

G. A. Sergeyeva

L. N. Tchizhikova agrees with M. N. Shmeliyova in favouring the integrated implementation of different methods of field work; she examines various techniques of interviewing the population — that most important method of ethnographical field work. She also supports S. I. Vainshtein's call for studying the relics of the past but considers it unnecessary to organize special expeditions for this purpose. Many phenomena of present-day culture are composed of chronological strata; their historical evolution could be studied under field conditions, the disappearing components of culture and everyday life thus also coming to light.

L. N. Tchizhikova

In the article by M. N. Shmeliyova questions pertaining to methods of studying modernity are examined in close connection with the development of ethnographical theory. It seems that the traditional ethnographic method of direct observation should now be integrated more broadly. Apparently and extensive stage-by-stage study of modernity

should be set into motion, using both this and other methods; the idea was put forth as early as the 1950ies by P. I. Kushner (see: Transactions of the Institute of Ethnography, USSR Academy of Sciences, v. XLI, 1951, p. 7).

I. P. Berezin

The concrete proposals made by S. I. Vainshtein in his article will, in the author's view, undoubtedly further more profound ethnographic studies. The author considers that the discovery and study of the disappearing components of traditional culture will be aided by historiographic publications arranged by subject-matter: popular lore, skills, crafts and industries, etc.

V. F. Gorkov

**The Ethnographic Archive of V. N. Tchernetsov
(to the 80th Anniversary of the Scholar's Birth)**

The article describes the archive materials of the prominent Soviet archaeologist, ethnographer and folklore student V. N. Tchernetsov which were donated to Tomsk University by his family after his death in 1970. Some of his field materials are being prepared for publication and will serve as a very valuable source for the ethnography of the Siberian peoples.

N. V. Lukina, O. M. Rybnikova

CONTENTS

L. M. Drobizheva (Moscow). Ethnic-National Self-Awareness: the Basis on Which It Formed and the Socio-Cultural Factors Influencing Its Development. N. G. Volkova (Moscow). Ethnic History: The Term and Its Content. S. V. Sokolovsky (Kemerovo). Role of Onomastics Data in Historical-Anthropological Studies. N. N. Kulakova (Moscow). The Haitian Creole in the 17th and 18th Centuries: Language as an Ethnosing Factor. *Leksa Manuš*. (Moscow). The Problem and the Origins of Romany Folk Song in Europe.

DISCUSSIONS

Further Discussion of the Articles by M. N. Shmeliova and S. I. Vainshtein on Problems of Field Studies («Sovetskaya Etnografia», 1985, № 3). Contributions by R. Arsenyev, Ch. M. Taxami, G. A. Sergeeva, L. N. Tchizhikova, I. P. Berezovsky, F. Gorlenko.

NOTES ON THE HISTORY OF ETHNOGRAPHY

L. V. Lukina, O. M. Ryndina (Tomsk). The Ethnographic Archive of V. N. Tchernetskov on the 80th Anniversary of the Scholar's Birth.

ETHNOGRAPHIC COMMUNICATIONS

A. S. Kochkunov (Frunze). Traditions and Innovations in the Present-Day Kirghiz Family. G. P. Vasilyeva (Moscow). Ethnic Processes among the Western Turkmens in the Late Feudal Period (16th to 18th Centuries). Ye. A. Alexeyenko (Leningrad). At the Festival among the Kets. Z. A. Menteshashvili (Tbilisi). The Old and the New in the Society of the Mزابites in Algeria. Yu. N. Zotova (Moscow). Yoruba «Native» Courts and Traditional Rulers in the Colonial Period.

ETHNOGRAPHIC THINGS, FACTS, HYPOTHESES

I. N. Solomonik (Moscow). The Traditional Glove Puppet Theatre in China.

ETHNOGRAPHIC ANNIVERSARIES

A List of Major Works by Professor Ye. P. Busygin, Doctor of Historical Sciences on His 70th Birthday).

ETHNOGRAPHIC MEMORIAL LIFE

M. N. Guboglo (Moscow). The 7th International Congress of Applied Linguistics. V. Cistov (Leningrad). «Tradition as a Phenomenon of Human Cultural Activity», Symposium. A. I. Mishin (Petrozavodsk). «The „Kalevala“ — a Notable Monument of Folk Culture» — a Scientific Conference.

ETHNOGRAPHIC EDITIONS IN BRIEF

ETHNOGRAPHIC CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

General Ethnography. G. Ye. Markov (Moscow). The Paths of Development of Ethnology outside the USSR/Eds. Yu. V. Bromley, J. R. Grigulevitch, E. A. Rikman. Makhlin (Moscow). L. A. Abramian. The Primitive Festival and Mythology. Peoples of the USSR. A. K. Bayburin (Leningrad). B. Kh. Bgazhnokov. Essays on the Adygh Tribes (Their Economy and Social Structure). Peoples of Europe outside the USSR. I. Khutuyev. The Rise and Development of Socialist Culture in Soviet Kabardino-Bal-

karia. Yu. B. Simchenko (Moscow). V. V. Karlov. The Evenks in the 18th to 19th Centuries (Their Economy and Social Structure). Peoples of Europe outside the USSR. N. N. Veitskaya (Moscow). D. Antonievitch. Rituals and Customs of Balkan Sheep Herders. Peoples of America. L. A. Feinberg (Moscow). Die Rebestämme des Gran Chaco. T. Hartmann. Bibliografia Critica da Etnologia Brasileira. V. III.

Letters to the Editor

A. Kh. Khalikov (Kazan'). To the Problem of the Ethnic Territory of the Burtas in the Second Half of the 8th to the Beginning of the 10th Centuries. G. Ye. Ajanaev (Moscow). The Burtas and the Forest-Steppe Variant of the Saltovo-Mayatska Culture (Reply to A. Kh. Khalikov).

Технический редактор *Беляева Н. Н.*

Сдано в набор 10.07.85 Подписано к печати 29.08.85 Т-16733 Формат бумаги 70x100
Высокая печать Усл. печ. л. 15,4 Усл. кр.-отт. 44,0 тыс. Уч.-изд. л. 19,0 Бум. 1
Тираж 2808 экз. Зак. 4518

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанные фактурно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два рывала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.
2. Объем статей не должен превышать 24 стр.; рецензий — 8—10 стр. К статьям должно быть приложено краткое резюме ($\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ стр.).
3. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по статье.
4. Порядок ссылок на монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (кавычек), место и год издания, страница.
5. Порядок ссылок на статьи в журналах и сборниках: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), название журнала или сборника (в кавычках), издания, том, выпуск или номер, страница. Все названия журналов и сборников без сокращений.
6. Помещенные в одной сноске ссылки на различные работы разделяются точкой и запятой.
7. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.
8. Если в статье имеется несколько ссылок на одну и ту же работу, то во всех случаях, кроме первого, после фамилии автора надо писать: Указ. раб. Если в статье есть ссылки на несколько работ одного автора, то во всех повторных ссылках после фамилии автора давать полное название работы без выходных данных.
9. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фотографическое на белой глянцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. В начале каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

В МАГАЗИНАХ «АКАДЕМКНИГА»

имеются в продаже:

Азбелев С. Н. ИСТОРИЗМ БЫЛИН И СПЕЦИФИКА ФОЛЬКЛОРА. 1982. 327 с. 1 р. 60 к.

Книга посвящена одной из самых важных, сложных и спорных проблем фольклористики. Работа соединяет теоретическое и историческое осмысление проблемы, строится на богатом фольклорном и историческом материале, вводит много ранее не использованных данных. Исследуются трансформация сведений об исторических событиях с учетом традиции и их отражение в былинах. Сравниваются сюжеты былин южнославянских юнацких песен. Рассматривается своеобразие фольклорного творческого процесса. Приводятся графические схемы генетических связей былинных вариантов.

Работа предназначена для фольклористов, историков, преподавателей вузов и всех интересующихся народным эпосом.

Нечкина М. В. ФУНКЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ. Сборник работ. 1982. 319 с. 1 р. 30 к.

Восприятие множеством людей — творцов истории — художественного образа и последующее воздействие этого восприятия — такова основная идея книги, тема которой находится на границе истории и литературоведения. Серия статей о связях писателей (А. С. Пушкин, А. С. Грибоедов, И. Н. Лажечникова, Н. А. Некрасова) с общественным и революционным движением России завершается заметками о художественном образе в науке и политике (образы художественной литературы у К. Маркса и В. И. Ленина).

Книга рассчитана на историков и литературоведов.

Заказы на книги просим направлять по одному из перечисленных адресов и магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97; 370005 Баку, 5, Коммунистическая ул.; 320093 Днепропетровск, проспект Ю. Гагарина, 24; 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95; 664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289; 252030 Киев, ул. Пирогова, 4; 277012 Киев, проспект Ленина, 148; 343900 Краматорск, Донецкой области, ул. Маркса, 44; 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул.; 220012 Минск, Ленинский проспект, 72; 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 63; 630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22; 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137; 700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6; 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10; 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42; 310078 Харьков, ул. Шевченко, 87.